МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

БИШКЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени К. КАРАСАЕВА

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

На правах рукописи
УДК 811.111`367.5:811.512.154 (043.3)

Козуев Дурус Исакбаевич

Образование, формирование и структурно-семантические особенности сложных предложений в английском и кыргызском языках (к типологии предложений)

10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
Бекбалаев Амангельды Абдыжапарович,
доктор филологических наук, профессор

Бишкек - 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 6
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ..... 16
1.1. К вопросу изучения сложного предложения в русском и общем языкознании..16
1.2. К вопросу изучения сложного предложения в германистике и англистике. .24
1.3. К вопросу изучения сложного предложения в тюркологии и в кыргызском языкознании..... 32
1.4. Проблематика изучения сложного предложения в сопоставительном германо-тюркском и германо-кыргызском языкознании.....38
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I..... 53
ГЛАВА II СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ.....58
2.1. Проблема предикации применительно к семантической структуре сложного предложения..... 59
2.2. Классификация сложных предложений в английском языкознании.....71
2.3. Классификация сложных предложений в кыргызском языкознании.....79
2.4. Сопоставление классификаций сложных предложений английского и кыргызского языков..... 89
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II..... 98
ГЛАВА III. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНОСОЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ.....105
3.1. О методике сопоставительно-типологического анализа бессоюзных сложных предложений в английском и бессоюзных сложносочинённых предложений в кыргызском языках..... 105
3.2. Структурно-семантическая характеристика бессоюзных сложных предложений в английском языке..... 113
3.3. Структурно-семантическая характеристика бессоюзных сложносочинённых предложений в кыргызском языке.....122
3.4. Структурно-семантическое сопоставление английских бессоюзных сложных предложений и кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений.....130
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III..... 144
ГЛАВА IV. СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И СОЮЗНЫЕ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ....151
4.1. О методике сопоставительно-типологического анализа сложносочинённых предложений в английском и союзных сложносочиненных в кыргызском языках...151
4.2. Структурно-семантическая характеристика сложносочинённых предложений в английском языке..... 161
4.3. Структурно-семантическая характеристика союзных сложносочинённых предложений в кыргызском языке..... 181
4.4. Структурно-семантическое сопоставление английских сложносочинённых и кыргызских союзных сложносочинённых предложений.....198
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV..... 208

ГЛАВА V. СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В КЫРГЫЗСКОМ.....214
5.1. О методике сопоставительно-типологического анализа английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их функциональных соответствий в кыргызском языке.....214
5.2. Структурно-семантическая характеристика сложноподчинённых предложений с придаточными дополнительными в английском языке.....221
5.3. Структурно-семантическая характеристика кыргызских функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным.....227
5.4. Структурно-семантическое сопоставление английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных соответствий.....234
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ V.....244
ГЛАВА VI. СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....248
С ПРИДАТОЧНЫМ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. 248
И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В КЫРГЫЗСКОМ.....248
6.1. О методике сопоставительно-типологического анализа английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным и их функциональных соответствий в кыргызском языке.....248
6.2. Структурно-семантическая характеристика сложноподчинённых предложений с придаточным определительным в английском языке.....254
6.3. Структурно-семантическая характеристика кыргызских функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным.....260
6.4. Структурно-семантическое сопоставление английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным и их кыргызских функциональных соответствий.....265
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ VI.....276
ГЛАВА VII. СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПРИДАТОЧНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В КЫРГЫЗСКОМ.....282
7.1. О методике сопоставительно-типологического анализа английских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным в их функциональных соответствий в кыргызском языке.....282
7.2. Структурно-семантическая характеристика сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным в английском языке...288
7.3. Структурно-семантическая характеристика кыргызских функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным.....298
7.4. Структурно-семантическое сопоставление английских сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными их кыргызских функциональных соответствий.....309
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ VII.....326

ГЛАВА VIII. АНГЛИЙСКИЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМ ПОДЛЕЖАЩЕГО И С ПРИДАТОЧНЫМ СКАЗУЕМОГО И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ..... 330
8.1. Сущность и природа английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего и с придаточным сказуемого.....330
8.2. Структурно-семантическая характеристика английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего и его функциональные соответствия в кыргызском языке.....335
8.3. Структурно-семантическая характеристика английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемого и его функциональные соответствия в кыргызском языке.....344
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ VIII.....351
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....354
Список цитированной литературы на русском и кыргызском языках.....369
Список цитированной литературы на иностранных языках.....388
Список использованных источников анализа на кыргызском языке.....391
Список использованных источников анализа на английском языке.....394

ВВЕДЕНИЕ

Выбор данной темы «Образование, формирование и структурно-семантические особенности сложных предложений в английском и кыргызском языках» для квалификационного научно-лингвистического исследования высшего уровня обусловлен настоятельной необходимостью теоретического обоснования и осмысления межкультурных связей между носителями английского и кыргызского языков и связан с практическим освоением иностранного английского языка на уровне глубокого знания всех лексических, грамматических и стилистических особенностей языковой системы, её грамматики, а точнее, самого сложного раздела грамматики – грамматико-семантической структуры сложного предложения.

Актуальность исследования обусловлена настоятельной необходимостью теоретического обоснования и осмысления межкультурных связей между носителями английского и кыргызского языков и связана с практическим освоением иностранного английского языка на уровне глубокого знания всех лексических, грамматических и стилистических особенностей языковой системы, её грамматики, а именно, самого сложного раздела грамматики – грамматико-семантической структуры сложного предложения.

На предварительном этапе нашего исследования в рабочем порядке примем такое условное определение сложного предложения: «Сложное предложение – это такое объединение двух или более простых предложений (или их функционально-синтаксических аналогов) как бессоюзным способом, так и средствами союзов, союзных слов или союзных частиц (в сочетании с определённой интонацией, а также и при помощи лексических средств) в некое новое синтаксическое образование, части которого вступают друг с другом в определённые синтаксические отношения» [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981:230-231; Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:395].

Вопросы практики и теории сложного предложения уже не раз являлись предметом исследования в общем и русском языкознании [Пешковский, 1956; Руднев, 1963; Современный русский язык: ч. II, 1964; Арутюнова, 1976; Белошапкова, 1977; Ломтев, 1979; Скирдов, 1981; Формановская, 1989; Мухин, 1990]; в германском и английском языкознании [Пауль, 1960; Гулыга, 1971; Смирницкая, 1972; Джепко, 1993; Качалова,

Израилевич, т. 2, 1995; Moon, 1959; Wiese, 1973; Halliday, 2004]; в тюркском и кыргызском языкознании [Гаджиева, 1973; Жакыпов, 1975; Сартбаев, 1981; Серебренников, Гаджиева, 1986; Мусаев, 1987; Өмүралиев, 1990; Жапар, ч. II, 1992; Усубалиев, 2007; Иманов, 2009]; в сопоставительном тюркско (кыргызско)-русском языкознании [Умаров, 1965; Байрамова, 1966; Скирдов, 1970; Могучий фактор национально-языкового развития, 1981; Кульбаева, 1995; Ибрагимов, 2001; Жапаров, 2007; Краснов, 2018] и в сопоставительном германо-тюркском (кыргызском) языкознании [Поздняков, 1965; Ирсалиева, 1975; Джумабаев, 1978; Бекбалаев, 1991; Шаршенова, 1991; Вальваков, 2011; Саурбаев, 2012; Шемшуренко, 2012].

Последние два блока сопоставительных работ из тюркско (кыргызско)-русского языкознания и из языкознания германо-тюркского (кыргызского), изучавшие проблемы сравнения сложных предложений, не осветили весь комплекс вопросов, относящихся к кругу ведения синтаксиса сложного предложения, а только осветили ту или иную сторону предмета изучения. И в свете данной проблемы, наше сопоставительное исследование всего круга проблем и вопросов сравнения сложных предложений в английском и кыргызском языках можно охарактеризовать как отличающееся новизной.

Наше предлагаемое исследование лежит в русле сопоставительного языкознания, нового направления в науке о языке, полномасштабно оформившегося сравнительно недавно, в последней трети прошлого столетия и имеющего объектом сравнительно-типологического изучения системы генетически неродственных и структурно разнотипных языков. Так, сопоставляемые нами в целях типологического изучения английский и кыргызский языки принадлежат с точки зрения происхождения, т.е. генетически, к различным языковым семьям и группам. Английский язык принадлежит к большой индоевропейской языковой семье, к германской группе языков, к её западногерманской подгруппе наряду с языками немецким, голландским, языком африкаанс и др.. Кыргызский же язык принадлежит к урало-алтайской семье языков и «… относится вместе с алтайским языком к киргизско-кипчакской группе восточнохуннской ветви тюркских языков» [Баскаков, 2010:210].

Если аглютинативное грамматическое строение типологической структуры современного кыргызского языка не вызывает у языковедов-тюркологов никаких сомнений

(и, более того, кыргызский язык в сегодняшней синхронной представленности считается наиболее древним языком, сохранившим многие исконные аглютинативно-морфологические признаки) [Тенишев, 1997:29], то грамматическое строение современного английского языка, напротив, до сих пор является предметом дискуссии. Все дело в том, что генетически современный английский язык должен был принадлежать к языкам флективного грамматического строя, как и все без исключения остальные германские языки: немецкий, датский, шведский и др., но историко-диахронический путь английского, полно оформившегося в язык английской нации только к XIV в. во времена Чосера и совершенствовавшего свои литературные нормы в XII – XVII вв. во времена господства театра и произведений Шекспира, был сложен и многотруден. Язык пришельцев англо-саксов лёг на субстратную основу кельтских бриттских языков, которые уже имели огромные пласты латино-греческих заимствований, обусловленные четырёхвековым господством на Британских островах Римской Империи; позже уже «размешанный» англо-саксонский язык впитал в себя лексику и многие грамматические элементы от северогерманских языков викингов и норманов, из среднефранцузского языка, а также многие элементы из языков покорённых колоний. И грамматическое строение английского языка трансформировалось из флективного типа в тип аналитический, в котором ведущая роль межсловных грамматических связей уже принадлежала служебным и вспомогательным словам и строевым лексемам.

Данная проблема перехода к аналитическому языково-грамматическому строю при сохранении релевантных свойств флективности во внешних и внутренних флексиях наиболее чётко охарактеризована известным узбекским англистом и типологом Дж. Бурановым: «Система английского языка в своём историческом развитии подвергалась большим изменениям. Это даёт основание отдельным языковедам говорить о том, что английский язык в ходе своей истории перешёл из флективного типа в аналитический. История развития английского языка и некоторых других индоевропейских языков показывает, что генетическая общность языков является консервативной по сравнению с морфологическим типом, последний можно считать более подвижным» [Буранов, 1983:173].

Мы в своей работе поддерживаем данную точку зрения о том, что современный английский язык является языком аналитического грамматического строя, во-первых, потому что об этом свидетельствует современная практика английского языка, а, во-вторых, потому что релевантных флексий, как внешних, так и внутренних, в современном английском языке осталось немного.

Целью исследования является сопоставительно-типологическое изучение образования, формирования (т.е. оформления) и структурно-семантические особенности сложных предложений в аналитическом германском английском и в агглютинативном тюркском кыргызском языках.

Для достижения названной цели планируется разрешить последовательно ряд взаимосвязанных задач:

1. В обзорно-теоретическом плане изучить историю исследований сложного предложения в языкознании: в общем и русском языкознании, в германистике и в англистике, в тюркологии и в кыргызском языкознании, в германо-тюркском и в германо-кыргызском языкознании;
2. Изучить структурно-семантические свойства сложного предложения в языкознании: в английском языкознании, в кыргызском языкознании и в сопоставительном англо-кыргызском языкознании;
3. Провести сопоставительно-типологическое изучение бессоюзных сложных предложений в германском английском языке и в тюркском кыргызском;
4. Провести сопоставительно-типологическое изучение сложносочиненных предложений в германском английском языке и в тюркском кыргызском;
5. Провести сопоставительно-типологическое изучение сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным в германском английском и их фунциональных соответствий в тюркском кыргызском языках;
6. Провести сопоставительно-типологическое изучение сложноподчинённых предложений с придаточным определительным в германском английском и их фунциональных соответствий в агглютинативном тюркском кыргызском языках;

7. Провести сопоставительно-типологическое изучение сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным в германском английском и в тюркском кыргызском языках;
8. Провести сопоставительно-типологическое изучение сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего в английском языке и их функциональных соответствий в кыргызском;
9. Провести сопоставительно-типологическое изучение сложноподчинённых предложений с придаточным сказуемого в английском языке и их функциональных соответствий в кыргызском;

Таким образом, цель и задачи нашего исследования принадлежат к области грамматики, а точнее, к области синтаксиса языка. Но однако в языкознании уже давно, почти с середины прошлого столетия, укрепилось мнение, что синтаксис языка не есть формально-грамматическая сущность, и что синтаксис так же семантичен, как и лексико-грамматическая и лексико-семантическая системы языка. «Синтаксические связи в предложении столь же семантичны, сколь синтаксично лексическое значение глагола» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:291-292; ср.: Гулыга, 1971:44-45; Сусов, 1980:7-8; Ильина, Воронцова, Борунова и др., 1991:167-168; Wierzbicka, 1972:126-127].

«Грамматический уровень языка избран как объект исследования потому, что в нём ярче всего проявляются типологические черты сопоставляемых языков, а будучи неизбежно связаными с лексическими классами в каждом языке, грамматика позволяет поставить проблемы межуровневых связей в языке» [Ярцева, 1981:3].

В германистике и в англистике выделено понятие элементарного предложения, основными признаками которого являются предикативность как наличие «свободной связи между подлежащим и сказуемым» [Смирницкий, 1957:173], превалирование «роли глагола» [Абрамов, 1972:3] и минимальная трёхсоставность [Sub+Pred+Obj], где третьим составным элементом может выступать не только объект, но также адвербиал или атрибут. Применяя термин «элементарное предложение» по отношению к сложному предложению, мы исходим из того непреложного факта, что, даже в случае формальной двусоставности, к примеру, главного предложения в составе сложноподчинённого, в качестве третьего члена

предложения и необходимого конституента элементарного предложения может рассматриваться придаточное предложение в составе сложного [Аракин, 1989:191-192].

Методологическая и теоретическая основа диссертации опирается на основополагающие и фундаментальные труды известных и крупных отечественных и зарубежных – ближнего и дальнего зарубежья – учёных, работавших и проводивших изыскания: в области германского и английского языкознания [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956; Гулыга, 1971; Блох, 1986; Абрамов, 2001; Hill, 1958; Titzmann, 1977; Huddleston, 2000; Halliday, 2004], в области тюркского и кыргызского языкознания [Гаджиева, 1973; Жакыпов, 1975; Жапаров, 1979; Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980; Могучий фактор национально-языкового развития, 1981; Сартбаев, 1981; Токтоналиев, 1992; Иманов, 2009], в области сопоставительного германо-русского и германо-тюркского языкознания [Фёдоров, 1983; Гак, 1989; Бекбалаев, 1991; Жолдошбек уулу, 1996; Найманова, 2006; Гуревич, 2008] и в области внутреннего семантического синтаксиса сложных предложений [Панфилов, 1964; Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972; Ахманова, Микаэлян, 2009; Halliday, 1976].

Приведем некоторые образцы языкового материала, собранные в нашей картотеке:

(1) “The wind roared in the trees, and it seemed to her the rushing of the flames of hell; the shadows tossed in the light of the street lamp, and they seemed to her the snatching hands of evince ones” [Stevenson, 2013]

(2) “Even the old chief met us with the same obstinate denial, and it was only Maretas, the youngster whom we had saved, who looked wistfully at us and told us by his gestures that he was grieved for our wishes” [Conan Doyle, 2014].

(3) “Here my friend, about whose madness I now saw, or fancied that I saw, certain indications of method, removed the peg which marked the spot where the beetle fell, to a spot about three inches to the westward of its former position” [Poe, 2013].

(4) “Авдий айтып басылды, ошондогу орноп калган тынчтыкта терезе сыртынан шаар чиркөөсүнүн кагылып жаткан коңгуроосунун үнү угулду” [Айтматов, 1988].

(5) “Мында абдан жылуу экен, бирок дагы бир аз көмүр салбаса, эртең менен чурулдап окуучу балдар келгенче, муздап кетет” [Байжиев, 1984].

(6) “37-жыл алып келген каргашалуу трагедияга удаалаш башталган согуш алааматы Айтматовдордун үй-бүлөөсүнүн тагдырын кылыч мизине кармап, далай кыйынчылыкка туштуктурганы менен жакшылыктардын төл башын алар ушул үйдөн көрүшүптүр” [Култаева, 2008].

Вышеприведённые англоязычные и кыргызскоязычные примеры (1) – (6) являются образцами употребления сложных предложений в означенных языках, при этом английское сложное предложение (1) и кыргызское сложное предложение (4) являют собой тип бессоюзного сложного предложения, а английские сложные предложения (2) и (3), а также кыргызские (5) и (6) являют собой типы союзных сложных предложений.

Исходным языком нашего сопоставительно-типологического исследования избран аналитический германский английский язык, а сопоставляемым, или сравниваемым языком – агглютинативный тюркский кыргызский язык. Сопоставительные исследования, обычно привлекающие в качестве изучаемых языков языки неродственные и разнотипные, предполагают превалирование грамматических категорий, систем и подсистем исходного языка в плане первоочерёдности лингвистического анализа, ибо грамматические категории, системы и подсистемы сопоставляемого языка определяются исходя из языка исходного, а главным принципом такого определения является принцип функционального соответствия. Или другими словами, лингвистические явления и единицы сопоставляемого языка изучаются в сопоставительных исследованиях в терминах категорий языка исходного.

Теоретическая значимость настоящей работы определяется тем фактом, что, по нашим проверенным данным, она является первым сопоставительным исследованием проблем типологии сложных предложений в аналитическом германском английском и в агглютинативном тюркском кыргызском языках. Думается, что многие положения, выводы и результаты данного исследования внесут существенный вклад в теорию общего и сопоставительного языкознания, в теорию германо-тюркского сопоставительного языкознания и, в рамках последней, в частную теорию германо-кыргызского языкознания. Многие положения, обобщения и наблюдения над материалами исходного английского языка и сопоставляемого кыргызского могут стать новыми и необходимыми для германистов и

англистов, а также для тюркологов и специалистов по кыргызскому языкознанию, ибо они были получены под новым сопоставительно-типологическим ракурсом наблюдения.

Кроме того, положения, наблюдения и заключения по проведённому исследованию сложных английских и кыргызских предложений будут полезными и ценными для частных теорий предложения: теории простого предложения, теории осложнённого предложения, теории сложносочинённого предложения и теории сложноподчинённого предложения.

Думается, что теоретическая значимость и ценность результатов предлагаемого сопоставительно-типологического исследования обусловит её высокий статус в общей теории германо-тюркского языкознания и наметит новое направление в частном англо-кыргызском языкознании, свойственное диссертационным исследованиям самого высокого уровня.

Практическая ценность настоящей работы обусловлена её теоретическими и практическими материалами. Во-первых, её теоретические положения и выводы будут полезными при написании учебника по английскому языку для средних специальных и высших учебных заведений Кыргызстана. Во-вторых, её практические материалы и обобщения могут быть нужными при составлении практических грамматик по английскому языку для школ, гимназий и лицеев Кыргызстана. И, в-третьих, практические материалы и некоторые общие положения работы будут ценными при составлении курса лекций по сравнительной типологии английского и кыргызского языков, при написании магистерских и дипломных работ студентами факультетов иностранных языков вузов Кыргызстана.

Отметим в связи с этим, что по материалам данной работы автором составлены некоторые учебно-методические пособия, успешно используемые на факультетах иностранных языков вузов Кыргызстана.

Личный вклад автора в написании данной диссертации состоит, во-первых, в теоретико-обзорном анализе соответствующей научной литературы по исследуемой теме сложных предложений; во-вторых, в сборе и систематизации фактического материала из открытых языковых источников; в-третьих, в научной классификации собранного фактического материала английских и кыргызских сложных предложений; а, в-четвёртых, в формировании теоретических положений и научных результатов, полученных в ходе и в итоге проведённого исследования.

Апробация работы: по результатам и по материалам исследования было опубликовано 27 научных, учебно-методических и лингвометодических работ: Web of Science – 2 публикации; Scopus (Q1) – 1 публикация; зарубежный РИНЦ - 9 статей (Казахстан, Россия, Украина и Болгария); входящих в перечень рецензируемых научных периодических изданий НАК КР - 10 статей; 5 тезисов докладов на международных научно-практических конференциях, учебник с грифом МОН КР и 4 учебно-методических пособия. В данных работах изложены основные идеи, положения и выводы по данной диссертации.

Теоретические положения, выносимые на публичную защиту, формулируются нами нижеследующим образом:

I. Вопрос классификации сложных предложений зиждется на принадлежности того или иного языка к тому или иному синтаксическому типу, их членение происходит в соответствии с критерием наличия или отсутствия союза: бессоюзные сложные предложения и союзные сложные предложения. Но однако наиболее точным является классификация по критерию семантической связи между составными частями сложного предложения:

   I.1 Примыкание определяет тип бессоюзного сложного предложения;

   I.2 Согласование – тип союзного сложносочинённого предложения;

   I.3 Управление – тип союзного сложноподчинённого предложения.

II. Сложное предложение в английском и в кыргызском языках проявляет пять разнопорядковых аспектов: 1. Номинативный аспект; 2. Коммуникативный аспект; 3. Понятийно-смысловой аспект; 4. Модально-коннотативный аспект; 5. Интонационно-звуковой аспект, - которые конституируют предикативную структуру сложного предложения.

III. Предикация как основная синтактико-семантическая категория определяет функциональную специфику и структуру доминирующей синтаксической единицы предложения и соотносит всё его содержание к обозначаемой действительности. Предикативность, или предикация присуща составным частям сложных предложений предложениям простым. На уровне сложного предложения предикация выступает в своей наивысшей форме – в функции пропозиции, стягивающей воедино составные части сложного предложения.

IV. Составные части сложного предложения являются той благоприятной структурно-семантической структурой, в которой действует явление предикации. Если составная

часть в качестве носителя предикации в полной мере реализует свои предикативные свойства через глагольно-предикатную составляющую, то она уже становится простым элементарным предложением.

V. Два и более простых элементарных предложения конституирует структуру и семантику сложного предложения, в полном объёме которой уже действует пропозиция как высшая ступень предикации. Пропозиция демонстрирует в основном понятийно-смысловую сторону сложного предложения английского или же кыргызского.

VI. Явление предикации функционирует в английском и кыргызском языках несколько по-разному в различных типах сложных предложений: бессоюзном сложном, сложносочинённом и сложноподчинённом, по различному проявляется в их составных частях, при полной и свёрнутой предикации.

VII. Соответственно предикации явление пропозиции также реализуется по-разному в различных типах сложных предложений: бессоюзном сложном, сложносочинённом и сложноподчинённом – в английском и кыргызском языках, приобретая формы незавершённой, завершённой и событийной пропозиции.

VIII. В сложных предложениях английского языка основную часть структурно-семантических особенностей проявляют сложные семантические комплексы – сложные части речи, в зависимости от семантико-грамматического контекста тяготеющие к составным частям сложных предложений, большей частью к придаточным предложениям в составе сложноподчинённого.

IX. В сложных предложениях кыргызского языка основную часть структурно-семантических особенностей проявляют разнообразные конструкции с придаточными, деепричастными и отглагольно-именными неличными формами глагола, в зависимости от контекста, тяготеющие к составным частям сложносочинённых и сложноподчинённых предложений.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1. К вопросу изучения сложного предложения в русском и общем языкознании

Как уже отмечалось во введении к настоящей работе, русский язык используется нами как метаязык исследования, на котором излагается теоретический материал, представляющий методологическую и исследовательскую основу настоящей сопоставительно-типологической работы.

В таком случае русский язык, как инвариантный язык для изучения практико-теоретических явлений, и теория сложного предложения, представленная на русском языке, приобретает функции общеязыковедческих грамматических категорий. Таким образом, русское сложное предложение также становится, воспринимаемое имплицитно, общеграмматической синтаксической структурой, могущее содержать гносеологические признаки грамматического предложения как общеязыковедческого явления.

Для того чтобы изучать сложное предложение, учёные-русисты и учёные – представители общего языкознания дали дефиницию простому предложению как исходящей основе сложного. “Простое предложение – это такая единица сообщения, которая будучи образована по специальному, предназначенному для этого грамматическому образу, обладает значением предикативности (т.е. категорией, которая обладает целым комплексом формальных синтаксических средств и соотносит сообщение с тем или иным определенным или неопределённым временным планом действительности) и своей собственной семантической структурой, обнаруживает их в системе формальных изменений и имеет определённую коммуникативную задачу, выражающуюся интонацией и порядком слов” [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:395; Скрелина, 1980:64; Шубина, 2011:91; Thompson, 1976:462-463].

Простое предложение учёные охарактеризовали как такую грамматическую категорию, в широком смысле слова, которая обладает пятью основными свойствами. Во-первых, простое предложение в русском языке выражает законченное сообщение, которое, в зависимости от целеустановок, может быть повествованием, побуждением или же вопросом. Во-вторых, оно всегда является самостоятельной коммуникативной единицей, служащей

для целей общения в языковом обществе. В-третьих, простое предложение содержит предикативность и соотносит чисто языковые явления с явлениями действительности, последнее же есть принадлежность экстралингвистики. В-четвёртых, простое предложение в русском языке, как и в любом другом языке, через некоторую структурно-грамматическую схему, шаблон, образец, который в своём проявлении простого распространённого предложения имеет самую краткую и самую основную форму: Sub (подлежащее) + Pred (сказуемое) + Obj (дополнение). И, в-пятых, простое предложение всегда характеризуется в своём речевом употреблении определённой интонационной завершённостью, проявляющуюся через устоявшиеся конструкции с той или иной мелодикой [Лекант, 1974:4-5; Ломтев, 1979:24-27, Скобликова, 1979:27-31; Величко, Туманова, Чагика, 1986:8-12; Плоткин, 1986:40-41; Скепская, 1987:31-32; Бабайцева, 1989:16-18].

Что же касается сложного предложения, то в русском и общем языкознании нет единого взгляда на его лингвистическую природу. Это обусловлено семантико- синтаксическим строением сложного предложения, которое, с одной стороны, есть совокупность предложений простых, и в такой интерпретации представляет собой как бы «арифметическое» их сложение в одной общей грамматической (синтаксической) структуре; с другой же стороны, учёные обратили внимание на тот факт, что зачастую одна из составных частей сложного предложения претерпевает определённые грамматико-семантические видоизменения и отходит от соответствующей структурно-грамматической схемы сложного предложения; в последнем случае сложное предложение не воспринимается как простое арифметическое сложение простых предложений, поскольку приобретает новое лингвистическое качество.

“Эти объективно существующие свойства сложного предложения дают основания для двух различных толкований его природы: сложное предложение понимается или как «соединение», «сочетание», «сцепление» предложений, или как единое предложение, части которого, не имеющие смысловой и интонационной законченности, не являются предложениями” [Белошапкова, 1977:139; см. также: Бабайцева, 1979:194-195; Сухих, 1985:55-56; Longacre, 1976:78-79].

Однако ни один их названых подходов к пониманию лингвистической сущности сложного предложения в русском языке нельзя назвать превалирующим, поскольку сама языковая реальность «провоцирует» и обусловливает такие подходы.

Первый подход к сложному предложению как к простому арифметическому сложению, сцеплению не имеет в русистике широкого хождения, родоначальником такого подхода является замечательный русский учёный А.М. Пешковский (1878-1933 гг.). В своём труде «Русский синтаксис в научном освещении» [1956] он заявлял: «Термин «сложное предложение» мы отвергаем, т. к. он называет несколько предложений одним «предложением» и тем самым создаёт путаницу» [Пешковский, 1956:433]. Проводя аналогию с государственным устройством в человеческом обществе: союзное государство (Bundesstaat) // союзное предложение и союз государств (Staatenbund) // союз предложений – учёный далее пишет: «Так вот, «сложное предложение» и является как раз очень частное «союзным предложением», а «союзом предложений», почему и не должно называться предложением» [цит. Соч., там же].

Данная точка зрения, не получившая широкого распространения, в основном, опирается на формально-грамматическую организацию сложного предложения: «Со стороны своей формальной устроенности оно является сочетанием предложений на основе определённой синтаксической связи» [Белошапкова, Земская, Милославский, Панов, 1981:366; ср: Руднев, 1963:261; Попова, 2006:350].

Второй подход к сложному предложению предусматривает его изучение как целостного семантико-синтаксического явления, сущность которого никак не сводится к простым арифметическим сложениям составных предложений. «Сложное предложение – это цельная синтаксическая структура, части которой, являясь по форме предложениями, не имеют самостоятельного коммуникативного значения и интонационной завершённости. Лишь всё сложное предложение в целом выступает как единица общения и обладает в связи с этим интонационной законченностью» [Современный русский язык, 1964:522; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1984:227-228; Цикалова, 1987:21-22; Формановская, 1989:5; Валгина, 1991:285].

Классификация русских сложных предложений производится по двум основаниям: в соответствии с наличием и отсутствием союзов и в соответствии с семантикой употребления союзов. На предварительном этапе разграничивают сложное предложение с союзами – союзное сложное предложение и сложное предложение без союзов – бессоюзное сложное предложение [Современный русский язык, 1964:532; Бабайцева 1979:192; Михайлов, 1983:61-62].

В бессоюзных сложных предложениях русского языка оказывается релевантной роль интонационно-мелодического оформления предложения, также важной представляется роль флективно-грамматического соотношения спрягаемых глаголов и склоняемых имён, а также значимой становится роль порядка размещения слов.

В союзных сложных предложениях основой классификации становится семантика союзов, которые в русской грамматической системе имеют две несвязанные между собой группы значений: сочинение и подчинение. Союзы со значением сочинения: *и, также, а, но, или и др*. - обусловливают тип сложносочинённых предложений; союзы же со значением подчинения: *так как, ибо, хотя, потому что, после того, как и др.* - обусловливают тип сложноподчинённых предложений.

Как отмечает в связи с этим А.М. Пешковский, «сочинение и подчинение слов различаются по двум признакам: 1) сочинение выражает отношения обратимые, т.е. такие, при которых одно представление относится к другому так же, как это второе представление относится к первому, 2) а подчинение – отношения необратимые, т.е. такие, при которых одно представление относится к другому не так, как это другое к первому [Пешковский, 1956:462].

Сложные предложения отражают экстралингвистические связи и отношения предметов и явлений действительности. Простые связи и отношения предметов и явлений во внеязыковой действительности детерминируют в языке сложные предложения сложноподчинённого типа, не мотивированные какими-либо логическими основаниями, в то время как более сложные связи и отношения предметов и явлений внеязыковой действительности, мотивированные логическими основаниями: причины, цели, следствия, условия, сравнения и др. - детерминируют в языке сложные предложения сложноподчинённого типа. «Сложносочинённые предложения выражают более простые

связи; сложноподчинённые предложения - более сложные взаимоотношения между явлениями, о которых говорится в предложении» [Руднев, 1963:261].

При сочинении составные части сложносочинённого предложения выступают в языке как синтактико-семантические равноправные партнёры, в то время как при подчинении не наблюдается такого равноправия: одна часть сложноподчинённого предложения становится главенствующей и доминирующей, а другая часть – вспомогательной и зависимой [Морфология и синтаксис современного русского литературного языка, 1968:267; Формановская, 1989:9; Валгина, 1991:289; Кульбаева, 2007:122].

В трудах синтаксистов русского языка отмечается роль предикации, которая представляет собой «выражение отношения содержания высказываемого к действительности как основа предложения» [Ахманова, 1966:346].

При этом в русистике имеются два понимания предикации. Первое понимание является более узким, но мотивировано термином «предикат (сказуемое)» и трактует предикат как качество главного члена предложения сказуемого, а также глагола-сказуемого, состоящие в способности выступать совместно с другим главным членом предложения подлежащим и относить данную конструкцию к языковым обозначениям, обобщающим предметно-признаковые связи во внеязыковой реальности [Русская разговорная речь, 1973:299; Белошапкова, 1977:186; Белошапкова, Земская, Милославский, Панов, 1981:367; Шубина, 2010:95].

Другое понимание предикации, предикативности является более широким: оно исходит из всей структурно-семантической организации предложения, в котором задействовано сочетание подлежащего и сказуемого. Предикация исходит из всего данного подлежащестно-сказуемостного сочетания и распространяется на всё предложение в целом, т.е. на его второстепенные члены; в этом случае предикация включает всё предложение в органическую взаимосвязь лингвистики и языка с экстралингвистикой и речью [Современный русский язык, 1964:257; Бабайцева, 1979:68; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981:227-228; Сенченкова, 2006:126-127].

Такое понимание предикативности было ориентировано на природу простого распространённого предложения. Что же касается сложного предложения, то языковеды

русисты в этом случае выдвинули понимание полипредикативности. Все вышеперечисленные учёные были единодушны в том, что если простое распространённое предложение имеет один предикативный центр «подлежащее + сказуемое», или «Sub + Pred», то любое сложное предложение, как сложносочинённого, так и сложноподчинённого типа, имеет много, по крайней мере, два предикативных центра, т.е. сложное предложение характеризуется полипредикативностью.

“Две и более предикативные конструкции с помощью таких синтаксических средств, как союзы и союзные слова, интонация, порядок следования предикативных конструкций, соотношение видо-временных форм предикативных конструкций и пр., могут быть связаны в одну грамматическую (синтаксическую) единицу - полипредикативное высказывание” [Земская, Китайгородцева, Ширяев, 1981:227; Серль, 1986:161-162; Baker, Harvey, 2010:13].

Таким образом, для русскоязычного сложного предложения становится релевантным понятие предикативного центра, которое включает в себя составные части: подлежащее и сказуемое. Данные предикативные центры, адекватным образом накладываются на сложные предложения бессоюзного типа, а также на тип сложных предложений с сочинительными союзами. Что же касается русских сложных предложений с подчинительными союзами, то в них формула предикативного центра [Sub + Pred] не всегда проявляется полно и однозначно. Например:

(3) “Нужно было терпеливо объяснить им, как проехать к этим церквям, после чего старухи вытаскивали из карманов в нижних юбках платки с завязанными по уголкам деньгами.” [Паустовский, 1987].

В примере (3) мы имеем русскоязычное сложное предложение с двумя придаточными: первое придаточное изъяснительное, или дополнительное, вводится подчинительным союзом «как»: как проехать к этим церквям, второе придаточное времени вводится временным союзом «после чего»: после чего старухи вытаскивали из карманов в нижних юбках платки с завязанными по уголкам деньгами.

Если второе придаточное времени, вводимое временным союзом «после чего» имеет в своей семантико-синтаксической основе полную форму предикативного центра [Sub+Pred], то первое придаточное изъяснительное конституируется только одним предикатом - сказуемым

[Pred]. И потому никак нельзя утверждать, что понятие предикативного центра присуще всем без исключения придаточным предложениям русского языка, а тогда наличие полипредикативности во всех без исключения сложных предложениях можно поставить под сомнение.

Для того, чтобы преодолеть некоторые недомолвки и непонимания в таких сложных (сложноподчинённых) предложениях, в которых имеется некоторая формула предикативного центра в примыкающих придаточных, учёные обращают внимание на интонационно-мелодическое материально-звуковое оформление сложноподчинённых предложений, которое позволяет адекватно артикулировать и воспринимать выражаемую мысль [Пешковский, 1956:480-481; Прокопович, 1974:63; Москалёва, 1985:84; Формановская, 1989:7].

В этих же целях для изучения семантико-синтаксической структуры сложного предложения в русском языке было введено понятие пропозиции. “Для адекватного описания объективного содержания предложения в современных исследованиях используются разные понятия. Направление семантического синтаксиса, ориентированное на обращение к структуре события, ситуации как денотата предложения, выдвинуло понятие пропозиции, заимствованное из логики, где им обозначалось то общее, что существует между предложением и его возможными перефразировками в пределах данного языка, а также его переводами на другие языки” [Белошапкова, Земская, Милославский, Панов, 1981:481; Нуриев, 2003:87]. «Пропозиция – это множество возможных миров (или ситуаций), в которых главное или придаточное повествовательное предложение истинно» [Вострикова, Куслий, 2020:53].

В русском и общем языкознании пропозиция понимается как неотъемная часть как простого предложения, так и предложения сложного. Она требуется как таковое явление синтактико-семантической структуры предложения, которое присуще любому предложению, простому или сложному, и охватывает чисто логико-понятийную сторону предложения. Предложение как синтактико-семантическая структура конституируется, кроме облигаторно-релевантных понятийно-смысловой и материально-звуковой сторон, также факультативно-релевантными понятийно-коннотативной, коммуникативно-социальной и ситуативно-речевой сторонами. Это как раз таки те самые пять релевантных сторон предложения, которые в нормативной грамматике русского языка трактуются как аспекты предложения: 1) номинативный; 2) материально-звуковой; 3) коммуникативный;

4) коннотативный; 5) ситуативный [Метелева, 1973:132; Лекант, 1974:4-6; Ломтев, 1979:17-19; Скобликова, 1979:19-25; Величко, Туманова, Чагина, 1986:8-12; Бабайцева, 1998:16-18].

При таком понимании лингвистической сущности предложения, независимо простого или сложного, пропозиция оказывается той составляющей предложения как семантико-синтаксической структуры, которая отождествляется с чисто его логическими (понятийными, номинативными) основаниями в отвлечении от его материально-звуковой, коммуникативной, коннотативной и ситуативной сторон.

И поэтому в русском и общем языкознании пропозиция представляется как способ номинализации предложения, при которой исследователь фиксирует своё «… внимание на неоднородности той области, которую можно было бы назвать пропозитивным значением, т.е. значением, восходящем к семантике предложения» [Арутюнова, 1976:70], и которая «понимается как свойство семантической категоризации лексических компонентов конструкции» [Клепикова, 2008:51.

Говоря иными терминами, именно в номинативной части предложения реализуется понятийно-логическая суть пропозиции. «Для обозначения номинативного аспекта предложения часто используется термин «пропозиция», пришедший в лингвистику в этом значении из логико-философских исследований, - утверждают авторы «канонического» труда по общей теории языка, - это то, что можно назвать «пропозицией», т. е. вневременной набор отношений между глаголами и именами (а также вставными предложениями, если они имеются), отделённый от модального конституента предложения» [Общее языкознание: внутренняя структура языка, 1972:298 – см. также: Москальская, 1973:34-35; Ильина, Воронцова, Борунова и др., 1991:168-169;Ломтев, 1976:128; Суровцева, 2006:131].

Для сложных предложений, а именно, сложноподчинённых предложений, дискутируемым в русском и общем языкознании оказывается вопрос о придаточных предложениях. Всё дело в том, что аналитико-синтетическая синтаксическая структура русского предложения в сложных, а именно, сложноподчинённых структурах оказывается в своей придаточной части неоднозначной. Русские придаточные предложения оказываются двух видов: придаточные самодостаточные, имеющие свою обособленную субъектно-предикатную структуру, и придаточные несамодостаточные, не имеющие в своём составе субъекта как управляющего слова. Придаточные самодостаточные конституируют

расчленённый тип сложноподчинённого предложения; например: «Сергей не вспомнил домашнее задание, потому что он вчера весь вечер просидел у телевизора». Придаточные несамодостаточные конституируют нерасчлененный тип сложноподчинённого предложения, в котором управляющее слово располагается в главном предложении, а в придаточном оказывается его пояснение, признак; например: «Николай весь день прилежно готовил полученное задание, чтобы назавтра не выглядеть бледным».

В связи с таким расчлененным и нерасчлененным понятием сложноподчинённых предложений количество и качество придаточных предложений в структуре сложноподчинённого в русском и общем языкознании представляется различным и предполагает большую амплитуду толкования; и данный вопрос в чисто научно-лингвистическом плане не является хотя бы в самом общем виде решённым и однозначно освещаемым [Арутюнова, 1976:139-142; Белошапкова, 1977:219-222; Бабайцева, 1979:194-198; Мещанинов, 1987:134-135; Формановская, 1989: 57-62; Валгина, 1991:307-311].

1.2. К вопросу изучения сложного предложения в германистике и англистике

В германистике изучение проблемы сложного предложения связывается с изучением так называемого элементарного предложения. По замыслу создателей теории элементарного предложения, членение и классификация предложения на предложения простые нераспространенные, состоящие из двух главных членов предложения: подлежащего и сказуемого, и на предложения простые распространённые, когда к двум главным членам предложения добавляются какие-либо другие второстепенные члены: дополнение, обстоятельство или определение – никак не отображает реальную жизнь языка. В реальной языковой действительности предложения редко употребляются в форме простого нераспространенного предложения в сцеплении двух главных членов предложения: Sub + Pred; в реальной действительности предложение большей частью трёхкомпонентно – к означенным выше двум главным членам предложения добавляется третий член предложения, который теоретически должен быть дополнением, но зачастую может быть и обстоятельством, всё дело в том, что в индоевропейских предложных языках при образовании предложных сочетаний грань между предложно-объективными (-дополнительными) и

предложно-адвербиальными (-обстоятельственными) конструкциями представляется нечёткой и зыбкой. Например, это показывает «анализ предложных конструкций:

"*He looked at her with admiration*. *He regarded him with astonishmen*t, где предложные состояния относятся к категории обстоятельств на том основании, что признак, обозначенный существительным, здесь семантически соотносится с глаголом" [Ахманова, Микаэлян, 2009:139; Чыманова, 2009:296; Langacker, 1967:118].

Таким образом, по замыслу основоположников теории элементарного предложения, в германских языках в функции предложения выступает органичное соединение субъектно-предикатной конструкции, структуры, схемы с лексико-структурным ядром предложения, имеющим место вне данной субъектно-предикатной конструкции. Элементарные предложения должны рассматриваться "… как образования, содержащие комплексную, тем или иным способом структурированную информацию. Её основу составляют именование (номинация) некоторого события (или фрагмента) реально или только мысленно представленного мира" [Абрамов, 1972:6 – Подчёркнуто автором; Тезисы Пражского лингвистического кружка, 1967:22-23; Адмони, 1988:174; Moon, 1959:88].

Названные учёные особо отмечают, что семантика и структура сложного предложения в основном конституируются элементарными трёхчленными предложениями как в своей главной части, так и в придаточной (в сложноподчинённом предложении), а также во всех непосредственно составляющих (в сложносочинённом и в бессоюзном сложном предложении).

«Классическим примером такого построения могут служить английские относительные подчинённые предложения, в которых отсутствует относительное местоимение или другой относительный компонент. Так в конструкции *The man yesterday was my friend* позиция после *man* по структурным закономерностям английского языка должна быть занята финитной формой глагола. Появление на этом месте формы местоимения сразу же «отменяет» возможность понимания последовательности данных форм как элементарного предложения. Напротив, столкновение словоформ *man* и *I* показывает, что здесь происходит переход от одного (однако ещё не завершённого)

элементарного предложения к другому» [Адмони, 1988:181 – Подчёркнуто нами. Д.К. - Абрамов, 1972:7-8; Moon, 1959: 89-90].

И в самом деле, сложные предложения в германском английском языке конституируются элементарными предложениями во всех типах английских сложных предложений: в бессоюзных и с союзами; например:

(1) "They had forgotten me, but Daisy glanced up and held out her hand; Gatsby didn't know me now at all" [Fitzgerald, 2014].

(2) "It's for men to do them, and for women to reserve their love as a reward for such men" [Conan Doyle, 2014].

(3) "Of course, one is willing to grant that our young men are growing stupider and lazier every year" [Leacock, 2014].

Все составные конституенты английских сложных предложений, независимо от того, имеем ли мы дело с бессоюзным сложным предложением как в примере (1), или со сложноподчинённым предложением с придаточным дополнительным в примере (3), представляют собой элементарные английские предложения.

Классификация, основанная на нормативном подходе к сложным предложениям, исходит из лингвометодических целей обучения студентов английскому языку и предъявляет необходимые минимальные требования к изучаемому фактическому материалу; она различает только два типа сложных предложений: сложносочинённое предложение (Compound Sentence) и сложноподчинённое предложение (Complex Sentence) [Грузинская, Черкасская, 1956:213-214; Скребнёв, 1972:31-32; Беляева, 1977:272; Качалова, Израилевич, т. 2, 1995:45; Roberts, 1968:267-268; Radford, 1997:121].

Сложносочинённые предложения рассматриваются как полностью равноправные элементарные предложения, никоим образом не зависящие друг от друга и соединяющиеся между собой сочинительными союзами: с соединительным значением: *and* (в значении «и»), *as well as*, *nor* и др.; с противительным значением: *and* (в значении «а»), *but*, *still*, *yet* и др.; с разделительным значением: *or*, *either … or*; например:

(4) "She could but refuse me, and better be a resulted lover than an accepted brother" [Conan Doyle, 2014].

(5) “The old man could scarce express himself for coughing, but she made out that he was old and poor, and a stranger in the island” [Stevenson, 2013].

(6) “There is only one brief, solitary law for letter-writing, and yet either do not that law, or else you are so stupid that you never think of it” [Twain, 2013].

Сложноподчинённые предложения рассматриваются как неравноправные предложения, когда одно предложение, поясняющее другое, является придаточным и зависимым, а другое предложение, которое поясняется придаточным, является главным и доминирующим; при этом связь зависимого придаточного предложения с главным и доминирующим осуществляется посредством союзов и союзных слов: с изъяснительным значением: *that*, *whether*, *if*; с временным значением: *as*, *as soon as*, *still*, *before*, *after* и др.; с причинным значением: *as*, *because*, *since*, *seeing*; с целевым значением: *that*, *so that*, *lest* и др.; с условным значением: *if*, *unless*, *once* и др.; с уступительным значением: though, although; со значением образа действия и сравнения: *as*, *as if*, *than*, *the … the* и др.; со значением следствия: *so … that*, *that*; например:

(7) “My Finn informed me that Gatsby had dismissed every servant in his house a week ago and replaced with half a dozen others” [Fitzgerald, 2014].

(8) “Hardly had he spoken when he found himself amid calm night and solitude, listening to a roar of the wind which died heavily away though the forest” [Hawthorne, 1984].

(9) “If by the end of next month, you have not introduced me to a lady fit to be, and willing to be, Mrs John Ingerfileld, I shall decline to renew it" [Jerome, 2012].

Классификация же английских сложных предложений, основанная на научном подходе, также различает два вида сложных предложений, но исходя из реальной жизни языка и в целях познания объективного функционирования языка в языковом обществе добавляет к ним вид бессоюзного сложного предложения.

Причисление бессоюзного составного предложения к виду сложных предложений обусловлено двумя факторами: во-первых, их реальным фактическим существованием, поскольку они встречаются в языке и речи сплошь и рядом; а, во-вторых, тем, что лингвистическая граница между бессоюзным сложным предложением и сложносочинённым предложением условна и преходяща. Бессоюзные сложные

предложения в германских языках, а среди них в английском, по меткому замечанию германиста Г. Пауля, характеризуются важным качеством: «Подобно тому как для предложения грамматически независимого возможен постепенный переход от самостоятельности к зависимости, также грамматически зависимое предложение может в той или иной мере приближаться к самостоятельности» [Пауль, 1960:355; Адмони, 1968:237-238; Шимберг, 1998:20; Абрамов, 2001:262; Halliday, 1970:151]. Например:

(10) “I had a war news in advance of it; I could get a much better sermon at church when I needed it; I didn’t care anything about poor Gabrick, not knowing deceased; nor yet the Rev. Mucklin, not knowing him either” [Wilde, 2014].

(11) In the northland such commands are equal to Jehovah’s in the matter of potency; the dum-dum as rapid effective as the thunderbolt [London, 2013].

(12) The pines rocked, the storm eddied and whirled above the miserable group, and the flames of their altar leaped heavenward as if in token of the vow [Harte, 2013].

Мы в нашем исследовании придерживаемся второй точки зрения, согласно которой в современном английском языке среди сложных предложений необходимо различать три вида сложных предложений: 1) бессоюзные сложные предложения; 2) сложносочинённые предложения; 3) сложноподчинённые предложения. Разумеется, что данная точка зрения более адекватно приближена к действительности, во-первых, потому что она отражает реальное положение дел в языке, во-вторых, потому что она пытается с научных лингвистических позиций охватить все возможные экспликации языка в области сложных предложений.

В англистике также существует проблема разграничения так называемых сложных синтаксических комплексов (Syntactical Complexes) от параллельных им сложноподчинённых предложений. Всё дело в том, что и английские сложные синтаксические комплексы, и английские сложноподчинённые предложения имеют в основе своего образования член предложения, главный или второстепенный.

В соответствии с таким образованием английские придаточные предложения в составе сложноподчинённых различаются по зависимости их от членов предложения в главной части сложноподчинённого предложения: придаточные подлежащего, придаточные сказуемого, придаточные дополнения, придаточные обстоятельства и

придаточные определения. Аналогичным образом различаются и сложные синтаксические комплексы, как: сложное подлежащее, сложное сказуемое, сложное дополнение, сложное обстоятельство и сложное определение.

Зачастую различение придаточного предложения в составе сложноподчинённого, с одной стороны, и соотнесённого сложного синтаксического комплекса, с другой, представляет собой определённое затруднение, но всё же они различаются между собой по трём основным структурно-семантическим свойствам: 1) сложный семантический комплекс входит в структуру члена предложения, в то время как придаточное в его структуру не входит, но всячески поясняет его; 2) сложный семантический комплекс состоит из именной части – существительного или местоимения – и глагольной части – инфинитива, герундия или причастия, в то время как соответствующее придаточное предложение также состоит из именной части – существительного или местоимения, но также из личной формы глагола; 3) сложный синтаксический комплекс имеет в своей структуре свёрнутую предикацию, в то время как придаточное предложение образуется в своей семантической структуре полной полнозначной предикацией [Грузинская, Черкасская, 1956:227-228; Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:315; Верховская, 1980:8; Баталина, Епифанов, Кобзарёва и др., 2008:48-49; Taylor, 1995:68]. Например:

(13) It was necessary that the question should be settled without delay [Welch, 2004].

(13-1) For a young to stand all alone in the darkness was very hard [Poe, 2013].

(14) It seem that he was late for the train, she said quietly [Bowen, 1998].

(14-1) She began to sing beautiful song [Stevenson, 2010].

(15) I was flattered that she wanted to speak to me, because of all the older girls I admired her most [Fitzgerald, 2014].

(15-1) She saw the boy running quickly along the road [Twain, 2013].

(16) Again, he filled their glasses with the liquor of youth, enough of which still remained in the vase to turn half the old people in the city to the age of their own grandchildren [Hawthorne, 2013].

(16-1) This is a good book for you to read [Leacock, 2014].

(17) They were so frightened that they could not speak [Twain, 2012].

(17-1) They stopped at the stream for the horses to drink [Jerome, 2012].

В приведённом выше английском сложном предложении (13) наличествует придаточное подлежащего, в то же время как в соотнесённом предложении (13-1) наличествует сложное подлежащее; в сложном предложении (14) наличествует придаточное сказуемое, в то время как в соотнесённом предложении (14-1) наличествует сложное сказуемое; в сложном предложении (15) наличествует придаточное дополнительное (дополнения), в то время как в соотнесённом предложении (15-1) наличествует сложное дополнение; в сложном предложении (16) наличествует придаточное определительное (определения), в то время как в соотнесённом предложении (16-1) наличествует сложное определение, и в сложном предложении (17) наличествует придаточное обстоятельственное, а именно, обстоятельство цели, в то время как в соотнесённом предложении (17-1) наличествует сложное обстоятельство, а именно сложное обстоятельство цели.

Все вышеназванные придаточные предложения: подлежащего (13), сказуемого (14), дополнительное (15), определительное (16) и обстоятельственное (17) отличаются от соотнесённых с ними сложных синтаксических комплексов: сложного подлежащего (13-1), сложного сказуемого (14-1), сложного дополнения (15-1), сложного определения (16-1) и сложного обстоятельства (17-1) – тремя означенными выше признаками: во-первых, придаточные предложения не входят в структуру члена предложения в главной части предложения, в то время как сложные синтаксические комплексы являются неотъемлемой составляющей того или иного члена предложения; во-вторых, их сказуемостная часть выражена личной формой глагола, в то время как глагол – сказуемое сложного синтаксического комплекса выражается только наличной формой глагола; и, в-третьих, субъектно-предметная структура придаточного выражает полнозначную предикативность, в то время как наличная форма глагола в составе сложного синтаксического комплекса предполагает свёрнутую, неполную предикацию.

В вопросе классификации придаточных предложений в германистике и англистике сохраняется относительное единодушие, хотя вопрос этот является сложным ввиду неоднородного характера придаточных предложений в составе сложноподчинённого. Данная классификация основывается на критерии соответствия семантики придаточных

предложений семантике членов предложения. Наиболее чётко данную проблему обозначили и приняли в соответствии со своим обозначением “рабочее определение” авторы теоретического курса по грамматике английского языка: «Проблема классификации придаточных предложений связана с вопросом о том, насколько оправдано безоговорочное приравнивание придаточных предложений к членам простого предложения, так как общепринятая классификация придаточных предложений основана именно на этом принципе. Мы сохраняем традиционную терминологию, как самую приемлемую, поскольку все придаточные предложения как одночленных, так и в двухчленных сложноподчинённых предложениях, обнаруживают некоторые признаки сходства с членами простого предложения» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:318 – Подчёркнуто нами. Д.К. - ср.: Алексеева, 1966:6-7; Ширвинскайте-Текорене, 1967:16; Азарова, 1968:21; Гулыга, 1971:25; Halliday, 2004:84].

В соответствии с таким пониманием в структуре английского сложноподчинённого предложения, как уже отмечалось, лингвисты единодушно различают придаточные подлежащего, сказуемого, дополнения (дополнительные), обстоятельства (обстоятельственные) и определения (определительные).

Все данные английские придаточные не вызывают никаких разногласий, за исключением придаточного обстоятельственного. Одна группа англистов выделяет среди английских придаточных обстоятельственных 8 подгрупп обстоятельственных придаточных: места, времени, образа действия, причины, цели, следствия, уступительные, условные [Беляева, 1977:278-279; Качалова, Израилевич, 1995:65; Толенгутова, 2008: 21-22; Нуркемел кызы, 2009:225-226].

Другая группа англистов добавляет к перечисленным выше 8-ми подгруппам обстоятельственных придаточных 9-ю: придаточное сравнения [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:329; Андрианова, 1966:6-7; Гулыга, 1971:107; Мукарапова, 2010:18].

Мы в нашем исследовании придерживаемся первой точки зрения о том, что система английских придаточных обстоятельственных конституируется 8-мю придаточными: 1) места; 2) времени; 3) образа действия; 4) причины; 5) цели; 6) следствия; 7) уступительные; 8) условные – и что придаточные сравнения есть разновидность придаточного образа

действия, поскольку отвечает на один и тот же вопрос *how*? Как? Каким образом? - это, во-первых, а во-вторых, так называемые придаточные сравнения не имеют никаких корреляций в системе простых обстоятельственных значений; а английском языке не имеется подгруппы наречий и, соответственно, обстоятельств со значением сравнения в структуре простого распространённого предложения, в то время как имеются наречия и, соответственно, обстоятельства со значениями: места, времени, образа действия, причины, цели, следствия, уступительные и условные.

1.3. К вопросу изучения сложного предложения в тюркологии и в кыргызском языкознании

Современная тюркология возникла и развивалась вначале под большим влиянием русского языкознания. Вопросы синтаксиса в тюркологии разрешались исходя из постулатов русского языкознания и законов флективного русского языка. «Дореволюционные [имеется в виду Октябрьская революция 1917 г. Д.К.] учёные – тюркологи, несомненно, внесли большой вклад в развитие науки о языке. Поэтому их труды заслуживают высокой оценки. Но, к сожалению, в вопросах сложного предложения в тюркских языках ошибочные взгляды, и путаница идёт от трудов дореволюционных тюркологов. В трудах М.А. Казем-Бека, П.М. Мелиоранского и других тюркологов характеристика придаточных предложений в тюркских языках определялась природой синтаксического строя русского языка. Если при переводе на русский язык в составе предложения имелось придаточное предложение, то и в тюркском оригинале оно определялось как придаточное» [Сартбаев, 1985:112].

Языковая действительность тюркских языков имеет свои особенности как в синхронии, так и в диахронии, которые обусловливают своеобразие их семантико-синтаксической структуры. Такие своеобразные особенности тюркских языков, в том числе и кыргызского, по сравнению с флективным славянским русским языком и аналитическим германским английским, обусловлены агглютинативным грамматическим типом тюркских языков, предполагающий поочерёдное присоединение однозначных аффиксов к корню или к основе слова, при этом существует строгая регламентация в

присоединении данных аффиксов в чётко предписанной очерёдности. Например, в присоединении (наслаивании) аффиксов к имени существительному в кыргызском языке существует нижеследующая регламентация: “Аффиксы наслаиваются в следующем порядке: основа (мектеп) + афф.мн.числа (-лар) + афф.принадлежности (-ым, -ың, -ы, и др.) + афф.местн. или исходного падежа (-да) + афф.сказуемого (-мын, -сың) и вопросительная частица (-бы)” [Дыйканов, 1995:99]: мектеп+тер+иң+изден+сиңер+би?

Но синтаксическая особенность тюркских, в том числе и кыргызского, языков заключается в порядке расположения основных конституентов элементарного предположения. Если во флективном славянском русском языке и в германском английском основные конституенты элементарного предложения имеют такое следование: Sub (подлежащее) + Pred (сказуемое) + Obj (дополнение), то в тюркских языках данные конституенты располагаются в несколько иной последовательности: Sub+Obj+Pred, и такое расположение обусловлено синтаксическими законами тюркских языков, в которых на последнее место ставятся сказуемое или же его вспомогательная изменяемая часть в том случае, если оно составное или аналитическое составное [Джапаров, 1964:221-222; Нурмаханова, 1971:185-186; Сапарбаев, 1997:19-20]. Например:

1 Жамгыр жаабай, дан болбойт,
тегирмен болбой, нан болбойт [посл.].

2 Ушулар жетишип чоңойгончо, сен да жетишип жакшы киши болосуң [Мияшев, 1974].

3 Жаштар согушка кеткенден бери, бул жаңы көчө ошол бойдон эле калган [Медетов, 1986].

Во всех трёх сложных предложениях тюркского кыргызского языка глагол-сказуемое или же его вспомогательная изменяемая часть располагается на самом конце составного элементарного предложения.

Классификация сложных предложений в кыргызском языкознании в основном является единообразной. Все кыргызские учёные-синтаксисты вначале выделяют сложные предложения: бессоюзные и союзные. К бессоюзным сложным предложениям они относят два и более простых предложения, соединённые в одну сложную структуру

замыслом говорящего и посредством интонационной конструкции. К союзным сложным предложениям кыргызские учёные относят два и более простых предложений, соединённых между собой посредством сочинительных союзов и посредством подчинительных союзов. При соединении посредством сочинительных союзов образуются сложные предложения сочинительного типа, при соединении посредством подчинительных союзов образуются сложные предложения подчинительного типа [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:209-212; Жакыпов, 1975:132-135; Жапаров, 1979:278-283; Өмүралиев, 1990:133-137; Жапар, 1992, ч. II: 199-205; Биялиев, 2002:254-257; Иманов, 2009:342-349; Биялиев, 2013:86-87]. Например:

(4) Ах, кандай рахатка бай майдын түнү,

Ах, кызыл, жашыл, сары түркүн күнү.

[Осмонов, II т., 2014] -

(5) Акырын, кылдаттык менен Кадыров келе жатты, бирок ашуунун белинен көп деле алыс кетип кала алган жок [Султаналиев, 1974].

(6) XVII к. башында калмактар Иле дарыясына жакын келип жайгашып калгандан бери, бул дарыя алардын батыштагы чекарасы бопуп калган [Осмонов, 2007].

Кыргызский пример (4) представляет собой бессоюзное сложное предложение, в котором связь самостоятельных частей в одну сложную структуру осуществляется в материально-звуковом отношении незавершённой интонационной мелодикой первого простого предложения, а в отношении письменной фиксации знаком препинания “запятая”.

Кыргызский пример (5) представляет собой союзное сложносочинённое предложение, в котором связь двух самостоятельных предложений в одну сложную структуру осуществляется посредством сочинительного союза “бирок” с противительным значением.

Кыргызский пример (6) представляет собой союзное сложноподчинённое предложение, в котором связь двух предложений: доминирующего главного и подчинённого придаточного – осуществляется посредством причастия на -ган в форме исходного падежа в сочетании с послелогом «бери» со значением времени; данное временное причастие оформляет не только вспомогательную лексему «калган», но также и всё предыдущее высказывание, трансформируя его в придаточное времени.

В кыргызском языкознании выделяется роль союзов как непосредственных средств связи не только слов в составе простого распространённого предложения, но также и в структуре сложных предложений сложносочинённого и сложноподчинённого типа.

Мы присоединяемся к группе кыргызских ученых, которые правомерно различают сочинительные союзы (багындырбас байламталар) и подчинительные союзы (багындыргыч байламталар), в группе последних выделяются 3 подгруппы: 1) причинные союзы: анткени, себеби, ошол үчүн и др.; 2) условные союзы: эгер, эгерде, ошондой болсо и др. и 3) сопоставительные, сравнительные союзы: канча... ошончо; кандай... ошондой; канчалык... ошончолук и др. [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:140-141; Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980:505-507; Давлетов, Мукамбаев, Турусбеков С., 1982:225-226; Дыйканов, 1990:297; Абдувалиев, Садыков, 1997:278-279; Абдувалиев, 2008:245-246].

Мы присоединяемся к названному мнению о том, что система кыргызских подчинительных союзов представлена тремя разрядами: 1) причинными союзами, 2) условными союзами и 3) сопоставительными, сравнительными союзами, поскольку мотивировка авторов - сторонников данной классификации представляется убедительной, а также потому, что такое деление кыргызских подчинительных союзов более соответствует реальной жизни языка при экспликации его грамматической системы.

И здесь возникает по ходу исследования сопутствующая научно - лингвистическая задача: выявить, как данные три разряда подчинительных союзов кыргызского языка выступают связующим элементом с разнообразными подчинительными значениями, большей частью логического характера, между многообразием самых различных взаимоотношений между главными и придаточными в составе сложноподчинённого предложения.

Кроме всех вышеперечисленных при изучении тюркских сложных предложений, в том числе и в кыргызском языке, возникает ещё одна немаловажная проблема – усложнение синтаксической структуры сложных предложений.

“В развитии синтаксической структуры тюркских языков наблюдаются факты, когда оба пути развития подчинительных отношений – трансформация и союзный способ скрещиваются, давая разнообразные смешанные типы построений. Гибридизация

рассматривается нами как своеобразный третий путь развития синтаксической структуры сложного предложения в тюркских языках. Если союзный способ явился результатом стремления преодолеть недостаточность одного способа трансформации, то гибридизация в целом ряде случаев также выступает как способ усовершенствования синтаксической связи" [Гаджиева, 1973:397. – Подчёркнуто нами. Д.К.].

Однако отметим, что такие усложнённые смешанные типы гибридных построений структуры сложного предложения характерны в тюркских языках не только для бессоюзных и союзных сложных предложений подчинительного типа, но также и для союзных сложных предложений сочинительного типа [Нурмаханова, 1971:217-218; Грамматика современного башкирского литературного языка, 1981:467-468; Серебренников, Гаджиева, 1986:278-279].

В современном кыргызском языке – не только в литературном, где усложнение синтаксической структуры сложного предложения играет синтаксико-стилистическую литературно-художественную функцию, но также и в разговорном живом языке, где также усложнение есть наличествующий факт – усложнение и гибридизация и без этого сложной структуры бессоюзного сложного, сложносочинённого и сложноподчинённого типа предложений встречается повсеместно. Например:

(7) Бир айтасыңбы, эки айтасыңбы – мыкты ат, бу чөлкөмдөгү чабандардын бирөөндө да мындай ат жок десе болот; бир гана Бостон деген немеде бар. Совхоздун алдынкыларынан болумуш этип жүрөт. Өзү бир кудай аткан неме, колу тар, битир, өмүр бою Базарбай экөө бирин-бири жиндей көрүп келатышат [Айтматов, 1988].

(8) Анын кимдер, кайсы мезгил, кайсы жылдар жөнүндө ойлоп жана элестетип отурганын алдын ала айтуу кыйын, бирок өтө кызыктуу картиналарды көрүп олтурган адамга тез-тез жылмайып. Ар бир делонун бир эки сабын окуган сайын терең ойго батат. Анан эртеңки иштерди кандайдыр бир пландарын белгилейт [Ормонбеков, 1974].

(10) Жусуп Баласагынды көп жылдар бою изилдеп келген окумуштуу-тарыхчы, профессор З. Эралиев өз илимий эмгегинде профессор Ө. Караевдин:

“Борбордук Тянь-Шаньдан (Теңир-Тоодон) чыккан көмөн уруулар: чигилдер, карлуктар, ягма, тухсилер ж.б. биримдигине таяныш, карахандыктар өз мамлекетин түзүшкөн” деген оюн толук колдойт [Абдыразаков, 2008].

В развёрнутых примерах (7), (8) и (9) мы имеем три вида усложнённых типов кыргызских сложных предложений: в примере (7) – это усложнение бессоюзного сложного предложения, в примере (8) – усложнение сложного сочинительного (сложносочинённого) предложения, а в примере (9) – усложнение сложного подчинительного (сложноподчинённого) предложения.

В кыргызской лингвистической литературе отмечается, что усложнение структуры бессоюзных сложных предложений и сложносочинённых предложений представляет собой прогрессивное явление. “Одним из ярких примеров дальнейшего развития и совершенствования сложного синтаксиса киргизского языка является значительное расширение употребления сложносочинённых предложений как в переводной, так и в оригинальной киргизской литературе, а также заметная активизация многих процессов в структуре данного типа предложений” [Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:145; Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:224-225].

Что же касается усложнения сложноподчинённых предложений, то в их структурах могут наблюдаться самые различные конфигурации подчинения: придаточное предложение, являющееся подчинённым одному главному в составе одного сложноподчинённого предложения, может выступать в качестве главного для другого придаточного в составе другого сложноподчинённого предложения. «Иными словами, придаточные могут образовывать цепочку последовательного подчинения, когда одно придаточное относится непосредственно к главному, а другое – к первому придаточному, которое в этом случае по отношению ко второму придаточному начинает выполнять функцию главного» [Жапар, 1992, ч. II: 283; Биялиев, 2002:258]. Например:

(13) Акыркы этапта машинебиз бузулгандыктан, биз үчүнчү оорунга ээ болдук, бирок күйөрмандарыбыз ыраазы болду [Өмүркулов, 1984].

Неразработанность данной проблемы усложнения сложных бессоюзных, сложносочинённых и сложноподчинённых предложений в синтаксической системе современного кыргызского языка,

а также в сопоставительном англо-кыргызском языкознании, обусловлена тем, что, во-первых, соответствующие фактический и теоретический материалы являются трудновоспринимаемыми феноменами языка, а, во-вторых, тем, что очень мало имеются научных изысканий, изучающих основы не только вопроса такого усложнения сложных предложений, но также и вопроса неусложнённой структуры «простого» сложного предложения. Изучение проблемы усложнения структуры сложных предложений – вопрос недалёкого будущего в кыргызоведении и в сопоставительном англо-кыргызском языкознании.

Мы будем привлекать для лингвистического анализа не только усложнённые синтаксические структуры сложных кыргызских предложений, но будем конкретно анализировать только интересующую нас структуру бессоюзного сложного предложения, сложносочинённого предложения и сложноподчинённого предложения в составе усложнённых структур сложных предложений. Например, интересующие нас структуры бессоюзного сложного предложения в примере (12), сложносочинённого предложения в примере (13) и сложноподчинённого предложения в примере (14) в составе усложнённых сложных предложений мы выделили как релевантные по критерию смысловой отнесенности одного предложения к другому квадратными скобками. Те же лексико-грамматические лексемы конструкции, которые остались вне данных скобки, остались без нашего внимания как нерелевантные и не имеющие непосредственного отношения к предмету нашего изучения и анализа.

1.4. Проблематика изучения сложного предложения в сопоставительном германо-тюркском и германо-кыргызском языкознании

Наше обзорно-теоретическое изучение научно-исследовательского лингвистического материала по сопоставлению сложных предложений в сопоставительном германо-тюркском, и более конкретно в германо-кыргызском языкознании, показало, что по данной проблеме в сопоставительной языкознании имеется ограниченное количество работ. И исходя из этого, мы приняли решение включить в круг сопоставительных работ, предложенных изучению в настоящем параграфе нашей работы, также и такие сопоставительные работы, в которых одним из языков сравнения, независимо от того, является ли он исходным языком сопоставления, или же сопоставляемым, сравниваемым языком, являлся бы какой-либо

германский язык (немецкий или английский), или же какой-либо тюркский язык (кыргызский); главное условие такого включения – чтобы в этой сопоставительной работе затрагивались бы вопросы изучения сложных предложений.

Для того чтобы эффективно и плодотворно провести наш обзорно-теоретический анализ научно-исследовательского материала, обозначим основные цели и задачи сопоставительного языкознания.

Сопоставительное языкознание, как мы уже указывали во введении к нашей работе, имеет недолгую историю и ещё не укоренившиеся традиции. Оно возникло, в сущности, в последней трети прошлого века как самостоятельное направление в общей теории языка. Сопоставительная, «контрастивная лингвистика оформилась как особая наука внутри науки о языке лет двадцать назад: она переживает ещё свою молодость, она ещё ищет себя, стремится отстоять и обосновать свою самостоятельность среди других языковедческих наук, разработать свою методику, проявить себя, доказать свою полезность» [Гак, 1989:5].

Конечно же, сопоставительное языкознание возникло не на пустом месте – ему предшествовало сравнительно-историческое направление в общей теории языка. Сравнительно-историческое направление занималось, однако, сравнительно-диахроническим анализом языков родственных, из одной большой языковой семьи, с тем чтобы установить степень их родственных отношений, а если удастся, то восстановить давно забытую языковую систему древних праязыков: германского, славянского или же романского.

Сопоставительное языкознание изучает большей частью языки неродственные, с тем чтобы способствовать развитию языковой типологии и языковых универсалий. Но сопоставительное языкознание, ещё обозначаемое контрастивным языкознанием, не является вспомогательной дисциплиной языковой типологии и теории языковых универсалий. Оно является самостоятельной теоретико-практической лингвистической наукой в составе общей теории науки о языке. Оно возникло из настоятельной необходимости сравнивать языковые системы, особенно языков неродственных или же находящихся в далёкой степени родства, с тем чтобы определить возможности и необходимости их преподавания [Потье, 1989:187; Скаличка, 1989:27].

О целях, задачах, методологической основе и других вопросах сопоставительного языкознания можно высказываться долго и много, но, думается, что наиболее точно и ёмко они изложены в последующей цитате русского советского языковеда-типолога В.Г. Гака: «Общие задачи сопоставительного (контрастивного) изучения языков могут быть сформулированы следующим образом:

- Оно выявляет схождения и расхождения в использовании языковых средств различными языками.
- Оно позволяет лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка.
- Оно непосредственно связано с различными видами прикладного языкознания, прежде всего с преподаванием неродного языка, где оно позволяет предвидеть и преодолевать нежелательную интерференцию, а также с теорией перевода, для которой оно даёт надёжную лингвистическую базу.
- Оно даёт материал для типологии, для выявления универсалий. [Гак, 1989:9].

Вышеприведённое расширенное суждение актуализирует, в первую очередь, прикладной характер науки сопоставительного языкознания, то есть данная наука отдаёт приоритет прагматике языка в его реализации во взаимосвязи с теорией и практикой межязыкового перевода [Швейцер, 1987:157; Юсупов, 1988:8; Джамбаева, 2012:42], а также в его реализации с лингвистической дидактикой обучения неродному языку в условиях родного [Брагина, 1987:209; Шахнарович, Мамонтов, 1987:186; Вальвакова, 2012:134]. Однако никак нельзя принижать роль сопоставительного языкознания при изучении собственно языковых функционально-семантических вопросов, касающихся схождений и расхождений при употреблении языковых средств различными языками [Абрамов, 1987:114; Бондарко, 1987:26; Джумалиева, 2009:104].

Пять фундаментальных трудов раскрывают сопоставительные вопросы синтаксиса германских и тюркских языков [Буранов, 1983; Бекбалаев, 1991; Жолдошбек уулу, 1996; Саурбаев, 2012; Кадыркулова, 2014].

Первой работой в вышеприведённом списке стоит теоретическое учебное пособие для тюркоязычных студентов, изучающих английский язык в качестве специального предмета в вузах и на факультетах иностранных языков, известного учёного Дж. Буранова, который предпринял широкомасштабную сравнительную типологию аналитического германского английского языка, с одной стороны, и агглютинативных тюркских языков Средней Азии – казахского, каракалпакского, кыргызского, узбекского и туркменского, с другой. Автор предпринимает типологическое описание, исходя из типологических категорий с позиций синхронии, придерживаясь мнения, что основной задачей сравнительной типологии является описание современного статуса сопоставляемых языков.

Особое внимание Дж. Буранов уделяет сравнению языковых средств, выражающих типолого-грамматическую категорию множественности на самых различных уровнях языка. На уровне синтаксиса, а также сложного предложения, «в английском языке существуют много различных конструкций, которые выражают множественность. Они распределяются между различными лексико-грамматическими разрядами слов: субстантивными, адъективными, глагольными, адвербиальными и другими сочетаниями… Во всех тюркских языках широко распространена передача категории множественности путём сочетания слов, принадлежащих к различным лексико-грамматическим разрядам» [Буранов, 1983:237-238].

Известный кыргызский лингвист, германист и типолог А.А. Бекбалаев в своей сопоставительной монографии изучает в сравнительном плане на материале германского флективного немецкого языка и тюркского агглютинативного кыргызского проблему языковой синтаксической номинации посредством предложений-высказываний. Под синтаксической номинацией посредством предложений-высказываний учёный понимает расширенное речевое высказывание, которое «покрывает» большой отрезок внеречевой действительности, при котором «рассматриваемое с номинативной точки зрения порождение высказывания начинается номинацией «главных героев» высказывания и завершается сложной номинацией ситуаций или событий [Бекбалаев, 1991:128].

При синтаксической номинации реализуется высказывание как актуализированное в речи предложение, при этом в составе предложения-высказывания при номинации

может быть выделен любой член предложения, которому говорящий как номинирующее лицо уделяет первостепенное внимание и придаёт первостепенную важность. Но обычно во флективном немецком языке и в агглютинативном кыргызском главную роль играют с позиций синтаксической номинации предикативные отношения, которые в синтаксической структуре предложения есть суть субъектно-предикатных отношений. «Предложение «Сын послал матери письмо» выражает трёхместное отношение, но только один предмет «сын» выделяется как предмет, о котором строится высказывание. В предикативном отношении все остальное содержание предложения представляется одним членом: словесная цепочка «послал матери письмо» выражает сообщение о лице «сын»» [Бекбалаев, 1991:129].

В синтаксической номинации высказыванием, которое представляет собой простое распространённое предложение, реализуется один номинативный центр, который актуализируется и выделяется как номинативно значимый, так в вышеприведённом высказывании это лицо «сын». В сложном же предложении типа «сын послал матери письмо, которое он решился написать спустя год после отъезда» также имеет место явление синтаксической номинации, но в этом случае она двухмерна: основная часть, основной номинативный центр содержится в главном предложении, в то время как дополнительная номинативная часть, дополнительный номинативный центр содержится в не главном, придаточном предложении - в вышеприведённом сложном предложении – это может быть, к примеру, лексемное сочетание «спустя год после отъезда», вся дополнительная номинация зависит от степени важности выделяемых говорящим языковых единиц [Бекбалаев, 1991:129-130].

Кыргызский ученый А. Жолдошбек уулу предпринимает сравнительную типологию германского флективного немецкого языка и тюркского агглютинативного кыргызского. Автор предваряет свою работу большим теоретическим введением, в котором излагает основные идеи сравнительной типологии и описывает в сжатом виде историю сравнительно-типологических изысканий. В сравнительной типологии А. Жолдошбек уулу, которая, кстати, является первой, а также и последней работой такого рода, сравниваются языковые единицы

всех уровней: фонетико-фонологический, морфологический, частеречно-морфологический, словообразовательный, лексический, фразеологический и синтаксический.

На синтаксическом уровне А. Жолдошбек уулу сравнивает простые распространённые предложения флективного немецкого и агглютинативного кыргызского языков и обращает внимание на порядок слов, имеющий место в немецком и кыргызском предложениях. В отличие от немецкого языка, где порядок слов элементарного предложения выражен формулой [Sub+Pred+Obj], в кыргызском элементарном предложении действует формула [Sub+Pred+Obj], и, следовательно, логически важная часть сообщения о действии или признаке предмета речи в кыргызском высказывании выносятся в самый конец предложения. В кыргызском сложном предложении, а именно, в сложноподчинённом предложении, названная синтаксическая формула элементарного предложения действует как в главном, так и придаточном предложении, то есть сложносоставная формула кыргызского сложноподчинённого предложения выглядит таким образом: [Sub+Pred+Obj]+ [Sub+Pred+Obj].

Синтаксические законы немецкого сложноподчинённого предложения таковы, что в придаточной части порядок слов видоизменяется, глагол-сказуемое, а в сложносоставных глаголах его изменяемая часть выносится на последнее место в структуре предложения, и сложная формула немецкого сложноподчинённого предложения принимает такой вид: [Sub+Pred+Obj]+ [Sub+Pred+Obj]. Логически важная часть информации в немецком придаточном, таким образом, выносится в конец предложения; и по этому критерию оба придаточных в составе сложноподчинённых предложений в немецком и кыргызском языках совпадают [Жолдошбек уулу, 1996:220-222].

Исследователь Р.Ж. Саурбаев сопоставляет структурно-семантическое осложнение современных татарского и английского языков и предпринимает широкомасштабный лингвистический анализ осложнённых предложений из означенных неродственных и грамматически разнотипных языков. Под осложнёнными предложениями, имеющих место в обоих сравниваемых языках: татарском и английском – учёный понимает простые распространённые повествовательные предложения, которые имеют в своих составах сложное дополнение, сложное обстоятельство и сложное определение. Например:

1) Reggie Faulkner pushed his way inside, looking like somebody suffering from sunburn on a hitherto unknown scale (E. Snell).

2) Шулай итеп, без, niemenss ризалыгын да көтмиче, керлеребезне тышка чыгарып, решетке буена тагаракларыны куеп, ешке тотындкие (Е. Еники).

Автор отмечает, что простое распространённое предложение 1) в английском языке становится осложнённым из-за наличия в его составе сложного определения, а простое распространённое предложение 2) в татарском языке осложняется из-за наличия в его составе сложного обстоятельства, а именно обстоятельства образа действия.

Взаимосвязь с типом сложного предложения осложнённых в обоих языках учёный усматривает в наличии у последних вторичной предикации, которая только указывает на предикативные отношения, но ещё такими отношениями в их полном масштабе не обладает; однако в случае трансформации эти вторичные предикации развёртываются и становятся семантической основой соответствующего придаточного в составе сложноподчинённого предложения. «Предложение, содержащее вторичную предикацию, с формальной точки зрения является простым, так как в его состав входит один основной предикат, но это простое предложение с вторичным предикатом оказывается на промежуточной ступени между простым и сложным предложением, на подуровне осложнённого предложения» [Саурбаев, 2012:8].

Кыргызский германист Ф. Кадыркулова сравнивает синтаксические системы германского немецкого и тюркского кыргызского языков. Она использует понятие и термин «элементарное предложение», под которым понимает лексико-грамматическую связную структуру, представляющую собой «…именование (номинация) некоторого события (или фрагмента) реального или только мысленно представляемого мира. Именование, реализующее свойственное языку функцию отражения, осуществляется лексико-структурным ядром предложения, состоящим из лексем, организованных в единое и в то же время расчленённое целое по одному из существующих в данном языке типовых образцов» [Кадыркулова, 2014:112].

Проблема взаимосвязи простых немецких и кыргызских элементарных предложений с предложениями сложными также затрагиваются учёным – она считает, что

в сложном предложении обоих языков – флективного немецкого и агглютинативного кыргызского – признак элементарности предложения представляет собой трёхчастную конструкцию: подлежащего, сказуемого и какого-либо второстепенного члена предложения, к примеру, дополнения в сложном предложении; данное дополнение развёртывается в придаточный дополнительный, и всё предложение приобретает качество сложноподчинённого, а главная часть предложения уже не может восприниматься как элементарное предложение; например:

- Ich bedaure, dass ich diese Arbeit nicht gemacht hatte.
- Экөөбүздө да, баарыбызда да бир тилек бар, өлбөгөн адам алтын аяктан суу ичет. - У нас обоих есть желание, была бы голова на плечах, а хлеб будет [Кадыркулова, 2014:266].

В кыргызской лингвистической литературе имеются три сравнительные грамматические работы на материале агглютинативного тюркского кыргызского и флективного славянского русского языков, в которых в той или иной мере анализируются вопросы сопоставления сложных предложений [Скирдов, 1970; Ибрагимов, 2001; Жапаров, 2007].

Монография Скирдова В.Д. посвящена вопросу сравнения поверхностных грамматических структур сложных предложений в русском и кыргызском языках. По мнению В.Д. Скирдова, явление сложного предложения оказывается достаточно многослойным и многосторонним – всё зависит от характера связи между их составными частями. Автор констатирует, что «существует мнение, будто бы при сочинении части равноправны, самостоятельны по отношению друг к другу, а при подчинении же, наоборот, входящие в состав сложного предложения отдельные конструкции грамматически неравноправны: одна из них является грамматически зависимой, поясняющей» [Скирдов, 1970:4].

Подчинение же не есть грамматическая независимость главной части и грамматическая зависимость подчинённой части; да, такая связь независимой и зависимой частей существует, но связь здесь более тесная – и в русском, и в кыргызском сложноподчинённом предложении «…придаточные предложения сцепляются с главными посредством подчинительных союзов… в кыргызском языке, как и в других тюркских языках, в роли грамматических

средств связи, кроме союзов, выступают различные служебные слова в сочетании с соответствующими формами сказуемых» [цит.соч.: 153].

Таким образом, если при сочинении в сложносочинённых предложениях в русском и кыргызском языках речь идёт о связи двух предложений в одну новую конструкцию более высокой грамматической абстракции, то при подчинении в сложноподчинённых предложениях возникает сцепление двух предложений, которое даёт грамматическую конструкцию наиболее высокой степени абстракции.

«Сопоставительный анализ системы грамматических средств связи сложносочинённых и сложноподчинённых предложений русского и кыргызского языков обнаружил как сходные, так и несходные, присущие только данному языку, признаки, изучение которых так необходимо для познания структуры и законов развития обоих языков» [Скирдов, 1970:160].

Монография С. Ибрагимова имеет объектом изучения тип сложносочинённого предложения русского и кыргызского языков, взятых в аспекте лингвокультурологии. Под лингвокультурологией автор понимает «взаимодействие языка, который есть транслятор культурной информации, и культуры исторической памяти народа» [Ибрагимов, 2001:4]. Автор выдвигает идею о том, что чисто грамматические явления сложносочинённых предложений русского и кыргызского языков связаны с культурно-национальной ситуацией. Но основное внимание автора направлено на изучение лингвокультурологической сущности кыргызского языка: «Мы рассматриваем в своём исследовании, как в сложноподчинённом предложении язык воплощает, хранит и транслирует культуру кыргызского народа» [Ибрагимов, 2001:5].

В кыргызском языке учёный различает две разновидности сложносочинённых предложений: 1) Сложносочинённые предложения без союзов и 2) Сложносочинённые предложения с союзами. Такое же деление сложносочинённых предложений предусмотрено и для сравниваемого русского языка.

И уже на исходе данного исследования, автор конкретизирует предмет изучения: «Предметом нашего анализа являются сложносочинённые предложения, в которых заключены мифы, а также обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, заключённые в языке, во фразеологизмах, пословицах, образно-метафорических

единицах; в их основе лежит, как правило, мифологема или архетип» [цит.соч.: 102]. То есть сложносочинёнными предложениями с лингвокультурологическим содержанием С. Ибрагимов считает паремиологизмы: пословицы и поговорки кыргызского языка. Например: Жети нандан садага, карыптарга бергиле [цит.соч.: 104].

«В процессе функционирования сложносочинённых предложений накопление культурной информации происходит по двум измерениям: языковому (изменения в структуре предложения, в характере отношений между частями в составе сложного) и коммуникативному (изменения в семантике коммуникативных единиц как готовых продуктов речеобразования)» [Ибрагимов, 2001:125].

Фундаментальная сопоставительная грамматика кыргызского и русского языков кыргызского грамматиста и типолога А. Жапарова рассматривает синтаксис языка, распределенный по трём основаниям: 1) Простое предложение; 2) Осложнённое предложение и 3) Сложное предложение. В группу простых предложений учёный относит простые нераспространённые и распространённые предложения кыргызского и русского языков; в группу осложнённых предложений он относит предложения со сложными членами; и в группу сложных предложений такие, которые представляют собой «взаимообусловленное сочетание двух или более предложений, которые не имеют самостоятельного коммуникативного значения и интонационной законченности» [Жапаров, 2007:315].

В группе сложных предложений в обоих сравниваемых языках А. Жапаров выделяет три типа предложений: 1) Сложносочинённые предложения; 2) Сложноподчинённые предложения и 3) Бессоюзные сложные предложения. Под сложносочинённым предложением русского и кыргызского языков автор понимает совокупность простых предложений, могущих вступать между собой в соединительные, сопоставительные, противительные и разделительные отношения, которые определяются связывающими их союзами и применяемой интонацией. Под сложноподчинённым предложением русского и кыргызского языков автор понимает тесное взаимодействие двух или более предложений, одно из которых является в смысловом отношении доминирующим, а другие (другое) поясняют и дополняют его; подчиняющиеся предложения присоединяются к главному посредством подчинительных союзов и союзных слов.

А. Жапаров особо акцентирует внимание в обоих сопоставляемых языках на тип бессоюзного сложного предложения, под которым он понимает объединение двух или более предложений без каких-либо словесных выразителей смысловых отношений между ними, т.е. без союзов и союзных слов. «Простые предложения в составе бессоюзных сложных предложений теряют свою самостоятельность, дополняют значения друг друга и становятся нерасторжимым единством, образуя смысловую и грамматическую цельность единой синтаксической структуры» [Жапаров, 2007:385].

В результате обзорно-теоретического поиска нами выявлен ряд кандидатских исследований, в которых в той или иной связи затрагиваются вопросы сопоставительного анализа сложных предложений, при этом материалом для анализа являются не только германский английский и тюркский кыргызский языки, но также и другие германские (немецкий) и другие тюркские (татарский, турецкий, каракалпакский) языки, сравниваемые обычно со славянским русским языком [Умаров, 1965; Байрамова, 1966; Умаров, 1973; Ирсалиева, 1975; Джумабаев, 1978; Шаршенова, 1991; Абдимомунова, 2011; Айдаралиева, 2011; Вальваков, 2011; Шемшуренко, 2012].

Ученый из Узбекистана А. Умаров изучает проблему передачи на каракалпакский язык русских сложноподчинённых предложений придаточным времени, вводимых подчинительными союзами со значением времени: когда, в то время как, после того как и др. Перед учёным встаёт извечная проблема тюркской грамматики: выделять или не выделять в качестве придаточных предложений в составе сложноподчинённого причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты речи в синтаксической конструкции со своими субъектами действия.

Татарский учёный Байрамова Л.К. изучает проблему перевода на татарский язык русских придаточных определительных с относительным словом «который» и анализирует частотность употребления русского оригинала и татарского перевода в объёме некоторого связного текста. Диссертант выявляет, что русские придаточные с относительным словом «который» передано в татарском языке тремя основными способами перевода:

I) Перевод татарским простым предложением с определительным оборотом;

II) Перевод татарским сложноподчинённым предложением с различными придаточными предложениями;

III) Перевод татарским сложносочинённым предложением» [Байрамова, 1966:4].

Кыргызский учёный К. Умаров сопоставляет немецкие подчинительные союзы и их функциональные эквиваленты в кыргызском языке. Отмечая, что подчинительные союзы подчиняют придаточные предложения главным в составе сложноподчинённых, автор выделяет их разряды: временные союзы: *als – ошондо, wenn – «-да»* и др.; причинные союзы: falls – эгерде, da – «-са» и др.; условные союзы: *wenn – эгер, wann – «-ган»* и др. Однако сопоставительный анализ показывает более чем двукратное количество подчинительных союзов в немецком языке по сравнению с таковыми кыргызскими. «Если в немецком языке выделяется 9 групп подчинительных союзов по типу связи, которую они выражают, то в кыргызском языке выделяется только 4 таких групп, частично соответствующие немецким подчинительным союзам, как причинные, условные, следствия и сравнительные» [Умаров, 1973:23].

Однако недостаток подчинительных союзов в кыргызском языке возмещается другими грамматическими средствами: во-первых, это формы сказуемых придаточных предложений, выраженных причастными и деепричастными оборотами; во-вторых, это так называемые служебные имена с соответствующими подчинительными аффиксами, и, в-третьих, это послелоги, зачастую исполняющие функции подчинительных союзов [цит.соч., там же].

Кыргызский учёный Н.К. Ирсалиева сопоставляет сложносочинённые союзные предложения современного английского языка с их кыргызскими функциональными эквивалентами. Автор дефинирует сложносочинённое союзное предложение как сложное предложение, состоящее из относительно самостоятельных частей, отношения между которыми выражаются посредством сочинительных союзов. При этом учёный отмечает самостоятельный характер сложносочинённых предложений как в английском, так и в кыргызском языках: «Проведённое нами исследование убеждает нас в том, что сложносочинённое предложение является самостоятельным синтаксическим типом предложения в общей системе сложных предложений» [Ирсалиева, 1975:6].

Кыргызский исследователь Джумабаев К. сравнивает немецкие сложноподчинённые предложения с придаточными времени и причины с их кыргызскими функциональными соответствиями. Автор выявляет, что в обоих языках для образования сложноподчинённых предложений играют важную роль 6 языковых средств: 1. Союзы и союзные (относительные) слова; 2. Соотносительные слова (корреляты); 3. Порядок слов; 4. Порядок расположения составных частей сложноподчинённого предложения; 5. Наклонение; 6. Интонация.

Выявляется, что «в кыргызском языке, как и в других тюркских языках, подчинительных союзов значительно меньше, чем сочинительных… Однако неразвитость подчинительных союзов в современном кыргызском языке выполняется другими грамматическими средствами связи, которых нет в немецком языке: неличными формами сказуемых, выраженных причастиями, деепричастиями и отглагольно-именными формами, в сочетании с различными падежными аффиксами, послелогами и другими служебными словами» [Джумабаев, 1978:7].

Кыргызский исследователь Шаршенова Р.М. изучает в сравнительном плане средства выражения условно-следственного отношения в английском и кыргызском языках на материале сложноподчинённых предложений. Учёный устанавливает, что в обоих языках условно-следственные отношения выражаются сложноподчинёнными предложениями с придаточными: условными, дополнительными, меры и степени, следствия, определительными и др. Новым в работе Р.М. Шаршеновой является методологический подход с позиции теории синтаксического поля, которое, по мысли автора, на центр и периферию. Ядром в обоих языках являются сложноподчинённые предложения с придаточными условными и с придаточными следствия. К периферии данного синтаксического поля принадлежат «…все другие средства, выражающие условно-следственное отношение: сложноподчинённые предложения с придаточными подлежащными, с придаточными времени, с придаточными меры и степени, с придаточными сравнения, простых предложений, сложносочинённые предложения, микротекст» [Шаршенова, 1991:12-13].

Кыргызский исследователь Абдимомунова А.О. предпринимает типологическое исследование синтаксической номинации в английском и кыргызском языках. Под

синтаксической номинацией она понимает обозначение некоторого отрезка действительности предложением-высказыванием. В случае же, если более обширный отрезок действительности становится объектом синтаксической номинации, то уже имеет место реализация сложного предложения; в обоих сравниваемых языках синтаксическая номинация сложным предложениям предполагает смысловое перекрещивание их составных частей: грамматическая (синтаксическая) форма синтаксических номинаций при синтагматических отношениях перекрещивания в кыргызском сложном предложении является более сложной ввиду осложнения грамматическими оборотами, в то время как в английском сложном предложении номинативная цепочка перекрещивается в менее сложной форме ввиду наличия аналитичности морфологических основ и слов [Абдимомунова, 2011:17].

Кыргызский учёный А.С. Айдаралиева изучает синтаксическую конструкцию английского языка «предлог+what+придаточное предложение» в сравнении с её кыргызским функциональным эквивалентом. Означенная английская синтаксическая конструкция может выполнять в языке две функциональные нагрузки: мотивировать придаточное дополнительное или же мотивировать придаточное определительное. Автор присоединяется к мнению, что данная английская синтаксическая конструкция более тяготеет к выполнению функции придаточного определительного, поскольку она поясняет и характеризует качества и свойства предмета речи. Выявляется, что в кыргызском языке означенной английской синтаксической конструкции функционально соответствует атрибутивная синтаксическая конструкция «основа инфинитивного предиката+лично-притяжательный аффикс+падежный формант: например:

A police traffic motorcyclist stopped men he believed to be a disqualified driver in what was probably a stolen car; Менин машинамдын үйүбүзгө келе элелегин балдар билишет. [Айдаралиева, 2011:14-15].

Учёный из Кыргызстана Вальваков Р.В. сопоставляет в функционально-семантическом аспекте английские и русские сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными. Функционально-семантическое сопоставление предполагает полевой подход к исследуемым языковым явлениям, которые обычно

бывают объединены в некую замкнутую структуру поля, в данном случае синтаксического поля, распадающегося на центр и периферию.

В обоих сравниваемых языках автор выделяет функционально-семантические разновидности сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными: времени, места, сравнения, условия, причины, уступки и цели. Реализация функционально-семантического подхода к анализу сложноподчинённых предложений в английском и русском языках основывается на явлении синкретизма, который обеспечивает взаимопересечение центра и периферии. Учёный выявляет, что центр синтаксического поля сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными в английском языке составляет придаточное времени, которое мотивирует отнесение всех прочих английских придаточных к периферии синтаксического поля. В русском же языке в центре синтаксического поля придаточных обстоятельственных автор помещает придаточное места, в то время как прочие русские придаточные обстоятельственные относятся к периферии поля [Вальваков, 2011:17].

Учёный-типолог из России Шемшуренко О.В. изучает явления изоморфизма и алломорфизма сложноподчинённых предложений в русском, английском и турецком языках. Учёный констатирует, что сложноподчинённое предложение в означенных языках состоит из одного главного и одного или нескольких придаточных, и что объединение главного и придаточных в единое целое происходит при участии союзных скреп. «В русском, английском и турецком языках выделяются следующие союзные типы сложноподчинённых предложений: изъяснительные, атрибутивные, адвербиальные с темпоральной, каузальной, концессивной, следственной, целевой, сравнительной, сопоставительной семантикой и обстоятельственными значением места» [Шемшуренко, 2012:6-7]. Изоморфизм русских, английских и турецких сложноподчинённых предложений проявляется в том, что отсутствует качественное отличие между союзными сложноподчинёнными предложениями в названных языках «…на уровне содержания компонентов. В сопоставляемых языках используются сходные лексико-грамматические средства связи предикативных единиц в сложном предложении» [цит.соч.: 7].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

§ 1. Обзорно-теоретическое изучение научной литературы по проблемам сложного предложения в русском языке показывает, что данный вид предложения не является однородным и однопорядковым явлением. Его классификация в русском языкознании, а также в языкознании общем, предпринимается на критерии связи в его составе предложений с простой распространённой структурой.

Простое же предложение в русском и общем языкознании рассматривается как единица сообщения, образованная по специально предназначенному для этого образцу, модели со значением предикативности, оно выражает законченную мысль, имеет коммуникативную задачу, эксплицируемую интонацией и порядком слов.

Сложное предложение в русском и общем языкознании конституируется предложениями простыми, которые могут видоизменяться, быть расчленёнными или нерасчлененными. Степень их видоизменения зависит от характера связи между ними в составе сложного. Если между простыми предложениями в составе сложного имеется бессоюзная связь, то в своём подавляющем большинстве они сохраняют свою первоначальную грамматическую форму. Если же в составе сложного предложения наличествует союзная сочинительная связь, то уже наблюдается некоторое их видоизменение, например, в порядке слов. Но наиболее большая степень видоизменения имеет место в структурах простых предложений, когда они соединяются союзами подчинительными, в этом случае зачастую изменяется форма глагол-сказуемого придаточного предложения, она управляется доминирующими словоформами из главной части сложного предложения.

В русском и общем языкознании наблюдается два подхода к лингвистической природе сложного предложения, независимо от их типа: бессоюзного или же союзного с сочинительными или подчинительными союзами. Одна группа учёных [Белошапкова, Земская, Милославский, Панов, 1981] настаивает на относительной самостоятельности простых предложений в составе сложных. Другая группа учёных [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981] полагает, что сложное предложение имеет свою обособленную лингвистическую природу, качественно отличную от семантик простых предложений их составляющих.

Думается, что обе точки зрения имеют право на существование; только следует соотносить их по сложным предложениям, принимая во внимание союзный (с сочинительными значениями или же со значениями подчинительными) или же бессоюзный характер взаимосвязи их составных конституентов.

В русском и общем языкознании отмечается ведущая роль предикативности, предикации, которая может быть свойственна не только простым предложениям в составе сложного, но также и всему сложному предложению в целом.

§2. Сложное предложение рассматривается в германистике и в англистике как такое усложнённое языковое образование, которое конституируется также многокомпонентными своими составными конституентами. Непосредственно составляющими английских сложных предложений рассматриваются так называемые элементарные предложения, которые большей частью могут быть трёхчастными структурами, т.е. они уже не являются предложениями простыми и нераспространенными, но они также и не могут рассматриваться как полномасштабные простые распространённые предложения развёрнутого типа [Абрамов, 1972; Адмони, 1988; Moon, 1959].

Классификация сложных предложений в англистике основывается на критерии характера их связи между собой. Если два и более предложения только примыкают друг к другу, оставаясь самостоятельными в реализации своих смыслов, то мы имеем дело с типом бессоюзных сложных предложений, связываемых между собой только соответствующими знаками препинания. Если два и более предложения согласуются друг с другом в содержательно-логическом плане и связываются между собой сочинительными союзами, то мы имеем дело с типом сложносочинённых предложений. Если два и более предложения соединяются между собой посредством управления и через подчинительные союзы, то мы имеем дело с типом сложноподчинённых предложений, когда одно из их сложной структуры выступает как главное, а другое (другие) как подчинённые, придаточные предложения.

В англистике существует проблема сложного синтаксического комплекса, когда любой член предложения в составе простого предложения, или простого распространённого предложения может осложняться и походить в своей первичной основе на соответствующее придаточное и быть сложным предложением, сложным сказуемым, сложным дополнением, сложным обстоятельством и сложным определением. Данные сложные члены предложения в

некоторой мере уподобляются соответствующим придаточным предложениям в составе сложноподчинённого: придаточному подлежащего, придаточному сказуемого, придаточному дополнительного, придаточному обстоятельственного и придаточному определительному.

Но в теоретической грамматике английского языка предлагаются критерии разграничения коррелирующих между собой сложных синтаксических комплексов и придаточных предложений: 1) сложный синтаксический комплекс входит в структуру простого члена предложения, в то время как соответствующее придаточное только поясняет тот или иной член предложения в составе главного предложения; 2) сложный синтаксический комплекс в своей глагольно-сказуемой части всегда выражается неличными формами глагола (инфинитивом, герундием или причастием), в то время как глагольно-сказуемая часть придаточного всегда выражается личной формой глагола; 3) сложный синтаксический комплекс выражает неполную, свёрнутую предикацию, в то время как придаточное предложение в составе сложноподчинённого выражает полную, полнозначную предикацию.

§ 3. Изучение сложного предложения в тюркологии и в кыргызском языкознании происходило под влиянием флективного славянского русского языка. Такое влияние обусловило постановку двух основных проблем. Во-первых, это была проблема аглютинативного языкового грамматического типа тюркских языков, в том числе кыргызского, в которых глагол-сказуемое во всех предложениях всех коммуникативных типов, а в сложных предложениях в их составных частях, занимает в структуре высказывания всегда последнее место. Во-вторых, это была проблема неличных форм глагола, а именно, придаточных и деепричастных форм «-ган» и «-ып» в составе придаточных, заключаясь в вопросе: могут или не могут данные неличные глагольные формы выражать предикативность? (Кстати, мы в работе присоединяемся к мотивированному мнению, что они могут выражать предикативность, поскольку они являются сказуемыми придаточного).

Изучение сложных предложений в тюркских языках, в том числе в кыргызском, начинается с их классификации. Почти все тюркологи и кыргызоведы высказывают в связи с этим сходные мнения: сложные предложения подразделяются в тюркских языках, равно как и в кыргызском, на сложносочинённые предложения с союзами и без союзов, а также на сложноподчинённые предложения с союзами и без союзов, а также сложные предложения смешанного типа [Нурмаханова, 1971; Гаджиева, 1973; Грамматика современного

башкирского литературного языка, 1981; Серебрянников, Гаджиева, 1986; Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975; Жакыпов, 1975; Жапаров, 1979; Өмуралиев, 1990; Жапар, 1992, ч. II; Биялиев, 2002; Иманов, 2009].

В тюркских языках, а среди них в кыргызском, до сих пор не разрешена проблема усложнения структуры сложных предложений, т.е. их «гибридизация», когда в одной развёрнутой широкой синтаксической структуре совместно употребляются все типы сложных предложений – бессоюзные и союзные сложносочинённые предложения и бессоюзные и союзные сложноподчинённые предложения. Данная проблема поставлена, но до сего времени не нашла своего более или менее удовлетворительного освещения, что обусловлено объективными причинами имеющихся неясностей и недомолвок в области структуры типа сложного предложения: будь это бессоюзные или же союзные сложные предложения, сложносочинённые или же предложения сложноподчинённые. Думается, что разрешение последней проблемы требует обособленного научного лингвистического исследования.

§ 4. Обзорно-теоретическое изучение научной литературы по теме исследования показало, что в этой области сложных предложений были проведены определённые сопоставительные изыскания. Нами были проанализированы работы по германо-тюркскому сопоставительному языкознанию, в том числе по англо-кыргызскому, а также сопоставительные работы, в которых одними из сравниваемых языков являлся бы какой-либо германский язык (английский или немецкий) или же какой-либо тюркский язык, включая кыргызский.

Были проанализированы два блока таких сопоставительных работ: первый блок составили фундаментальные сопоставительные исследования известных русских советских и современных языковедов-типологов, второй блок составили кандидатские исследования по означенной сопоставительной проблематике.

Первый блок фундаментальных сопоставительных работ включал в себя две сопоставительных сферы: 1) работы по германо-тюркскому сопоставительному языкознанию [Буранов, 1983; Бекбалаев, 1991; Жолдошбек уулу, 1996; и др.] и 2) работы по кыргызско-русскому сопоставительному языкознанию [Скирдов, 1970; Ибрагимов, 2001; Жапаров, 2007], - в которых в общей синтаксической системе сравниваемых языков было уделено обширное внимание вопросам сопоставления сложных предложений грамматически разноструктурных

и генетически неродственных языков, каковыми являются, с одной стороны, германский, а с другой стороны, тюркские языки, в основном кыргызский.

Второй блок проанализированных сопоставительных работ включал в себя исследования кандидатского уровня, проведённые исследователями-типологами из России, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана [Умаров, 1965; Байрамова, 1966; Умаров, 1973; Ирсалиева, 1975; Джумабаев, 1978; Шаршенова, 1991 и др.], которые проводили сравнительный анализ того или иного типа сложного предложения на материале сопоставления германского и тюркского языков, или же на материале сопоставления германского или тюркского языков с русским языком, который во времена Советского Союза выступал языком межнационального общения.

Общая языковедческая и сопоставительная классификация германских (английского) и тюркских (кыргызского) сложных предложений сводится к различению сложных предложений с сочинительными союзами – сложносочинённые предложения - и сложных предложений с подчинительными союзами – сложноподчинённые предложения. Семантическая связь между составными частями: главным и придаточным предложениями – в составе сложноподчинённого является более тесной и более слитной, нежели чем семантическая связь между составными частями в составе сложносочинённого, которые, хотя и показывают некоторую слабую связь, но большей частью воспринимаются как независимые друг от друга и относительно равноправные.

В сопоставительных работах также отмечается наличие предикативности во всех составных частях сложносочинённых и сложноподчинённых предложений, но предикативность эта имеет различное проявление как полная предикативность и как свёрнутая предикативность, последняя наличествует в семантике придаточных в составе сложноподчинённого предложения.

ГЛАВА II СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Объект исследования. Сложное предложение в английском и кыргызском языках во всём многообразии его структурно-семантической языковой реализации.

Предмет исследования. Структурно-семантические отношения и взаимосвязи внутри элементарных предложений – составных частей сложных предложений в синтаксической системе германского английского и тюркского кыргызского языков.

Материал исследования. Около 6000 сложных предложений английского языка и около 5500 сложных предложений кыргызского языка, всего 11500 единиц сложных предложений в обоих сравниваемых языках. Материал собран путём сплошного анализа текстов произведений художественной и публицистической литературы прогрессивных английских, американских, кыргызских писателей и публицистов: 31 источник анализа на английском языке и 44 источника анализа на кыргызском языке.

Методы и приёмы лингвистического анализа. В парадигматической плоскости анализа используются семантические методы понятийно-смыслового анализа предложений, его составных частей и составных лексем, морфологический метод дефиниции лексем различных частей речи, а также составных элементов лексем; в синтагматической плоскости применяются синтаксические методы анализа предложений по членам предложения, синтактико-изоморфный метод соотнесения лексем различных частей речи с функциональной ролью члена предложения, а также синтактико-валентностный метод изучения сочетаемости члена предложения. В плане общелингвистического подхода к изучаемому материалу были использованы следующие методы и приёмы лингвистического изучения: метод сопоставительного описания, метод контекстуального изучения, метод трансформационного анализа, приём верификации полученных результатов в аналогичной семантико-грамматической зоне, приём количественных подсчётов.

2.1. Проблема предикации применительно к семантической структуре сложного предложения

Понятие предикации разрабатывалось в языкознании всегда с ориентацией на простое распространенное предложение с повествовательной коммуникативной целенаправленностью. По Ахмановой О.С., предикация есть «… отнесение данного содержания, данного предмета мысли к действительности, осуществляемое в предложении (в отличие от словосочетания): Русский: «Мальчик будет (мог бы быть, является) трудолюбивым» в отличие от «трудолюбивый мальчик»» [Ахманова, 1966; 346].

Понятие предикации облигаторным образом предполагает явление предиката (сказуемого) как действия или признака, присущего предмету речи (субъекту, подлежащему), эксплицированного во временном плане в одном из трех логических времен: в прошлом, настоящем или будущем – относительно момента речи. Облигаторное признание факта наличия предиката также закономерно ведет к манифестации явления субъекта высказывания, как предложения, взятого в некий определенный момент речи; данный субъект речи в логико-грамматическом плане отождествляется в грамматике языка с подлежащим как главным членом предложения.

Однако все же такое отождествление предиката со сказуемым, а субъекта с подлежащим все же неполно отражает реальное положение лингвистических фактов. Сказуемое есть скорее грамматическое средство языка, так же как и подлежащее. И сказуемое, и подлежащее выражают языковую структуру главных членов предложения, в то время как предикат и субъект манифестируют предметы мысли, заключенные в данных главных членах предложения.

Как чётко подмечает замечательный русский советский лингвист А.И. Смирницкий, «сказуемое и подлежащее – это члены предложения, представленные словами, в то время как предикат и субъект ни слова, ни члены предложения, а предметы мысли; это то, что отражается в предложении, но само находится вне предложения» [Смирницкий, 1957: 108].

Видимо, в связи с этим будет уместно вспомнить о функциях, присущих языку: номинативной, когнитивной, коммуникативной, волюнтативной, оценочной, экспрессивной и другие. Сказуемое и подлежащее как явления чисто грамматического

порядка призваны обеспечивать конституирование и функционирование грамматической синтаксической структуры предложения-высказывания как некоторого номена (имени) отрезка внеязыковой действительности, то есть они всецело выполняют номинативную функцию языка. И в то же время данный отрезок реальной действительности отображается в нашем сознании в качестве осознаваемого представления, суждения, а конституенты данного отрезка выступают в сознании в виде предметов мысли, то есть в форме таких понятийно-мысленных сущностей, которые принадлежат к когнитивному уровню языка и выражают когнитивную языковую функцию.

Сама же языковая когнитивная функция определяется как билатериальная сущность, которая, во-первых, проявляется в участии в формировании мысли, а, во-вторых, проявляется через способность «… выражения информации о работе мысли» [Березин, Головин, 1979:75; Алефиренко, 2006:34].

Приведём конкретный пример из исходного англоязычного материала:

1 He met friends, and drank with them**;** they hired a carriage and drove into the country, and there drank again [Stevenson, 2013].

В примере (1) употреблены два простых распространённых предложения, соединённые вместе знаком препинания «точкой с запятой». Так, первое из них *He met friends*, *and drank with them* представляет собой элементарное предложение, где, кроме облигаторных подлежащего-субъекта *he* и сказуемого-предиката, а точнее, двух сказуемых-предикатов *met* и *drank*, имеются еще два дополнения-объекта: *friends* и *with them*. Подлежащее Sub и сказуемое Pred образуют субъектно-предикатную конструкцию, т.е. грамматическую предикацию. Однако когнитивно-понятийная сторона предложения выражает два предмета мысли: один предмет мысли, обозначающий действие, а именно процесс встречи *met* и процесс бражничанья *drank*; данные однородные действия, мыслимые как предмет (процесс), представляют происходящее в плане прошедшего; они выступают как семантический предикат и соотнесены со своим субъектом (семантическим субъектом) как производителем действия в плане прошедшего по отношению к моменту речи. Таким образом, предикат и субъект тяготеют к семантике предложения и являются предметами мысли, интерпретируемые с когнитивно-понятийной

функцией языка. И в то же самое время подлежащее и сказуемое принадлежат к чисто грамматической (формально-грамматической) стороне предложения и являются средствами синтактико-грамматического уровня.

Сложное предложение, в сущности, онтологически является подобным простому и обладает сходной лингвистической сущностью. Сложное предложение проявляет, как и простое, пять онтологических лингвистических аспектов: 1) номинативный аспект, 2) коммуникативный аспект, 3) понятийно-смысловой, 4) модально-коннотативный и 5) интонационно-звуковой.

1. Номинативный аспект сложного предложения реализует номинативную функцию языка и служит для целей обозначения некоторой ситуации, которая отличается сложной внеязыковой структурой. Если синтаксическая номинация действенна для простого распространённого предложения и служит для обозначения некоторой предметно-признаковой внеязыковой ситуации, то для обозначения сложной внеязыковой ситуации – события необходимы, по меньшей мере, два простых распространённых предложения, которые реализуют уже сложную синтаксическую номинацию. Но принципиального отличия между сложной синтаксической номинации события посредством сложного предложения и простой синтаксической номинацией ситуации посредством простого распространённого предложения не имеется – небольшое различие заключается в объёме внеязыковой ситуации и в семантическом объеме предложения. Например:

(2) Бир сомду чөнтөгүмдөн сууруп жатканда, көз алдымдан ушунун баары чууруп өттү [Усубалиев, 1991].

(2-I) As I was going down the road, I met your sister [Bowen, 1998].

В примерах (2) и (2-I) мы имеем сложную синтактическую номинацию объёмного внелингвистического события. Обозначаемое событие состоит из двух составных внелингвистических явлений: көз алдымдан ушунун баары чууруп өттү - бир сомду чөнтөгүмдөн сууруп жатканда // I met your sister - As I was going down the road, - которые связываются воедино тем, что первое из грамматически являясь конституентом, а именно, главной частью сложного предложения, приобретает при номинации право обозначаемого предмета речи, а второе, являясь зависимой частью сложного предложения, приобретает

право номинируемого признака предмета; т.е. в случае сложной синтаксической номинации сложная внеязыковая ситуация упрощается и уподобляется простой синтаксической номинации с соблюдением основного принципа номинации: обозначаемый предмет+бросающийся в глаза его номинируемый признак.

При трансформации сложной синтаксической номинации сложным предложением в простую несложную синтаксическую номинацию, которая обычно имеет место при употреблении простого распространённого предложения, возникает самостоятельно номинативное значение, называемое чаще значением пропозитивного плана, данное пропозитивное значение может иметь семантику атрибутивности, объектности, адвербиальности, сказуемости и подлежащности. Так, в кыргызскоязычном примере (2) и в англоязычном (2-I) «пропозитивное значение вырисовывается как значение атрибута (в самом широком понимании этого термина) в его отнесенности или относимости к предметам или явлениям, в его «привязанности» или «привязываемости» в действительности, миру в его направленности или направляемости на референт «предмет» [Эргешбаева, 2006: 20-21; Арутюнова, 1976; 79; Попова, 2013: 155; Searle, 1970: 113-114]

2. Коммуникативный аспект сложного предложения предполагает его иллокутивность, то есть то, что оно создано одним носителем языка – адресантом для сообщения некоторой информации, заложенной в нем, другому носителю языка – адресату. Коммуникативный аспект есть проявление коммуникативной функции языка, а именно того, что язык создан человеком для целей общения с целью передачи и получения той или иной информации. И если простое распространённое предложение выражает сообщение о некотором предмете речи, его признаках или его действиях относительно другого предмета в предложении элементарного троичного типа: [Sub+Pred+Obj], то сложное предложение выражает такую информацию уже минимально в четырех-элементном типе: [Sub+Pred+Obj+Obj (Atr, Adv]. Например:

(3) Tom made his way towards the public square of the village, where two «military companies of boys had met for battle [Twain, 2012]»

(3-I) Энеке, сени көргөндө, таманым кетти жылбышып [Кожожаш, 1996].

Сообщаемая в англоязычном сложноподчинённом предложении (3) коммуникативная информация имеет четырёхэлементное строение: [Sub+Pred+Obj –Adv], а именно, сообщается о предмете речи – лице *Tom*, о его действии *made his way* по направлению к некоторому объекту *towards the public square of the village* и об обстоятельствах, поясняющих объект *where two "military" companies of boys had met for battle*.

Аналогичным образом в кыргызском сложноподчинённом предложении (3-I) коммуникативная информация также имеет четырехэлементное строение: [Sub+Pred+Obj+Adv], а именно, сообщается о предмете речи – таманым, о его действии «кетти жылбышып» в связи с другим объектом «энеке» и в связи с обстоятельством, поясняющим объект «сени көргөндө».

Реализация коммуникативного аспекта сложного предложения, представляя собой «манифестацию коммуникативной функции языка, в логико-грамматическом плане проявляются синтактико-семантические отношения…» между подлежащим и сказуемым (предикативные), между сказуемым и дополнением (объектные), между сказуемым и обстоятельством (обстоятельственные), между предметом и его определением (атрибутивные) [Ломтев, 1976:127; Гулыга, 1971:107-108; Лекант, Диброва, Касаткин и др., 2001:496].

3. Понятийно-смысловой аспект сложного предложения содержится и реализуется в семантической стороне данной языковой единицы, в его смысле. Кроме чисто номинативного обозначения и синтактико-номинационного подхода к сложным внеязыковым явлениям, сложное предложение включает в себя самые разнообразные понятийно-смысловые компоненты, характеризующие в приблизительно полном объеме как предмет речи, так и его признак или действие. Если конкретизированные понятийные смыслы содержатся в семантике элементарных предложений, из которых конституируется сложное предложение, то сама глубинная структура последнего обусловлена характером отношения между его составными частями, данные отношения определяются авторами академических «Грамматических исследований…», а также видным англистом Дж. Сёрлем как «отношения логической обусловленности», которые устанавливаются между составными компонентами сложного предложения, причём эти составные компоненты проявляют понятийно-смысловую семантику пропозитивного характера. Сами отношения

логической обусловленности формируют особую пропозицию. Пропозитивное значение вступающих в отношения логической обусловленности компонентов не вызывает сомнения в том случае, когда эти компоненты представлены предикативными конструкциями, то есть когда отношения логической обусловленности выражены в форме сложного предложения» [Ильина, Воронцова, Борунова и др., 1991:168-169. – Подчёркнуто нами. Д. К.– Краснов, 2018:106-107; Searle, 1977:36-37]. Например:

(4) Өз колуң менен сылап-сыйпап, алаканына салып, жерде балдар менен бирге өскөн айбандарыңызды жалпы ортого тапшырып берүү, канчалык аянычтуу болсо да, алып барып тапшыруу керек [Мияшев, 1974].

(4-I) A little boy with oblique dark eyes was shepherding a pig, and by the house door stood a woman, who came towards them [Stevenson, 2010].

Отношение логической обусловленности в кыргызскоязычном (4) и в англоязычном (4-I) сложных предложениях сочинительного типа проявляется в детерминированности смысла второй части смыслом первой. И хотя повсеместно в дефинициях сложного предложения постулируется, что составные части сложносочинённых предложений являются относительно независимыми друг от друга [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:395; Ильина, Воронцова, Борунова и др., 1991:234-235], но всё же языковые факты не всегда подтверждают этого постулата, как, например, в примерах (4) и (4-I), где отношения логической обусловленности ставят семантику второй составной части в зависимость от семантики первой.

4. Модально-коннотативный аспект сложного предложения объединяет два смежных языковых средства: модальность и коннотацию, которые в семантической структуре сложного предложения вступают в смысловой симбиоз. Если понимать под модальностью, во-первых, отношение говорящего к своему же высказыванию о предмете речи, а во-вторых, «…отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:303; Касаткин, Клобуков, Крысин и др., 2004:149], а под коннотацией, - во-первых, любой дополнительный смысловой нюанс, высказываемый говорящим в сообщении, а во-вторых, эмоциональную, оценочную или стилистическую окраску «…

языковой единицы узуального (закреплённого в системе языка) или окказионального характера» [цит.соч.:236], то такое объединение двух языковых имплицитных средств в один симбиоз представляется правомерным, поскольку они оба связаны одним общим элементом – «говорящим человеком»; именно говорящий человек формирует как модальную, так и коннотативную сторону высказывания и сложного предложения.

(5) «I do beseech you, fair maid – it is the favorite falcon of the queen: I dare not return to the palace without it» [Irving, 1984]

(5-I) Эгер эртең Каллистратовдун өлүгүн кокус таап алышып, анан поезддан жөн эле үчуп өлгөнүнө эч ким ишенбесе, эч кол тийгизбеген Гришан да таза бойдон чыга берет [Айтматов, 1988].

В английском сложном предложении бессоюзного типа модально-коннотативный аспект проявляется отчётливо. Такое хорошее субъективное отношение говорящего к собеседнице выявляется через обращение *fair maid*, а дополнительный смысловой оттенок с негативно-предположительной оценкой содержится во всем смысле последней составной части: *I dare not return to the palace without it*. Но наличие данного модально-коннотативного аспекта не является облигаторным фактом – нередко в высказываниях односоставных или безличных данный аспект в обоих сопоставляемых языках может и отсутствовать.

В кыргызском сложном предложении (5-I) сложноподчинённого типа с придаточным условным с союзом «эгер» модально-коннотативный аспект высказывания также явно проявляется через названный союз «эгер», а дополнительный смысловой оттенок с нейтрально-предположительной оценкой проявляется через семантику всего придаточного условного «эгер эртең Каллистратовдун өлүгүн кокус таап алышып».

5. Интонационно-звуковой аспект сложного предложения всегда присутствует в устной речи, в письменной же речи он наличествует имплицитно и выражен различными знаками препинания, порядком слов и взаимным расположением составных частей по отношению друг к другу. Данный аспект относится одинаково ко всем прочим, предыдущим аспектам сложного предложения, поскольку он обслуживает всё сложное предложение в целом. Например,

(6) Шамал айдап көлдүн киргил көбүгүн,.

Кашка суудай мөлт дейт түшкөн өмүрүм [Осмонов, 1 т., 2014].

Вышеприведённое кыргызское сложное предложение (6) представляет строфу из стихотворения классика кыргызской художественной литературы А. Осмонова и интонируется в соответствии с законами данного жанра с мелодикой каждой строки «восходящий тон – ровный тон – нисходящий тон». Такое интонирование затрагивает все предыдущие аспекты предложения: номинативной, коммуникативной, понятийно-смысловой, – но особо оно связано с аспектом модально-коннотативным, поскольку в данной стихотворной строфе – сложном предложении бессоюзного типа явно проявляются дополнительный элегический смысл и субъективная сравнительная печальная самооценка.

(6-I) And Tom's face lit up when she threw a pansy over the fence before she disappeared [Twain, 2012].

Английский пример (6-I) являет собой предложение из широко известного произвдения М.Твена «Приключения Тома Сойера» [The Adventures of Tom Sawyer]. Его интонационно-звуковой аспект реализуется в соответствии с английской мелодикой, релевантной для сложноподчинённых предложений. Данный интонационно-звуковой аспект как бы «вбирает» в себя предыдущие номинативный, коммуникативный и понятийно-смысловой аспекты сложного английского предложения, но наиболее тесно оно связано с аспектом модально-коннотативным – оно реализует через свою мелодику «ровный тон – восходящий тон – ровный тон – падающий тон» дополнительный нюанс с семантикой радости: face lit up.

По Адмони, степень эмоциональности предложения выявляется прежде всего в интонации, а в сложном предложении сюда добавляется позиционное размещение составных частей относительно друг друга. Однако точную типологию интонации и мелодики в сложных предложениях провести очень сложно, «различение типов здесь удаётся провести очень суммарно, противопоставляя друг другу эмоционально нейтральные и эмоционально повышенные предложения» [Адмони, 1968:234; Джумалиева, 2011: 22-23].

Все проанализированные выше аспекты сложного предложения в той или иной степени выражают различные функции языка. Так, номинативный аспект сложного предложения выражает номинативную функцию языка, служащую для обозначения

предметов, ситуаций и событий внеязыковой действительности. Коммуникативный аспект выражает коммуникативную функцию, служащую для общения людей в обществе посредством языка. Понятийно-смысловой аспект выражает когнитивную функцию языка, которая предусматривает, с одной стороны, познание мира посредством мыслительных способностей человека, а с другой, удерживает данное познание в понятийно-семантических концептах и структурах. Модально-коннотативный аспект сложных предложений выражает эмотивную, или эмотивно-экспрессивную, функцию языка, которая предполагает, что названные предложения могут содержать такие модальные и коннотативные элементы, которые непосредственным образом вызывают особое эмотивное отношение человека и особое экспрессивное выражение этих эмоций в языковых структурах. Что же касается интонационно-звукового аспекта сложного предложения, то он выражает все означенные выше языковые функции, поскольку сложные предложения имеют онтологическое происхождение в звучащей речи, а письменная речь, в которой нет непосредственного звучания, есть не что иное, как графическое отображение звучащей речи в специальных общепринятых письменных знаках.

Грамматическая (в самом широком смысле этого слова) категория предикативности, свойственная сложным предложениям, имеет свою лингвистическую основу в вышеуказанных аспектах сложного предложения: номинативном, коммуникативном, понятийно-смысловом, модально-коннотативном и интонационно-звуковом. «В отличие от простого предложения, выражающего отношение одного конкретного субъекта к окружающей действительности, устанавливаемой автором текста, сложное предложение отражает взаимообусловленность двух предложений через отношения их предикатов» [Кириллова, Прокопьева, Филиппов, 2014:93]. Ведь именно понятие предикации как смысловое взаимодействие предиката-сказуемого и субъекта-подлежащего особенно явно проявляется в бессоюзном сложном предложении, в котором составные части сложного предложения соединяются интонацией в звучащей речи и посредством соответствующих пунктуационных знаков в письменной речи; в данном типе предложения зачастую предикация оказывает влияние и на третий член предложения, составляющий необходимый формат элементарности, элементарного предложения, например:

(7) Above, the forest ran up into the clouds of rain; below, the black lava fell in cliffs, where the kings of old lady buried [Stevenson, 2013].

В обоих составных частях англоязычного сложного бессоюзного предложения, соединённого пунктуационным знаком «точка с запятой», содержатся субъектно-предикатные конструкции, которые выражают предикативность. В первой составной части *Above, the forest ran up into the clouds of rain* субъектно-предикатная структура *the forest ran up* влияет на составной атрибут элементарного предложения *into the clouds of rain*, который в данном случае является объектом-дополнением. Явление предикации имеет место быть в означенном предложении, поскольку предикат взаимодействует с субъектом речи и имеет дополнительное взаимодействие с объектом предложения.

Вторая составная часть бессоюзного сложного предложения, стоящая после «точки с запятой», уже является не только второй составной частью означенного сложного предложения сочинительного типа, но и сама обладает уже другим лингвистическим статусом – она уже является само сложным предложением сложноподчинённого (подчинительного) типа, в котором главная часть – *below, the black lava fell in cliffs*, а подчинённых, зависимая часть – *where the kings of old lady buried*, и причём зависимая часть является придаточным обстоятельственным места, указывая на некоторое пространство, где совершается действие. Во второй части бессоюзного сложного предложения, представляющего собой сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным места, уже имеются две субъектно-предикатные конструкции: в главном предложении *the black lava fell* и в зависимом придаточном *the kings buried*, – то есть во второй части бессоюзного сложного предложения реализуются две предикации, два предикативных отношения.

Таким образом, «онтологически предикативность должна интерпретироваться как опосредованное коммуникативным намерением говорящего отображение предикативного отношения в структуре высказывания. В грамматическом плане предикативность – двусторонний механизм, включающий 1) грамматическое маркирование компонентов, соответствующих компонентам предикативного отношения и 2) актуализацию этого отношения путем его локализации в мыслимой действительности через соотнесенность с базовыми параметрами

текущей коммуникации. Вторая составляющая грамматического аспекта предикативности есть в то же время и ее функциональный аспект.» [Дымарский, 2013:85].

Что же касается понятия пропозиции, то мы вслед за многими учёными, занимающимся проблемами синтаксической семантики или семантического синтаксиса, отделяем явление пропозиции от явления предикации. Ранее мы попытались показать, что предикация присуще всей понятийно-семантической структуре предложения – высказывания и имеет лингвистическую основу во всех аспектах сложного предложения: в номинативном, коммуникативном, понятийно-смысловом, модально-коннотативном и интонационно-звуковом, – то есть предикация мотивируется не только отношением субъекта и предиката, но и всеми другими отношениями, вытекающими из означенных выше аспектов. Явление же пропозиции является более абстрактным, оно связывается только с самым важным, самым актуальным членом предложения, в качестве которого обычно выступает глагольное сказуемое. «В основной структуре предложения мы обнаруживаем то, что можно назвать «пропозицией», то есть вневременной набор отношений между глаголами и именами» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:298. – Подчёркнуто нами. Д. К. – Арутюнова, 1976:37; Ильина, Воронцова, Борунова и др., 1991:167; Пузиков, 2009:11].

В структуре простого распространённого, то есть элементарного предложения, явление пропозиции обнаруживается между глаголом и именем, причём имя необязательно может быть субъектом, оно может быть и объектом. В семантике элементарного предложения термин «пропозиция» может быть применён к значению той части предложения, той семантической структуре, которая способна соединиться с любым «модусом коммуникативной цели», то есть с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта» [Арутюнова, 1976:34]. Рассматриваемая в таком ракурсе, пропозиция может быть наложена только на номинативный аспект элементарного предложения, который ещё не предполагает лично-временных глагольных экспликаций. Все остальные аспекты элементарного предложения остаются вне сферы влияния явления пропозиции: ни коммуникативный аспект, ни понятийно-смысловой аспект, ни модально-коннотативный, ни даже интонационно-звуковой аспект элементарного предложения не затрагиваются действием пропозиции.

Но нагляднее всего пропозиция проявляется в сложном предложении, оно непосредственно связывает глагольно-именные соединения из двух или более составных частей данного сложного предложения. Поясним нашу мысль на примере из кыргызского языка:

(8) Ал бир канча жолу кайрылып кеткиси да келди, бирок анын намысы бир кадам артка бастырбады [Ормонбеков, 1974].

Кыргызскоязычный пример (8) представляет собой сложное предложение сложносочиненного типа, в котором взаимодействуют два элементарных предложения, соединяющиеся посредством связующего кыргызского союза *«бирок»*. Первое элементарное предложение конституируется субъектно-предикатной структурой *«ал+кайрылып кеткиси да келди»*, второе элементарное предложение конституируется подобной субъектно-предикатной структурой *«намысы+артка бастырбады»*; в двух элементарных предложениях реализуется две предикации, две предикативные линии. Данные предикатные линии, в сущности, выражаются сочетанием глагола и имени. Две предикативные линии двух элементарных предложений составляют одно сложное предложение сложносочинённого типа, соединяясь связующим союзом *«бирок»*. Но не только союз *«бирок»* конституирует сложносочинённое предложение в примере (8), понятийно-семантическую связь между двумя глагольно-именными сочетаниями двух элементарных предложений в процессе их объединения в одно целое сложного предложения сочинительного типа осуществляет пропозиция, которая в сложных синтаксических структурах выражает необходимую информацию о произошедшем, или происходящем событии. «Пропозиция есть суждение о событии. Событие при этом понимается не только как свершение чего-то, но и как приписывание предмету признака» [Ильина, Воронцова, Борунова и др., 1991:168].

Таким образом, основные отличия пропозиции от предикации состоят в том, что пропозиция проявляется в предикации или предикациях, в то время как предикация выступает фундаментом пропозиции, лингвистической почвой, на которой функционирует пропозиция; пропозиция есть более абстрактное явление и выражает основное суждение о событии, в то время как предикация есть конкретное представление логико-грамматических отношений, возникающих между субъектом-подлежащим и предикатом-сказуемым.

2.2. Классификация сложных предложений в английском языкознании

Как мы уже отмечали ранее в нашей работе, классификация сложных предложений в германском и английском языкознании имеет два подхода: нормативный, исходящий из учебных лингвометодических целеустановок, и научный, исходящий из лингвистических фактов реального языка. Первый нормативный подход различают в английской синтаксической системе два вида сложных предложений: сложносочиненное предложение и сложноподчиненное предложение [Беляева, 1977:272; Качалова, Израилевич, 1995:45; Wyld, 1953:101; Roberts, 1968:267-268]. Второй научный подход предполагает выделение среди английских сложных предложений трех видов: бессоюзное сложное предложение, сложносочиненное предложение и сложноподчиненное предложение [Адмони, 1968:237-238; Блох, 1986: 102-103; Halliday, 1970: 151; Sinclair, 1972:84].

Мы в нашей работе присоединились ко второй точке зрения, согласно которой в английском языке различают три вида сложных предложений, поскольку считаем, что она основывается на действительном состоянии языка и на реальных онтологических свойствах английских сложных предложений. Одним из приоритетных критериев для такого различия является характер связи между составными частями сложного предложения: так, в бессоюзном сложном предложении в английском языке его составные части связываются семантической связью «примыкание», в английском сложносочиненном предложении такой семантической связью является «согласование», а в английском сложноподчиненном предложении семантической связью между его составными частями выступает «управление». Например:

(1) Too much cast down to speak, we stumbled down the dark tunnel and made our way back to the camp [Conan Doyle, 2014].

(2) Then he sat down, and Mr Waldron, the famous popular lecturer, rose among a general murmur of applause [Canon Doyle, 2014].

(3) So naturally Michaelis tried to find out what had happened, but Wilson wouldn’t say a word [Fitzgerald, 2014].

В примере (1) употреблено бессоюзное сложное предложение, состоящее из двух элементарных предложений. Оба этих элементарных предложения представляются

самостоятельными и независимыми друг от друга, но это не так. Они связаны друг с другом некоторой смысловой нитью. Хотя данная смысловая связь слабая, но она существует – она проявляется через негативное употребление некоторых лексем в первой и второй частях данного сложного предложения *cast down to speak – stumbled down the dark tunnel*. И именно наличие данной слабой смысловой связи детерминирует в звучащей речи незавершённость интонационной мелодики, которая отмечается и выделяется в письменной речи пунктуационным знаком «запятой» [Akhmanova, Minajeva, Mindrul, 1986:12-13]. То есть обе составные части бессоюзного сложного предложения примыкают друг к другу.

В примере (2) употреблено сложносочинённое предложение, также состоящее из двух элементарных предложений, второе элементарное предложение имеет в своём составе расширенное определение аппозитивного характера *the famous popular lecturer*. Связь между составными частями данного сложносочинённого предложения менее слабая, чем в (1)-ом примере с бессоюзным сложным предложением. Смыслы обоих предложений соотносятся и согласуются в последовательности обозначений деталей ситуации, в грамматическом выражении сказуемостных форм, а также и в других семантических и грамматических факторах: *he sat down – Mr Waldron rose*. То есть в сложносочинённых предложениях английского языка имеет место быть семантическая связь согласование, при котором происходит соотнесение глагольно-именных грамматических лексемных форм в обеих частях сложносочинённого предложения – пример (2), – которые, однако, детерминированы соотнесением смыслов элементарных составных предложений. При этом основную роль в семантической связи согласования в названном примере играет соединительный союз *and*, который позволяет «…присоединять к предшествующему предложению новое предложение, содержащее дополнительное сообщение или развивающее мысль дальше» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:340].

В примере (3) уже употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным дополнительным, при этом его составные части соотнесены между собой подчинительным союзом *what*. Семантическая связь здесь иная, определяемая как управление.

Любое сложное предложение английского языка, в том числе и сложноподчиненное, определяется в теоретических грамматиках английского языка как

«…структурное и семантическое единство двух или более синтаксических конструкций, каждая со своим предикативным центром, складывающееся на основе синтаксической связи и используемое в речевой коммуникации как единица однопорядковая с простым предложением» [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981:232; Wierzbicka, 1995:74].

В сложном предложении (3) главным является *So naturally Michaelis tried to find out*, а придаточным – вся остальная часть: *what had happened, but Wilson wouldn't say a word*. Заметим также, что придаточное предложение само по себе также может быть интерпретировано как сложносочинённое предложение, составные части которого соединены союзом *but*. Таким образом, в сложном английском предложении (3) действуют три предикативных центра, три субъектно-предикативные структуры: 1. *Michael is+tried to find out*; 2. *What+had happened*; 3. *Wilson+wouldn't say*. При этом 2-я субъектно-предикатная структура *What+had happened* является придаточной для 1-ой *Michael is+tried to find out*, а именно, является зависимым придаточным предложением для главного предложения, выраженного 1-ой субъектно-предикатной структурой. Данное главное предложение с предикативным центром *Michael is+tried to find out* управляет придаточным предложением со 2-ой субъектно-предикатной структурой *What+had happened*; последняя же выступает в функции заместителя дополнения для главного предложения, то есть является придаточным дополнительным. Именно придаточное дополнительное в сложном английском предложении (3) обусловливает синтаксическую связь в составе сложного как реализацию составной части сложного предложения, а именно, придаточного предложения дополнительного, «как однопорядковая единица с простым предложением» [цит.соч., там же].

Таким образом, в бессоюзных сложных предложениях в английском языке действует семантическая связь примыкания, в сложносочинённых предложениях – семантическая связь согласования, а в сложноподчинённых - семантическая связь управления.

Однако характер семантической связи (примыкание, согласование, управление) не является доминирующим понятийно-лингвистическим критерием для идентификации типов сложных предложений в английской синтаксической системе. Предикация как чисто понятийно-смысловой фактор является надежным критерием для идентификации и классификации английских сложных предложений, наряду с критерием семантической связи.

«Структура сложного предложения определяется тремя компонентами: в нем выделяются два компонента, представляющие два события, и третий компонент, выражающий отношение между ними. Именно от этого третьего компонента зависит и структурный, и содержательный (семантический) тип сложного предложения» [Зыкин, Сергаева, 2014:147].

Разберём предикацию как критерий классификации английских сложных предложений: бессоюзных сложных, сложносочинённых и сложноподчинённых. Приведём для этого некоторые характерные примеры из нашего англоязычного фактического материала:

(4) The current of the river is a slight one, the drop being not greater than eight inches in a mile [Conan Doyle, 2014].

(5) She went to ahead of him, still without speech; only sometimes she glanced back and glanced away again, and she kept the string of her hat in her mouth [Stevenson, 2013].

В (4)-ом и (5)-ом примерах употреблены английские сложные предложения, которые можно идентифицировать как бессоюзные сложные, исходя из понятийного критерия характера семантической связи примыкания. Данный семантический критерий предполагает, что в речевой реализации все составные части данных бессоюзных сложных предложений интонируются с определенной мелодикой. Так все неконечные простые элементарные предложения в составе примеров (4) и (5) произносятся с некоторым восхождением тона, указывающим на незаконченность общего смысла высказывания. Конечные же предложения в этих сложных предложениях произносятся с нисходящим тоном и с эмфатической мелодикой, такая «интонация является одним из грамматических средств оформления предложения; она придает предложению необходимую степень смысловой законченности и выражает его функциональный тип» [Торсуев, 1953:126; Jakobson, 1960:362; Widdowson, 2003:118]. Таким образом, критерий семантической связи примыкания выявляется и применяется при знании материально звуковой стороны бессоюзного сложного предложения.

Предикация является надёжным критерием идентификации сложных предложений, а именно, бессоюзного сложного предложения. В примере (4) содержатся две субъектно-предикатные структуры, обозначаемые в лингвистике, а именно, в теоретической грамматике английского языка, еще как: предикация, предикативные центры, предикативные отношения, предикативные связи. Субъектно-предикатная структура первой

составной части бессоюзного сложного предложения выражается субъектно-предикатной структурой языковых единиц: [The current+is a slight one], таковая же второй составной части выражается субъектно-предикатной структурой языковых единиц [the drop+being not greater]. Аналогичным образом можно представить в примере (5) первые два элементарных предложения, без последнего *and she kept the string of her hat in her mouth*, которое уже мотивирует сложное предложение с сочинительной связью: [She+went] и [She+ glanced].

Однако, мы уже отмечали, что в сложном предложении явление предикации претерпевает качественное изменение: предикация сохраняет свои общие, характерные для обозначаемой ситуации признаки и трансформируется в пропозицию. Предикация в этом случае становится актом «…соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (в норме-предикатом и его актантами), с целью отразить «положение дел», событие ситуацию действительности; акт создания пропозиции» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:393].

Пропозиция в бессоюзных сложных предложениях английского языка становится атрибутом всего данного предложения с его сложной синтаксической структурой. Оно связывает и соотносится с семантикой субъектно-предикатных структур каждой составной части данного сложного предложения. В этом случае имеет место процесс «…создания пропозиции, соединение смыслов более элементарных языковых выражений – незавершенная пропозиция» [Степанов, 1990:393. – Разрядка автора]. Таким образом, незавершенная пропозиция связывает в примере (4) две субъектно-предикатные структуры одного бессоюзного сложного предложения [The current+is a slight one] и [the drop+being not greater], а в примере (5) также две субъектно-предикатные структуры [She+went] и [She+ glanced] одного бессоюзного сложного предложения.

Приведем примеры на сложные предложения сложносочинённого типа:

(6) Waldron sat down, and Professor Challenger rose and advanced to the edge of the platform [Canon Doyle, 2014].

(7) The road still ascended, and we crossed a rock-studded slope which took two days to traverse [Canon Doyle, 2014].

В примере (6) и (7) употреблены сложные предложения сочинительного типа, в обоих случаях их составные части соединены союзом and. Данный сочинительный союз and обусловливается семантической связью согласования, который действует между составными частями сложносочиненного предложения (6) и (7). Фактор согласования в примере (6) проявляется как на семантическом, так и на грамматическом уровне при употреблении наименований движения в первой части сложносочиненного предложения *sat down* и во второй *rose advanced*. Однако данный фактор согласования и употребления сочинительного союза *and* еще не позволяют полностью и в полной мере идентифицировать пример (6) как сложносочиненное предложение. Аналогичным образом, семантическое и грамматическое согласования составных частей сложного предложения (7) еще не позволяют в полной мере идентифицировать его как предложение сложносочиненного типа.

Рассмотрение субъектно-предикатных структур сложных предложений (6) и (7) позволяют внести окончательный штрих в идентификацию означенных предложений. Так, в сложном предложении (6) имеются две субъектно-предикатные структуры двух составных частей [Waldron+sat down] и [Professor Challenger+rose and advanced]. В сложном предложении (7) также имеются две субъектно-предикатные структуры двух составных частей [The road+ascended] и [we+crossed]. Однако две данные предикации в обоих сложных предложениях (6) и (7) связаны в одно предложение сложносочиненного типа. В каждой из предложений их взаимосвязь обеспечивается пропозицией, которая, как и в бессоюзных сложных предложениях, представляют собой предикацию высокого порядка и абстрагированного характера. Но на этот раз данная пропозиция соединяет два элементарных предложения, которые согласуются между собой семантически и грамматически; связь более тесная, нежели чем элементарные предложения в бессоюзных сложных предложениях. И такую их тесную связь обеспечивает сочинительный союз *and*, который соединяет не только собственно синтаксические структуры, но также и структуры чисто семантические. Сочинительные союзы, (в нашем случае сочинительный союз *and)* обуславливают тесную, грамматическую и семантическую связь составных частей в предложениях сложносочинённого типа пропозицию более высокого уровня. Данная пропозиция, соединяющая две субъектно-предикатные структуры двух составных частей –

это как минимум – сложносочинённого предложения, выступает как пропозиция широкого объема: «утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности – завершенная пропозиция» [Степанов, 1990:393].

В сложном предложении (6) завершённая пропозиция связывает воедино две предикации, выраженные в двух субъектно-предикатных структурах [Waldron+sat down] и [Professor Challenger+rose and advanced], в сложном предложении (7) завершённая пропозиция связывает воедино две предикации двух субъектно-предикатных структур [The road+ascended] и [we+crossed]. «Завершённая пропозиция находит своё отражение в языке в виде полных самостоятельных предложений, например, каждое из вышеприведённых предложений целиком» [цит.соч., там же]. Данное замечание Ю.С. Степанова можно полностью отнести и к нашим предложениям сложносочинённого типа (6) и (7).

Приведём примеры на сложные примеры сложноподчинённого типа:

(8) He uncovered the vase, and threw the faded rose into the water which it contained [Hawthorne, 2013].

(9) Fergus, who owned the ice and sulphur-match concessions of the republic, says he'll keep me company [O. Henry, 2013].

В данных примерах (8) и (9) также действует явление предикации. Но тот факт, что оба этих примера представляют собой сложные предложения подчинительного типа, несколько видоизменяет предикацию в придаточных предложениях.

В англистике последующее суждение относительно грамматико-семантического состава сложного предложения является непреложным фактом: «Сложное предложение – это структурное и семантическое единство двух или более синтаксических конструкций, каждая со своим предикативным центром, складывающееся на основе синтаксической связи и используемое в речевой коммуникации как единица однопорядковая с простым предложением» [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981:23. – Подчеркнуто нами Д. К.].

И в самом деле, это суждение действенно для английских сложных предложений бессоюзного и сложносочинённого типов. В сущности, данное суждение действенно и для сложных предложений сложноподчинённого типа, но только с некоторыми ограничениями, касающимся придаточного предложения. Так, в первой главной части, в главном предложении в примере (8) его субъектно-предикатная структура выглядит как

полная предикация с обеими составными компонентами [He+uncovered], в примере (9) также его главная часть показывает полную предикацию с двумя составными компонентами [Fergus+says]. Но в то же время в обоих придаточных предложениях обоих сложных предложений в примерах (8) и (9) их субъектно-предикатные структуры выглядят неполными. Так, в придаточном предложении примера (8) его субъектно-предикатная структура должна выглядеть как [which+it contained], а в придаточном предложении примера (9) его субъектно-предикатная структура должна выглядеть как [who+owned], но все дело в том, что союзные, относительные слова which в примере (8) и who в примере (9) не являются полнозначными субъектами, они представляют собой слова, заменяющие субъект в его субъектно-предикатном отношении.

Но все же в данных придаточных предложениях в примере (8) и в примере (9) предикация имеет место быть, поскольку подлежащее-субъект имеется в наличии, хотя и в заменяемом виде. При предикации «связь сказуемого с подлежащим представляется более существенной, чем связь сказуемого с другими членами предложения, поскольку подлежащее обозначает тот предмет, по отношению к которому осуществляется предикация» [Смирницкий, 1957:174]. Субъектно-предикатная структура в придаточных примерах (8) и (9) представляется несколько ослабленной из-за наличия неполнозначного существительного в роли подлежащего. И вследствие такой ослабленности субъекта-подлежащего его предикативные отношения с предикатом-сказуемым определяются в лингвистике как «свёрнутая предикация». Языковеды отмечают, что свертывание предикации проходит по двум путям. Во-первых, это может быть ослабление и свертывание субъекта-подлежащего, как это имеет место в придаточных предложениях наших примеров (8) и (9). Во-вторых, для английского синтаксиса также характерны глагольные средства свёртывания предикации. «Основными глагольными средствами оформления свёрнутой предикации являются инфинитивные, причастные, герундивные конструкции, а также девербативы (отглагольные существительные). Эти части речи выполняют в высказывании функции полупредикатов, то есть являются предикативными центрами свёрнутых высказываний» [Пузиков, 2009:13; Арутюнова, 1976:36; Huddleston, 2000:69].

В приведённых нами выше примерах (8) и (9) свёртывание предикации вызвано не более распространенным способом ослабления глагольного сказуемого, а менее распространенным способом ослабления субстантивного подлежащего.

«Ослабленность коммуникативной роли подлежащего и сказуемого предложения, автоматизация грамматического построения требует применения дополнительных средств для передачи коммуникативного задания, даже если оно совпадает с грамматической структурой предложения» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:305].

Ослабление подлежащего, как это имеет место в примерах (8) и (9), а также сказуемого, восполняется и компенсируется в других сторонах лингвистической единицы. Так, в наших примерах (8) и (9), в которых употреблены сложные предложения сложноподчинённого типа, из имеющихся двух субъектно-предикатных структур одна из них в главном предложении является полной – субъектно-предикатная, а другая – в придаточном – свёрнутой субъектно-предикатной. И также свёртывание в обоих случаях обусловливается ослаблением подлежащего. Но такое свёртывание в обоих случаях в примерах (8) и (9) возмещается возросшей семантической ролью пропозиции. Пропозиция в этом случае выражает цельное обозначение, она обобщает в структуре сложноподчинённого предложения «. . .наименования отдельных элементов внешнего и внутреннего опыта человека, входит в раздел синтаксиса, изучающий способы обозначения целостных событий» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:299. – Подчеркнуто нами Д.К.].

Таким образом, в сложных предложениях сложноподчинённого типа ослабление предикативной функции в придаточном предложении компенсируется семантикой пропозиции целостного события, событийная пропозиция, которая соединяет воедино две субъектно-предикатные структуры, одна из которых со свёрнутой пропозицией в общей смысловой структуре сложной синтаксической единицы.

2.3. Классификация сложных предложений в кыргызском языкознании

Классификация сложных предложений в кыргызском языкознании основывается на многих критериях: на семантико-смысловых, на интеррогативно-интонационного оформления, на наличии или отсутствии союзов и союзных слов, на логико-смысловой соотнесенности составных частей сложных предложений.

В аспекте диахронии акцентируется противопоставление в кыргызских сложных предложениях синтаксических структур бессоюзного типа и таковых союзного типа. Такое противопоставление имеет, по мнению некоторых учёных, занимающихся проблемами исторического синтаксиса, такую историко-диахроническую подоплёку: сложные синтаксические структуры бессоюзного типа являются в синтаксической системе кыргызского языка более ранними с позиции диахронического подхода. По их мнению, в кыргызском языке в более раннем диахроническом периоде преобладала устная разговорная речь, которая и обусловливала функционирование сложных предложений бессоюзного типа. При этом связь простых предложений в одно сложное бессоюзного типа обеспечивается артикуляционно-интонационной стороной языка, соответствующей мелодикой незавершённости, ситуативным соотнесением смыслов простых и элементарных предложений как семантически взаимообусловленных, а также порядком расположения составных частей данного бессоюзного сложного предложения по отношению друг к другу.

Мы уже приводили основную идею, изложенную в нижеследующем суждении, но, думается, будет уместно привести целиком всю цитату, с тем чтобы воспроизвести эту идею целиком: «Сложные предложения в кыргызском языке существовали и раньше, но в прежние времена между простыми предложениями в составе сложного преобладала в основном бессоюзная связь. В пользу такого утверждения говорят материалы древних и современных языков, в которых развитие предложения идёт от простого к сложному. Например, в текстах древнетюркской письменности, в фольклорных произведениях киргизского народа, также в устной речи преобладают паратаксические формы сложного предложения, где логические отношения между предложениями выражаются их простым сопоставлением» [Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:153].

И в самом деле, лингвистическое изучение нашего фактического языкового материала показывает, что бессоюзные сложные предложения более свойственны разговорной речи, имеющей узуальное народное употребление, а союзные сложные предложения, особенно сложноподчинённого типа, свойственны обработанной литературной форме языка. Например:

(1) «Сага арнап жоолук сайган элем, ыгы келсе, кийин жиберермин» [Жантөшев, 1985].

(2) «Ар кимге өз жаны кымбат, кара башын сактаса, сактап жүргөн чыгар, ага эмне мынча таарынасың?» [Айтматов, 1985]

(3) Экономикалык кыйынчылыктарга карабай, эгерде Манап бийдин эстелиги үчүн атайын эсеп ачылса, керектүү каражатты элибиз өзү чогултат деген ишенич бар [Осмонов, 2007].

(4) Сөздөрүнүн төркүнүнө, жөнүнө караганда, мындай болгон окшойт [Медетов, 1986].

В кыргызскоязычных примерах (1) и (2) употреблена прямая речь, содержащая высказывания из разговорного языка; в данной прямой речи предложения-высказывания соединены только интонацией незавершённости, когда незавершённая « …мелодика повествовательных предложений характеризуется восходяще-нисходящим рисунком, в котором в сложном взаимодействии выступают все основные интонационные компоненты» [Сыдыков, 1990:1].

И в то же самое время кыргызские примеры (3) и (4) относятся к литературно обработанной нормированной форме кыргызского языка, и в них употреблены союзы «карабай» – несмотря и «караганда» – если; смотря по. При этом союз «карабай» мотивирует смысл придаточного уступительного, а союз «караганда» – смысл придаточного условного.

Таким образом, бессоюзные сложные предложения «…характерные для древнего периода развития киргизского языка и употребляются преимущественно в устной речи» [Могучий фактор национального языкового развития, 1981:154; Жакыпов, 1975:132-133; Иманов, 1990:265-266; Биялиев, 2002:254].

Союзные же сложные предложения, по мысли вышеозначенных авторов, «продукт» более позднего диахронно-лингвистического периода.

В синхронном же аспекте кыргызские сложные предложения, хотя они и подразделяются в структурном отношении на сложные предложения бессоюзного типа и сложные предложения союзного типа, всё же по факту смыслового взаимодействия своих составных частей они могут быть распределены на три самостоятельные группы, на три класса, три типа. Во-первых, это тип сложносочинённых предложений: «простые

предложения в составе сложносочинённых предложений в структурно-грамматическом отношении не отличаются от отдельных самостоятельных предложений, сохраняя те же формы сказуемости» [Жапар, 1992, ч.2:206; см. также: Иманов, 1990:268-269].

Например:

(5) «Жашырып жарым жылча айтпай жүрдүк, кайгырып, капаланып катуу күйдүк» [Осмонов, 2 т., 2014].

(6) Ушул балекет кызгануу, аягычтыкты, кандай болсо да, эзип-жанчып, жүрөккө жетишине жол бербөө керек [Мияшев, 1974].

Во-вторых, это тип сложноподчинённых предложений, когда в грамматическом и смысловом отношении выделяются две неравные части: главное предложение и придаточное предложение: «особенность структуры сложноподчинённого предложения базируется на характере структуры придаточных предложений, в первую очередь, на особом оформлении сказуемых придаточного предложения» [Жапар, 1992, ч.2:209; ср.: Биялиев, 2002:255]. Например:

(7) Мен ишим аткарсам да, эл ыраазы болгон жок [Оморов, 1996].

(8) Артистер ырдагандан тартып, көрүүчүлөр бийлей баштады [Мияшев, 1974].

И, в-третьих, это сложные предложения смешанного типа, в котором структурно-грамматически совмещаются сложносочинённые и сложноподчинённые предложения: «иначе говоря, в состав таких сложных предложений входят простые, которые сочетаются друг с другом и сочинительной, и подчинительной связью» [Жапар, 1992, ч.2:214; ср.: Иманов, 2009:397-398]. Например:

(9) Жокту жок издеген табат, жолдошу шайыр болсо, жолоочунун кумары канат [Посл.].

(10) Жолдош да карап турмак беле, тиги жетип келип алкымдан алганда, анын колун катуу кагып жиберди эле, кара жигит артына серпилип чайпала түштү [Оморов, 1996].

Таким образом, первое градуальное членение кыргызских сложных предложений происходит с применением смыслового критерия его составных частей:

I) Сложные предложения сложносочинённого типа – Тең байланыштагы татаал сүйлөм;

II) Сложные предложения сложноподчинённого типа – Багыныңкы байланыштагы татаал сүйлөм;

III) Сложные предложения смешанного типа – Аралаш татаал сүйлөм.

На последующем втором, более конкретизированном уровне градуального членения трёх вышеозначенных типов кыргызских сложных предложений, I-ый и II-ой типы сложных предложений могут быть расклассифицированы уже попарно в коррелятивных противопоставлениях. Так, I-ый тип сложносочинённых предложений в кыргызском языке может быть подразделен на два вида:

А) Бессоюзные сложносочинённые предложения - Байламтасыз тең байланыштагы татаал сүйлөм; например:

(11) Бугу атса, атпаса да, жолукканыңызга ыракмат, жакшы кабар айттыңыз [Мансуров, 1984];

(12) Жазында күн күркүрөйт, жашыл чөп чыгат, келгин куштар келе баштайт [Осмонов, 2 т. , 2014].

Б) Союзные сложносочинённые предложения – Байламталуу тең байланыштагы татаал сүйлөм; например:

(13) Биз аң уулоого чыктык, бирок эч нерсе жолуккан жок [Кожожаш, 1996];

(14) Мезгил жетет, ойлогон оюңарга, көксөгөн максатыңарга да жетесиңер, бирок турмуштун кадырын билүү керек, турмуштун эки тизгин, бир чылбырын колдон чыгарбоо керек [Осмонов, т. 1, 2014].

II-ой тип сложноподчинённых предложений в кыргызском языке также может быть подразделён на два вида:

А) Бессоюзные сложноподчинённые предложения – Байламтасыз багыныңкы татаал сүйлөм; например:

(15) Акмат келди, мени жөнөдү дей бер [Оморов, 1996];

(16) Насостор аз эле убакыт иштебей калдыбы, шахтада аба бузулуп кетет [Ормонбеков, 1974].

Б) Союзные сложноподчинённые предложения – Байламталуу багыныңкы татаал сүйлөм; например:

(17) Алар оттоп тойгонго чейин, алдыга бөлүнүп кеткен эчкилерди кайрып коюп олтура берди [Медетов, 1986].

(18) Жаштар көп билүү үчүн, алар көп окуу керек, турмушту көрүү керек, эмгекте катыгуу керек [Исаков, 1974].

Что же касается III-ей группы сложных предложений смешанного типа, то здесь все кыргызские языковеды-синтаксисты проявляют единодушную точку зрения, что этот смешанный тип кыргызских сложных предложений не имеет какого-либо подразделения и всегда представлен одним видом [Жапар, 1992, ч. 2:214; Биялиев, 2002:258; Иманов, 2009:397-398]; например:

(19) Акыркы этапта машинебиз бузулгандыктан, биз үчүнчү орунга ээ болдук, бирок күйөрмандарыбыз ыраазы болушту [Сариев, 2012].

Таким образом, в вышеописанной классификации сложных предложений, традиционно принятой в среде кыргызских синтаксистов, в I-ом и II-ом типах можно выделить как сложные предложения без употребления союзов, так и с употреблением союзов.

Сложносочинённые и сложноподчинённые кыргызские предложения бессоюзного вида, как мы покажем далее, когда будем изучать их в специальных главах и разделах, конституируют свою сложную структуру взаимосвязью своих составных частей, большей частью состоящих из простых предложений элементарного или же неэлементарного вида. При этом такая взаимосвязь обеспечивается не только интонацией незавершённости [см. примеры (11), (12), (15), (16)], но также и различными логическими семантическими содержаниями, которые эксплицируются самыми разнообразными временными, пространственными, причинно-следственными, условно-обстоятельственными и другими логико-семантическими оттенками, выявляющимися из плана содержания сочетающихся предложений [см. примеры (15), (16)].

Сложносочинённые и сложноподчинёные кыргызские предложения союзного вида (как мы покажем далее в специальных главах и разделах) отличаются друг от друга не только по критерию грамматического сочинения и подчинения, а, главным образом, по критерию понятийно-семантическому. При этом семантическая связь союзных сложноподчинённых предложений более крепкая и более мотивированная, чем таковая в союзных сложносочинённых предложениях.

Если в кыргызских сложносочинённых предложениях союзного вида их семантическая связь в большей мере обеспечивалась семантикой сочинительных союзов, которые придавали всей синтаксической единице высказывания-предложения соединительное, противительное или

разделительное значение, то в кыргызских союзных сложноподчинённых предложениях их составные части: главная и придаточная – связываются между собой такими подчинительными союзами, которые, во-первых, имплицируют в семантике всей синтаксической единицы причинно-следственные и условно-обстоятельственные отношения, в самом широком смысле данных терминов, и, во-вторых, они эксплицируют грамматическое управление над придаточным (придаточными) со стороны главных.

Так, в союзных сложносочинённых предложениях (13) и (14) возникают противительные отношения, обусловленные семантикой союза «бирок». Их сложносочинённый тип допускает при необходимости представить обе их составные части как вполне самостоятельные предложения:

(13) Биз аң уулоого чыктык, бирок эч нерсе жолуккан жок;

(14) Мезгил жетет, ойлогон оюңарга, көксөгөн максатыңарга да жетесиңер. Бирок турмуштун кадырын билүү керек, турмуштун эки тизгин, бир чылбырын колдон чыгарбоо керек.

В союзных же сложноподчинённых кыргызских предложениях (17) и (18) причинно-следственные отношения между главными предложениями (17): алдыга бөлүнүп кеткен эчкилерди кайрып коюп олтура берди и (18): алар көп окуу керек, турмушту көрүү керек, эмгекке катыгуу керек - и придаточными (17): Алар оттоп тойгонго чейин и (18): жаштар көп билүү үчүн - обусловлены тем, что возникает не только чисто грамматико-синтаксическое управление, но управление и понятийно-семантическое со стороны главного над придаточным предложением.

Такое членение сложных предложений кыргызского языка на три типа:

I) Сложные предложения сложносочинённого типа;

II) Сложные предложения сложноподчинённого типа;

III) Сложные предложения смешанного типа – стало возможным, таким образом, в силу реального положения дел в синтаксисе кыргызских сложных предложений, где имеют место именно эти три типа сложных синтактико-семантических конструкций предложений-высказываний.

С методологических позиций сопоставительного языкознания такая троичная классификация кыргызских сложных предложений представляется правомерной и оправданной, поскольку она некоторым образом коррелирует с аналогичной классификацией в

синтаксической системе исходного английского языка, где все английские сложные предложения расклассифицированы также по трём типам.

Но в английской классификации сложные предложения имеют в своём подразделении, в своей основе, совершенно другие критерии, а именно, критерии «характер связи между составными частями сложного предложения»:

I) в английском бессоюзном сложном предложении – это «примыкание»;

II) в английском сложносочинённом сложном предложении – это «согласование»;

III) в английском сложноподчинённом сложном предложении – это «управление».

Однако основной критерий классификации типов кыргызских сложных предложений есть не только реальная представленность данных типов в экстралингвистической практике, а также не только параллельность с исходной английской классификацией сложных предложений, но также основным критерием классификации типов кыргызских сложных предложений является принцип наличия предикации (предикативности, предикативных отношений) в субъектно-предикатных структурах составных частей данных сложных предложений.

В семантических структурах бессоюзных сложносочинёных предложений в кыргызском языке наличествует полная предикация, когда предикативные отношения связывают воедино субъект и предикат высказывания – составной части сложного предложения. Например:

(19) Көптөн бери кат албадым айылымдан,.

Биле албадым кимдер өлдү, ким аман [Осмонов, 1 т., 2014].

Бессоюзное сложносочинённое кыргызское предложение в примере (19) состоит из двух простых элементарных предложений, соединённых между собой пунктуационным знаком «запятой» и образующих одно новое сложносочинённое предложение бессоюзного типа. «Запятая» - это графический, условный знак соединения, в реальной звучащей речи простые предложения соединяются в тип бессоюзного в кыргызской фонетике интонацией незавершенности и продолжения мысли, которая эксплицируется мелодикой некоторого подъёма [Орусбаев, Токтоналиев, 1991:175]. Предикация связывает простые элементарные предложения, которые являются составными частями бессоюзного сложносочинённого [албадым] и [биле албадым].

Всё дело в том, что субъектно-предикатная структура, имеющая в английском языке раздельное оформление [Sub+Pred], в кыргызском языке может иметь и слитное оформление [SubPred]. В кыргызском простом предложении «Көптөн бери кат албадым айылымдан» субъект предложения выражен дважды: 1) в форме личного аффикса 1-го лица единственного числа «-ым» глагола, стоящего в прошедшем недатированном времени «албадым»; 2) в форме аффикса притяжательности 1-го лица единственного числа «-ым» существительного «айылымдан». Предикат же выражен в корневой части «алба – « уже упомянутого глагола «албадым».

Во втором простом предложении – составной части означенного бессоюзного сложного предложения (19) субъектно-предикатная структура аналогичным образом «свёрнута» в грамматической форме одного глагола, также стоящего в прошедшем недатированном времени «биле алдабым».

В случае с кыргызским бессоюзным сложным предложением (19), в котором имеются два простых элементарных предложения, можно полагать, что в обоих данных простых предложениях имеет место свёрнутая предикация – предикация свёртывает свой субъект в единой глагольно-сказуемостной форме [албадым] в первой составной части и в единой глагольно-сказуемостной составной форме [биле албадым] во второй части данного сложного предложения.

Однако приведённый выше пример (19) не должен вводить в заблуждение, что составные части кыргызских бессоюзных сложных предложений являются сплошь и рядом предикативными структурами со свёрнутой предикацией. Большую же часть бессоюзных кыргызских сложных предложений составляют синтаксические единицы с обычной, полной, не свёрнутой предикацией. Например:

(20) Малчылар мындан коркушпайт,.

Илбирстин сүрдүү сүрлөрү [Осмонов, 1 т., 2014].

В примере (20) употреблено бессоюзное сложное предложение, состоящее из двух простых предложений, соединённых между собой графически пунктуационным знаком «запятая». В первом простом предложении имеются оба главных члена предложения: подлежащее «малчылар» и сказуемое «коркушпайт»; во втором простом предложении также имеются оба главных члена предложения: подлежащее «сүрлөрү» и сказуемое «сүрдүү». В обоих простых предложениях, в своей совокупности составляющих новое грамматико-

синтаксическое единство бессоюзного сложносочинённого предложения, таким образом, имеются полнозначные, не свёрнутые предикативные структуры [Sub+Pred]. В обоих вышеприведённых кыргызских простых предложениях бессоюзного сложного предложения (20) мы имеем узуальный случай употребления субъектно-предикатной структуры. «В узком, собственно грамматическом смысле, простое предложение – это такая единица сообщения, которая, будучи образована по специально предназначенному для этого образцу, обладает значением предикативности» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:395 – Подчёркнуто нами. Д.К.].

Однако оба бессоюзных сложносочинённых предложения (19) и (20), хотя и проявляют различную меру предикации в своих составных частях: первое (19) проявляет свёрнутую предикацию, а второе (20) – полную предикацию, но для семантического конституирования всего смысла типа бессоюзного сложного предложения необходим самый высокий уровень предикации «пропозиция», которая связывает составные части бессоюзного сложносочинённого предложения в структурно-семантическую единицу более высокого уровня. Пропозиция как высокая абстрагированная структура предикации охватывает объём события всего сложносочинённого предложения, и охватывает при этом только самые релевантные и объективные стороны его смысла. «Отдаляясь от субъективного компонента значения и отмежевываясь от глаголов не пропозиционального отношения, пропозиция, будучи непосредственно соотнесена с действительностью, поставлена с ней «лицом к лицу», наведена на мир подобно правильному или кривому зеркалу, сохраняла связь с истинностным значением, которое тоже тем самым освобождалось от субъективной зависимости» [Арутюнова, 1976:31]. То есть, другими словами, свернутые предикации в примере (19) и полные предикации в примере (20) объединяются в бессоюзное сложносочинённое предложение только благодаря явлению пропозиции как высшей абстрагированной формы предикации, и при этом данная пропозиция носит незавершённый характер, поскольку она не имеет подкрепления в виде каких-либо соединительных лексем: союзов и союзных слов.

Далее при непосредственном изучении кыргызских сложных предложений мы покажем, как полные и свёрнутые предикации конституируют смыслы всех типов сложных предложений: сложносочинённых, сложноподчинённых и смешанного типа – и как они трансформируются в масштабе всего сложного предложения в предикации высшего порядка и с более высокой абстрагированностью, обозначаемые как пропозиции.

2.4. Сопоставление классификаций сложных предложений английского и кыргызского языков

Общая классификация сложных предложений в своей принципиальной основе имеет определённые противоречия в обоих сравниваемых языках: английском и кыргызском языке. В английском языке первым критерием классификации является наличие или отсутствие союза, по этому критерию все сложные английские предложения подразделяются на два основных класса: бессоюзные сложные предложения и союзные сложные предложения. Такое деление в англистике имеет истоки в исторической диахронии германских языков, к группе которых принадлежит германский английский язык [Гулыга, 1971:5; Jackendoff, 2002:16-17].

В кыргызской классификации сложных предложений данные синтаксические единицы вначале рассматривались в аспекте языковой диахронии, и они подразделялись на тип сложных предложений со сложносочинённой связью и на тип сложных предложений со сложноподчинённой связью [Гаджиева, 1973:335-336; Жакыпов, 1993:62-63]. Но однако реальная лингвистическая практика современного кыргызского языка выявила, что к данным двум вышеозначенным типам кыргызского сложного предложения следует добавить сложные предложения смешанного типа - аралаш кошмо сүйлөм: «Сложные предложения, образованные одновременно за счёт сочинения и подчинения, входящих в его состав простых предложений, называются сложными предложениями смешанного типа» [Жапар, 1992, ч. 2:214 – Подчеркнуто нами. Д.К. - см. также: Иманов, 2009:397-398].

Несовпадение семантик больших групп союзов и союзных слов вынудило ученых-англистов расширить окончательную классификацию английских сложных предложений до трёх типов, добавив к вышеуказанным двум классам ещё один класс сложных предложений, образованных членением союзных сложных предложений на две группы. В итоге, в английском синтаксисе установилось количество в три типа сложных предложений: 1) бессоюзное сложное предложение; 2) союзное сложносочинённое предложение и 3) союзное сложноподчинённое предложение [Беляева, 1977:272-273; Качалова, Израилевич, т. 2, 1995:44-45; Hill, 1958:196-197]. Например:

(1) As they swung into the seventy-five-mile station, Lon McFane dashed alongside; Wolf Fang in the lead caught Harrington's eye, and he knew that the race was his [London, 2013].

(2) There be qualities in the youth, which may make him valiant to fight, and sober to toil, and pious to pray; and in the maiden, that may fit her to become a mother in our Israel, bringing up babes in better nurture than her own hath been [Hawthorne, 1984].

(3) I began to see that I had done an unwarrantable thing in breaking in on the privacy of this man's scientific pursuits with a face like mine [Leacock, 2014].

В англоязычном примере (1) мы имеем сложное предложение бессоюзного типа, в котором связь между составными частями осуществляется соответствующей интонацией незавершённости, грамматически же данные составные части соединяются посредством примыкания, а графически на письме данная соединяющая семантическая связь отображена пунктуационным знаком «точка с запятой».

В англоязычном примере (2) три элементарных предложения объединены в одно смысловое целое в сложное предложение сочинительного (сложносочинённого) типа; они соединяются не только интонационно с применением соответствующей мелодики продолжения [Дикушина, 1952:237-238], не только грамматически посредством формально-грамматического согласования словоформ, не только графически с применением на письме запятых и точек с запятыми, но главным образом посредством употребления союза с сочинительным значением *and*, который соединяет независимые друг от друга предложения в синтаксически новую структуру типа сложносочинённого предложения [Качалова, Израилевич, т 1., 1995:351].

В англоязычном примере (3) мы уже имеем сложное предложение подчинительного (сложноподчинённого) типа. Здесь два элементарных предложения соединяются интонационно, семантически, грамматически и графически в одну новую синтаксическую структуру, в которой эксплицируется грамматико-семантическое управление: главная часть *I began to see that* управляет всей придаточной частью, которая стоит после означенного союза that, при этом данное придаточное относится и зависит от дополнения в главной части сложного предложения и является придаточным дополнительным. Синтаксическая функция данного придаточного дополнительного двояка: с одной

стороны, оно само есть дополнение, зависимое придаточное дополнительное, с другой стороны, оно также управляется и переходным глаголом *to see* в главном предложении.

Также и в кыргызском языкознании теоретически и де-факто установилась троичная классификация сложных предложений, соответствующая таковой исходного английского синтаксиса.

В кыргызском языкознании теоретически и де-факто установилась троичная классификация сложных предложений, количественно соответствующая таковой исходного английского синтаксиса: 1) сложные предложения со сложносочинённой связью – тең байланыштагы татаал сүйлөм, 2) сложные предложения со сложноподчинённой связью – багыныңкы байланыштагы татаал сүйлөм и 3) сложные предложения смешанного типа – аралаш татаал сүйлөм.

(4) Жазында күн күрнурөйт чон чыган, келгин куштар келе баштайт [Жантөшев, 1985].

(5) Мен сөз козгоюн деп жаткан жолдошумдун өмүр жолун беш колдой билем деп жүрчүмүн, бирок жакында аны менен жолугушуп түшүндүм – билбегендерим көп экен [Чукулдуков, 1974].

(6) Таладагы иштери эртең менен башгаган адамдар аябай чаршашты, бирок иш кечинде да эч токтогон жок [Бейшеналиев, 1985].

(7) Мен ишимди жакшы аткарсам да, ал киши ыраазы болгон жок [Чукулдуков, 1974].

(8) Бул киши ишке жарабай, анткени керектүү билими жок [Култаева, 2008].

(9) Жолдошбек да карап турмак беле, тиги жетип келип алкымдан алганда, анын колун катуу кагып жиберди эле, кара жигит артына серпилип чайпала түштү [Мансуров, 1986].

В кыргызскоязычном примере (4) содержится сложносочинённое предложение бессоюзного типа, связь составных частей которого осуществляется интонационно-мелодически в звуковом аспекте, графическим пунктуационным знаком «точкой с запятой» в письменной речи, а также семантической соотнесенности в понятийно-смысловом плане. И все составные части данного бессоюзного сложносочинённого предложения в своей совокупности придают описываемой ситуации если не абсолютно новый смысл, но всё же новые семантические оттенки, поскольку каждое последующее

присоединяемое простое элементарное предложение обозначает новый нюанс в характеризации предмета речи.

Аналогичным же образом можно характеризовать кыргызскоязычное союзное сложное предложение сложносочинённого типа (5), но с добавлением того, что соединяющий союз «бирок» с семантикой противительности связывает воедино обе составные части данного сложного предложения [ср: Биялиев, 2002:240]. Семантическая связь между составными частями данного союзного сложносочинённого предложения представляется более крепкой, чем в бессоюзном сложносочинённом предложении (5), поскольку на этот раз она усиливается значением противительности, присущего союза «бирок».

Подчинительная союзная группа «келери менен», совместно с аффиксом исходного падежа «-дан» в лексеме «ооруканадан» и с аффиксом деепричастной глагольной формы «-ып» в лексеме «чыгып», в кыргызском примере (6) конституирует смысл всего сложноподчинённого предложения с придаточным времени в примере (6). То есть в этом случае подчинительный союз с временным значением «менен» объединяют два прочих грамматических средства: 1) аффикс исходного падежа и 2) аффикс деепричастия вместе с самим деепричастием – и конституирует весь смысл союзного сложного предложения сложноподчинённого типа, в котором главное предложение, а именно его глагольное сказуемое «чакырып кетишти», управляет над грамматической формой придаточного времени.

В кыргызском примере (7) мы имеем сложноподчинённое предложение бессоюзного типа с придаточным уступительным. Хотя здесь нет союза, но придаточное к основе своего глагола-сказуемого присоединяет аффикс условного наклонения - са и личный аффикс глагола «аткарбасам», и именно эти два последних компонента выражают смысл придаточного уступительности.

В кыргызском примере (8) мы имеем союзное сложноподчинённое предложение с придаточным причины, которое вводится союзом с причинным значением «анткени»; данное придаточное поясняет причину того, о чём говорится в главном предложении.

В кыргызском предложении (9) мы имеем сложное предложение смешанного типа, когда два бессоюзных сложносочинённых предложений:

(9)-1: Жолдошбек да карап турмак беле, тиги жетип келип алкымдан алганда,

(9)-2: анын колун катуу кагып жиберди эле, кара жигит артына серпилип кетти - соединяются подчинительной связью, образуя сложноподчинённое с придаточным времени; данная подчинительная связь образуется аффиксом местного падежа -(н)да, присоединяя придаточную часть к главной.

Сопоставление классификаций сложных предложений казалось бы не должно вызывать особых неясностей: в обеих сравниваемых языках выделяются по три типа сложных предложений: со стороны английского языка выделяются бессоюзное сложное предложение, союзное сложносочинённое предложение и союзное сложноподчинённое предложение; со стороны кыргызского языка сложное предложение сложносочинённого типа, сложное предложение сложноподчинённого типа и сложное предложение смешанного типа с одновременными грамматическими связями сочинения и подчинения.

Но, уже предварительное рассмотрение ограниченного круга языкового фактического материала, избранного для нашего сравнительного лингвистического анализа сложных предложений, показывает, что в отношении качественного аспекта не наблюдается внутреннего понятийно-семантического единообразия. Явление предикации и её высшая ступень явление пропозиции проявляются в обоих сравниваемых языках, казалось бы, в идентичных типах сложных предложений неодинаковым образом. Например:

(10) Thinking of Anne, John’s face grows gentler, his hand kinder; dreaming of him, her heart grows stronger, deeper, fuller [Jerome, 2012].

(11) Арманыбыз абдан чоң,
Айткан менен эп келбейт [Кожожаш, 1996].

В обоих примерах – в англоязычном (7) и в кыргызскоязычном (8) – представлен один и тот же тип бессоюзных сложных предложений. Но элементарные простые предложения, являющиеся составными частями данного типа бессоюзных сложных предложений в английском примере (10) проявляют полную предикацию, в обоих английских элементарных предложениях содержится полнозначная субъектно-предикатная структура: [Johns face+ grows gentler] и [her heart+grows stronger]. Полная предикация обеспечивается в данном примере (10) в обоих составных элементарных предложениях не столько двухсоставной структурой английского предложения, в котором обязательно наличие как субъекта, хотя бы формального,

так и предиката, а сколько определяющим влиянием предиката, а именно, глагольного предиката, который во всех германских языках является доминантой субъектно-предикатного строения элементарного предложения [Абрамов, 1972:5-6]. Пропозиция, как более высокая ступень явления предикации и соотносящая две субъектно-предикатные структуры двух составных элементарных предложений, в объеме всего бессоюзного сложного предложения (10) выступает как пропозиция незавершённого вида; такая незавершённая пропозиция мотивирована явным отсутствием какого-либо связующего грамматического элемента типа союза или союзного слова. Действие незавершённой пропозиции в объёме сложного предложения обеспечивается тем, что она «…состоит из глагольного ядра (ядер) и равноправных именных спутников, или аргументов, охарактеризованных по их семантической роли относительно предикату» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:300].

Что же касается кыргызскоязычного примера (11), в котором так же, как и в английском примере (10), представлен тип бессоюзного сложносочинённого предложения, то в нём предикация представляется в первом простом составном предложении полной [арманыбыз + чоң], а во втором случае свёрнутой [айткан менен келбейт]. Во втором предложении субъект подлежащее содержится в причастной форме глагола «айткан», при этом оно содержится в данной причастной форме как бы имплицитно. «Причастие – особая форма глагола и прилагательного и обозначающее действие, приписываемое лицу или предмету как их свойство или качество и проявляющееся во времени» [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:121. – подчёркнуто нами. Д.К.]. Пропозиция, также незавершённого вида, связывает в единую структуру бессоюзного сложносочинённого предложения две субъектно-предикатные структуры: одну полнозначную, а другую свёрнутую.

Таким образом, на данном начальном этапе качественного сопоставления предикаций и пропозиций в бессоюзных сложных и сложносочинённых предложениях можно утверждать, что их полнозначность или неполнозначность, свернутость всецело зависит от типолого-грамматического строя самого языка: английского или кыргызского языка.

(12) So the Chinaman had word, and he must rise from sleep and light the furnaces; and as he wrought below, beside the boilers, he heard his master singing and rejoicing above him in the lighted chambers [Stevenson, 2013]

(13) Терезенин кичинекей айнекчесин ачып бөлмөнү бир аз желдеттим да, көйнөкчөн калыбымда тээтиги Жеңиш аянтына көз чаптырдым [Исаков, 1974].

В англоязычном примере (12) вся структура союзного сложносочинённого предложения конституируется двумя составными простыми распространёнными элементарными предложениями, в которых определяющая роль принадлежит глагольным сказуемым. В обоих элементарных предложениях действует полнозначная субъектно-предикатная структура, мотивированная полной предикацией: [he+must rise] и [he+ heard]. Однако данные два элементарных предложения осложняются наличием в их составах расширенного определения *So the Chinaman had word* в первом составном предложении, и расширенного дополнения (сложного дополнения) *his master singing and rejoicing above him in the lighted chambers* во втором составном предложении. Связующая обе означенные полные субъектно-предикатные структуры пропозиция уже имеет форму завершённой пропозиции, поскольку релевантный сочинительный союз and способствует этому, мотивируя весь объем союзного сложносочиненного предложения своим сочинительно-соединительным значением [Джепко, 1993:6-7].

Кыргызское сложносочинённое предложение (13), так же как и предыдущее английское, конституируется соединением двух простых элементарных предложений. Однако их субъектно-предикатная структура представляется в обоих составных частях неполнозначной – в них эксплицитно отсутствует субъект-подлежащее, а функция и наличие субъекта содержатся в имплицитном виде в соответствующих словоформах глагольных сказуемых [желдеттим] и [көз чаптырдым]. Во второй составной части субъект высказывания кроется в лексеме «калыбымда», в котором употреблён притяжательный аффикс 1-го лица единственного числа. Такие безличные простые распространённые предложения являются общепринятыми в кыргызской разговорной речи [Элчиев, 1996:11-12]. Что же касается пропозиции, связывающей обе составные части сложносочинённого предложения (13), то она также является незавершённой, то есть свёрнутой, поскольку связывает две свёрнутые предикации. «Свёртывание пропозиции осуществляется путём трансформации предиката, выраженного личным глаголом» [Пузиков, 2009:13].

Таким образом, уже предварительное рассмотрение, казалось бы, идентичных в статусном отношении материала сложносочинённых предложений в английском и кыргызском языках выявляет, что в качественном лингвистическом отношении, а именно, по проявляемым предикациям и пропозициям, данные сложносочинённые предложения означенных языков проявляют различные характеристики.

(14) Tom said to himself that life was not so bad after all [Twain, 2012].

(15) Элет адамдардын арасынан жакырчылыкты жоюу үчүн, экономиканы борбор жактан өнүктүрүү керек [Субанов, 2008].

В обоих случаях - в английском примере (14) и в кыргызском (15) – представлены сложные предложения сложноподчинённого типа; в английском примере с придаточным дополнительным, а в кыргызском придаточным цели. Грамматическая структура английского сложноподчинённого предложения (14) обусловливает облигаторное наличие в обеих его частях, в главной и в придаточной, полнозначной субъектно-предикатной структуры, здесь имеет место быть полная предикация: [Tom+said] и [life was not so bad]. И даже несмотря на то, что простым элементарным предложением является только первая главная часть, а вторая элементарным предложением не является ввиду именного (неглагольного) характера его сказуемого, связующая обе составные части сложноподчинённого предложения (14), пропозиция может быть рассмотрена как пропозиция событийного вида, поскольку в её образовании основную долю вносит подчинительный союз *that*, который скрепляет воедино главную и зависимую части.

В кыргызском же сложноподчиненном предложении (15) в придаточной части «*элет адамдардын арасынан жакырчылыкты жоюу үчүн, экономиканы борбор жактан өнүктүрүү керек*», её субъектно-предикатная структура представляется свёрнутой по линии глагольного сказуемого, которое, трансформируясь и присоединяя к себе аффикс «-юу» и его варианты, совмещает в себе и функции субстантивного подлежащего. Данное имя действия «жоюу», имеет свёрнутую субъектно-предикатную форму. «Имена действия выступают как особые глагольные образования, сочетающие в себе признаки глагола и имени существительного» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987:310].

Пропозиция же, которая соединяет полнозначную субъектно-предикатную структуру главной части сложноподчинённого предложения [экономиканы – өнүктүрүү

керек] и свернутую предикацию зависимой части [жоюу], является завершённой, поскольку она опирается на смысловое соотнесение обоих частей сложного предложения, поскольку придпточное цели указывает на назначение того, очём говорится в главной части сложноподичинённого предложения.

Также на уровне типа сложноподчинённого предложения, как и ранее на уровне типов бессоюзного сложного и сложносочинённых предложений, в английском и кыргызском синтаксических системах не наблюдается единообразия в качественной стороне данных сложных предложений.

Таким образом, сопоставление классификаций сложных предложений в английском и кыргызском языках предполагает анализ качественных сторон данных сложных предложений, поскольку относительная структурная соотнесенность их количественных типов – по три в каждом языке – не вызывает особых вопросов и явно на виду.

Основной вопрос сопоставления классификаций сложных предложений английского и кыргызского языков заключается в сравнении их особых качественных сторон и явлений, имеющихся в одном языке и отсутствующих в другом. Так, например, уже предварительное рассмотрение классификаций сложных предложений названных языков в сравнительном плане показало, что в аналитической структуре английских сложных предложений имеются такие грамматические явления, которых нет в кыргызском языке. В английском языке существуют так называемые синтаксические комплекции (Syntactical Complexes), которые частично перекрещиваются со сложными предложениями, а именно, с их типом сложноподчинённых предложений. «В английском языке существуют так называемые синтаксические комплексы, то есть сочетания двух или нескольких слов, представляющие собой единое синтаксическое целое – один член предложения» [Грузинская, Черкасская, 1956:22]. Зачастую этот «один член предложения», как мы рассмотрим в соответствующих разделах нашей работы далее, бывает большой протяжённости и ничем не отличается от придаточного предложения.

В английском языке имеются также так называемые сложные члены предложения: сложные подлежащие, сложные сказуемые, сложные дополнения, сложные обстоятельства и сложные определения, отчленить которые от соответствующих придаточных бывает

проблематично, и для такого отчленения требуется, как мы рассмотрим далее, целый комплекс критериев.

В кыргызском языке имеются свои особые грамматические явления, соотнесённые со сложными предложениями. Так, в составе сложных предложений могут употребляться причастные конструкции с аффиксом причастия на «-ган» и его фонетическими вариантами, которые порой неотличимы от составных частей бессоюзных или же союзных предложений. «Причастные конструкции в функции развёрнутого члена простого предложения имеют свою собственную замкнутую структуру по характеру, организации и форме связи слов, напоминающих распространённые или нераспространённые простые предложения» [Мусаев, 1987:9]. Однако не только одни причастные конструкции, представляющие собой развёрнутую лексемную цепочку, могут перекрещиваться со сложными предложениями. В кыргызском языке имеется ряд «…подчинительных конструкций, в роли сказуемых которых выступают деепричастные формы, имена действия … и другие средства, по своей функции соответствующие компонентам сложноподчинённых и сложносочинённых предложений…» [Сартбаев, 1981:157]. В кыргызском языке мы далее покажем на обширном языковом материале и с применением комплекса соответствующих критериев отличие типов сложных предложений и их составных частей от соотнесённых с ними причастных и деепричастных оборотов, имён действия и других подобных грамматических явлений.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

§ 1. Понятие предикации в первую очередь связано с семантикой простого распространённого, то есть элементарного предложения, где оно предполагает отнесение его содержания к действительности и обусловлено взаимодействием предиката-сказуемого с субъектом-подлежащим. Но предикат-сказуемое, равно субъект-подлежащее, – не гомогенное языковое понятийно-семантическое явление; это гетерогенное явление, мотивированное двумя составляющими, двумя структурами: предикат и субъект – предметы мысли, явления логико-семантического уровня, а сказуемое и подлежащее – единицы собственно языка, явления грамматико-семантического уровня.

Субъектно-предикатная структура языковой единицы высказывания, соотносимая в своем исходе с элементарным предложением языка, может быть распространена и на

сложное предложение, образуемое, как минимум, двумя синтаксическими структурами двух элементарных предложений. В этом случае единицы сложного предложения включают в свой состав две субъектно-предикатные структуры, эксплицирующие две предикативные линии, то есть показывающие две предикации.

Сложное предложение, так же как и простое, обладает пятью взаимосвязанными между собой логико-грамматическими аспектами:

1) номинативным, выражающим номинативную функцию языка;

2) коммуникативным, выражающим коммуникативную функцию языка;

3) понятийно-смысловым, выражающим когнитивную функцию языка;

4) модально-коннотативным, выражающим эмотивно-экспрессивную функцию языка;

5) интонационно-звуковым, выражающим иллокутивно-речевую сторону языка.

Структура предикации сложного предложения детерминирована, как правило, двумя его составными частями и бóльшей частью представляет собой в каждой из данных частей структуру элементарного предложения, где взаимодействующие субъект и предикат мотивируют употребление какого-либо третьего второстепенного члена предложения, обычно объекта-дополнения. В сложных предложениях обоих анализируемых языков действуют, как минимум, две субъектно-предикатные структуры предикации, которые представляют собой понятийно-грамматические основания в каждом из составных частей сложного предложения.

Явление предикации, релевантное для элементарных предложений обоих анализируемых языков претерпевает в сложных предложениях определённую трансформацию: оно преобразуется в явление пропозиции, которое в логико-понятийной интерпретации проявляется на более высокой ступени. Оно соединяет уже не собственно субъектно-предикатную структуру предикации в составе элементарного предложения, а соединяет, по меньшей мере, две субъектно-предикатные структуры двух элементарных предложений, являющихся составными частями сложного предложения. Явление пропозиции выходит на уровень всего сложного предложения, в то время как предикация остаётся действенной для одного элементарного предложения как составной части сложного предложения. Пропозиция, в нашем истолковании, связывает две предикативные структуры двух элементарных предложений, выступающих составными частями сложного предложения.

§ 2. Классификация английских сложных предложений основывается на научном подходе к их структуре и семантике. Теоретики германистики и английской грамматики [Адмони, 1968; Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981; Блох, 1986; Halliday, 1970; Akhmanova, Minajeva, Mindrul, 1986] выделили в синтаксической системе английского языка три типа сложных предложений: бессоюзные сложные предложения, сложносочинённые предложения и сложноподчинённые предложения. При этом они отмечают, что в каждом типе сложных предложений имеется своё структурно-семантическое средство связи: в бессоюзных сложных предложениях их составные части связываются примыканием, согласованием и управлением; в двух последних типах действуют также сочинительные и подчинительные союзы.

В сложных предложениях английского языка имеется также детерминирующее понятийно-смысловое явление предикации, которое мотивировано сказуемым-предикатом и его взаимоотношениями с подлежащим-субъектом и образует предикативную субъектно-предикатную структуру, соотносящую смысл языковой единицы с эксплицируемой действительностью. Данные субъектно-предикатные структуры релевантны в объёме предложения, выступающего в сложных предложениях их составными частями. В масштабе же всего сложного предложения предикация, выражаемая субъектно-предикатной структурой, претерпевает трансформацию в сторону абстрагирования своего понятийно-смыслового строения, предикация в этом случае видоизменяется в пропозицию как высшую ступень явления предикации.

Предикация выступает в сложных английских предложениях в двух видах: как полная предикация во всех составных частях бессоюзных сложных и сложноподчинённых предложений, а также в главной части сложноподчинённого предложения, и как свёрнутая предикация, бóльшей частью в придаточных предложениях сложноподчинённого предложения.

Что же касается пропозиции как высшей формы предикации, то она действует в масштабе всего сложного предложения. При этом она может быть классифицирована как трехступенчатое явление: в бессоюзных сложных английских предложениях она выступает в форме незавершённой пропозиции, в сложносочинённых английских предложениях она выступает в форме завершённой пропозиции, и в сложноподчинённых

английских предложениях она выступает в форме событийной пропозиции. Такая трактовка пропозиции, как высшего абстрактно-понятийного проявления предикации, полностью перекликается с мнением лингвистов-специалистов по семантическому синтаксису [Смирницкий, 1957; Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972; Арутюнова, 1976; Пузиков, 2009; Huddleston, 2000].

§ 3. Классификация сложных предложений в кыргызском языке имеет, по мнению многих кыргызских ученых-синтаксистов, диахроническую и синхроническую подоплёку. В аспекте диахронии разговорный кыргызский язык тяготел к образованию простых элементарных и распространённых предложений. В аспекте же синхронии современный кыргызский язык, однако уже в литературно-обработанной нормированной форме, проявляет тенденцию к увеличению доли сложных предложений, употребляемых с союзами [Жакыпов, 1975; Могучий фактор национально-языкового развития, 1981; Иманов, 1990; Сапарбаев, 1997; Биялиев, 2002].

С увеличением класса союзов и союзных слов в кыргызском синтаксисе стало возможным говорить на современном этапе о различении трёх основных типов сложных предложений: 1) сложные предложения сложносочинённого типа – тең байланыштагы татаал сүйлөм, 2) сложные предложения сложноподчинённого типа – багынынқкы байланыштагы татаал сүйлөм, и 3) сложные предложения смешанного типа – аралаш татаал сүйлөм, в последнем типе наличествует как сложносочинённая, так и сложноподчинённая связь.

Однако в классификации сложных предложений в кыргызском языкознании и в англистике есть одно существенное различие – в основу подразделения явлений сложных предложений кладутся разные критерии. В кыргызском языкознании – это структурно-семантический критерий соотнесения смысловых сторон составных частей: сложносочинённые сложные предложения с равновеликими семантиками своих составных частей – тең байланыштагы татаал сүйлөм и сложноподчинённые предложения с неравновеликими семантиками своих составных частей – багынынқкы байланыштагы татаал сүйлөм, а в сложных предложениях смешанного типа действуют оба эти вида соединения составных частей.

В англистике же в основу классификации сложных предложений кладётся структурно-грамматический критерий наличия или отсутствия союзов и союзных слов с экспликацией их сочинительной и подчинительной связи: бессоюзное сложное предложение с полным

отсутствием как союзов, так и союзных слов, сложносочинённое предложение с сочинительными союзами и сложноподчинённое предложение с подчинительными союзами.

Однако уже предварительное рассмотрение языкового материала показывает, что явление предикации неоднозначно проявляется в кыргызском языке, где простые элементарные предложения как составные части сложных могут иметь как полнозначную субъектно-предикатную структуру, так и такую структуру неполную, свёрнутую. Такое свёртывание предикации обусловливается в грамматической системе кыргызского языка многими морфологическими и синтаксическими особенностями, как-то: сложной агглютинативной структурой кыргызской лексемы, могущей выражать как семантический субъект, так и семантический предикат; наличием неличных глагольных форм с усложнённой семантикой, различными личными аффиксами из различных парадигм, заменяющие как подлежащее, так и сказуемое предложения и другие.

Однако в объёме сложного предложения основным критерием для идентификации сложных синтаксических структур выступает пропозиция как высшая степень проявления предикации, независимо от её полнозначности или свернутости. Пропозиция сложного предложения связывает субъектно-предикатные структуры простых элементарных предложений, являющихся составными частями того или иного сложного предложения, в целостную грамматико-смысловую структуру. Также и сама пропозиция не может быть единообразной в силу того, что сами типы сложных предложений отличаются друг от друга не только наличием или отсутствием союзов, но также и тем, что союзные сложные предложения выражают как сочинительные, так и подчинительные связи.

§ 4. Сопоставление классификаций сложных предложений в английском и кыргызском языках показывает, что в сущности их различение в обоих языках совпадает лишь формально-количественно – в английском и кыргызском языках выделяют по три типа сложных предложений.

В английском языке на основе применения структурно-грамматического критерия [наличие / отсутствие союзов и союзных слов, а также характер содержания данных союзов и союзных слов] выделяют: 1. бессоюзное сложное предложение – the Composite Sentence, 2. сложносочинённое предложение с сочинительными союзами и союзными словами – the Compound Sentence, и 3. сложноподчинённые предложения – the Complex Sentences.

В кыргызском же языке на основе применения структурно-смыслового критерия [равнозначность / неравнозначность составных частей сложного предложения] также выделяют три большие их группы: 1) сложносочинённые предложения – тең байланыштагы татаал сүйлөм, 2) сложноподчинённые предложения – багыныңкы байланыштагы татаал сүйлөм и 3) сложные предложения смешанного типа – аралаш татаал сүйлөм.

Схематическое параллельное иллюстративное сопоставление классификаций типов английских и кыргызских сложных предложений нами представлено в нижеследующей таблице № 1.

Таблица №1: Сопоставление типов английских и кыргызских сложных предложений

Английский язык	Кыргызский язык
Сложные предложения (the Composite Sentence)	Сложные предложения
1. Бессоюзное сложное предложение (the Asyndetic Complex Sentence)	1. Сложносочинённое предложение (тең байланыштагы татаал сүйлөм) А) Бессоюзное сложносочинённое предложение (байламтасыз тең байланыштагы татаал сүйлөм Б) союзное сложносочинённое предложение (байламталуу тең байланыштагы татаал сүйлөм)
2. Сложносочинённое предложение (the Compound Sentence)	2. Сложноподчинённое предложение (багыныңкы байланыштагы татаал сүйлөм) А) бессоюзное сложноподчинённое предложение (байламтасыз багыныңкы татаал сүйлөм) Б) союзное сложноподчинённое предложение (байламталуу багыныңкы татаал сүйлөм).
3. Сложноподчинённое предложение (the Complex Sentence)	3. Сложное предложение смешанного типа с наличием синтактико-семантической связи сочинения и подчинения (аралаш татаал сүйлөм)

Можно считать данные троичные классификации сложных предложений лишь первым уровнем подразделения синтаксических единиц сложных предложений. Однако если для английского синтаксиса такая классификация является завершающей, то

кыргызский синтаксис в первых двух группах производит последующее расклассифицирование: I. в группе сложносочинённых предложений он выделяет: А) бессоюзное сложносочинённое предложение – байламтасыз тең байланыштагы татаал сүйлөм и Б) союзное сложносочинённое предложение – байламталуу тең байланыштагы татаал сүйлөм; и II. в группе сложноподчинённых предложений он выделяет: А) бессоюзное сложноподчинённое предложение – байламтасыз багынынқы татаал сүйлөм и Б) союзное сложноподчинённое предложение – байламталуу багынынқы татаал сүйлөм.

Качественная сторона сложных предложений отличается от того или иного типа в составе одного языка и некоторым образом отличается от языка к языку. Так, английское бессоюзное сложное предложение характеризуется наличием полнозначной субъектно-предикатной структуры и, следовательно, полной предикацией; и в то же самое время кыргызское бессоюзное сложносочинённое предложение может иметь как полнозначную субъектно-предикатную структуру и полную предикацию, так и неполнозначную субъектно-предикатную структуру и неполную, свёрнутую предикацию в своих составных частях. В этом случае, пропозиция как высшая ступень предикации семантики сложных предложений может быть в кыргызском типе бессоюзных сложносочинённых предложений как завершённой, так и незавершённой, в то время в английском языке аналогичная пропозиция всегда является только незавершенной.

Качественная сторона сложных предложений в каждом из сопоставляемых языков осложняется наличием своих особых языково-грамматических явлений, затрагивающих как структуру, так и семантику сложных предложений: в английском языке – это так называемые сложные синтаксические комплексы и сложные члены предложения, в кыргызском – это свёртывание подлежащего и сказуемого в одной словоформе, а также причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты и конструкции.

Таким образом, типологическое сопоставление сложных предложений в английском и кыргызском языках в первую очередь должна касаться качественного изучения сравниваемых явлений языка.

ГЛАВА III. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНОСОЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. О методике сопоставительно-типологического анализа бессоюзных сложных предложений в английском и бессоюзных сложносочинённых предложений в кыргызском языках

По установленным нами в предыдущей главе данным выявляется, что между типом бессоюзных сложных предложений (the Composite Sentence) и подтипом кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений (байламтасыз тең байланыштагы татаал сүйлөм) можно провести некоторые параллели.

Бессоюзное сложное предложение в английском языке и бессоюзное сложносочинённое предложение в кыргызском языке в сущности определяется приблизительно одинаково: это объединение двух или более простых элементарных предложений, соединённых между собой бессоюзным способом примыкания [Ахматова, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:209-210; Ольшевская, 1975:287; Беляева, 1977:272-273].

При бессоюзном соединении простых элементарных предложений в единую структуру сложного предложения в английском языке и сложносочинённого предложения в кыргызском языке срабатывают четыре фактора: 1. Собственно грамматический, 2. Собственно семантический, 3. Звуковой интонационный и 4. Письменный графический - одинаковым образом в обоих сопоставляемых языках. Приведём примеры из исходного английского языка:

(1) I believe you fully; I would trust you before any man alive, ay, before myself, if I could make the choice; but indeed it isn't what you fancy; it is not as bad as that; and just to put your good heart at rest, I will tell you one thing: the moment I choose, I can be rid of Mr. Hyde [Stevenson, 2010].

(2) It was a fine dry night; frost in the air; the streets as clean as a ballroom floor; the lamps, unshaken by any wind, drawing a regular pattern of light and shadow [Stevenson, 2010].

(3) Wildly the horse careered, the waving dark hair of the boy tossed, his eyes had a strange glare in them [Lawrence, 2013].

Во всех трех английских сложных предложениях (1), (2) и (3) грамматическая связь между простыми элементарными предложениями, являющимся их составными частями, осуществляется примыканием, когда данные предложения относительно свободно присоединяются друг другу в грамматическом отношении.

Однако грамматическая независимость простых элементарных предложений друг от друга в составе сложного никак не означает, что в семантическом отношении они являются никак не связанными друг с другом. Поскольку они вместе, в совокупности обозначают одну внеязыковую ситуацию, поскольку они взаимосвязаны друг с другом в смысловом аспекте. В таких бессоюзных сложных предложениях «характер связи может быть определен как присоединительный, под этим мы понимаем присоединение предложений, дополняющих, развивающих ранее высказанную мысль, освещающих ее с новой стороны» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:339; Пескова, 1979:94; Севрюгина, 2015:158; Huddleston, 2000:89].

Все вышеприведённые англоязычные сложные предложения образованы бессоюзным грамматическим способом примыкания, но в то же время их семантика номинирует одну целостную ситуацию, и, следовательно, их составные части во всех вышеприведённых примерах семантически соотносятся друг с другом и, более того, связаны друг с другом. Так, в примере (1) наблюдается семантическая связь пяти простых элементарных предложений в единый состав предложения сложного. В примере (2) семантическая связь объединяет в одну семантическую структуру четыре простых элементарных предложения, а в примере (3) в одно бессоюзное сложное предложение объединены семантически три простых предложения. «Семантические типы предложений выявляются на соотношении семантических объектов и семантических предикатов к семантической ситуации, т.е. к общему действию или факту действительности. На основе взаимосвязи компонентов семантической основы формируется общая семантика предложения.» [Марченко, 2003:146].

Однако смысл бессоюзного сложного английского предложения имеет своё особое интонационное строение, которое заключается в том, что фонетическая синтагма на исходе предыдущего простого элементарного предложения «…отражает реальную речь в особой форме и содержит элементы, обеспечивающие его узнавание и понимание… а также реализуется как на сегментном, так и на суперсегментном уровне» [Кулешов, 1981:5].

Другими словами, интонационный рисунок простых элементарных предложений в английских примерах (1), (2) и (3) содержит мелодику восхождения, указывающую на незавершенность всей мысли, релевантной для структуры всего сложного предложения [Issayev, 2009:18-19]. Интонация с мелодикой восхождения, указывающая на незавершенность мысли, есть артефакт устной речи и коррелирует с речью письменной.

«Письменная речь, подобно устной, выступает как средство общения. Она выполняет коммуникативную функцию, но её адресат не присутствует при речевом акте, таким образом, пишущий влияет на читателя опосредствованно, т.е. через текст» [Кулешов, 1981:11; Задорожная, 2017:11-12; Parret, 1971:88]. На письме смысловая связь между простыми элементарными предложениями, выраженная в звуковом варианте интонацией восхождения и незавершённости и обозначающая переход от одного простого предложения к другому, передаётся в английской графике пунктуационными знаками препинания «точка с запятой» - см. примеры (1) и (2) – и «запятая» - см. пример (3). Следует отметить, что материалы нашего исследования показывают, что знак препинания «точка с запятой» в английском языке в сложных предложениях передает бессоюзную смысловую связь в текстах художественной литературы, где данный знак препинания (The Semicolon) «…ставится между предложениями, входящими в состав сложносочиненного предложения, при отсутствии сочинительных союзов» [Качалова, Израилевич, т. 2, 1995:83; Dixon, 2009:38].

(4) Авдий Каллистратовду Жалпак-Саздын ооруканасына алпарышты эле, ал жерде Алия Исмаиловна деген врач, кабагын карыш салган казак аял карап чыгып, катаал айтты: «Акыбалыңыз аябай эле оор» [Айтматов, 1988].

(5) Сыртта жаңаша көчөдөн короз кыйкырды, ага экинчи бири канат кагып, үн кошту [Айтматов, 1985].

(6) Мөлдүгүнө кызыгып тузду кечке жалаба,
Мөөрдөй сулуу болсо кызды кечке караба [Кадыркулов, 2010].

Грамматическая связь между простыми элементарными предложениями кыргызского языка в составе бессоюзных сложносочинённых в примерах (4), (5) и (6) осуществляется способом примыкания, при котором одно простое предложение

присоединяется к другому посредством свободной связи без никакого соотнесения и согласования друг с другом своих формально-грамматических форм [Орузбаева, Закирова, 1981:93].

Однако несмотря на отсутствие какого-либо соотнесения формально-грамматических сторон, между простыми элементарными предложениями в составе бессоюзного сложного существует определённая семантическая связь, обусловленная номинативной функцией языка. Все три кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложения (4), (5) и (6) обозначают определённые внелингвистические ситуации; иллокутивная структура обозначений-предложений способствует конституированию семантической связи между ними и образованию бессоюзного сложносочинённого предложения.

В устной речи семантическая связь между составными частями бессоюзного сложносочинённого предложения выражается такой же, как и в английской фонетике, интонацией незавершённости, которая определяется нисходящей мелодикой и непродолжительной паузой. Такая мелодическая структура кыргызской интонации обычно свойственна разговорной речи при употреблении бессоюзных сложносочинённых предложений [Сыдыков, 1990:141-142].

В письменной кыргызской речи данная интонация незавершённости отображается знаком препинания «запятая». «В бессоюзных предложениях равнозначные простые предложения разделяются запятыми» [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:210]. Так, в бессоюзном сложносочинённом предложении (4) знаком препинания «запятая» соединяются два простых элементарных предложения; таким же образом знак препинания «запятая» соединяет два простых элементарных предложения в структуру в бессоюзного сложносочинённого в примерах (5) и (6).

Таким образом, на первом этапе нашего сопоставительного исследования английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений мы должны удостовериться в том, что анализируемые нами сложные синтаксические структуры из названых языков действительно являются таковыми, т.е. принадлежат к типу бессоюзных сложных английских и сложносочинённых кыргызских предложений; для этого мы будем анализировать их грамматические строения, семантическую структуру и

интонационно-звуковое выражение в устной речи и графическое отображение интонационной связи в письменной в обоих сравниваемых языках, английском и кыргызском, по-отдельности.

На втором этапе нашего сопоставительного исследования англоязычных и кыргызскоязычных бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений мы будем рассматривать семантико-предикативное строение данных синтаксических единиц с тем, чтобы выявить их сходства и различия в субъектно-предикатных структурах. Так, нами ранее было постулировано, что такие структуры в различных языках, в том числе в английском и кыргызском языках, могут иметь полнозначные субъектно-предикатные структуры. Так, например, в английских бессоюзных сложных предложениях такую структуру имеет каждый из элементарных предложений - составных частей бессоюзного сложного; это обусловлено не только аналитическим грамматическим типом английского языка, но в первую очередь облигаторным характером двусоставного строения английского простого предложения, в котором обязательно не только наличие предиката-сказуемого, но и субъекта-подлежащего; в случае отсутствия реального производителя действия субъект заменяется формальным подлежащим:

(7) They all gathered round her. One caught both her hands in his passionate grasp, another threw his arm about her waist, the third buried his hand among the glossy curls that clustered beneath the widow's cap [Hawthorne, 2013].

(8) Next year, for instance, I am in great danger, both by land and sea, so I am going to live in a balloon, and draw up my dinner in a basket every evening [Wilde, 2014].

(9) This one of course was the gem of the whole lot; it was given to me by a friend, and that was what started me collecting [Stevenson, 2010].

В англоязычном примере (7) употреблено бессоюзное сложное предложение, состоящее из трех простых элементарных предложений, в каждом из этих предложений наличествует полная предикация, так как в каждой из них представлена полнозначная субъектно-предикатная структура [Sub+Pred]: 1. [one+caught], 2. [another+threw] и 3. [the third+buried]. Что же касается элементарного характера означенных простых предложений в составе бессоюзного сложного (7), то он проявляется в наличии в каждом из них не только

глагольного сказуемого, но и того, что данные глаголы в функции сказуемого являются переходными и требуют после себя прямого или же косвенного дополнения [Hill, 1958:124].

Аналогичным образом полная предикация и полнозначная субъектно-предикатная структура имеет место быть и в двух простых элементарных предложениях английского бессоюзного сложного предложения (8): 1. [I+am in great danger] и 2. [I+am going to live].

Английское бессоюзное сложное предложение (9) требует более расширенного пояснения. Все дело в том, что в его составе имеется второе простое элементарное предложение с формальным подлежащим it. Зачастую в английском языке «в безличных предложениях употребляется формальное подлежащее, выраженное местоимением *it*, поскольку в английском языке подлежащее является обязательным элементом предложения» [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:5]. Однако названное простое элементарное предложение является личным предложением *it was given to me by a friend…*, и в нем имеется семантический субъект действия *a friend*, а также обозначение его действия *it was*. Здесь именно наблюдается тот случай, когда "местоимение *it* в функции формального подлежащего употребляется также и при наличии подлежащего предложения, выраженного инфинитивом, герундием или придаточным предложением и стоящего после сказуемого» [цит.соч.:6], т.е. *it* становится как бы дополнительным формальным подлежащим. И потому английские предложения такого типа с формальными подлежащим it обладают полной предикацией и полнозначной субъектно-предикатной структурой.

В кыргызском языке также наблюдается полная предикация в составных элементарных предложениях в структуре сложносочинённого, например:

(10) Эстүү аял эшигин алдын тазалайт,.

Эси жок аял элдин көзүнчө эрин жакалайт [Кадыркулов, 2010].

(11) Айылга кагаз келиптир,.

Алып келип бирөө бериптир [Кожожаш, 1996].

В обоих кыргызскоязычных бессоюзных сложносочинённых предложениях (10) и (11) наличествуют по два элементарных предложения, в которых проявляются полные предикации. В предложении (10) имеются такие субъектно-предикатные структуры

[Sub+Pred]: 1) [эстүү аял+тазалайт], 2) [эси жок аял+жакалайт], в предложении (11) – это структуры: 1) [кагаз+келиптир] и 2) [бирөө+бериптир].

Однако, как показывает изучение нашего кыргызскоязычного материала, в кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложениях имеются и так называемые свёрнутые предикации, когда один из главных членов предложения – подлежащее или сказуемое – эксплицитно не выражено в грамматической структуре предложения. Например:

(12) Тууган болсо аны менен туугандаш,.

Ал болбосо, досту таап – бол сырдаш [Баласагын, 1993].

(13) Мейли, мынабу жерге кел, карап олтурганыңа жакшы. [Мансуров, 1984].

В обоих кыргызских примерах (12) и (13) не содержится эксплицитно выраженного грамматического подлежащего; данные предложения содержат также составные части, в которых выражается побудительно-повелительная коммуникативная целеустановка, направленное на 2-е лицо единственного числа. Но хотя грамматически выраженного эксплицитного подлежащего не содержится, но весь смысл каждого из этих бессоюзных сложных предложений, равно их составных частей, отсылает и имплицитно подразумевает деятеля – лица. Такие предложения, в которых отсутствует конкретное лицо – производитель действия обозначается в кыргызском языкознании «безличная конструкция» (жаксыз конструкция): семантико-грамматическое построение, в котором при наличии производимого действия или приписываемого состояния деятель - лица отчётливо подразумевается [Орузбаева, 1972:37]. Таким образом, эксплицитное отсутствие грамматического подлежащего, но его имплицитное наличие в смысловой структуре предложения образует одно из проявлений свёрнутой предикации.

На третьем и заключительном этапе нашего сопоставительного исследования бессоюзных сложных предложений английского и кыргызского языков мы уже имеем дело с пропозицией как высшей формой предикации, релевантной для всей смысловой структуры всего бессоюзного сложносочинённого предложения. Приведём четыре примера, по два из каждого из привлекаемых языков и поясним нашу методику анализа в ее заключительной части:

(14) I have been drunk just twice in my life, and the second time was that afternoon; so everything that happened has a dim hazy cast over it [Fitzgerald, 2014].

(15) Otis clasped her passionately in her arms, the Duke smothered her with violent kisses, and the twins executed a wild-war dance round the group [Wilde, 2014].

(16) Мен көрдүм көп ак куунун учкандарын,.
Куш атар мылтыгымды колума алдым [Осмонов, 1 т., 2014].

(17) Зире кошсоң палоонун даамын чыгарасың,.
Зиркилдесең адамдын каарын чыгарасың [Кадыркулов, 2010].

В английском предложении (14) бессоюзной связью соединены два предложения, причём оба данных предложения являются сложными: первое из них является сложносочинённым, а второе – сложноподчинённым. Но все дело в том, что они оба образуют одно большое бессоюзное сложное предложение. Но принцип пропозиции как связывающего элемента в бессоюзном сложном предложении не меняется. На этот раз мы имеем незавершённую пропозицию как высшую ступень предикации. Незавершённость пропозиции, действующий в английском предложении (14), обусловлена тем, что обозначаемая ситуация и применяемое ситуативно-синтаксическое наименование представлены дискретными, прерывистыми элементами. Незавершённая пропозиция не описывает всей ситуации, а только описывает «…один фрагмент ситуации и не дает полного представления о ней. Посредством свёрнутой, незавершённой пропозиции обеспечивается только детализация и расширенная интерпретация образов» [Пузиков, 2009:21].

Аналогичным образом дискретная и прерывистая связь существует в пропозициальной связи между двумя первыми составными частями в бессоюзном сложном английском предложении (15). Две полнозначные субъектно-предикатные структуры [Sub+Pred]: [Mrs Otis+clasped] и [the Duke+smothered] – притягиваются друг к другу посредством незавершённой пропозиции.

В кыргызских бессоюзных сложных предложениях (16) и (17) действует такая же, как и в английских примерах (14) и (15), незавершённая пропозиция уровня сложного предложения. Но составные части кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений проявляют несхожую предикацию. В кыргызском предложении (16)

составные части показывают сочетание двух предикаций: полную предикацию в субъектно-предикатной структуре [Sub+Pred]: 1): [мен+көрдүм] и неполную свёрнутую предикацию [SubPred]: 2): [колума алдым]. В кыргызском бессоюзном сложносочинённом предложении (17) действуют в его составных частях две свёрнутые предикации [SubPred]: 1): [даамын чыгарасын] и 2): [каарын чыгарасын].

Таким образом, последний этап нашего сопоставительного анализа, который можно обозначить как «предикативно-пропозиционный этап анализа», как бы должен подвести итоги всего исследования этого блока языкового материала и сопровождаться точными количественными подсчетами всех проанализированных сложных предложений.

3.2. Структурно-семантическая характеристика бессоюзных сложных предложений в английском языке

Бессоюзное сложное предложение в английском языке характеризуется нами как соединение двух или более простых элементарных предложений в одной сложной синтаксической структуре посредством грамматической связи примыкания [Качалова, Израилевич, 1995:45; Searle, 1979:81].

Английские бессоюзные сложные предложения могут быть расклассифицированы в зависимости от основного критерия элементарности, который предусматривает принятие во внимание количества обозначаемых предметов речи и покрываемых ситуаций. Рассмотрение англоязычного фактического материала показывает, что данный принцип элементарности, т.е. глагольной сказуемости, позволяет распределить все английские бессоюзные сложные предложения по четырём видам: 1. Бессоюзное сложное предложение с составными частями, которые выражают одновременные действия; 2. Бессоюзное сложное предложение с составными частями, которые выражают последовательные действия; 3. Бессоюзное сложное предложение с составными частями, которые выражают вневременные действия и 4. Бессоюзное сложное предложение с составными частями, которые выражают длительные действия.

Такое расклассифицирование бессоюзных сложных предложений в современном английском языке основывается, таким образом, «…на теории элементарности его

субъектно-предикатного строения, на концепции, что предложения организуются как целостные единицы по определенным выкристаллизовавшимся в языке типовым образцам» [Абрамов, 1972:5; Адмони, 1968:238-239; Muir, 1972:61-62; Halliday, 1976:191-192].

А) Английское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими одновременные действия, обозначает один предмет речи и покрывает одну внеязыковую ситуацию. Например:

(1) The interior was poor and bare; the only car visible was the dust-covered wreck of a Ford which stood in a dim corner [Fitzgerald, 2014].

(2) An-Yen paused and sat for some time silent; his pipe had sputtered out and lay cold in the hollow of his hand; his eye was fixed upon the wall where the light and shadows shifted in the dull flickering of the candle [Stevenson, 2010].

(3) "But indeed, Utterson, I am very glad to see you; this is really a great pleasure" [Stevenson, 2010].

Грамматически все вышеприведённые английские бессоюзные сложные предложения (1), (2) и (3) соединяются между собой посредством примыкания, когда одно простое элементарное предложение присоединяется к другому свободной синтаксической связью. Семантика всех приведённых выше бессоюзных предложений обусловлена обозначениями одновременных действий; так, в (1)-ом английском бессоюзном предложении соединены два простых элементарных предложения, которые обозначают такие действия, которые происходят одновременно. Именно одновременность действий, соотнесённых с одним обозначаемым предметом речи и с одной внеязыковой ситуацией, позволяет обеспечивать семантическую взаимосвязанность всех составных частей – простых элементарных предложений в составе всего бессоюзного сложного предложения. В интонационно-фонетической структуре английского бессоюзного сложного предложения (1), так же как и в двух других сложных предложениях (2) и (3), наблюдается мелодика незавершённости смысла, когда некоторое восхождение интонации предыдущего простого предложения указывает на дальнейшее развитие «фонетической сюжетной линии» и на продолжение мысли в последующем простом предложении в составе бессоюзного сложного [Akhmanova, Minajeva, Mindrul, 1986:13; Зимняя, 1993:54]. Фонетико-фонологическая мелодика незавершённости мысли имеет место быть в устной и

разговорной речи. В речи же, письменной и литературной, такая незавершённая интонация предыдущего простого предложения и переход к последующему предложению отображается пунктуационным знаком «точка с запятой», которая не только соединяет простые элементарные предложения в составе бессоюзного сложного, но посредством некоторого паузирования и расчленяет фонетическую речь в составе бессоюзного сложного предложения.

Во всех вышеприведённых англоязычных предложениях (1), (2) и (3) имеются полносоставные субъектно-предикатные структуры [Sub+Pred]

1): [the interior+ was poor] [the car + was the dast-covered…];

2): [An-Yen + paused] + [his pipe + had sputtered out] + [his eye + was fired];

3): [I + am glad…] + [a great + is this].

То есть в данных английских предложениях имеется полная предикация, которая свойственна всем элементарным простым предложениям с полносоставной структурой. А то, что данные предложения (1), (2) и (3) являются простыми элементарными, в этом нет никакого сомнения – в предложении (1) – это глагольно-именные формы элементарности, а в примерах (2) и (3) – это глагольно-глагольные формы элементарности: элементарность во всех означенных предложениях выражает не только предмет речи как носителя имени, но «…и выражает свойство носителя, реального лица, безотносительно к тому, каким словом это лицо обозначено» [Арутюнова, 1976:11].

Однако пропозиция как высшая форма предикации, связывающая воедино всю смысловую структуру английского бессоюзного сложного предложения, в примерах (1), (2) и (3) представляется незавершённой. Например, в примере (2), в котором действуют три субъектно-предикатные структуры, незавершённость пропозиции обусловливается слабой семантической связью всех составных элементарных предложений друг с другом:

2): [An-Yen + paused] + [his pipe + had sputtered out] + [his eye + was fired].

Отметим, что употреблённая нами сплошная округлая линия в субъектно-предикатной структуре простого элементарного предложения – составной части

бессоюзного сложного - [⌒] обозначает полную предикацию, а употреблённая нами прерывистая округлая линия во всей структуре сложного предложения [⌒] обозначает незавершенную пропозицию.

Незавершённая пропозиция возникает во всей структуре бессоюзного сложного предложения, когда она, «описывая один фрагмент ситуации, не даёт полного представления о ней» [Пузиков, 2009:21].

В) Английское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими последовательное действие, обозначает один предмет речи и покрывает одну ситуацию. Например:

(4) The coupe came to a stop; Daisy signaled us to draw up alongside [Fitzgerald, 2014].

(5) Up the Yukon a black speck appeared against the show, closely followed by a second [London, 2013].

(6) As they struggled to and fro, the table was overturned, and the vase dashed into a thousand fragments [Hawthorne, 2013].

Грамматическое соединение составных элементарных предложений в составе сложных осуществляется посредством свободного примыкания, когда данные составные части грамматически никак не связаны друг с другом, т.е. не влияют друг на друга. Однако несмотря на грамматическую самостоятельность элементарных составных предложений в составе английского бессоюзного сложного, между ними существует некоторая семантическая связь, которая проявляется в том, что все они обозначают один предмет речи, а точнее, последовательные действия данного предмета речи и покрывают одну и ту же внеязыковую обозначаемую ситуацию. Так, в примерах (4), (5) и (6) наблюдается последовательность действий одного предмета речи в единой внеязыковой ситуации. И, соответственно, типу бессоюзного сложного английского предложения в устной речи употребляется интонация незавершённого восхода в конце предыдущего простого составного предложения, а после небольшой паузы новое простое составное предложение начинается с ровного тона [Ешмамбетова, Вербицкая, 1990:10-11]. На письме, т.е. в письменной речи, такая интонация отображается пунктуационными знаками «точка с запятой» [пример (4)] и «запятая» [примеры (5) и (6)].

Предикативное строение всех вышеприведённых английских бессоюзных предложений характеризуется наличием полнозначных субъектно-предикатных структур [Sub+Pred]:

(4): [the coupe+ came] + [Daisy + signaled];

(5): [a speak + appeared] + [a second + followed];

(6): [they + struggled] + [the table + was overturned].

Кстати, последнее сложное предложение (6) рассматривается нами без заключительной составной части, вводимой сочинительным союзом and, как бессоюзное сложное предложение, состоящее из двух указанных составных частей. Если же рассматривать его с позиции заключительного элементарного предложения, вводимого союзом *and*, то в этом случае мы должны будем уже говорить о сложном предложении сочинительного типа.

Таким образом, во всех трёх вышеприведённых английских сложных предложениях бессоюзного типа наличествует полная предикация, которая обусловливается наличием полнозначных субъектно-предикатных структур [Козуев, 1999:22-23; Firbas, 1992:16-17].

Что же касается пропозиции, соединяющей смыслы простых элементарных предложений, то во всех вышеприведённых предложениях (4), (5) и (6) она представляется незавершённой. Незавершённость пропозиции обусловливается тремя уже обозначенными факторами: во-первых, грамматической свободной связью примыкания; во-вторых, ослабленной и не спаянной семантической связью между составными частями данных сложных предложений; и, в-третьих, в устной речи переходной интонацией незавершённости [Ильина, Воронцова, Борунова и др., 1991:204].

Например, такую незавершённую пропозицию можно показать на сложном предложении

(4): [the coupe+ came] + [Daisy + signaled];

С) Английское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими вневременные действия, обозначают один предмет речи и покрывают одну ситуацию. Например:

(7) One house, howerer, second from the corner, was still occupied entire; at the door of this, which wore a great air of wealth and comfort, though it was now plunged in darkness except for the fanlight, Mr. Utterson stopped and knocked [Stevenson, 2010].

(8) The fair widow knew, of old, that Colonel Killigrew's compliments were not always measured sober truth; so she started up and ran to the mirror, still dreading that the ugly visage of an old woman would meet her gaze [Hawthorne, 2013].

(9) "You shave off that moustache of yours – it didn't an ornament" [Jerome, 2012].

Английские сложные предложения (7) и (8) представляют собой усложнённые синтаксические структуры; так, в примере (7) во второй составной части содержится придаточное определительное, а, следовательно, это вторая часть может рассматриваться под углом зрения сложного предложения подчинительного типа; а в примере (8) в первой составной части содержится придаточное дополнительное, а, следовательно, первая часть этого примера может быть рассмотрена также под углом зрения сложного предложения подчинительного типа, в которых реальная языковая жизнь «нагромоздила» самые различные типы и виды элементарных предложений. Мы будем анализировать исходя из тех целеустановок, которые мы ставим перед собой в соответствующем разделе нашей работы. Так, в данном случае нас интересует бессоюзная связь английских сложных предложений, и поэтому наличествующие придаточные предложения мы в целях адекватности нашего анализа опустим, уделяя основное внимание анализу сложного предложения бессоюзного типа. При аналитическом изучении таких ярко усложнённых англоязычных конкретных примеров речь, в которую оформлены языковые структуры, определяет методику лингвистического анализа. По меткому замечанию известного германиста Д. Вундерлиха, зарождающийся речевой акт способствует не только совершенствованию коммуникации, но и предопределяет методологию своего лингвистического исследования и анализа [Wunderlich, 1979:277; Шепелева, 2009:236].

Во всех английских примерах (7), (8) и (9) обозначается один предмет речи – (7): one house; (8): the widow; (9): moustache, соотнесённый с одной внеязыковой ситуацией. Действия же, производимые данным предметом речи – лицом (the widow) или не лицом (one house, moustache) – однако воспринимаются как вневременные, т.е. такие, которые

производятся предметом речи во все времена без конкретной привязки к какому-либо моменту или логическому плану прошедшего, настоящего или будущего. Именно такие вневременные действия обеспечивают семантическую связь предложений в одну структуру сложного предложения бессоюзного типа.

Что же касается интонационного оформления вышеприведённого предложения (7), (8) и (9) в устной речи, то их бессоюзная семантическая связь проявляется только на стыках предложений, когда предыдущее составное предложение заканчивается некоторым подъёмом мелодики, а последующее начинается после некоторого паузирования с ровного тона [Исаев, 2009:179-180]. Интонационно – семантическая связь английских бессоюзных сложных предложений в примере (9) – обеспечивается на письме не пунктуационным знаком «точка с запятой», но и пунктуационным знаком «тире» [Розенталь, Теленкова, 1985:359; Arndt, Bondzio, Hansen, 1984:211].

Все составные предложения в примерах (7), (8) и (9) можно считать полнозначно-предикатными, все они имеют полную субъектно-предикатную структуру [Sub+Pred]:

(7): [one house + was still…] +[the door + … was plunged];

(8): [the widow + knew] + [she + started]

(9): [you + shave] + [it +din't…]

Пропозиция в данных сложных предложениях, анализируемых под углом зрения бессоюзного типа сложных предложений, является незавершённой. Возьмём, к примеру сложное предложение (9), в котором наличествует две субъектно-предикатные структуры:

(9): [you + shave] + [it +din't…]

Кстати, лексическая служебная единица it, хотя и является формальным подлежащим, но всё же выражает семантику замещения существительного moustache – усы, и поэтому может считаться значимым субъектом-подлежащим.

Незавершённость пропозиции обусловливается свободным характером грамматической связи, неспаянностью семантики составных предложений в цельную информативную структуру и интонацией перехода от одного предложения к другому.

D) Английское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими длительные действия, обозначают два и более предмета речи, но покрывают одну ситуацию. Например:

(10) So in their big, cold mansion John Ingerfield and Anne, his wife, sit far apart, strangers to one another, neither desiring to know the other nearer [Jerome, 2012].

(11) Ah-Yen paused; I lighted my pipe afresh, and nodded to him to show that I was listening [Stevenson, 2010].

(12) Each night, the old man would indicate a different peace; on each following day, my brother-in-law would proceed to break up the mill at the point indicated, and look for the treasure [Jerome, 2012].

Грамматическая связь примыкания соединяет свободным образом, без никакой грамматической взаимозависимости все составные элементарные предложения в структуру бессоюзного сложного в английских примерах (10), (11) и (12). Семантическая связь между составными частями названых сложных предложений существует, но она не настолько сильная, чтобы составные части не могли бы быть употреблены друг без друга. Данная слабая семантическая связь в бессоюзных сложных предложениях (10), (11) и (12) обеспечивается длительным характером действий разных предметов речи, но выступающих в одной речевой ситуации.

Интонационная структура простых элементарных предложений в составе означенных бессоюзных сложных определяется как мелодика повествовательного предложения с повышающимся исходом на конце, который свидетельствует о незавершённости мысли всего сообщения [Дикушина,1952: 112-113].

Все три анализируемых английских бессоюзных сложных предложений (10), (11) и (12) имеют каждый в своём составе по два простых элементарных предложений, при этом все эти элементарные предложения обладают полнозначной субъектно-предикатной структурой [Sub+Pred]:

(10): [John Ingerfield and Anne + sit…] + [neither + desiring to know];

(11): [An-Yen + paused] + I + lighted];

(12): [the old man + would indicate] + [my brother-in-law + would indicate]

Такая субъектно-предикатная структура, при наличии как подлежащего, так и сказуемого, являет собой полную предикацию, которая в каждом из составных частей бессоюзных сложных предложений (10), (11) и (12) обозначает ситуацию в глагольно-временных личных формах английской глагольно-темпоральной системы.

Однако пропозиция, которая связывает данные субъектно-предикатные структуры в общую семантико-грамматическую структуру бессоюзного сложного предложения, не является полной и завершённой. Пропозиция в масштабе всего бессоюзного сложного предложения является неполной и незавершённой, на что указывают следующие факторы: во-первых, грамматическая связь примыкания, хотя и соединяет два и более простых элементарных предложения в одну большую синтаксическую конструкцию, является связью рыхлой и свободной; во-вторых, общая семантика бессоюзного сложного английского предложения не является гомогенной, она скорее гетерогенная; и, в-третьих, интонация незавершённости и мелодика перехода от одного элементарного предложения к другому в составе бессоюзного сложного не столь «незыблема», она регулируется не только общим смыслом высказывания, но и длительностью паузирования. Например: в примере (11) незавершённая пропозиция может быть представлена таким образом:

(11): [An-Yen + paused] + I + lighted];

3.3. Структурно-семантическая характеристика бессоюзных сложносочинённых предложений в кыргызском языке

Бессоюзное сложносочинённое предложение в кыргызском языке, так же как и ранее в английском, представляет собой последовательность простых элементарных предложений, соединённых между собой грамматическим примыканием и обозначающих некоторый общий отрезок внеязыковой ситуации.

Основополагающим фактором в кыргызском бессоюзном сложном предложении является элементарность обозначения некоторого глагольного действия, которое может быть расклассифицировано, в зависимости от обозначаемого характера действия на четыре вида: 1. Бессоюзные сложные предложения, выражающие своими составными частями одновременные действия: 2. Бессоюзные сложные предложения, выражающие своими составными частями последовательные действия; 3. Бессоюзные сложные предложения, выражающие своими составными частями вневременные действия; 4. Бессоюзные сложные предложения, выражающие своими составными частями длительные действия.

Таким образом, релевантным критерием различения данных четырех видов бессоюзных сложных предложений в кыргызском языке является элемент действия, выраженный в сказуемом. Основной признак таких сложных предложений «… заключается в соотносительности их частей с простыми предложениями, главным образом, через формы выражения сказуемых, которые вполне самостоятельны и одинаковы с формами сказуемых в простых предложениях» [Жапар, ч. 2, 1992:205. – Подчёркнуто нами. Д. К.]. Приведём некоторые примеры на каждый из данных видов кыргызских бессоюзных сложных предложений.

А) Кыргызское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими одновременные действия, обозначает один предмет речи и покрывает одну ситуацию. Например:

(1) Кыш күнү эле, эрте маал, бульварда кар зампарлап жаап турган [Айтматов, 1988].

(2) Узун сөздөн пайда жок айткан менен,
Маңыз сөздүн мааниси болбойт экен [Баласагын, 1993].

(3) Үстүңкү көчөнүн терезелериндеги жарык алдагачан өчкөн, иттердин күнкүлдөп үргөнү да алда качан басылган, Манас-Атанын этегиндеги айылдын эли алда качан уйкуда [Айтматов, 1984].

Все три кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений (1), (2) и (3) обозначают один предмет речи и покрывают одну внеязыковую ситуацию. Их составные части связываются между собой грамматическим способом примыкания. Семантическая связь данных составных частей способствует образованию одной структуры бессоюзного сложносочинённого предложения, но эта семантическая связь имеет своё интонационное оформление, которое можно охарактеризовать как интонацию незавершённого смысла. Простое составное элементарное предложение занимает первую позицию по отношению ко второму составному элементарному предложению и имеет мелодику, выражающую незавершённость мысли с интонацией нисхода. Таким образом, интонационный рисунок сложносочинённого предложения представляет собой суммы интонаций составляющих его простых предложений. Наоборот, простые предложения, включаясь в систему сложносочинённого, изменяют свою интонацию, подчиняясь единой закономерности сложного целого. Такая единая интонация выступает средством, формирующим сложносочинённое предложение, и именно благодаря ей простые предложения в составе сложносочинённого лишены своей самостоятельности и не могут существовать как отдельные единицы» [цит.соч.:200]. На письме, в письменной речи, составные элементарные кыргызские предложения соединяются пунктуационным знаком «запятой» [примеры (1) и (3), или «точкой с запятой» [пример (2)].

В кыргызских примерах (1) и (2) можно наблюдать как полную предикацию, которая выражается наличием полнозначных субъектно-предикатных структур [Sub+Pred], так и таковых неполнозначных [Sub (+Pred)].

(1): [кыш күнү +эле]+ [эрте маал] + [кар+ жаап турган];

(2): [сөздөн + пайда жок] + [маани си +болбойт экен].

В (1)-ом кыргызском бессоюзном сложносочинённом предложении его третья заключающая часть [кар+жаап турган] и во (2)-ом таковом обе его части [сөздөн+пайда

жок] и [мааниси+болбойт экен] являют собой экспликацию полнозначных субъекто-предикатных структур. В это время первые две составные части (1)-го кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложения являют собой экспликацию незавершённой предикации [кыш күнү эле] и [эрте маал], поскольку они являются односоставными субстантивными предложениями и их сакзуемые-предикаты подразумеваются только имплицитно, т.е. отсутствуют в поверхностно-грамматической экспликации [ср.: Аринштейн, 1985:85].

Кыргызское бессоюзное сложносочинённое предложение (3) объединяет в своей лексико-грамматической структуре три простых элементарных предложения, две первые из них выражают неполную, свёрнутую предикацию и только одно, заключительное третье предложение выражает полную предикацию, поскольку конституируется полносоставной субъектно-предикатной структурой:

3): [жарык +өчкөн] + [иттердин үргөнү +басылган] +[эли + уйкуда]

Свернутость предикации в первых двух элементарных предложениях мы усматриваем в наличии неличной формы у глаголов «өчкөн» и «басылган», которые здесь выражены причастием, представляя собой глагольно-именную форму, совмещающую грамматические признаки глагола и имени [ср.: Орузбаева, 1994:37].

Только в кыргызском примере (2) пропозиция, реализуемая на уровне всего бессоюзного сложносочинённого предложения, представляется завершённой, поскольку она связывает две полные предикации.

В примерах же (1) и (3) имеются составные части со свернутой предикацией и, следовательно, их имплицирующие пропозиции являются незавершёнными и неполными. Поясним наше суждение на кыргызском примере (3), в котором содержится две свернутые предикации и одна полная.

3): [жарык +өчкөн] + [иттердин үргөнү +басылган] +[эли + уйкуда]

Незавершённость такого типа пропозиции, т.е. его неполная выраженность, в структуре кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложения обусловливается нижеследующими факторами. Во-первых, грамматическая связь примыкания,

соединяющая составные части сложного предложения, является свободной, в грамматическом отношении данные составные как бы примыкают друг к другу, во-вторых, семантическая связь между данными составными частями является рыхлой и нечетко спаянной между собой, хотя и обозначает предмет речи в одной внеязыковой ситуации. И, в-третьих, интонация незавершённости некоторым образом близка к интонации простых самостоятельных предложений, нежели к чем к спаянной интонации предложения сложноподчинённого типа. «Именно благодаря интонации отдельные простые предложения в составе сложного носят характер незавершённости и несамостоятельности» [Жапар, ч.2, 1992].

В) Кыргызское бессоюзное предложение с составными частями, выражающими последовательные действия, обозначают один предмет речи и покрывают одну ситуацию. Например:

(4) Ысык-Ата капчыгайынын оозунан Чүй талаасын жайпай кесип аккан жазы сайдын суусу кулгуп чыгып, көк кашка музга тунган [Бейшеналиев, 1985].

(5) Жолго чыкканда түш ооду, поезд Волганы жакалап баратат [Айтматов, 1988].

(6) «Өзүңдөн кат үзүлдү эки жылдай,
Эки жыл энгиреттиң дайның чыкпай» [Осмонов, 2 т., 2014].

Каждое из трех кыргызских сложных предложений (4), (5) и (6) состоит из двух простых элементарных предложений, которые связываются между собой в грамматическом отношении способом примыкания. Семантическая связь между данными составными элементарными предложениями обусловлена не только единой ситуацией обозначения, но также и тем, что данные составные предложения выражают в своих смыслах именования последовательных действий.

Хотя такая семантическая связь между составными предложениями в составе сложносочинённых в примерах (4), (5) и (6) представляется зыбкой и не очень близкой, но все же она существует, и не в первую очередь она передается интонацией незавершенности, которая в кыргызской фонетической системе выражается мелодикой нисхождения тона [Ахматов, Мукамбаев, 1978:61-62]. На письме же, в письменной речи такая мелодика нисхода тона, связывающая два простых элементарных предложения в

одну сложносочинённую синтаксическую структуру, передается обычно пунктуационным знаком «запятая» [Турсунов, 2002:45].

Что же касается предикации, то в примере (4) во втором составном предложении наблюдается свёрнутая предикация, которая свёртывается по линии глагольного сказуемого, выраженного здесь в форме «музга тунган»; во всех остальных составных элементарных предложениях имеет место полная предикация, представленная полнозначной предикатной структурой [Sub+Pred]

(4): [суусу+ кулгуп чыгып] + [музга+ тунган];

(5): [түш +ооду] + [поезд+ баратат];

(6): [кат+үзүлдү] +[эки жыл + +дайның чыкпай]

Пропозиция же, конституирующая все вышеприведённые кыргызские предложения и связывающая их субъектно-предикатные структуры, является незавершённой пропозицией. Её незавершённость, например, в сложном предложении (4) обусловливается тремя факторами: 1) грамматической равноправностью составных частей; 2) семантической рыхлостью общего смысла сложного предложения и равнозначностью составных предложений между собой, а также 3) интонационно-мелодическим выражением некоторой незавершённости мысли:

С) Кыргызское бессоюзное сложносочинённое предложение с составными частями, выражающими вневременные действия, обозначает один предмет речи и одну ситуацию. Например:

(7) Жаратылыштын кооздугу аны байкатпастан арбап алат, алгач адамдар жаратылыштын көрүнбөгөн торлоруна чалынганын билбей да калышат [Өмүркулов, 1984].

(8) Адамды адам кылган – тил,
Ар убакта жүйөөлүү сүйлөгөндү бил [Кадыркулов, 2010].

(9) Тегирменде кала бериш керек, андан көрө жаргылчакка тартып алган жакшы эмеспи [Айтматов, 1985].

В кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложениях (7), (8) и (9) действует грамматическая связь примыкания, которая соединяет в грамматическом отношении свободные и равноправные простые элементарные предложения. Семантическая связь данных кыргызских простых элементарных предложений обусловливается тем, что они обозначают один предмет речи и относятся к одной ситуации, но действия, производимые предметом речи, не закреплены за каким-либо конкретным временным отрезком. Обыкновенно в предложениях подобного вида глагольное сказуемое относится к логическому моменту речи и «… обозначает действия, происходящее постоянно» [Биялиев, 2002:229].

Интонация подобных бессоюзных сложносочинённых предложений в кыргызском языке характеризуется своеобразием перехода от мелодики предыдущего элементарного предложения к мелодике последующего. Такой переход предполагает нисходящий тон в предыдущем предложении, некоторое паузирование, а затем ровно-восходящий тон в последующем предложении [Садыков, 2006]. В письменной речи грамматическое примыкание и интонационная соотнесенность двух простых элементарных предложений в составе структуры одного бессоюзного сложносочинённого оформляется в кыргызском языке, например, в примерах (7), (8) и (9) посредством пунктуационного знака «запятая».

Что же касается предикативных отношений, то только в первом бессоюзном сложносочиненном предложении (7) можно наблюдать полную предикацию, так как в нем наличествует полнозначная субъектно-предикатная структура [Sub+Pred]:

(7): [кооздугу +арбап алат] +[адамдар+ билбей калышат];

Во втором предложении (8) два элементарных простых предложения выражают различные предикативные качества: первое из них показывает полную предикацию, поскольку обладает полнозначной субъектно-предикатной структурой [Sub+Pred], второе показывает свёрнутую предикацию, поскольку субъект 2-го лица единственного числа представлен в нем опосредовано [SubPred]:

(8): [адам кылган + тил] + [(сен) + сүйлөгөндү бил]

В последнем кыргызском бессоюзном сложносочиненном предложении (9) также можно наблюдать свёрнутую предикацию, но уже в обоих его составных элементарных предложениях [SubPred]:

(9): [кала бе риш керек]+ [тартып алган + жакшы эмеспи].

Во всех кыргызскоязычных бессоюзных сложносочинённых предложениях (7), (8) и (9) наблюдается незавершённая пропозиция, которая связывает в единую семантическую структуру их составные элементарные предложения. Незавершённость пропозиции обусловливается нижеследующими факторами. Во-первых, грамматическая связь примыкания, реализующаяся между двумя и более простыми элементарными предложениями в составе сложного, соединяет, в сущности, грамматически свободные равноправные предложения. Во-вторых, семантическая связь между элементарными составными предложениями в составе бессоюзного сложносочинённого в примерах (7), (8) и (9) является не совсем слитной, а некоторым образом рыхлой, поскольку она связывает обозначения разнообразных фрагментов одной внеязыковой ситуации, и, кроме реализации вневременного характера действий, имеет мало общих семантических компонентов. И такая незавершённость пропозиции свойственно не только бессоюзным сложносочинённым предложениям со свёрнутой предикацией, но также и составными частями с полной предикацией, поскольку и в этом случае связь между их составными частями равноправна, например, в примере (7):

(7): [кооздугу +арбап алат] +[адамдар+ билбей калышат];

Д) Кыргызское бессоюзное сложносочинённое предложение с составными частями, выражающими длительные действия, обозначает два и более предмета речи, но в масштабе одной ситуации. Например:

(10) Кеп жакшынын келим-кетими көп,.

Кемпай кишинин дымагы, кесири көп [Кадыркулов, 2010].

(11) Бай мактанса чачылат,.

Байкуш мактанса абийири ачылат [Кадыркулов, 2014].

(12) «Айтылуу мерген мен элем,.

Алганым Зулай сен элең» [Кожожаш, 1996].

Грамматическая связь примыкания, связывающая по два простых элементарных предложения в каждом из трех кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений (10), (11) и (12), представляется свободной, поскольку связываемые составные предложения грамматически равноправны друг к другу. Семантическая связь между данными составными частями в составе кыргызских бессоюзных сложносочинённых обеспечивается семантикой глагольного признака, которая выражает в каждом из составных предложений, а вместе с этим и во всем бессоюзном сложном предложении (10), (11) и (12) значением длительного действия. Интонация бессоюзного сложносочинённого предложения выражается мелодикой нисхода на конце предыдущего составного предложения, некоторым паузированием и ровным тоном в начале следующего составного предложения. Такая интонация присуща кыргызским бессоюзным сложносочинённым предложениям внутри их фонетических структур для выражения незавершённости мысли [Ахматов, Өмүралиева, 1990:83-84]. На письме такая интонация незавершённости отображается в месте паузирования интонационным знаком «запятая».

Что же касается предикативной структуры, то во всех приведённых кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложениях она представляется полной, поскольку во всех составных элементарных предложениях наличествует полнозначная субъектно-предикатная структура [Sub+Pred]:

(10): [келим-кетими + көп]+[дымагы кесири + көп];

(11):[бай+чачылат]+[байкуш+абийри ачылат];

(12): [мен +мерген+[сен +Зулай]

Однако несмотря на наличие полной предикации в каждой из составных частей, общая пропозиция, как высшая ступень предикации, является незавершённой пропозицией, на что указывает: 1. Отсутствие связывающего союза; 2. Свободный характер составных частей бессоюзного сложносочинённого предложения при грамматическом способе примыкания; 3. Слабая семантическая связь между составными элементарными предложения, которые при трансформации могут выступать как вполне самостоятельные предложения; 4. При некотором передвижении логического ударения на

другую синтагму интонационное строение может без никакого ущерба для понятийной структуры предложения преобразоваться в интонацию простого самостоятельного предложения [цит.соч.:83]. Например, возьмём в качестве иллюстративного материала бессоюзное сложное предложение (12):

(12): [мен +мерген+[сен +Зулай]

3.4. Структурно-семантическое сопоставление английских бессоюзных сложных предложений и кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений

Структурно-семантическое сопоставление английских бессоюзных сложных и кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений представляет собой конкретизацию и выход в типологию предложений проводимого нами исследования с совмещением и фокусированием уже полученных данных как чисто релевантно-структурного, так и чисто релевантного семантического свойства. При этом задачи сопоставительного языкознания сохраняются и, более того, выдвигаются во главу угла, а такие задачи имеют два разветвления: выявить сходства сопоставляемых языковых единиц и средств и выявить различия данных единиц и средств в различных типологически.

Определённо, для выявления сходств и различий при сопоставительном изучении языковых единиц и средств двух и более языков важную роль играют качества языковых грамматических типов, в нашем случае для сравнительного изучения английских и кыргызских сложных предложений качества грамматического типа английского языка и типа кыргызского языка.

Сравниваемые нами в настоящем разделе английские и кыргызские бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения являются предложениями элементарного синтаксического строя, в котором релевантным представляется характер действия, выраженного в глагольном сказуемом. Однако, элементарность бессоюзного сложного и сложносочинённого предложения определяется его составными частями, которые, будучи трансформированными в отдельную синтаксическую единицу, могут потерять свою семантическую соотнесенность с другим (другими) предложением в сложной синтаксической структуре. «Сложное предложение в свою очередь состоит из компонентов, которые приближаются по своему построению в той или иной степени к простому предложению, и

потому, не являясь цельными предложениями, могут быть также названы элементарными предложениями» [Гулыга, 1971:5. – Подчёркнуто нами. Д.К.; Джепко, 1993:9].

В соответствии с характером элементарности всего бессоюзного сложного английского и бессоюзно сложносочинённого кыргызского предложений, а также их составных частей, а в первую очередь исходя из характера действия, выраженного в сказуемом-предикате, все бессоюзные сложные предложения исходного английского и бессоюзные сложносочинённые сопоставляемого кыргызского языков были расклассифицированы нами по четырём видам: 1. Бессоюзные сложные предложения с одновременными действиями, обозначенными в своих составных частях; 2. Бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с последовательными действиями, обозначенными в своих составных частях; 3. Бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с временными действиями, обозначенными в своих составных частях; 4. Бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с длительными действиями, обозначенными в своих составных частях.

Рассмотрим данные виды английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений на предмет выявления их сопоставляемых характеристик, проявляющихся в установлении их сходств и их различий.

А) Английские и кыргызские бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с составными частями, выражающими одновременные действия, обозначает один предмет речи и покрывают одну ситуацию. Например:

(1) She was shocked by West Egg and its raw vigor; she saw something awful in the very simplicity she failed to understand [Fitzgerald, 2014].

(2) 2 киши 7 мамлекетке баргандар, 3 киши 6 мамлекетте болгондор …
[Токтогонов, 1999].

(3) «Уктум сөзүн көзү ачык адамдын,
Көптү көргөм, көптү билгем абаңдын» [Абдыразаков, 2008].

Сходства можно наблюдать в грамматическом средстве связи примыкания, которым соединены между собой составные части английского бессоюзного сложного и кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложений (1), (2) и (3). Семантика

бессоюзного сложного английского (1) и бессоюзных сложносочинённых кыргызских предложений (2) и (3) также представляется похожей, поскольку составные части всех трех означенных предложений соединяются между собой лишь в связи с обозначением одного предмета речи в составе одной внеязыковой ситуации. Так, в английском бессоюзном сложном предложении (1) предметом речи выступает лицо-деятель She; в кыргызском бессоюзном сложносочинённом предложении (2) предметом речи выступает группа людей; члены группы «2 киши» и «3 киши» именуются в двух составных частях предложения; в кыргызском бессоюзном сложносочинённом предложении (3) предмет речи именует 1-е лицо единственного числа посредством аффикса "-ум" (уктум).

Различие наблюдается в интонационном оформлении бессоюзном сложном предложения в английском и бессоюзного сложносочинённого в кыргызском языках. Простое элементарное предложение в английском языке имеет интонационную структуру, в которой незавершённость мысли интонируется с повышением тона [Торсуев, 1953:22-23]; в кыргызском же языке незавершённость мысли передаётся нисходящим тоном совместно со второстепенным ударением [Мамытов, 1999:52-53]. Таким образом, различие в английском и кыргызском бессоюзном сложных и сложносочинённых предложениях проявляется на стыке простых элементарных предложений, когда мелодика предыдущего выражает незавершенность мысли, но выражается она по-разному и в противоположных направлениях движения тона [Кадырова, 2008:302-303].

Различие в пунктуационно-графическом оформлении обозначения одновременных действий в английском и кыргызском бессоюзных сложных и сложносочинённых предложениях состоит в том, что английский язык применяет для соединения на письме своих составных частей точку с запятой, которая обозначает «две части соединяются постольку, поскольку между ними существует некоторая слабая связь» [пример (1)]; в то время как кыргызский язык для этих целей применяет пунктуационный знак «запятая» с обозначением «две части соединяются между собой вследствие наличия некоторой связи» [примеры (2) и (3)].

В области внутреннего предикативного строения английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений, выражающих в своих

составных частях одновременные действия, имеются как сходства, так и различия. Сходство состоит в том, что и английские бессоюзные сложные, и кыргызские бессоюзные сложносочинённые предложения могут иметь полную предикацию и полнозначные субъектно-предикатные структуры, например, в примерах (1) и (2) [Sub+Pred]:

(1): [she+was shocked] +[she+ saw];

(2): [2 киши+ баргандар]+ [3 киши+ болгондор].

Однако различия имеются уже внутри данных субъектно-предикатных структур. Элементарный характер составного простого распространённого предложения в составе бессоюзного сложного предполагает наличие ещё одного компонента, обыкновенно таким компонентом выступает дополнение-объект Obj. Его позиционное размещение в составе английского и кыргызского простого элементарного распространённого предложения всегда явно определено. В английской субъектно-предикатной структуре оно занимает постпозицию относительно как предиката, так и субъекта [Sub+Pred+ Obj]:

(1): [she+was shocked+by West Egg];

[she+saw+something awfull].

В кыргызской субъектно-предикатной структуре дополнение занимает интерпозицию между субъектом и предикатом [Sub+Pred+ Obj]:

(2): [2 киши+7 мамлекетке+баргандар];

[3 киши+6 мамлекетте+болгондор].

И, разумеется, такое различное местоположение дополнения-объекта в английском и кыргызском языках обусловлено в первую очередь различным грамматико-типологическим строением означенных языков, когда именно позиция предиката-сказуемого определяет в том или ином типе языка, ввиду его переходности-непереходности, то или иное позиционное размещение объекта глагольного воздействия.

Однако вид бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений, выражающих своими составными частями одновременные действия, предполагает в кыргызском языке и свернутую предикацию. Так, например, в кыргызском примере (3) представлено бессоюзное сложносочинённое предложение, в котором в обеих его

составных элементарных предложениях не имеется формально выраженного подлежащего-субъекта, но оно эксплицитно подразумевается вследствие наличия личного аффикса 1-го лица единственного числа глагольной формы прошедшего времени «уктум», «көргөм», «билгем» [SubPred] (отсутствие знака «+» между субъектом –Sub и предикатом –Pred означает свернутость предикации):

(3): [уктум] [көргөм] + [билгем].

В соответствии с грамматическими правилами агглютинативного кыргызского языка элементарность простого распространенного предложения проявляется через постпозиционное размещение дополнения-объекта относительно предиката и субъекта, в данном случае в бессоюзном сложном предложении (3) относительно свернутой субъектно-предикатной структуры [SubPred+ Obj]:

(3): [уктум+сөзүн]+ [көргөм+көптү]+ [билгем+көптү].

Свернутость предикации в данном кыргызском примере (3) происходит по линии свёртывания субстантивного субъекта-подлежащего, который не выражается формально-грамматически, но содержится в эксплицитном выражении в глагольной форме предиката-сказуемого в качестве личного аффикса: «уктум», «көргөм», «билгем».

Однако несмотря на некоторые различия в предикативном строении английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений с составными частями, выражающими одновременные действия, заключающееся в том, что в английских бессоюзных сложных предложениях наблюдается только полная предикация, в то время как в таковых сложносочинённых кыргызских- и полная, и свёрнутая предикация, их пропозитивная структура в обоих языках выглядит подобной друг другу, а именно, в бессоюзных сложных и сложносочинённых предложениях обоих языков, английского и кыргызского, является незавершенной. Это можно наблюдать в вышеприведенных примерах:

(1): [she+was shocked] +[she+ saw];

(2): [2 киши+ баргандар]+ [3 киши+ болгондор].

(3): [уктум] [көргөм] + [бил гем].

Такое незавершённое строение пропозиции как высшей формы предикации, релевантной для всей структуры английского и кыргызского бессоюзного сложного и сложносочинённого предложения с составными частями, выражающими одновременное действие, обусловливается, как показывает наше сопоставительное изучение, четырьмя факторами: 1) отсутствием какого-либо союза, что указывает на полное отсутствие между составными элементарными предложениями как соединительно-сочинительной, так и зависимостно-подчинительной связи; 2) наличие грамматической связи примыкания, которая предполагает, что контактирующие и связующие между собой предложения равноправны друг с другом и, в сущности, являются автономными предложениями-высказываниями; 3) рыхлостью и наличием слабой семантической связи между понятийно-смысловыми структурами составных элементарных предложений в общей структуре всего бессоюзного сложного и сложносочинённого предложения и 4) фонетической зыбкостью переходных моментов от предыдущего составного элементарного предложения к последующему, которая проявляется не только в качестве восходящего тона на конце английского высказывания и в качестве нисходящего тона на конце кыргызского высказывания, но и в долготе паузирования: чем дольше пауза, тем больше вероятности восприятия последующего после паузы составного предложения в обоих анализируемых языках, английском и кыргызском, как некоторого семантически обособленного синтаксического единства.

В) Английское и кыргызское бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с составными частями, выражающими последовательные действия, обозначают один предмет речи и покрывают одну ситуацию. Например:

(4) It was as Keawe supposed; the young man had the change ready in a drawer; the bottle changed hands, and Keawe's fingers were no sooner clasped upon the stalk than he had breathed his wish to be a clean man [Stevenson, 2013].

(5) Баардыгы маалым, айта турган сөз деле жок эле: Чоро айыптуу болчу [Өмүркулов, 1984].

(6) Өйдө чыксам өбөгүм,.

Ылдый түшсөм жөлөгүм [Кожожаш, 1996].

Английское сложное предложение (4) выражает в своих составных частях последовательность действий одного предмета речи-некоторого лица по имени «Keawe» в составе одной внеязыковой ситуации.

Кыргызское сложносочинённое предложение (5) выражает в своих составных частях последовательность действий также некоторого лица по имени «Чоро» в составе одной внеязыковой ситуации. Другое же кыргызское сложносочинённое предложение тоже выражает последовательность действий некоторого предмета речи-некоторого 1-го лица единственного числа, выраженного эксплицитно грамматически в личном аффиксе глагольного сказуемого «чыксам», «түшсөм» и в личном аффиксе субстантивного дополнения «өбөгүм» и «жөлөгүм» в составе одной внеязыковой ситуации.

Грамматическая связь примыкание соединяет между собой три составных элементарных предложения в английском примере (4), а также по два составных элементарных предложения в кыргызских примерах (5) и (6); при этом все составные грамматические предложения остаются грамматически независимыми и относительно свободными в составе соответствующих бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений. Семантическая связь внутри вышеприведенных примеров (4), (5) и (6), так же как и связь грамматическая, представляется совпадающей в обоих сравниваемых языках. Их совпадение основывается на относительно зыбкой семантике, которая не представляется единой и гомогенной.

Зыбкий характер общей семантики английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений с составными частями, выражающими последовательностью действий одного предмета речи в одной внеязыковой ситуации, обусловливается тем, что здесь имеет место так называемая «предикация действия … как своего рода ответная реакция говорящего на динамическую ситуацию, в которой главная роль принадлежит событию, а не предмету» [Шахнарович, 1985:40]. Динамическая ситуация не позволяет говорящему сфокусировать своё внимание на единстве и гомогенности внеязыковой ситуации, которая в языковых формах приобретает несколько расплывчатый характер. Такое языково-

внеязыковое явление обусловлено тем, что «высказывания семантическим фокусом не зависят от речевой ситуации и определяются в терминах отношений на онтологическом уровне семантики, т.е. устанавливают факты, объекты, их свойства и отношения в объективной действительности. Высказывания с семантическим фокусом связываются с темой текста тем, что характеризуют ее отдельные составляющие» [Калмыков, 1985:73. – Подчёркнуто нами. Д.К.].

Интонационное оформление бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений, в сущности, является идентичным: заключительные части предыдущих составных элементарных предложений в обоих сравниваемых языках выражают мелодику незавершённого смысла, только в английском языке оно являет собой подъем тона, а в кыргызском – нисхождение тона [Сыдыков, 1984:90-91]. На письме, т.е. в письменной речи, такая интонация отображается знаком препинания «запятая», которая также отображает и грамматическую связь примыкания.

Предикативное строение в английском бессоюзном сложном предложении (4) и в таковом сложносочинённом кыргызском (5) представляется полной, поскольку в них обоих наличествуют полнозначные субъектно-предикатные структуры [Sub+Pred]:

(4): [Keave+supposed] +[the man+had the change] +[the botte+changed hands];

(5): [баардыгы +маалым] + [сөз+ жок эле]+[Чоро айыптуу болуучу].

Однако предикативное строение кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложения (6) отличается свернутостью предикации. Здесь отсутствует даже формальное подлежащее, но его отсутствие не означает, что предложение-высказывание теряет свой смысл. Агглютинативное строение кыргызской грамматической системы таково, что явление имплицитного подлежащего выражает эксплицитно через агглютинативную структуру глагольного сказуемого в составе безличного предложения [Тойчубекова, 1994: 20].

Это только в английском языке наличие подлежащего, хотя бы формально, является необходимым, без него предложение-высказывание теряет свою коммуникативную значимость [Ерхов, 1985:45].

В кыргызском бессоюзном сложном предложении (6), таким образом наличествует свёрнутая предикация [SubPred]:

(6): [чыксам]+ [түшсөм].

Что же касается пропозиции, релевантной для всей структуры бессоюзного сложного и сложносочинённого предложения, то она, как высшая предикативная форма объёма сложных предложений, представляется незавершённой, независимо от того, соединяет ли она полнозначные субъектно-предикатные структуры, или же такие структуры неполнозначные; следовательно, незавершённая пропозиция характерна как для аналитического английского языка, так и для агглютинативного кыргызского:

(4): [Keave+supposed] +[the man+had the change] +[the botte+changed hands];

(5): [баардыгы +маалым] + [сөз+ жок эле]+[Чоро айыптуу болуучу];

(6): [чыксам]+ [түшсөм].

Такое пропозитивное строение обусловлено теми же самыми причинами, как и ранее в бессоюзных сложных английских и в таковых сложносочинённых кыргызских предложениях с составными частями, выражающими одновременность действий: 1) отсутствие сочинительного союза, 2) свободным характером грамматического примыкания, 3) зыбкостью семантической связи между составными предложениями и 4) фонетическим своеобразием перехода интонации от предыдущего составного предложения к последующему.

С) Английское и кыргызское бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с составными частями, выражающими вневременные действия, обозначают один предмет речи и покрывают одну ситуацию, например:

(7) “I give you my hand upon that; I thank you again and again; I will just add one little word, Utterson, that I’m sure you’ll take in good part: this is a private matter, and I beg of you to let it sleep” [Stevenson, 2010].

(8) Далай элдер өлдү,
далай көчтөр талкаланды,
далай малдар каректанды…
[Осмонов, 2007].

(9) Акырын колко кылбай иштей берсең,.

Ак иштин акыбети кайтат экен

[Кадыркулов, 2010].

Грамматическая связь примыкания соединяет простые элементарные предложения в английском бессоюзном сложном предложении (7) и в кыргызских бессоюзных сложносочинённых – (8) и (9). На письме данная связь отображается в английском языке пунктуационными знаками «точки с запятой и двоеточием», а в кыргызском языке – просто «запятой».

Семантическая связь составных элементарных предложений в английском и кыргызском бессоюзных сложных и сложносочинённых предложениях (7), (8) и (9) характеризуется отсутствием «единой коммуникативно-функциональной установки (интенции)» [Зернецкий, 1985:173; Мукарапова, 2010:24], т.е. смысловой рыхлостью и зыбкостью.

Интонационная структура английского бессоюзного сложного предложения (7) имеет некоторые отличия с таковой кыргызских сложносочинённых (8) и (9). Так, три простых элементарных составных предложения в составе английского бессоюзного сложного (7) имеют интонационную структуру незавершённой мысли, выражающуюся в мелодическом оформлении тона: ровный тон – ровно-восходящий тон – некоторое нисхождение тона – восхождение тона [Akhmanova, Minajeva, Mindrul, 1986:17-18]. В соотнесенных кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложениях интонационная структура незавершенной мысли в составных элементарных предложениях выражается в мелодическом оформлении с понижением тона на конце предложения: ровный тон – ровно-восходящий тон-нисходящий тон-полное нисхождение тона [Тулеева, 2008:233].

Являются сходными предикативными строения в английском бессоюзном сложном предложении (7) и в кыргызском сложносочинённом (8) – они оба имеют составные части с полной предикацией [Sub+Pred]:

(7): [I+ give…] +[I+ thank…] +[I +will…] +[a private matter +is…];

(8): [элдер+өлдү]+[көчтөр+талкаланды]+ [малдар+каректанды].

В кыргызском же бессоюзном сложносочинённом предложении (9) имеется одно составное элементарное предложение со свёрнутой предикацией, в котором отсутствует грамматическое подлежащее, хотя субъект предложения имплицитного содержится в структуре повелительно-побудительного предложения с обращением ко 2-ому лицу единственного числа; второе же составное элементарное предложение можно охарактеризовать как предложение с полной предикацией. Синтаксическая структура кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложения (9) может быть записана в символах: [SubPred]+ [Sub+Pred]:

(9): [иштей берсең] +[акыбети+ кайтат экен].

Пропозитивное же строение английского (7) и кыргызских (8) и (9) бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений можно обозначить как незавершённую пропозицию, когда элементарные составные части входят в состав сообщаемого и «… лишены самостоятельной роли в коммуникативной структуре предложения [сложного предложения. Д.К.], характеризуемой свойством бинарности» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:307].

Так, все три вышеприведённых примера содержат бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с незавершённой пропозицией. Например, кыргызское бессоюзное сложносочинённое предложение (8):

(8): [элдер+өлдү]+[көчтөр+талкаланды]+ [малдар+каректанды].

На незавершённый характер пропозиции в английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложениях с составными частями, выражающими вневременные действия, указывают такие, уже нами означенные, факторы: 1) отсутствие какого-либо союза; 2) грамматическая связь свободного примыкания; 3) семантическая связь без цельной коммуникативно-функциональной интенции; 4) интонационно-мелодическая структура, могущая быть подверженной некоторому видоизменению, может привести к изменению семантических интенций.

Д) Английское и кыргызское бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с составными частями, выражающими длительные действия, обозначают два и более предметов речи и покрывают одну ситуацию.

Например:

(10) The young woman readjusted her somewhat draggled plumes with a feeble, faded coquetry, Mother Shipton eyed the possessor of "Five Spot" with malevolence, and Uncle Billy included the whole party in one sweeping anathema [Harte, 2013].

(11) Тагдырга жараша адам, адамга жараша тагдыр – бири бирин издешпей табышат эмеспи [Айтматов, 1988].

(12) Бактар куурап, жалбырагы саргайып,
Бутактары жыпжыланач тарбайып [Кадыркулов, 2010].

Все три бессоюзных сложных и сложносочинённых предложения: английское (10) и кыргызские (11) и (12) – соединяют свои элементарные составные части в структуру одного единого сложного посредством грамматической связи примыкания, которая однако выражает только чисто грамматическое отношение, при которой составные части равноправны друг к другу и остаются в грамматическом отношении лексико-синтаксическими единствами с большой долей автономности.

Семантическая связь составных элементарных частей в структуре бессоюзного сложного и сложносочинённого предложения в обоих языках, английском и кыргызском, остаётся не спаянной, зыбкой, поскольку отсутствует единая «прагматическая коммуникативно-функциональная целеустановка» [Почепцов, 1975:18-19].

Как и в предыдущих видах английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений, данный вид английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений с составными частями, выражающими длительные действия, в своей фонетической репрезентации различаются заключительными тонами перед примыканием к последующему элементарному предложению: в английском языке – это восхождение, а в кыргызском – нисхождение.

В данном виде английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений пунктуационная связь осуществляется уже нами

названными способами: в английском языке – это “точка с запятой” и “запятая”, а в кыргызском – “запятая”. В кыргызском же языке также имеется еще один пунктуационный способ соединения составных частей в структуре бессоюзного сложного предложения – «тире» [пример (11)].

Как пишет в связи с этим известный кыргызский языковед А. Турсунов, «тең байланыштагы татаал сүйлөмдүн тутумундагы жөнөкөй сүйлөмдөрдүн экинчиси биринчи сүйлөмдө айтылган ойдун жыйынтыгын, натыйжасын билдирсе, ал эки жөнөкөй сүйлөмдүн ортосуна сызыкча коюлат» [Турсунов, 2002:108. – Подчеркнуто автором].
[«В бессоюзных сложных предложениях может ставиться тире между простыми составными предложениями в том случае, если второе предложение обобщает или заключает содержание первого»].

Предикативное строение английского бессоюзного сложного предложения (10) и кыргызского бессоюзного сложносочинённого (11) является полностью сходным: они оба обладают качеством полной предикации, поскольку в их составных частях наличествуют полнозначные субъектно-предикатные структуры [Sub+Pred]:

(10): [the woman +readjusted] + [Mother Shipton+eyed];

(11): [адам+ тагдырга жараша] + [тагдыр+ адамга жараша].

Однако в кыргызском бессоюзном сложносочинённом предложении (12) наблюдается свернутая предикация, которая заключается в отсутствии полнозначного личного глагольного сказуемого; функцию сказуемого во всех трех простых составных предложениях исполняют неличная деепричастная форма глагола: «куурап», «саргайып» и «тарбайып».

Деепричастие как неличная форма глагола, одновременно обладающая признаками глагола и наречия, «…примыкает к глаголу-сказуемому… и обозначает действие, предшествующее действию основного глагола» [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:123; ср.: Потапова, 1980:44; Орузбаева, 1994:36-37]. Так, в кыргызском бессоюзном сложносочинённом предложении (12) имеются три составных части, в которых роль сказуемого выполняют деепричастные неличные формы глагола: само же сказуемого опущено, оно имеет имплицитную реализацию. Если бы сказуемое имело эксплицитную

реализацию, то в этом случае данное сложное предложение выглядело бы так: «Бактар куурап туруптур, жалбыractар саргайып кетиптир, бугалактар жыпжыланач калыптыр».

Таким образом, в данном кыргызском бессоюзном сложносочинённом предложении (12) сказуемые имеют имплицитную реализацию, но от этого предикативные структурысоставных частей не претерпевают никаких ущербных явлений: в качестве сказуемого выступает деепричастие, обозначающее действие, предшествующее действию основного глагола [SubPred]:

(12): [бактар куурап]+ [жалбырагы + саргайып] + [бутактары + тарбайып]

Таким образом, свертывание предикации в данном примере (12) происходит в кыргызском языке по линии глагольного сказуемого, в то время как ранее в проанализированных нами ранее кыргызскоязычных примерах (3), (6) и (9) свертывание предикации происходило по линии субстантивного подлежащего.

Что же касается пропозитивного строения всего бессоюзного сложного предложения в английском и бессоюзного сложносочинённого в кыргызском, то её проявление в обоих привлекаемых языках представляется сходным – в обоих языках имеет место незавершённая пропозиция. Например, в английском бессоюзном сложном предложении (10):

(10): [the woman +readjusted] + [Mother Shipton+eyed];

Или в кыргызском бессоюзном сложносочинённом предложении (12), в котором, в отличие от английского примера (10) с составными частями с полной предикацией, наблюдается во всех его трех составных частях свернутая предикация:

(12): [бактар куурап]+ [жалбырагы саргайып]+ [бутактары тарбайып]

Незавершённость пропозиции как высшей ступени предикации не зависит релевантным образом от качества полной или свёрнутой предикации в связываемых его составных элементарных предложений. Незавершённость пропозиции, как явление свойственного всей структуре бессоюзного сложного и сложносочинённого предложения, в данном виде бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений с составными

частями, выражающими длительные действия, как и ранее в сложных и сложносочинённых предложениях с составными частями, выражающими одновременные, последовательные, или вневременные действия, обусловлена следующими четырьмя факторами: 1) в составе сложных предложений в обоих языках отсутствует какой-либо соединительный союз; 2) составные части бессоюзных сложных предложений соединяются свободным способом грамматическим примыкания; 3) семантическая связь между составными элементарными предложениями является зыбкой и не гомогенной в составе всего сложного и сложносочинённого предложения и 4) фонетическое артикулирование интонации бессоюзных сложных английских предложений и бессоюзных сложносочинённых кыргызских легко может трансформировать их в относительно автономные, предложения – все зависит в этом случае от долготы паузирования между составными элементарными простыми предложениями: более протяжённая пауза имплицирует большую семантическую обособленность синтагматических единств простых элементарных предложений.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

§1. Методика сопоставительно-типологического анализа английских бессоюзных сложных предложений и кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений предусматривает трехэтапный подход к изучению практического языкового материала. На первом этапе предполагается проанализировать грамматическую связь примыкания данных сложных предложений, их семантическую составляющую, их интонационное оформление в устной речи и пунктуационное в письменной речи в английском и кыргызском языках по-отдельности.

На втором этапе нашего сопоставительно-типологического анализа мы уделили пристальное внимания вопросу изучения явления предикации, субъектно-предикатного строения составных частей – простых элементарных предложений в составе бессоюзного сложного и сложносочинённого предложения в английском и кыргызском языках. Как показали предварительные наблюдения, обоим сравниваемым языкам свойственны предикации, не полностью совпадающие в своей качественной реализации.

И на третьем заключительном этапе нашего сопоставительно-типологического изучения фактического материала мы сравнили позиционное (пропозиционное) строение бессоюзных сложных предложений в английском языке и таковых сложносочинённых в кыргызском. При этом мы исходили из теоретической установки, имеющей практическое подтверждение, что пропозиция представляет собой высшую форму предикации; пропозиция более абстрагировано и адекватно приложима к таким распространенным и протяжённым семантико-синтаксическим структурам, каковыми являются английские и кыргызские сложные и сложносочинённые предложения, в данном случае сложные предложения бессоюзного типа.

В теории пропозиции как высшей ступени явления предикации пропозиционное строение семантико-синтаксических структур может подразделяться на: пропозицию незавершённого вида, когда понятийно-смысловая структура высказывания преодолевает отсутствие или недостаток грамматических средств связи; пропозицию завершенного вида, когда понятийно-смысловая структура высказывания подкрепляется грамматическими средствами связи; и пропозицию событийного вида, когда понятийно-смысловая структура высказывания связывается «семантическими скобами», т.е. такими семантическими отношениями – типа причинно-следственных, – когда одна часть высказывания (сложного предложения) в облигаторном порядке подразумевает другую.

Сравнительно-сопоставительный анализ пропозиционных структур в английском и кыргызском должен, вне всякого сомнения, выявить многие релевантные типологические факты.

§2. Структурно-семантическое изучение примерного количества в 1500 языковых единицах типа бессоюзных сложных предложений в английском языке показывает, что они все в равной пропорции, примерно по 380-390 предложений, подразделяются на 4 группы, основой выделения таких групп является их элементарный характер, проявляющийся в качестве глагольного действия.

А) Английское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими последовательные действия; оно обозначает один предмет речи и покрывает одну внеязыковую ситуацию;

B) Английское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими одновременные действия, оно также обозначает один предмет речи и покрывает одну внеязыковую ситуацию;

C) Английское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими вневременные действия; оно таким же образом обозначает один предмет речи и покрывает одну внеязыковую ситуацию;

Д) Английское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими длительные действия; но оно обозначает два и более предмета речи, хотя и покрывают одну внеязыковую ситуацию.

Грамматическая связь, действующая в составе английского бессоюзного сложного предложения, является примыканием, присоединением автономных элементарных предложений друг к другу.

Семантическая связь, действующая в составе английского бессоюзного сложного предложения, соединяет смыслы данных простых элементарных предложений как составных частей общей семантической структуры и является рыхлой и неспаянной – элементарные предложения могут функционировать при соответствующем актуальном членении и, возможно, даже изолированного друг от друга.

Интонация английского бессоюзного сложного предложения характеризуется тем, что на стыках элементарных составных предложений она имеет мелодику восхода и перехода к артикуляции дальнейшего смысла последующего элементарного предложения; в письменной речи такая интонация отображает пунктуационным знаками «точка с запятой» и «запятая».

Все элементарные предложения – составные части английского бессоюзного сложного предложения характеризуются полнозначной субъектно-предикатной структурой [Sub+Pred] и проявляют полную предикацию. Такое обеспечивается облигаторной двусоставностью синтаксической структуры английского простого предложения в составе сложного бессоюзного, как распространённого, так и нераспространенного.

Пропозиция как высшая ступень предикации действует уже на уровне всего английского бессоюзного сложного предложения; она обозначается нами как пропозиция

незавершённого вида, поскольку её незавершённость обусловливается многими языковыми факторами: 1. Грамматической равноправностью составных элементарных предложений; 2. Семантической рыхлостью и неспаянностью смыслов данных составных частей; 3. Интонацией незавершённости с нерегламентированной продолжительностью паузирования между составными элементарными предложениями: некоторое удлинение паузы может разорвать и без того слабую семантическую связь между ними.

§3. Структурно-семантическое изучение кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений в количестве примерно 1500 языковых единиц показало, что все они распределяются примерно в равной пропорции по 380-390 предложений по четырем группам в зависимости от фактора их глагольного действия:

А) Кыргызское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими одновременные действия; оно обозначает один предмет речи и покрывает одну внеязыковую ситуацию;

В) Кыргызское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими последовательные действия; оно обозначает один предмет речи и покрывает одну внеязыковую ситуацию;

С) Кыргызское бессоюзное сложное предложение с составными частями, выражающими вневременные действия; оно обозначает один предмет речи и покрывает одну ситуацию;

Д) Кыргызское бессоюзное сложное предложение с составными частями выражающими длительные действия; оно обозначает два и более предмета речи, но покрывает одну ситуацию.

Грамматическая связь примыкания связывает составные части кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложения, которые при этом остаются в грамматическом отношении равноправными друг другу.

Семантическая связь, соединяющая составные части кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложения, обусловливается характером глагольного действия, выраженного в предикатах составных элементарных предложений, но все же остаётся не спаянной и не тесной, а в некоторой степени ослабленной.

Интонационное оформление в устной речи выражается в особом переходе от одного составного предложения к другому: нисхождение тона – паузирование – ровный тон и постепенное восхождение тона. На письме такая интонация в месте паузирования оформляется пунктуационным знаком «запятая».

Предикативная структура кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений отличается параллельным наличием как полной предикации, так и предикации свёрнутой в бессоюзных предложениях групп: А), В) и С). Что же касается бессоюзных сложносочинённых предложений группы Д), то здесь встречаются сложные предложения с составными частями, выражающими длительные глагольные действия, имеющими только полную предикацию; видимо, выражение длительности действия не сочетается с явлением свернутости предикации; длительное действие должно быть обозначено чётко, ясно и конкретно.

Пропозитивная структура всего кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложения представляется незавершённой, на что указывает, во-первых, отсутствие союза, во-вторых, свободная грамматическая связь примыкания, в-третьих, ослабленная семантическая связь между составными частями сложного предложения. И такая незавершённая пропозиция может быть приписана не только предикациям свёрнутым, но также и предикациям полным, как это наблюдается в группе Д) кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений с составными частями, выражающими длительные действия.

§4. Структурно-семантическое сопоставление английских и кыргызских бессоюзных сложных предложений, в общей сложности примерно 3000 языковых единиц, по 1500 в каждом из сравниваемых языков, показало, что такое сопоставительное изучение целесообразно приводить по четырём видам, направлениям:

А) Английские и кыргызские бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с составными элементарными предложениями, выражающими одновременные действия предмета речи;

В) Английские и кыргызские бессоюзные сложные предложения с составными элементарными предложениями, выражающими последовательные действия предмета речи;

С) Английские и кыргызские бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с составными элементарными предложениями, выражающими вневременные действия предмета речи;

Д) Английские и кыргызские бессоюзные сложные и сложносочинённые предложения с составными элементарными предложениями, выражающими длительные действия предмета речи.

Можно провести параллели между типом английских сложных предложений и типом кыргызских сложносочинённых предложений (тең байланыштагы татаал сүйлөм), а именно, его составным подтипом бессоюзных сложносочинённых предложений (байламтасыз тең байланыштагы татаал сүйлөм).

Схематически вышеприведённое можно изложить последующим образом:

Таблица 2. Сопоставления типа английского бессоюзного сложного предложения и подтипа кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложения

Английский язык	Кыргызский язык
1. Бессоюзное сложное предложение	1. Сложносочиненное предложение А. Бессоюзное сложносочиненное предложение

Сходными в структурно-семантическом построении английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений являются следующие четыре момента. Во-первых, идентичная грамматическая связь примыкания, соединяющая простые составные элементарные предложения в одну структуру бессоюзного сложного и сложносочинённого. Во-вторых, похожая ослабленная семантическая связь, соединяющая смыслы простых составных элементарных предложений. В-третьих, одна и та же предикативная структура с качеством полной предикации, конститутирующая субъектно-предикатные основы всех английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений всех означенных выше четырех видов данных бессоюзных предложений. В-четвертых, сходным является общая пропозитивная

структура, присущая понятийно-смысловой стороне всего состава и объема английского бессоюзного сложного и кыргызского бессоюзного сложносочинённого предложения.

Несходными в структурно-семантическом построении английских и кыргызских бессоюзных сложных и сложносочинённых предложений являются последующие три момента. Во-первых, непохожее интонационно-мелодическое артикулирование на исходе неконечных составных предложений, выражающих незавершённую мысль: в английских бессоюзных сложносочинённых предложениях – это восхождение тона с последующим кратким паузированием, в кыргызских бессоюзных сложносочиненных предложениях – это нисхождение тона с последующим недолгим паузированием. Во-вторых, в письменной речи графическая связь между составными элементарными предложениями в английских бессоюзных сложных предложениях осуществляется преимущественно пунктуационным знаком «точки с запятой», в то время как в кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложениях такая связь осуществляется преимущественно пунктуационным знаком «запятой». И, в-третьих, несходным является то, что на уровне простых составных элементарных предложений синтаксическая система кыргызского языка широко использует явление свёртывания предикации. Три вида кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений, А) с составными предложениями, выражающими одновременные действия, В) с составными предложениями, выражающими последовательные действия, С) с составными предложениями, выражающими вневременные действия, – эксплицируют свёртывание предикации по линии подлежащего-субъекта, употребляя разные формы безличных предложений. Один вид кыргызских бессоюзных сложносочинённых предложений, Д) с составными предложениями, выражающими длительные действия, эксплицирует бóльшей частью свёрнутую предикацию по линии сказуемого-предиката, употребляя неличные формы глагола - причастие и деепричастие.

ГЛАВА IV. СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И СОЮЗНЫЕ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

4.1. О методике сопоставительно-типологического анализа сложносочинённых предложений в английском и союзных сложносочиненных в кыргызском языках

Напомним, что «сложное предложение – это объединение двух (или более) простых предложений (или их аналогов) средствами союзов, союзных слов или союзных частиц (в сочетании с определённой интонацией, а часто также и при поддержке лексики) в некое новое синтаксическое образование, части которого вступают друг с другом в определённые синтаксические отношения» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:396].

Сложные предложения в обоих сравниваемых нами языках были расклассифицированы нами по трем типам. Но в основу такой троичной классификации легли различные критерии. В основу английской классификации были положены критерии наличия / отсутствия союзов и союзных слов и качество союза и союзного слова, их сочинительный или подчинительный характер. В основу же кыргызской классификации были положены критерии структурно-смысловой связи между составными частями синтаксической единицы.

В соответствии с применяемыми критериями английская лингвистическая традиция выделила: во-первых, бессоюзное сложное предложение, во-вторых, сложносочиненное предложение и, в-третьих, сложноподчиненное предложение.

Кыргызская же лингвистическая традиция подразделила все сложные предложения в соответствии с заявленными критериями также на три группы: во-первых, это сложносочиненные предложения, во-вторых, это сложноподчиненные предложения и, в-третьих, это сложные предложения смешанного типа, в которых реализуются как сочинительные, так и подчинительные синтаксические связи.

Но кыргызский синтаксис пошел несколько дальше в расклассифицировании типов сложных предложений. На втором этапе своего расклассифицирования он применил критерий наличия / отсутствия союза или союзного слова. В связи с применением этого критерия кыргызский синтаксис выделил среди двух типов сложносочиненных и

сложноподчиненных предложений также по два подтипа бессоюзных и союзных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений [см. Таблицу №1].

В предыдущей главе мы уже выявили факт релевантной параллельности между типом английского бессоюзного сложного предложения и подтипом кыргызского бессоюзного сложносочиненного предложения.

Рассматривая сложносочинённые предложения в данной главе, мы констатируем, что определение союзного сложносочинённого предложения в английском и союзного сложносочиненного в кыргызском языке совпадают:

«Сложносочинённые предложения состоят из равноправных простых предложений, не зависящих друг от друга. Простые предложения, входящие в состав сложносочинённого предложения, соединяются сочинительными союзами» [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:45; Leech, Svartvik, 1975:14].

«Простые предложения в составе сложносочинённых предложений в структурно-грамматическом отношении не отличаются от отдельных самостоятельных простых предложений, сохраняя те же формы сказуемости. Поэтому такие предложения и носят названия сложносочинённого, ибо представляют собой соединение в единое смысловое целое двух или более простых предложений без изменения их структуры» [Жапар, ч.2, 1992:206].

Однако, как мы покажем в дальнейшем изучении материала англоязычных и кыргызскоязычных союзных сложносочинённых предложений, приведённые выше определения требуют существенных корректив и дополнений, поскольку они являются дефинициями более ориентированными на лингвометодическую сторону вопроса.

Главным грамматическим средством соединения простых предложений в единую структуру сложносочинённого являются союзы, союзные слова и союзные частицы; и, если первые из них характерны для английского языка, то вторые и третьи употребительны в кыргызском языке.

Союзы, союзные слова и союзные частицы имеют свою семантику, в зависимости от которой они подразделяются в обоих языках на три группы: 1. Союзы, союзные слова и союзные частицы с соединительным значением; 2. Союзы, союзные слова и союзные частицы с

противительным значением; 3. Союзы, союзные слова и союзные частицы с разделительным значением [Беляева, 1977:211; Джепко, 1993:8; Акматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:139; Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:146-147].

Однако, грамматическая связь, соединяющая два или более простых предложений в одну структуру союзного сложносочинённого, обычно трактуется как согласование, а именно, соотнесение грамматических форм составных элементарных предложений и как бы подведение их под «единый знаменатель», т.е. включение их в одну парадигмально-грамматическую систему синтаксиса языка. Грамматическое согласование может иметь в обоих сравниваемых языках самые разнообразные проявления. Например:

(1) “The winters in the latitude of Sullivan's Island are seldom very severe, and in the fall of the year it is a rare event indeed when a fire is considered necessary” [Poe, 2013].

(2) “Бир кедей туура элүү жашты басты,
Ошондо Чолпон деген уул тапты” [Осмонов, 1 т., 2014].

В английском примере (1) два простых элементарных предложения объединяются в единую структуру сложносочинённого предложения посредством соединительного союза and; их грамматическое согласование проявляется в соотнесенности видовременных форм глагольного сказуемого, представлено в обоих составных частях в настоящем неопределенном времени the Present Indefinite Tense.

В кыргызском же примере (2) два простых элементарных предложения, соединённые посредством противительного союза «ошондо» в единую структуру союзного сложносочинённого предложения, эксплицируют синтаксическое явление «параллелизм синтаксических структур», когда оба соединяемых высказывания построены в грамматическом отношении по одной синтаксической модели.

В обоих языках, английском и кыргызском, в образовании союзного сложносочинённого предложения большую роль играет интонация, которая указывает на то, что мысль, высказанная в первом предложении, будет продолжена во втором и последующих (если таковые имеются) предложениях. Даже предварительные намётки по изучению интонационных структур сравниваемых языков в аспекте сопоставления позволили исследователям усомниться в их идентичности при выражении семантики

незавершённости мысли (смысла) [Ирсалиева, 1975:23; Сыдыков, 1984:102-103; Карыбаев, Карыбаева, 2001:59-60; Кадырова, 2008:302-303]. Данная семантика незавершённости мысли свойственна союзным сложносочинённым предложениям, так же как и бессоюзным сложным предложениям, в английском и кыргызском языках. Как отмечает А.И. Смирницкий, определённая «…интонация характерна для предложения того или иного типа, никакое предложение, взятое в отвлечении от соответствующей интонации просто как сочетание слов, не является настоящим, живым предложением» [Смирницкий, 1957:51]. Сравним: «Простые предложения, включаясь в систему сложного, изменяют свою интонацию, подчиняясь единой закономерности сложного предложения, обладающего специфической интонацией сложного целого. Такая единая интонация выступает средством, формирующим сложное предложение, и именно благодаря ей простые предложения в составе сложного лишены своей самостоятельности и не могут существовать как отдельные единицы» [Жапар, ч.2, 1992:200; Halliday, 1973:26].

Специфика интонационной структуры сложносочинённого предложения в обоих сравниваемых языках в плане их сопоставления друг с другом – это сложный вопрос, требующий отдельного самостоятельного изучения. Нас же интересует только один аспект такой интонационной структуры – вопрос незавершённости мысли, отражённый в интонации английского и кыргызского языков.

Ранее мы показали, что в синтаксической структуре английского языка на исходе неконечных простых элементарных предложений в составе бессоюзного сложного применяется интонационная мелодика с повышением тона, которая имплицирует дальнейшее развитие мысли в последующем предложении после непродолжительного паузирования. В кыргызских же бессоюзных сложносочинённых предложениях в соответствующих позициях применяется уже мелодика с понижением тона для выражения незавершённости смысла.

Однако интонация в английских и кыргызских союзных сложносочинённых предложениях уже несколько отличается от таковой в бессоюзных сложных и сложносочинённых предложениях. Так, в английских союзных сложносочинённых предложениях, в отличие от английских же бессоюзных, где на исходе составного неконечного элементарного предложения наблюдается повышение тона, составные

элементарные предложения сопровождаются «…при чтении понижением тона в конце каждого предложения» [Беляева, 1977:273]. В кыргызском же языке интонация на конце неконечных составных элементарных предложений также сопровождается понижением тона, но такое понижение не доходит до нижних шкал, как в конечном составном элементарном предложении, и более тяготеет к ровной мелодике [см.: Сыдыков, 1990:137].

Постановка знаков препинания, обычно запятой, в союзных сложносочинённых предложениях английского и кыргызского языков, в основном, совпадает, за исключением некоторых моментов. В английском языке «в сложносочинённом предложении запятая обычно ставится между сочинёнными предложениями перед сочинительным союзом. Запятая не ставится перед союзами *and* и *or*, если они вводят короткие предложения» [Беляева, 1977:298]. В кыргызских союзных сложносочинённых предложениях запятые обычно ставятся перед сочинительными союзами, но, однако, когда «…употребляются союзы «да, дагы, деле», то запятые ставятся после этих союзов» [Жапар, ч.2, 1992:333].

Общий смысл союзных сложносочинённых предложений в обоих сравниваемых языках в большой степени определяется значением сочинительного союза, в соответствии с которым в обоих языках можно различать сложносочинённые предложения: с общим соединительным, с общим противительным и с общим разделительным значением. Например:

(3) “The architect put many questions, and took his pen and made a computation; and when he had done he named the very sum that Keawe had inherited” [Stevenson, 2013].

(4) “Президенттин менчиктештирүү жөнүндө указы эч натыйжа берип өзгөргөн жок, жана бул закон боюнча мүлк бир менчиктен экинчи менчикке өттү” [Токтогонов, 1999].

(5) “The night was bitter cold, and the gas-lamps round the square flared and flickered in the keen wind; but his hands were hot with fever, and his forehead burned like fire” [Wilde, 2014].

(6) “Убада берүү оңой, бирок аткаруу кыйын” [Кадыркулов, 2010].

(7) “Now and then they heard a wood pigeon brooding over its own sweet voice, or saw, deep in the rustling fern, the burnished breast of the pheasant” [Wilde, 2014].

(8) “Кетмен-Төбөгө барсаңар кечкиге калбай жөнөп кеткиле, же эртең саары менен чыккыла” [Сасыкбаев, 1974].

В английском сложносочинённом предложении (3) и в кыргызском сложносочинённом (4) употреблены сочинительные союзы с соединительными значениями.

Сочинительный союз and имеет в английском языке соединительное значение, если оно эксплицирует семантику «и», равно как и другие единичные и парные союзы с соединительным значением: *nor, as well as, neither… nor, not only… but, not only… also, both… and* [Беляева, 1977:211].

Кыргызский сочинительный союз «да» соединяет не только однородные члены предложения. Как и в английском языке, немногие сочинительные союзы в кыргызском языке с соединительным значением соединяет в одну синтаксическую структуру составные элементарные предложения; кроме «да» это могут быть соединительные союзы «жана», «дагы» и «менен» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987:380].

Следует отметить, что в кыргызском синтаксисе некоторые соединительные союзы, а именно «жана» и «же» могут иметь при себе пунктуационный знак «запятая» как до своей экспликации, так и после себя; постановка данного знака зависит от смыслов составных частей.

И в английском языке, и в кыргызском вышеназванные сочинительные союзы с соединительным значением распространяют данное значение соединения на всю семантико-синтаксическую структуру всего сложносочинённого предложения, и потому становится возможным говорить об английском или же кыргызском союзном сложносочинённом предложении с соединительным значением (смыслом, семантикой).

Английский сочинительный союз *but* в примере (5) имеет противительное значение и противопоставляет две составные части сложносочинённого предложения: та составная часть, которая следует после данного союза, имеет несколько отличное значение в смысле «несмотря на» от значения составной части, которая стоит до данного союза [Качалова, Израилевич, т.1, 1995:352].

Кыргызский сочинительный союз «бирок» в примере (6) также имеет противительное значение, как и английский союз and, и также противопоставляет две составные части сложносочиненного предложения: составная часть, стоящая после данного

союза, имеет смысл, некоторым образом отличный от смысла составной части, стоящего до данного союза и имплицируемый как «несмотря на; однако» [Биялиев, 2002:240].

В обоих сравниваемых языках противительные значения вышеприведённых союзов ***and*** и «***бирок***» распространяются на всю семантику соответствующего сложносочинённого предложения в качестве основного связующего семантико-грамматического средства, и потому становится возможным говорить в названных языках о сложносочинённых предложениях с противительным значением (смыслом, семантикой).

Английский сочинительный союз *or* с разделительным значением различает предметы речи и их действия, которые, однако, происходят из одной гомогенной сферы действительности. Так в примере (7) различаются действия лесной горлицы и фазана, при этом разделительный союз *or*, а также *either… or*, играет двоякую роль: с одной стороны, он связывает обе части сложносочиненного предложения в одно целое, с другой стороны, он разделяет их по значению, «…указывая на то, что содержание первой части несовместимо с содержанием второй, что осуществиться может только одно из них» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:308].

Аналогичным образом и кыргызский сочинительный союз «же» в примере (8) имеет значение с двояким связующе-разделительным толкованием: с одной стороны, союз «же» связывает две составные части в одну структуру сложносочинённого предложения, с другой стороны, он разделяет два предмета речи или два действия друг от друга в смысле: должно иметь место или одно или же другое, но только одно из них [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:140].

В обоих сопоставляемых языках сочинительные союзы *or* и «же» распространяют своё разделительное значение на всю структуру и семантику сложносочинённого предложения (7) и (8); и потому можно говорить о виде сложносочинённого предложения с разделительным значением (смыслом, семантикой).

Таким образом, на первом этапе наше сопоставительного изучения английских и кыргызских сложносочинённых предложений мы будем изучать вначале по-отдельности в каждом из сравниваемых языков их грамматическую связь согласования, их семантическую составляющую, проявляющуюся через соединительное значение,

противительное значение или же разделительное значение, а также их интонационную реализацию и пунктуационное отображение интонации через знаки препинания.

На последующем втором этапе нашего сопоставительного исследования мы будем особое внимание уделять семантико-предикативной стороне союзных сложносочиненных предложений в английском и кыргызском языках, а именно, определять качество предикации, которая с позиций изучения качества может быть полной и свёрнутой. Например:

(9) "Of animal life there was no movement amid the majestic vaulted aisles which stretched from us as we walked, but a constant movement far above our heads told of that multitudinous world of snake and monkey, bird and sloth, which lived in the sunshine" [Conan Doyle, 2014].

(10) "Ар бири 250 орундук эки залы бар, кышкы клуб иштейт жана дагы бир кинотеатр тургузулган" [Тойбаев, 1974].

Английское сложносочинённое предложение (9) состоит из двух простых элементарных предложений, второе из которых является предложением сложноподчинённого типа. Но принципы союзного сочинительного типа, возникающего между двумя элементарными предложениями не нарушают эти принципы, поскольку придаточное определительное во втором составном предложении может быть интерпретировано как сложное определение. Субъектно-предикатные структуры обоих составных элементарных предложений в английском примере (9) выглядят нижеследующим образом [Sub+Pred]:

(9) [of animal life+there was no…]+[a movement +told]

В английском примере (9), как впрочем и во всех других англоязычных примерах, наличествует полная субъектно-предикатная структура, то есть имеется как субъект-подлежащее, так и предикат-сказуемое.

В кыргызском примере (10) употреблено союзное сложносочинённое предложение с соединительным значением, но однако полная субъектно-предикатная структура наблюдается в первых двух составных предложениях [Sub+Pred], в третьем же составном предложении содержится неполная структура и, следовательно, свёрнутая пропозиция [SubPred], причём

свёртывание происходит по линии глагольного сказуемого, в роли которого выступает не личная глагольная форма, а форма неличная, причастная, которая содержит в своей семантике «…признаки и глагола, и прилагательного» [Орузбаева, 1994:37]. Употребление неличной формы глагола в третьем составном предложении становится возможным в силу того, что в первом составном предложении уже были охарактеризованы основные признаки обозначаемой ситуации, а третье составное предложение как бы дополняет его и поясняет его в самых общих чертах, так же как и второе составное предложение.

Кстати, аналогичным образом и английское союзное сложносочинённое предложение (9) задаёт основной смысл в своём первом составном элементарном предложении, а второе предложение ориентировано в своём выражаемом содержании на первое; и такому ориентированию способствует противительная семантика английского союза *but*, распространяемая на весь смысл сложносочинённого предложения. Как отмечают по этому вопросу теоретики английской научной грамматики, хотя два или несколько составных предложений, формирующих английское сложносочинённое предложение, оформляются как предложения грамматически независимые, но они все же не являются абсолютно равноправными, «… поскольку содержание и структура второй части, соединённой с первой при помощи сочинительных союзов… обусловлены содержанием первой части» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:305].

Однако, субъектно-предикатная структура кыргызского сложносочинённого предложения (10) выглядит нижеследующим образом:

(10): [эки зал +бар]+[клуб +иштейт]+[кинотеатр тургузулган]

Последняя имеет свёрную предикацию, поскольку «тургузулган» имплицирует сему «прошедшего времени», а первые два – не имплицируют, там сема «настоящего времени».

Кыргызское сложносочинённое предложение (10), состоящее из трёх составных предложений, имеет в двух своих частях полную предикацию, а в последней своей составной части предикацию свёрнутую.

Таким образом, на втором этапе нашего сопоставительного исследования сложносочинённых английских и кыргызских предложений наше основное внимание будет

обращено на сравнение их субъектно-предикатных структур, а именно, на качество предикации с выяснением того, какая предикация (полная или свёрнутая) реализуется в привлекаемых генетически неродственных и грамматически разнотипных английском и кыргызском языках.

Третий и последний этап нашего сопоставительного изучения союзных сложносочинённых предложений английского и кыргызского языков будет состоять в непосредственном анализе пропозиции как высшей ступени предикации, соответственной в обоих сравниваемых языках содержательной стороне сложносочинённых предложений. Уже предварительный взгляд на экспликацию этого вопроса в означенных языках показывает, что сложносочинённым предложениям союзного типа свойственны как незавершённые пропозиции, так и пропозиции завершённого вида. Например:

(11) “At first he was struck stupid; and then fear fell upon him that the bargain had been made amiss, and the bottle had come back to him as it came at San Francisco; and at than his knees were loosened, and the fumes of the wine departed from his head like mists off a river in the morning” [Stevenson, 2013].

(12) “Душмандын негизги күчү топтолгон жер өйдө жакта калыптыр, - деди ал шыбырап, - ошондой болсо да биз алардын бир жеринен жарып өтүшүбүз керек” [Саатов, 1974].

(13) “Күүгүм кире электе жолдошторуң менен тамактангын да, комендanttан төшөнчү-орончу алып, баракtарга жайланышкыла! - деди Мамбет Стамкулду жекире карап” [Сасыкбаев, 1974].

Английское сложносочиненное предложение (11), состоящее из пяти простых элементарных предложений, реализует в каждой из своих составных частей полную предикацию, поскольку каждое из данных составных частей эксплицирует полнозначную субъектно-предикатную структуру [Sub+Pred]:

(11):[he+was struck…]+[fear +fell]+[the bottle+had come back]+[his knees +were loosened]+[the fumes…+departed from…].

Аналогичным образом кыргызское сложносочинённое предложение (12) состоит из двух простых элементарных предложений прямой речи, соединённых противительным

союзом «ошондой болсо да», и проявляет в обоих своих составных частях полнозначную субъектно-предикатную структуру [Sub+Pred]:

(12):[жер+калыптыр]+ [биз+өтүшүбүз керек].

И английское сложносочинённое предложение (11) с соединительным союзом *and*, и кыргызское сложносочинённое предложение (12) с противительным союзом «ошондой болсо да» эксплицируют в своих составных частях полнозначную субъектно-предикатную структуру и проявляют полную предикацию, а, следовательно, оба данных предложения выражают завершённую пропозицию, которая соотносима со всем содержанием сложносочинённого предложения. Только на уровне всего сложносочинённого предложения «логико-семантическая структура пропозиции обнаруживает себя с достаточной ясностью… когда их составные компоненты представлены предикативными конструкциями и выражены в форме сложного предложения» [Ильина, Воронцова, Борунова и др., 1991:168-169].

В кыргызском же союзном сложносочиненном предложении (13), представленной в форме прямой речи с обращением ко 2-му лицу единственного и множественного числа, имеет место повелительное наклонение; и, следовательно, отсутствует эксплицитно выраженный субъект-подлежащее. В обоих составных частях данного сложносочинённого предложения содержатся свёрнутые предикации, которые свёртываются за счёт субъекта-подлежащего [SubPred]:

(13):[тамактангыла]+ [жайланышкыла].

В данном кыргызскоязычном сложносочиненном предложении (13) можно говорить только о незавершённой пропозиции, которая связывает обе его составные части, реализующих свёрнутые предикации. «Природа сложных предложений, как и простых, определяется структурными особенностями составляющих их частей» [Жапар, ч.2, 1992:201].

4.2. Структурно-семантическая характеристика сложносочинённых предложений в английском языке

Структурно-семантическая характеризация сложносочинённого предложения исходит из предпосылки, что «…два или несколько предложений соединяются в одно сложное предложение как равноценные – это будет сочинение (Coordination), и такое сложное предложение называется сложносочинённым (Compound Sentence)» [Грузинская, Черкасская, 1956:213; Fries, 1952:94-95]. Данное определение, сделанное на материале

английского языка, вне всякого сомнения, может быть отнесено и к кыргызскому языку. Таким образом, составные части сложносочинённого предложения могут быть определены как элементарные предложения.

«Минимальная по составу, простейшая по грамматическому строению и содержанию предложенческая структура …называется элементарным предложением» [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981:211]. Например:

(1) “The room was bright, and she could spy the bottle on shutters” [Stevenson, 2013].

(2) “The full moon was shining brightly, and the air was crisply cold” [Conan Doyle, 2014].

Составные части вышеприведённых сложносочинённых предложений, соединённых между собой в обоих примерах (1) и (2) сочинительным союзом *and*, должны рассматриваться как элементарные предложения. В 1-ом предложении содержатся два элементарных предложения:

1) The room was bright;

2) She could spy the bottle on shutters.

Во 2-ом предложении также содержатся два элементарных предложения:

1) The full moon was shining brightly;

2) The air was crisply cold.

Все данные четыре элементарных предложения содержат «предложенческую структуру» конструктивной схемы предложения «подлежащее+сказуемое+(второстепенный член предложения)» и являются позиционным факультативным компонентом, не затрагивающим однако простейшего грамматического строения и содержания всего элементарного предложения.

Однако парадокс предложения и сложного предложения состоит в том, что основным критерием выделения элементарного предложения является цельность его структурно-содержательного состава. Обычно такая цельность конституируется пятью структурно-содержательными признаками: 1) коммуникативная предназначенность; 2) предикативная составляющая; 3) модальная составляющая; 4) относительная смысловая завершенность; 5) структурная (грамматическая и интонационная) оформленность.

«Сумма этих признаков позволяет рассматривать простое предложение как цельное предложение, которое в то же самое время может быть названо элементарным предложением» [Гулыга, 1971:5. – Подчёркнуто нами. Д.К.].

Однако и сложные предложения двух типов: сложносочинённое и сложноподчинённое, вне всякого сомнения, также являются цельными предложениями, поскольку они полностью соответствуют всем вышеназванным пяти критериям определения цельности структурно-содержательного состава предложения.

«Цельным предложением, безусловно, является и сложное предложение – единица высшего яруса синтаксического уровня, которое реализуется в двух коррелятивных категориях: сложноподчинённом предложении или гипотаксисе и сложносочинённом предложении или паратаксисе … и потому могут быть также названы элементарными предложениями» [Гулыга, 1971:5. – Подчёркнуто нами. Д.К.; Kamp, Reyle, 1993:64].

Таким образом, и сложные предложения (исключая тип бессоюзных сложных предложений) могут анализироваться как элементарные предложения с цельным структурно-содержательным составом.

Цельность структурно-грамматического состава английских сложносочинённых предложений проявляется на уровне плана содержания в том, что первое предложение в составе сложносочинённого «задаёт тон», определяет не только содержание второго и последующих предложений, но также определяет смысл всего сложносочинённого предложения, а, следовательно, предопределяет параметры речевой ситуации, в которой манифестируется данное сложносочинённое предложение.

Именное первое предложение в составе сложносочинённого выступает как определяющая часть, а вторая и последующие части определяются и оформляются в соответствии с его структурой и его содержанием. Составные части сложносочинённого предложения не являются таким образом, паритетными, тождественными и равноправными, «…поскольку содержание и структура второй части, соединённой с первой при помощи сочинительных союзов, союзных наречий обусловлены содержанием первой части» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:309]. Например:

(3) “He went round to the back porch, and called to memory the day when the devil had looked forth; and at the thought ice ran in his veins” [Stevenson, 2013].

(4) “We had been friends, quite good friends; but never could I get beyond the same comradeship which I might have established with one of my fellow-reporters upon the Gazette,- perfectly frank, perfectly kindly, and perfectly unsexual” [Conan Doyle, 2014].

В содержательном отношении первое предложение в примере (3): *He went round to the back porch*, а также первое предложение в примере (4): *We had been friends, quite good friends* – определяют планы содержаний, а именно, смыслы последующих предложений; и то, что в (3)-ем и в (4)-ом примерах появляются и употребляются именно данные, а не какие-либо иные вторые, а также и третьи предложения, предопределено в данных речевых ситуациях именно содержанием означенных выше первых предложений.

В грамматическом отношении первые предложения в примерах (3) и (4) предопределяют соотнесенность форм наклонения: вторые и последующие предложения в составе означенных сложносочинённых употребляются в форме изъявительного наклонения, а также предопределяют соотнесенность видо-временных глагольных форм: вторые предложения в смысловом отношении наиболее близкие к первым определяющим предложениям, а также и третье, в примере (3) употреблены в прошедшем неопределённом времени (the Past Indefinite Tense), формы которого заданы в первом предложении: *go-went*. Аналогичное наблюдается и в английском примере (4): *have be – had been*. Синтаксические структуры первых определяющих предложений в английских примерах (3) и (4) также задают формы синтаксических структур по коммуникативному заданию, выражающихся в виде повествовательных предложений.

Однако основным критерием для классификации английских сложносочинённых союзов являются союзы и союзные слова, соединяющие первую, вторую, а нередко и последующие части данных сложносочинённых предложений.

В англистике господствует единодушное мнение, что сочинительные союзы, употребляемые в сложносочинённых предложениях, делятся на три группы: 1) соединительное: *and* (в значении «и»), *as well as, nor, neither…nor, not only…but(also), both… and*; 2) противительные: *and* (в значении «а»), *but, still, nevertheless, yet, however;* 3)

разделительные: *or, either…or* [Беляева, 1977:211-212; Качалова, Израилевич, т.1,1995:351-352; Матвеев, 2014:193-194; Halliday, 1961:864].

Данные союзы, равно союзные слова, распространяют свою семантику на все сложное предложение, придавая ему сложносочинённый характер. Сложносочинённые предложения, в зависимости от значения союза, или союзного слова, употреблённого после первого, определяющего предложения, могут подразделяться на три подтипа: 1. Сложносочинённые предложения с соединительным значением; 2. Сложносочинённые предложения с противительным значением; 3. Сложносочинённые предложения с разделительным значением. Приведём некоторые примеры на данные подтипы сложносочинённых предложений:

1 Сложносочинённые предложения с соединительным значением:

(5) "Long Ash Lane cut athwart them, right and left; and they saw that at the junction of the four ways, under the land-post, a grave was dug, into which, as the chair drew nigh, a corpse had just been thrown by the four Sidlinch men employed for the purpose" [Hardy, 2013].

(6) "But Keawe, ran to Kokua light as the wind; and great was their joy that night; and great, since then, has been the peace of all their days in the Bright House" [Stevenson, 2013].

В соответствии с соединительным значением союза and, употреблённого в английском примере (5) после первого предложения, данное первое предложение (5): Long Ash Lane cut athwart them, right and left; and… - должно считаться первой составной частью двусоставного сложносочинённого предложения, а второй частью в этом случае должно считаться вся осложнённая предложенческая структура, следующая непосредственно сразу после союза с соединительным значением *and*. И в этом случае вся громоздкая осложнённая синтаксическая конструкция, следующая после соединительного союза исполняет роль второго определяемого предложения, и при этом является неважным, что оно включает в себя определительное придаточное, которое может рассматриваться как сложное определение с подчинительным союзом *into which*.

В осложнённой синтаксической конструкции, в (5)-ом английском предложении, стоящем после союза *and*, субъектно-предикатная структура, в сущности, заключается в сочетании слов: *a corpse had just been thrown by the four Sindlinch men*, которая и есть понятийная основа второй составной части данного сложносочинённого типа. В данной

осложнённой синтаксической конструкции во второй части сложносочинённого предложения (5) проявляется так называемое «нерасчлененное преставление» логико-грамматического уровня сложного предложения: «Семантическая сложность предиката проявляется через совмещение аргументами нескольких содержательных функций. Нерасчлененному представлению могут подвергаться действие и состояние, действие и отношение директивности, аблативности, отношения инструментальности и действия, отношения и локативности» [Сухих, 1985:62]

Английское сложносочинённое предложения (6) представляет собой типичный пример, соединяя в структуру одного сложного предложения три простых элементарных предложения, соединяющихся два раза одним и тем же соединительным союзом and. Однако первое предложение в примере (6): *But Keawe ran to Kokua light as the wind*; *and*… - задаёт дальнейшую ситуативную семантику для последующих составных частей данного сложносочинённого предложения – второго и третьего элементарных предложений.

В сложносочинённых предложениях ситуативную семантику плана содержания, а также грамматические формы и конструкции плана выражения задаёт первое предложение, которое является определяющим и направляющим. Но в то же время подтип значения, смысла для всего сложносочинённого предложения задаёт союз или союзное слово с соединительным значением; (см. примеры (5) и (6)). И поэтому с полным на то правом сложносочинённые предложения с соединительными союзами можно обозначить как сложносочинённые предложения с соединительной семантикой, смыслом.

2 Сложносочинённые предложения с противительным значением:

(7) “He was a stern, gaunt men, with a harsh voice, and an aggressive manner, but he had the merit of knowing how to assimilate the ideas of other men and to pass them on in a way which was intelligible and even interesting to the lay public, with a happy knack of being funny about the most unlikely object, so that the precession of the Equinox or the formation of a vertebrate became a highly humorous process as treated by him” [Conan Doyle, 2014].

(8) The British had left the country; but peace did not imply repose [Simms, 1984].

В обоих вышеприведённых английских примерах (7) и (8) представлены сложносочинённые предложения с сочинительным союзом but со значением противительности. Однако английские союзы с противительным значением: *but, still, yet* и др. – по-разному проявляют данную семантику противительности в составе сложносочинённых предложений. Семантическая импликация значения английских противительных союзов зависит от смысла первого предложения, которое задаёт тон и определяет вторую часть (вторые части) сложносочинённого предложения. Если первая часть, первое предложение выражает семантику отрицания, то противительное значение союза приобретает собственно-противительный семантический оттенок. Если в первой части, в первом предложении не выражается семантика отрицания, то противительное значение союза приобретает противительно-уступительный семантический оттенок.

«Союз *but* выражает …отношения между частями сложносочинённого предложения – собственно-противительные, обычно в сочетании с предшествующим отрицанием: *A bad tendency of hers to mock at him, not openly, but in continual little ways, had grown*, и отношения противительно-уступительные, возникающие между связываемыми членами при отсутствии отрицания, соотнесённого с *but* и усиливающего противопоставление. Уступительные отношения вытекают из содержания всего предложения: They jocked treely with one another, but seldom with him (Dick)» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:207. – Подчеркнуто авторами; Sinclair, 1972:27].

В соответствии с изложенным пониманием семантической структуры противительного союза but в примере (7) можно констатировать наличие противительно-уступительного семантико-смыслового оттенка, поскольку первое определяющее предложение (7): *He was a stern, gaunt men, with a harsh voice, an an aggressive manner, but*… – не содержит никаких указаний на наличие какого-либо отрицания.

В последующем же примере первое определяющее предложение (8): *The British had left the country; but*… – все же содержит указание на наличие отрицания в глагольной форме *had left* – ушли, а не *had arrived* – пришли, и потому семантику противительного союза можно толковать как собственно-противительную.

Однако противительная семантика любого из вышеперечисленных союзов: *but, still, however* и др. – делает сложносочинённое предложение такого типа в английском языке всегда двухчастной, поскольку семантика противительности имплицируется в одном противительном союзе, например, в примерах (7) и (8), только один раз так, в означенном примере (7) противительный союз *but* только один раз выражает противительное значение, однако с семантическим противительно-уступительным оттенком. И потому вся осложнённая синтаксическая конструкция, следующая после союза *but*, представляется одной единой и неделимой второй составной частью сложносочинённого предложения, т.е. вторым элементарным предложением, хотя и осложнённого вида, определяемый первым предложением в составе всего сложносочинённого предложения. При этом семантика противительности, исходящая от союза *but*, распространяется на все сложносочинённое предложение, придавая ему противительно-уступительный семантический оттенок всему примеру (7).

Аналогичным образом, сложносочинённое предложение (8) является двусоставным, в котором первое предложение (8): *The British had left the country, but…* определяет второе, не только выражая в нем семантический собственно-противительный оттенок. И здесь в данном (8)-ом английском сложносочинённом предложении противительное значение союза *but* распространяется на все сложное предложение, конституируя его сложносочинённый характер.

3 Сложносочинённые предложения с разделительным значением:

(9) "Either the customer is obdurate, and staggers to his feet at last and gropes his way out of the shop with the knowledge that he is a wrinkled, prematurely senile man, whose wicked life is stamped upon his face, and whose unstopped hairends and failing follicles menace him with the certainty of complete baldness within twenty-four hours – or else, as in nearly all instances, he succumbs" [Stevenson, 2010].

(10) "It was apparently impregnated with an effervescent gas, for little bubbles were continually ascending from the depths of the glasses, and bursting in silvery spray at the surface" [Hawthorne, 2013].

Сложносочинённые английские предложения с разделительными значениями: *or, either…or* – всей своей семантикой эксплицируют две составные части одного общего

явления, которые находятся между собой в логико-грамматических отношениях разделительности. Две составные части одного общего языкового явления, а именно, сложносочинённого предложения, связываются воедино союзами с разделительным значением: «or: 3 or 4 people; He didn't grumble or complain» [Дубровин, 2011:360]; а также: «either…or: He will come either tomorrow or on Monday» [Дубровин, 2011:180].

Данные логико-грамматические отношения разделительности, эксплицируемые разделительными союзами: *or; either…or,* – обозначаются в логике как дизъюнктивные и предполагают наличие только двух сущностей: «Дизъюнкция – логическая операция, образующая сложное высказывание из объединения двух высказываний с помощью логического союза «или»» [Крысин, 1998:230. – Подчёркнуто нами. Д. К.].

И в случае употребления разделительного союза, так же как и ранее при употреблении соединительных и противительных союзов, первое предложение в составе сложного определяет и влияет на смысл второго, а также на его грамматическую манифестацию.

Таким образом, сложносочинённые английские предложения с разделительными союзами всегда являются двусоставными, в которых первая часть задаёт содержание второй «или», а вторая часть выражает какое-либо несходное действие, который, однако, манифестирует в русле содержания первой части.

Так, первая часть, первое предложение в составе сложносочинённого (9) представляет собой громоздкую в синтаксическом отношении структуру, включающую в свой состав два придаточных в одно сложное определительное предложение, но оно все же остаётся первой составной частью сложносочинённого предложения, поскольку вводится первой частью составного союза *either (...or)*, при этом данное первое предложение определяет ситуативно-семантические границы второго, а также его грамматические формы выражения.

В английском примере (10) употреблён союз *for*, который имеет здесь разделительное значение: «К сочинительным союзам относится for - так как, поскольку этот союз вводит предложения, дающие дополнительные сведения, а не придаточное предложение причины» [Беляева, 1977:211]. В примере (10) разделительность значения всего сложного предложения обусловливается семантическим нюансом в содержании

союза for: «от, против: medicine for a cough/лекарство от кашля; an injection/прививка против гриппа» [Дубровин, 2011:220].

Мы перевели на русский язык for в примере (10) подчинительным союзом «так как», но данный перевод неточно отражает семантику английского сложносочинённого предложения; конечно, вернее было бы для точной передачи смысла оригинала употребить лексему «против» с семантическим нюансом разделительности, и в этом случае было бы достигнуто адекватное восприятие смысла всего предложения, как его воспринимал бы носитель английского языка: «Видимо, в напитке мог быть шипучий газ, или же данного газа могло бы и не быть, вследствие мелких природных пузырьков» [Сусов. 1980:6-7; Васильев, 1985:31-32].

Однако требует всего пояснения материально-звуковое оформление английских сложносочинённых предложений. Данные сложносочинённые предложения в английском языке имеют некоторые особенности своего интонационного рисунка, которые отличают их, с одной стороны, от интонационного оформления английских бессоюзных сложных предложений, с другой стороны, от интонационного оформления английских сложноподчинённых предложений.

Если интонационное оформление в устной речи английских бессоюзных сложных предложений имело особую экспликацию только на стыках простых предложений в составе бессоюзного сложного, где оно оформляло конец одного простого предложения некоторым подъёмом мелодики, а после некоторого краткого паузирования начинало последующее предложение с ровного тона (и такое интонирование выделяло единую структуру обозначаемой речевой ситуации) [Трахтеров, 1976:184; Соколова, Гинтовт, Тихонова и др., 1991:115], то интонационное оформление в устной речи английских сложносочинённых предложений распространяет экспликацию особого мелодического рисунка далеко от стыка простых предложений, который манифестируется каким-либо сочинительным союзом в обе стороны: в направлении первого определяющего простого элементарного предложения и в направлении второго определяемого предложения; при этом интонационный рисунок делает меньший подъём частоты основного тона, но после краткого паузирования выделяет второстепенным фразовым ударением сочинительный союз, как это, например, имеет место во всех приведённых выше примерах (1)-(10); и при

этом на такую модель интонирования никак не влияет первая часть составного сочинительного союза, пример (9): either (either…or), только вторая часть такого союза выделяется второстепенным ударением [Дикушина, 1952:113; Торсуева, 1986:9].

Фразовое ударение второстепенного плана не является в английской фонетико-фонологический системе, в подсистеме суперсегментных звуковых средств, каким-либо гомогенным явлением; напротив, оно является звуковым средством гетерогенного плана, выделяя как слабую степень ударенности, так и сильную степень ударенности [Торсуев, 1953:161-162; Николаева, 1986:19-20].

Слабая степень ударенности сочинительного союза отображается на письме посредством одного пунктуационного знака «запятая»; сильная же степень ударенности данного союза отображается на письме посредством другого пунктуационного знака «точка с запятой» [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:82-83]. Более того, в английском сложносочинённом предложении можно выделить и наименее слабую степень ударенности сочинительного союза, когда они вводят короткие предложения, в этом случае никакой знак препинания, а именно, «запятая» не ставится.

«В сложносочинённом предложении запятая обычно ставится между сочинёнными предложениями перед сочинительным союзом. Запятая не ставится между союзами ***and*** и ***or***, если они вводят короткие предложения» [Беляев, 1977:298. – Подчеркнуто нами. Д.К.].

Так, в вышеприведённых сложносочинённых предложениях (1), (2), (7), (9) и (10), в которых употреблён знак препинания «запятая», можно констатировать слабую степень ударенности сочинительных союзов *and, but (either)…or; for*. В английских сложносочинённых предложениях (3), (4), (5), (6) и (8), в которых употреблён знак препинания «точка с запятой», можно констатировать сильную степень ударенности сочинительных союзов: *and, but.*

Предикация, как «…ключевой конституирующий признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:392], проявляется во всех подтипах английских сложносочинённых предложений: в сложном предложении с противительным значением и в сложносочинённом предложении

с разделительным значением, в сущности сходным образом. Продемонстрируем изложенное на конкретных примерах из английского языка.

1 Сложносочинённые предложения с соединительным значением:

(11) "There was a single crack of his rifle, and we heard the scream and then the distant thud of the falling body" [Conan Doyle, 2014].

(12) "In this manner men journeyed for about two hours, and the sun was just setting when we entered a region infinitely more dreary than any yet seen" [Poe, 2013].

(13) "I lent a helping hand; and, in a trice we had the box upon the table, in the midst of all the bottles and glasses, not a few of which were demolished in the scuffle" [Poe, 2013].

В английском сложносочинённом предложении (11) имеются две составные части, два предложения, связанные между собой соединительным союзом and. Семантика первого предложения является определяющей, поскольку она предопределяет семантику второго предложения, стоящего после данного союза: (11): a crach of rifle – (2); the scream+the thud of the falling body. При этом действие во втором предложении логически следует за действием в первом. Оба составных предложения, образующие одно сложносочинённое (11), представляют собой полносоставные субъектно-предикатные логические структуры, на уровне собственно синтаксической манифестации, реализующиеся в подлежащестно-сказуемостных структурах:

(11) 1) субъект-подлежащее + предикат-сказуемое
A crack of… there was
2) субъект-подлежащее + предикат-сказуемое
We heard

Облигаторная двусоставность синтаксической структуры английского простого элементарного предложения предполагает обязательное наличие как предиката-сказуемого, так и субъекта-подлежащего, причем последнее может иметь даже формальную экспликацию в виде лексемы it.

Однако в 1-ом предложении сложносочинённого предложения (11) употреблён «… особый тип простого сказуемого, выраженный оборотом there is (are) со значением «имеется, находится, есть, существует». Оборот there is (are) стоит в начале предложения; за

ним стоит подлежащее, за которым следует обстоятельство места или времени» [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:10]. Однако в любом случае, даже в этом случае с формальным грамматическим типом сказуемого в предложении (11), английское предложение характеризуется облигаторной двусоставностью, т.е. обладают полнозначной и полносоставной субъектно-предикатной структурой, как это наблюдается в составных частях английских сложносочинённых предложений (11), (12) и (13):

(11):[a crack of...+there was] and [we+heard];

(12): [we+journeyed] and [the sun+was setting];

(13): [I+ lent…] and [we+had].

Предикативные отношения в вышеприведённых примерах (11), (12) и (13) являются полными, поскольку, во-первых, каждая составная часть означенных сложносочинённых предложений обладает обоими необходимыми элементами логико-грамматического уровня: субъектом+предикатом, а, во-вторых, на собственно грамматическом уровне данные логико-грамматические элементы субъекта и предиката преобразуются в собственно грамматические единицы главных членов предложения – подлежащего и сказуемого. А, в-третьих, следует учесть, что в синтаксической позиции предиката-сказуемого выступают личные формы глагола, которые в данных английских примерах самым непосредственным образом эксплицируют предикативность. «Другим типичным способом выражение предикации является выражение её с помощью предикативных личных форм глагола. Предикативными, или личными, формами глагола называются формы, выражающие лицо, число, наклонение, время». [Смирницкий, 1957:106]. А все вышеназванные грамматические категории: лица, числа, наклонения и времени – находят свою экспликацию в глагольных сказуемых в данных примерах (11), (12) и (13), а, следовательно, способствуют созданию предикативности.

(14) “I have dwelt up to now upon the terrors of Maple White Land; but there was another side to the subject, for all that morning we wandered among lovely flowers-mostly, as I observed, white or yellow in color” [Conan Doyle, 2014].

(15) “In the morning Lord John and I made our way for a couple of miles through the forest, keeping parallel with the stream; but as it grew ever shallower we returned and reported,

what Professor Challenger had already suspected, that we had reached the highest point to which the canoes could be brought" [Conan Doyle, 2014].

(16) "I had never seen the good old negro look to dispirited, and I feared that some serious disaster had befallen my friend" [Poe, 2013].

В приведённых выше сложносочинённых предложениях (14), (15) и (16) реализуется значение противительности, которое возникает вследствие семантического взаимодействия первого и второго предложений. Значение противительности всего сложносочинённого предложения обусловлено семантикой сочинительного союза *but* в примерах (14) и (15), а также сочинительного союза *and* в значении «а» в примере (16). Хотя семантика первого предложения во всех вышеприведённых примерах (14), (15) и (16) и является определяющей и направляющей смысл второго предложения, второй составной части в соотнесённую речевую ситуацию, но все же второе предложение выражает значение противительности, основу которого имплицирует значение противительности сочинительно-противительных союзов *but* и *and* (в значении «*а*»). Манифестация данного противительного значения в составе всего сложносочинённого в примерах (14), (15) и (16) облегчается облигаторной двучастностью всего сложносочинённого предложения: второе предложение, вторая составная часть выражает противительность по отношению к первому предложению, к первой составной части.

Предикативные отношения, возникающие в составных частях сложносочинённых предложений со значением противительности в английских примерах (14), (15) и (16), являются полнозначными, поскольку во всех составных частях – первой и второй – во всех данных сложносочинённых предложениях наличествуют как субъект-подлежащее, так и предикат-сказуемое:

(14): [I + have dwelt] but [another side + there was];

(15): [Lord John and I + made our way] but [we + returned];

(16): [I + had seen] and [I + feared…].

Облигаторный характер двусоставного строения английского элементарного предложения предполагает не только учет в качестве подлежащего формального it, но

также учёт в качестве полуформального сказуемого сочетания *there is (are)*, как это наблюдается в примере (14).

Во всех вышеприведённых предложениях, таким образом, наличествует полносоставная субъектно-предикатная структура, в которой на собственно-грамматическом уровне представлены как подлежащее (грамматическое подлежащее), так и сказуемое (грамматическое сказуемое). Оба элемента данной субъектно-подлежащестно –предикат-сказуемостной структуры соединены предикативными отношениями и обусловливают полную предикацию, но в составе каждой из составных частей, а именно, первого и второго предложений, в сложносочинённых английских предложениях с противительным значением, как это имеет место в примерах (14), (15) и (16).

Также явление полной предикации в первом и втором предложениях сложносочинённого предложения со значением противительности обусловливается воздействием глагола-сказуемого в личной форме, которой относит всю конструкцию сложносочинённого предложения к предикативной области действительности вследствие эксплицирования не только категории лица и числа, но также категории наклонения и времени. Так, к примеру, вся конструкция сложного предложения (14), вне всякого сомнения, выражает предикативность, поскольку каждый из его составных частей: первое и второе предложения – манифестируют не только лицо и число (*I* – первое лицо, единственное число; *another side* – третье лицо, единственное число), но также наклонение (действительное наклонение) и время (настоящее совершенное время – *have dwelt*, соотнесённое с логическим прошедшим – *there was*).

Таким образом, предикация в сложносочинённых предложениях с противительным значением обусловливается не только обязательный двусоставностью английского элементарного предложения, но также и воздействием глагольного сказуемого, которое помогает относить содержание предложения к действительности.

(17) “Faithful to her promise, she either came to see me, or met me somewhere near, once every week, and never empty-handed” [Simms, 1984].

(18) “The Otises, however, were deceived, for the ghost was still in the house, and though now almost an invalid, was by no means ready to let matters rest” [Wilde, 2014].

В приведённых выше английских примерах (17) и (18) реализован подтип сложносочинённых предложений с разделительным значением, которое эксплицировано составным союзом *either…o*r и однословным союзом for. Однако, если составной союз *either…or*, вне всякого сомнения, вносит весомую лепту в формирование значения разделительности, то по вопросу аналогичной функции у однословного союза for имеются некоторые сомнения. Видимо, это обусловлено тем, что одно из релевантных значений этого союза «ты как» [Беляева, 1977:211], но в контексте сложносочинённого предложения for зачастую принимает на себя разделительное значение, как это имеет место в примере (18): содержание первого предложения самым непосредственным образом предопределяет характер разделительности по отношению к содержанию первого предложения: [the Otises were deceived] – [the ghost was in the house]. И такое разделительное значение всего сложносочинённого в примере (18) выражается посредством союза *for*, который приобретает его в качестве необходимого связующего элемента ситуативного контекста; однословный союз *for* становится в этом случае «коммуникативно значимым»: «Коммуникативная значимость – это положение элемента в составе высказывания, связанное с его ролью в реальном процессе общения» [Почепцов, 1971:51].

Таким образом, оба вышеприведённых сложноподчинённых предложения демонстрируют свое значение разделительности, когда вторая составная часть, второе предложение эксплицирует разделительную семантику по отношению к содержанию первого, хотя оно (второе предложение) уже предопределено в своей разделительной семантике содержанием первого.

«Двусоставность предложения является нормой для большинства типов предложений в английском языке» [Почепцов, 1971:51; Абрамов, 2000:15; Шепелева, 2007:92]. Обязательная двусоставность, а также наличие в составных частях, т.е. первом и втором предложениях, в примерах (17) и (18) глагольного сказуемого в позиции предиката, позволяет сделать заключение о полнозначной предикативности в каждой из составных частей сложносочиненных предложений (17) и (18) со значением разделительности:

(17):[she+came] either…or[(she) +met];

(18): [the Otises were deceived] for [the ghost+ in the house]

Несмотря на облигаторность двусоставной структуры английского элементарного предложения, во втором предложении в примере (17) опущено подлежащее. Но здесь нет никакого нарушения двусоставной структуры английского предложения; все дело в том, что семантика составного союза *either…or* может быть отнесена к одному и тому же действующему лицу или обозначаемому предмету, и второй раз перед составным элементом or обозначение уже наименованного лица или предмета может быть опущено. Такое опущение субъекта-подлежащего носит строго условный характер, ведь составной элемент от сложного союза *either…or* уже отсылает к первому обозначению лица или предмета, функционирующего в первом предложении, где употреблен первый составной элемент *either*.

Таким образом, двусоставный характер структуры элементарного предложения английского языка никак не нарушается.

Предикация, в нашем толковании, относится к уровню простого элементарного предложения, в котором наличествуют оба главных члена предложения: подлежащее и сказуемое, образующие субъектно-предикатную структуру. Два качества отличают предикацию в составе английского предложения. Во-первых, выразительный план (план выражения) предикативной структуры, отличаясь обязательной двусоставностью, т.е. наличием обоих главных членов предложения, может манифестировать один из них в формально-грамматическом виде: формальное подлежащее *it*, особое формализованное сказуемое there *is (are)*. Во-вторых, означенное первое качество, выражающееся в обязательной синтаксической двусоставности английского предложения, детерминирует другое его качество: «наличие полной (полнозначной, полносоставной) предикации»; данное второе качество, являя собой синтаксическую категорию, определяющую «… функциональную специфику основной единицы языка – предложения… и связанное с уровнем членения предложения, т.е. с такими предложениями, в которых может быть выделено подлежащее и сказуемое, … соотносительно с понятием «предикации», основным свойством которой принято считать отнесенность к действительности, и с понятием «пропозиция», отличительной чертой которой считается истинностное

значение» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:399-393. – Подчеркнуто нами. Д.К.].

В нашем представлении, будет правильно отнести явление предикации к простому элементарному предложению в самостоятельном употреблении, но также к такому предложению в составе сложносочинённого, благо, к примеру, в английском языке оба проявления данного предложения имеют одну и ту же субъектно-предикатную структуру, выраженную в обязательном наличии как подлежащего, так и сказуемого.

Также в нашем толковании явление пропозиции стоит несколько выше явления предикации. Такое понимание обусловлено тремя языковыми факторами. Во-первых, если предикация только относит содержательно-грамматическую структуру высказывания в область реальной действительности, то пропозиция имеет другое понятийно-содержательное предназначение – она устанавливает истинностный смысл высказывания, т.е. имеет ли данное высказывание объективную внеязыковую основу и «истинностью» ли его семантика [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:393]. Во-вторых, если при предикации в понятийно-смысловой структуре простого элементарного предложения имеют место как компоненты объективной модальности, так и модальности субъективной, пропозиция отмежёвывается от модальности субъективного плана. «Отдаляясь от субъективного компонента значения и отмежёвываясь от глаголов пропозиционального отношения, пропозиция, будучи непосредственно соотнесена с действительностью, поставлена с ней «лицом к лицу», наведена на мир подобно правильному или кривому зеркалу, сохраняла связь с истинностным значением, которое тоже тем самым освобождалась от субъективной зависимости» [Арутюнова, 1976:31]. И, в-третьих, мы правомерно полагаем, что оба означенных выше фактора предопределяют функционирование третьего фактора, который можно обозначить как фактор «пропозитивной номинации». Если предикация относит в реальный план сообщаемого только содержание одного простого элементарного предложения, то пропозиция, рассматриваемая в ракурсе пропозитивной номинации, уже является действенной не только для простого элементарного предложения, но также и для всех типов сложных предложений.

«Понятие пропозитивной номинации весьма существенно не только для изучения синтаксической организации языка… как определённый тип языкового значения, характеризующий слова, словосочетания и предложения и создающий общую семантическую зону для этих, столь различных между собой единиц языка» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:313. – Подчеркнуто нами. Д. К.; - Пузиков, 2009:8-9; Wierzbicka, 1972:66-67].

Однако подтвердим все сказанное выше на конкретных материалах из анализируемого английского языка:

(19) "He remained silent, looking at the grave, and they could not help pitying him [Hardy, 2013].

(20) "I go to all the Modern Exhibitions every season, and of course I revere the Royal Academy" [Dickens, 2013].

(21) "His reason revolted against it, and yet he felt that some tragedy was hanging over him, and that he had been suddenly called upon to bear an intolerable burden" [Wilde, 2014].

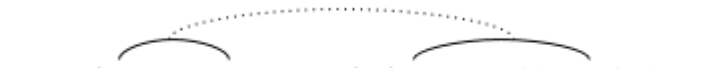
(22) "Anne's commands are spoken very sweetly, and are accompanied by the sweetest of smiles; but they are nevertheless commands, as somehow it does not occur to anyone to disobey them" [Jerome, 2012].

(23) "Quick, quick', cried the Ghost, or it will be too late" [Wilde, 2014].

В вышеприведённых английских примерах употреблены сложносочинённые примеры с соединительным значением (19) и (20), с противительным значением (21) и (22), а также с разделительным значением (23).

Однако отметим следующий факт в последнем примере (23), в котором употреблён разделительный союз *or*. Все дело в том, что через данный союз поставлен апостроф; данный апостроф указывает, как это принято в английской графике, на укорочённый характер данного союза *'or*: полное его звучание и написание должно было выглядеть *for*, но первый звук и букву *f* сократили, поскольку и *or* и *for* в данном контексте сложносочинённого предложения выражают одно и то же значение разделительности. Данный контекст позволяет опустить звук и букву, т.е. монограф *f [v]*, и заменить его означенным апострофом [Балинская, 1964:113-114].

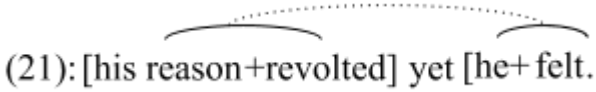
Английские сложносочинённые предложения с соединительным значением (19) и (20) в своих составных частях манифестируют полную предикацию, состоящую из субъекта и предиката:

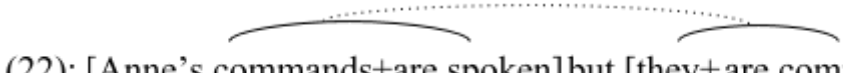


Напомним, что употребляемый нами знак [⌒] обозначает «полную предикацию» в составе элементарного предложения.

Полная предикация, наличествующая в двух составных частях сложносочинённого английского предложения с соединительным значением, становится надёжным фундаментом для образования в объёме всего сложносочинённого предложения пропозиции завершённого типа. Завершённая пропозиция базируется, таким образом, на значениях простых элементарных предложениях, это с одной стороны; с другой же стороны, она учитывает общее значение разделительности, эксплицируемое всем составом сложносочинённого предложения [Арутюнова, 1976:70]. Применим уже ранее употребленный нами знак [⋯] для обозначения завершённой пропозиции, которым соединены обе составные части сложносочинённых предложений (19) и (20).

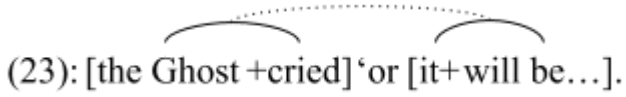
В английских примерах (21) и (22) употреблены сложносочинённые предложения с противительным значением, в которых их составные части выражают полную предикацию, а общая семантика всего сложносочинённого предложения в совокупности с семантикой данных составных частей выражает завершённую пропозицию в качестве истинностного значения, реально передающего внеязыковую структуру действительной ситуации:





Аналогичное наблюдается и в сложносочинённом английском предложении с разделительным значением (23), в котором обе его составные части выражают полную предикацию, а общая структурно-содержательная семантика всего состава сложного

предложения в совокупности с разделительным союзом or эксплицирует завершённую пропозицию; последняя выступает при этом как «семантическая единица – вариативный способ представления мысли, употребляемой в определённых языковых ситуациях» [Пузиков, 2009:4]:



4.3. Структурно-семантическая характеристика союзных сложносочинённых предложений в кыргызском языке

Напомним, что наши предварительные наблюдения уже показали, что типу английских сложносочиненных предложений функционально в кыргызском синтаксисе соответствуют подтип союзных сложносочиненных предложений (байламталуу тең байланыштагы татаал сүйлөм), который наряду с подтипом бессоюзного сложносочиненного предложения (байламтасыз тең байланыштагы татаал сүйлөм) входит в тип сложносочиненного предложения (тең байламталуу татаал сүйлөм). Поэтому в настоящем параграфе нашей работы мы будем анализировать именно союзные сложносочиненные предложения кыргызского синтаксиса.

Кыргызское простое элементарное предложение не отличается облигаторной двусоставностью синтаксической структуры предложения. В данной синтаксической структуре не наблюдается даже формального выражения какой-либо составной части структуры предложения, как это имеет место в английском синтаксисе предложения, где двусоставность – это обязательное качество и где может существовать формально-грамматическое подлежащее *it* и формально-грамматически ориентированное сказуемое *there is (are)*.

В отличие от английского языка, в кыргызском предложении, а именно, в личном предложении кыргызского языка, в котором категория лица выражена явно и эксплицитно, подлежащее, как непосредственно составляющая синтаксического уровня, может опускаться, но от этого понятийная структура кыргызского предложения не перестаёт выражать категорию лица.

В предыдущей главе мы уже затрагивали вышеозначенный вопрос отсутствия в синтаксической структуре кыргызского предложения какого-либо главного члена: подлежащего или сказуемого, – но в связи со свёрнутой предикацией в составных частях бессоюзного сложного предложения и в связи с незавершённой пропозицией на уровне всего сложносочинённого предложения.

Однако на этот раз вопрос об отсутствии какого-либо главного члена кыргызского предложения будет рассматриваться в связи с выражением предикации и экспликацией пропозиции в подтипе союзных сложносочинённых кыргызских предложений. И рассматривать данный вопрос мы будем в соответствующих случаях, когда такие предложения будут употребляться с теми или иными сочинительными союзами, обусловливающими соответствующую семантику кыргызского союзного сложносочинённого предложения.

Сочинительные союзы, употребляемые в кыргызских сложносочинённых предложениях, могут быть подразделены, как и ранее мы подразделили таковые английские, на соединительные союзы (байланыштыргыч байламталар), на противительные союзы (каршылагыч байламталар), и на разделительные союзы (ажыраткыч байламталар).

Соединительные союзы представлены в кыргызском языке лексемами: «жана» и его вариантами «жана да, жана дагы», «ары» и его вариантом «нары», «да» и «менен» [Биялиев, 2003:88]. Например:

(1) "Күн чыкты жана табият ойгонду" [Кожожаш, 1996].

Противительные союзы составляют относительно многочисленную группу: *бирок, антсе да, анткени менен, ошондо да, ошондой болсо да, а, деген менен* [Грамматика киргизского литературного языка, 1987:381].

Например:

(2) "Медер колуна оролгон можуну катуу тартты, бирок араба бир нечен жерге чейин токтогон жок" [Өмүркулов, 1984].

Разделительные союзы представлены лексемами: *же/не, же болбосо, мейли* [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:140]. Например:

(3) “Эртең Чоро үйүнө кетет, же болбосо биз аны менен дагы бир ай кыйналабыз” [Өмүркулов, 1984].

В кыргызских союзных сложносочинённых предложениях, так же как и ранее в таковых английских, первая составная часть, первое предложение является определяющим по отношению ко второму, невзирая на семантические нюансы значения (соединительность, противительность или разделительность) всего союзного сложносочинённого предложения. Напротив, данные семантические нюансы, имплицируемые семантикой соответствующего сочинительного союза, даже усиливают взаимозависимость и взаимообусловленность обеих составных частей сложносочинённого предложения. К примеру, значение соединительности, выражаемая в примере (1) соединительным союзом «жана», как бы соединяет два смысла, отражающих две гетерогенные внеязыковые ситуации, в одно относительно аморфное, но уже гомогенное понятие, при этом «смысловое взаимодействие предложений возникает в результате связи компонентов событий, явлений, фактов, отражённых в предложениях» [Брызгунова, 1979:79].

Что же касается кыргызского союзного сложносочинённого предложения с противительным значением (2), то сочинительный союз «бирок» своей противительной семантикой противопоставляет смысл второго предложения смыслу первого, и связь двух составных частей: первого предложения второму – представляется, с одной стороны, обоюдной, но, с другой же стороны, степень воздействия первого предложения является более весомой, нежели второго, так как именно первое предложение становится исходным пунктом, с которого начинается семантика противительности.

Кыргызское союзное сложносочинённое предложение (3) содержит разделительный союз «же болбосо» и выражает значение разделительности, которое предполагает нечто объёмное, аморфное и гомогенное, могущее быть разделённым на две составные части. Однако и в этом случае семантически выделяется первое предложение, которое становится отправной точкой, исходной сущностью, от которой отделяется некий вычлененный факт, компонент.

Кыргызские союзные сложносочинённые предложения, выделяя семантически первую свою составную часть, большей частью характеризуются двусоставностью, двучастностью, состоят из двух предложений, особенно союзные сложносочинённые

предложения с противительными и разделительными значениями. Что же касается кыргызских союзных сложносочинённых предложений с соединительным значением, то они могут быть трёхчастными и более того состоять из четырёх и даже пяти частей, но такое наблюдается в письменном литературном языке, в разговорном же языке, где преобладает спонтанность, ситуативность и краткость высказываний, таких сложносочинённых предложений с соединительным значением встречается редко в силу конкретности и непосредственной его номинативной направленности [Биялиев, 2013:34-36].

То, что первая составная часть кыргызского союзного сложносочинённого предложения задаёт семантико-ситуативную канву объёма смысла, а также определённые лексико-семантические параметры для второго, равно последующего предложения, отражается в фонетико-звуковой стороне данного сложного предложения в виде интонационной незавершённости, проявляющейся именно в первом предложении. Данная интонация незавершённости эксплицируется в первой составной части кыргызского союзного сложносочинённого предложения в движении мелодики: ровный тон – постепенный подъём тона – вершина подъёма тона – нисхождение тона; при этом нисхождение происходит не до самого нижнего предела частоты основного тона, а только до половины, и этим достигается экспликация интонации незавершённости [Турапова, 1986:136; Садыков, 1992:79].

В зависимости от структурно-семантического строения кыргызских союзных сложносочинённых предложений предикация может реализовываться в содержании данных предложений по-разному; в виде полнозначной, полносоставной, полной предикации, когда на собственно синтаксическом уровне представлены как субъект-подлежащее, так и предикат-сказуемое, и в виде предикации неполнозначной, неполносоставной свёрнутой, когда наблюдается дисбаланс, и из грамматического употребления выпадает подлежащее при сохранении логического субъекта действия.

Явление предикации свойственно, как мы уже ранее показали, только составным частям союзных сложных (сложносочинённых) предложений, где она реализуется в виде предикативных отношений, существующих между субъектом-подлежащим и предикатом-сказуемым. Но кыргызские союзные сложносочинённые предложения были

расклассифицированы нами по трём подтипам: 1. Союзные сложносочинённые предложения с соединительным значением; 2. Союзные сложносочинённые предложения с противительным значением; 3. Союзные сложносочинённые предложения с разделительным значением.

Рассмотрим данные подтипы по очереди:

1 Сложносочинённые предложения с соединительным значением:

(4) “Мына ушул идеялар “Кутадгу биликте” даана сүрөттөлөт жана идеалдуу асыл ойду ар бир окурман атуул туура түшүнүүсү абзел” [Абдыразаков, 2008].

(5) “Ар кандай сонунду адам өз колу менен жасаса да, анысына өзү шаани, өзү көрк турбайбы” [Касымбеков, 1985].

В кыргызском сложносочинённом предложении (4) имеются две составные части, два предложения, соединённые сочинительным союзом «жана». В первом составном предложении в данном примере (4) субъектно-предикатная структура выражена лексемами «идеялар» и «сүрөттөлөт»; при этом подлежащее «идеялар» и сказуемое «сүрөттөлөт» употреблены в страдательной форме, когда действие «сүрөттөлөт» направлено на предмет речи «ушул идеялар». Однако такая страдательность никак не влияет на сущность синтаксической подлежащестно-сказуемостной структуры, поскольку в тюркском агглютинативном кыргызском языке страдательный залог меняет местами логический объект и субъект действия. Логический объект действия перемещается в позицию подлежащего, а логический субъект переходит в позицию дополнения. «Действие, выраженное страдательным залогом, направлено на грамматический субъект, который сам при этом никакого действия не совершает. Логический субъект действия в этом случае может быть выражен с помощью грамматического дополнения, но может и отсутствовать» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987:246. – подчёркнуто нами. Д.К.]. Так, в вышеприведённом кыргызском примере (4) отсутствует логический субъект действия, но агглютинативная структура кыргызского предложения позволяет в страдательном залоге обходиться и без логического субъекта, но никак без грамматического подлежащего, в позицию которого становится логический объект действия.

Поскольку предикация есть, в первую очередь, явление лингвистическое, то постольку в установлении характера предикации основную роль мы отводим синтаксической подлежащестно-сказуемостной структуре предложения. А таковая структура имеется в союзном кыргызском предложении (4), хотя следует добавить, что формально здесь имеется и субъект, и предикат предложения: в позиции субъекта, ввиду отсутствия логического субъекта действия, перемещается логический объект, который выполняет двойную субъектно-подлежащестную функцию.

Наличие в первом составном предложении в союзном сложносочинённом предложении (4) субъектно-предикатной и подлежащестно-сказуемостной структуры: «идеялар+сүрөттөлөт» – позволяет утверждать, что здесь реализуется полная предикация.

Аналогичным образом во второй составной части, втором предложении союзного сложносочинённого кыргызского предложения (4) наличествует субъектно-предикатная (подлежащестно-сказуемостная) структура, употреблённая уже не в страдательном, а в основном залоге, когда обозначается действие, «…совершаемое самим деятелем, который грамматически выражен в форме подлежащего» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987:241]: «атуул+түшүнүүсү абзел». Такая полносоставная субъектно-предикатная и подлежащестно-сказуемостная структура обуславливает предикацию полнозначного типа.

Общая семантика первого предложения влияет на семантику второго в союзном сложносочинённом кыргызском предложении (4), но влияет через содержательно-грамматическую соотнесенность. «Взаимная связь и взаимная обусловленность частей сложносочинённого предложения в обоих языках нередко бывают дополнены частно-временными, причинно-следственными, присоединительным и др. оттенками, выявляющимися из содержания отдельных сочетаемых предложений» [Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:147].

Таким образом, субъектно-предикатные и подлежащестно-сказуемостные структуры составных предложений союзного сложносочинённого кыргызского (4) может быть представлена таким образом:

(4): 1/ <u>субъектно-подлежащее</u> + <u>предикат-сказуемое</u>

идеялар сүрөттөлөт

2/ субъект-подлежащее + предикат-сказуемое

атуул түшүнүүсү абзел

В обоих составных предложениях союзного кыргызского сложносочинённого предложения (4) реализуется полная предикация, поскольку они оба конституируются полносоставными субъектно-предикатными структурами.

В кыргызском союзном сложносочинённом предложении (5) обе его составные части употреблены в основном залоге и представлены в коррелятивно-слитной субъектно/подлежащестно – предикатно/сказуемостной структуре:

(5): субъект-подлежащее + предикат-сказуемое

Адам жасаса

субъект-подлежащее + предикат-сказуемое

өзү маани, көрк турбайбы

Хотя в кыргызском союзном сложносочинённом предложении (5) употреблён сочинительный союза «да» с соединительным значением, но всё же во всём содержании в данном сложном предложении наличествует мельчайший семантический оттенок причинно-следственной связи: первое предложение как бы определяет причину того следствия, которое выражается во втором предложении.

Таким образом, в обоих вышеприведённых сложных предложениях (4) и (5) реализуется полная предикация, поскольку во всех составных частях данных сложных предложений (4) и (5) имеются полносоставные субъектно-предикатные структуры:

(4):[идеялар + сүрөттөлөт] жана [атуул + түшүнүүсү абзел]

(5): [адам + жасаса] да [өзү + көрк турбайбы]

2. Сложносочинённые предложения с противительным значением:

(6) “Азыр да күн бешимге жакындап калган, ошондуктан заарасы кыстаса, абышка дааратым бузулат деп чыдап олтурду” [Мураталиев, 1984].

(7) “Валя жакшы эле жооп бергендей болду, ошондой болсо да экзаменатор быш этип ага да койгон жок” [Сасыкбаев, 1974].

Конечно же, основным значением, реализуемым в союзных сложносочинённых кыргызских предложениях (6) и (7), является семантика противительности: действие второго предложения входит в противительные отношения с действием первого предложения, которые становятся при этом отправным пунктом противительности. Данная семантика противительности обусловливается значением противительности сочинительного союза «ошондуктан» в примере (6) и «ошондой болсо да» в примере (7). Именно посредством воздействия означенных противительных союзов вторые части союзных сложносочинённых предложений (6) и (7) противостоят первым составным частям; и таким образом значение противительности, присущее сочинительному союзу, распространяется на весь смысл союзного сложносочинённого предложения.

В обоих вышеприведённых сложных предложениях (6) и (7) логически составляющие простых элементарных составных предложений сливаются воедино с их же грамматическими составляющими и составляют двухэлементарную предикативную единицу:

(6): 1/ субъект – подлежащее + предикат – сказуемое.

Күн бешимге жакындап калган

2/ субъект – подлежащее + предикат – сказуемое.

Абышка чыдап олтурду

В обоих простых элементарных предложениях 1) и 2), конституирующих союзное сложносочинённое предложение (6), логическими составляющими выступают понятие субъекта и предиката, а в качестве грамматических составляющих задействованы синтаксические единицы подлежащего и сказуемого, – которые однако сливаются в речевой деятельности в слитные структуры субъекта-подлежащего и предиката-сказуемого. С точки зрения предикации, мы сокращаем данные термины до сочетания: субъект-предикат, или субъектно-предикатная структура.

Первая субъектно-предикатная структура 1) күн+бешимге жакындап калган – ложится в основу первого, определяющего простого элементарного предложения; она становится отправным пунктом, точкой исхода, в сопоставлении с которым проявляется противительное значение второй составной части, второй субъектно-предикатной

структуры 2) абышка+чыдап олтурду. Понятийно-грамматической основой экспликации во всём союзном сложносочинённом предложении (6) значения противительности становится противительная семантика сочинительного союза «ошондуктан».

(7): 1/ субъект-подлежащее + предикат-сказуемое

Валя жооп бергендей болду

2/: субъект-подлежащее + предикат-сказуемое

Экзаменатор быш этип да койгон жок

Противительное значение, присущее всему союзному сложносочинённому предложению (7), обусловлено, во-первых, значением составного союза «ошондой болсо да», а во-вторых, совокупностью смыслов элементарных предложений, в основе которых лежат: 1/-ая субъектно-предикатная структура: Валя+жооп бергендей болду – и 2/-ая субъектно-предикатная структура: экзаменатор+быш эгип да койгон жок.

В обоих сложных кыргызских предложениях (6) и (7) реализуется полная предикация, поскольку в синтаксических структурах их составных частей наличествуют полносоставные субъектно-предикатные структуры, которые в своем содержательном выражении логико-грамматические языковые конструкции к обозначениям реальной действительности и вследствие этого придают им статус речевой единицы «предложения-высказывания». Явление полной предикации реализуется здесь в сложных предложениях (6) и (7) «…как выражение языковыми средствами отношения содержания высказываемого к действительности, как основа предложения» [Розенталь, Теленкова, 1985:225].

(6): [күн+бешимгежакындап калган] ошондуктан [абышка+чыдап олтурду]

(7): [Валя+жооп бергендей болду] ошондой болсо да
[экзаменатор +быш этип да +быш этип да койгон жок]

Каждая из имеющихся составных частей в сложном предложении (6) и в сложном предложении (7) обладает двучастной субъектно-предикатной структурой, реализующейся на собственно синтаксическом уровне в виде подлежащего и сказуемого. Однако же основным критерием выделения полной предикации в каждой из составных частей

союзного сложносочинённого предложения (6) и союзного сложносочинённого предложения (7) является глагол в синтаксической роли сказуемого; именно глагол-сказуемое выражает грамматическое лицо, а также и число, обозначенного субъекта-подлежащего. Во всех четырёх составных элементарных предложениях, союзных сложносочинённых предложений (6) и (7), вертикальные структуры «субъекта-подлежащего» и «предиката-сказуемого», а также данные же структуры, анализируемые в горизонтально-синтаксическом ряду: и «субъект подлежащие → «предикат», сказуемое представляют собой такие простые элементарные предложения, в которых в один синтагматический ряд слиты две (или более) предикативные «…номинации, обслуживаемые общим механизмом актуализации (глаголы в личной форме)» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:319].

3. Сложносочинённые предложения с разделительным значением:

(8) “Алар жеринен эле бирге чыккан өздөрүнчө топ бекен, же кызмат аткарып саякаттап жүргөн балдарбы?” [Сыдыкбеков, 1985]

(9) Комиссия ишибизди жактырат, же баарыбыз жумушсуз калабыз [Саатов, 1974].

В обоих кыргызских примерах (8) и (9) наблюдается двусоставная структура сложносочинённых предложений, в которых тон задаёт первое определяющее предложение, а второе своей семантикой как бы отделяется от него, как от исходного объекта. Так, в примере (8), составленном из двух простых элементарных предложений, наблюдается как бы обобщённое значение разделительности, исходной базой экспликации данного значения является сочинительный союз с разделительным значением. В обоих составных частях кыргызского сложносочинённого предложения (8) в единую цельную грамматико-содержательную структуру слиты единицы логического и синтаксического уровней в виде субъекта-подлежащего и предиката-сказуемого, которые становятся основой элементарного предложения с повествовательной и с вопросительной целеустановкой:

(8):	1/ субъект-подлежащее	+	предикат-сказуемое
	Алар		топ бекен
	2/субъект-подлежащее	+	предикат-сказуемое
	[имплицитно: алар]		балдарбы?

Значение вопросительности, наслаивающееся на основное значение разделительности в сложносочинённом предложении, обусловливает новую семантику, новый смысл всего данного сложного предложения. «С точки зрения смысла простые предложения в составе сложносочинённого дополняют значения друг друга и оказываются неполноценными при извлечении из состава сложного предложения» [Жапар, ч. II, 1992:206].

Аналогичным образом в (9)-ом примере в каждом из двух простых элементарных составных предложений: первом определяющем и втором определяемом – манифестируются двучастные субъектно-предикатные структуры:

(9): 1/ субъект-подлежащее + предикат-сказуемое
комиссия жактырат
2/ субъект-подлежащее + предикат-сказуемое
баарыбыз калабыз

Наличие в обоих союзных сложносочинённых предложениях (8) и (9) полносоставных простых элементарных предложений, в которых взаимодействует субъект-подлежащее и предикат-сказуемое, а также экспликация полнозначных предикативных отношений, которые возникают между данными субъектом и предикатом, а также особое значение разделительности, исходящее от разделительного союза «же», позволяет идентифицировать данные составные предложения как в примере (8), так и в примере (9), как обладающее полной предикацией.

(8): [алар+топ бекен] же [балдарбы]

(9): [комиссия + жактырат] же [баарыбыз+калабыз]

Однако структурно-семантическая характеризация кыргызских союзных сложносочинённых предложений выявляет, что в их планах содержания и планах выражения имеет место не только полная предикация на базе полносоставных субъектно-предикатных и подлежащестно-сказуемостных структур, но и предикация свёрнутого типа на базе неполносоставных субъектно-предикатных и подлежащестно-сказуемостных структур. Обычно неполносоставность проявляется в кыргызских союзных сложносочинённых предложениях всех трёх подтипов: с соединительным значением, с

противительным значением и с разделительным значением – в опущении единицы синтаксического уровня «подлежащего» при условии сохранения единицы логического уровня «субъекта». Например,

(10) “Манап бий убагында даярдыкты көрдү да, андан кийин жолго чыкты” [Осмонов, 2007].

В кыргызском союзном сложносочинённом предложении (10) с соединительным значением имеются две составные части, два составных предложения, связанные между собой соединительным союзом «да». При этом первое предложение поясняет речевую ситуацию во втором во временно́м отношении. Первое предложение манифестирует полносоставную субъектно-предикатную структуру [Манап бий+даярдыкты көрдү] и, следовательно, показывает полную предикацию. Второе составное предложение из данного примера (10) манифестирует такую синтаксическую структуру, в которой подлежщее «Манап бий» имеет имплицитную реализацию. Имплицитная форма подлежащегово во втором составном предложении обусловлена тем, что данное подлежащее является общим для всего сложносочинённого предложения, оно содержится в первом определяющем предложении [Манап бий]. Но здесь не имеет место распространённое предложение с однородным сказуемым, поскольку во второе предложение можно «вернуть» имплитное подлежащее в эксплицитной форме [Манап бий апдап кийип жолго чыкты].

Таким образом, в одном и том же кыргызском союзном сложносочинённом предложении может иметь место как полная предикация, так и предикация свёрнутая:

(10): [Манап бий +даярдыкты көрдү] да [жолго чыкты]

Напомним, что употреблённые выше знаки имеют нижеследующее значение: [⌒] – полная предикация, [⌒] – свёрнутая предикация.

(11) “Жаз бат эле кирин келди, бирок күн мурункудай эле суук” [Мияшев, 1974].

В кыргызском союзном сложносочинённом предложении (11) посредством противительного союза «бирок» соединяются две облигаторные составные части, два облигаторных предложения, при этом союз «бирок» стоит в начале второго, противопоставляя его значение определяющему первому. Такое противопоставление обусловлено опредленным

отношением в союзном сложносочинённом предложении «определённые действия или явления одной части к действию или явлению другой части» [Скирдов, 1981:147].

Отметим, что обе части союзного сложносочинённого предложения (11) имеют полносоставную структуру, между которыми эксплицируется противительная семантика

Если первое составное предложение в примере (11) имеет полносоставную субъектно-предикатную структуру [табийгат+баш ийип], то второе составное предложение показывает неполносоставную такую структуру с опущением грамматического подлежащего при наличии имплицитного логического субъекта действия. Таким образом, и в анализируемом нами кыргызском союзном сложносочинённом предложении (11), в котором эксплицируется противительное значение, наблюдается как полная предикация в первом определяющем предложении, так и предикация свёрнутая во втором составном определяемом предложении:

(11): [табийгат+баш ийип] ошондуктан [төгүп берип жатат]

Свёрнутая предикация имеет место в таких простых элементарных предложениях агглютинативного кыргызского языка, «…в модели которого отсутствует состав подлежащего, но он легко подразумевается» [Жапар, ч. II, 1992:75].

(12) “Адамга бычак кесебе же кишиге бычак менен тап бербе” [Кадыркулов, 2010].

В вышеприведённом кыргызском примере (12) употреблено такое союзное сложносочинённое предложение, в котором в обоих составных предложениях отсутствует грамматическое подлежащее при имплицитном наличии логического субъекта действия. Это становится возможным при употреблении сложного предложения в повелительном наклонении, обращённом ко 2-му лицу единственного числа. Личный аффикс «-бе» в первом предложении в лексеме «кесебе» и во втором в лексеме «тап бербе» ясно указывает на деятеля, на субъекта, который производит действие. Таким образом, в обоих составных предложениях в союзном сложносочинённом предложении (12) имеет место свёрнутая предикация, когда происходит элиминирование синтаксической структуры предложения при полном сохранении логической структуры высказывания [Пузиков, 2009:13]:

Свёрнутость предикации в кыргызских союзных сложносочинённых предложениях, употреблённых в повелительном наклонении, обусловлена только формально-грамматическим отсутствием единицы синтаксического уровня подлежащего во всех трёх подтипах таких сложных предложений: 1. С соединительным значением; 2. С противительным значением; 3. С разделительным значением. В примере (12) имеет место союзное сложносочинённое предложение с разделительным значением.

(12): [(2-е лицо ед. числа) кесебе] же [(2-е лицо ед. числа) + тап бербе].

Но обычно в современном кыргызском языке такая свернутость предикации наблюдается в союзных сложносочинённых предложениях, употреблённых в изъявительном наклонении.

Мы уже определили пропозицию как высшую ступень предикации. Но пропозиция отличается, в нашем толковании, от предикации по исполняемым в системе языка понятийно-смысловым функциям. Если предикация более связана с грамматико-семантической структурой простого элементарного предложения и с интонационно-материальным выражением этого предложения и тяготеет, таким образом, к плану содержания и к плану выражения языка одновременно, то пропозиция как бы подстраивается предикацией в виде собственно понятийного феномена, «… преобразующегося в осмысленное (истинное или ложное) высказывание» [Новая иллюстрированная энциклопедия, кн. 7, 2007:488].

Истинность или ложность высказывания, репрезентируемая явлением пропозиции, выявляется на обширном языковом материале. Нельзя никак выявить истинность или ложность высказывания на материале одного отдельно взятого элементарного предложения. Это отдельно взятое элементарное предложение, а также элементарное предложение, в качестве составной части сложносочинённого предложения (кыргызского союзного сложносочинённого предложения), можно предицировать, т.е. соотнести информацию, в нём заключающуюся, с действительностью и придать ему признаки и качества, в реальной жизни [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:392].

Простое элементарное предложение в составе союзного сложносочинённого выражает, таким образом, только предикацию, но не пропозицию, поскольку

истинность или ложность высказывания может быть установлена только в масштабе всего союзного сложносочинённого предложения. А понятийно-смысловая структура такого сложносочинённого предложения в немалой степени зависит от подтипа значения, эксплицируемого семантикой сочинительного союза: соединительной, противительной или же разделительной.

Таким образом, в нашем языковом материале явление пропозиции присуще всему союзному сложносочинённому предложению, поскольку «оно составляет ту основу, на которой держится знание пропозитивной семантики» [Арутюнова,1976:37].

Однако проиллюстрируем всё вышесказанное на конкретном языковом материале кыргызских союзных сложносочинённых предложений:

(13) “Жаз келди жана күн жылыды” [Исаков, 1974].

(14) «Бул кагаз директорго тиешелүү, а бу кат болсо парторгко тиешелүү», – деди Масир ага эки конверт сунуп [Тойбаев, 1974].

(15) “Жашоо деген жомок, же анда ишарат жокпу? – сурап калды Медер актанып [Өмүркулов, 1984].

В кыргызском примере (13) представлено союзное сложносочинённое предложение с соединительным значением, которое эксплицируется соединительным союзом «жана». В обоих составных частях данного сложного предложения реализована полносоставная субъектно-предикатная структура, а, следовательно, в обоих составных частях содержится полная предикация. Данная полная предикация, содержащаяся в обеих частях сложного предложения, обусловливает завершённую пропозицию:

(13): [жаз+келди] жана [күн+жылыды]

Напомним значение вышеупотреблённых знаков:

[⌒] – обозначает полную предикацию

[⌒] – обозначает завершенную пропозицию

Именно завершённая пропозиция, связывающая воедино две полные предикации составных частей кыргызского союзного сложносочинённого предложения (13), может эксплицировать истинный смысл всего сложного высказывания. Именно завершённая

пропозиция «…включает такие свойства, которые характеризуют всё предложение в целом… включает способы обозначения целостных событий» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:298-299].

Кыргызское союзное сложносочинённое предложение (14) обладает значением противительности, исходящим от противительного союза «а». Два простых элементарных составных предложения обладают полносоставными субъектно-предикатными структурами и выражают полную предикацию. Данные две полные предикации обуславливают экспликацию завершённой пропозиции, которая предстаёт в масштабе всего союзного сложносочинённого предложения как понятие высокой степени абстракции, в отвлечении от явления предикации, захватывающего частью своей семантической сферы также и сферу материально-звуковую, интонационную. Завершённая пропозиция определённым образом элиминируется «…при переходе от одной последовательной ступени смысловой компрессии к другой, более глубокой, каждый раз сохраняет для воспринимающего смысловое тождество, лишаясь лишь маргинальных элементов» [Леонтьев, 1979:29].

(14): [кагаз+тиешелүү] а [кат+тиешелүү]

Кыргызское союзное сложносочинённое предложение (15) выражает общее значение разделительности, которое исходит от разделительного союза «же» и становится достоянием всей семантико-смысловой структуры сложного предложения. Каждое из составных частей данного сложносоставного предложения обладает полносоставной субъектно-предикатной структурой, и, следовательно, показывает полную предикацию. Данные полные предикации, реализованные в составных частях, в полной мере детерминируют завершённую пропозицию, которая уже реализуется в смысловой структуре всего сложносочинённого предложения и имплицирует более высокую степень понятийной абстрагированности [Токоев, Чолпонбаев, 2012:12-13].

(15): [жашоо деген +жомок] же [ишарат+ жокпу?]

Однако пропозиция может иметь в кыргызских союзных сложносочинённых предложениях не только характер завершённости, но и быть незавершённой. Это имеет

место в тех случаях, когда она (пропозиция) опирается в своих основаниях на две свёрнутые предикации составных предложений, и даже на одну свёрнутую предикацию одного составного предложения. Использование свёрнутой пропозиции, в нашем случае в семантике союзного сложносочинённого кыргызского предложения, преследует две функциональные семантические цели: с одной стороны, свёрнутая пропозиция опускает из поля своего воздействия некоторый фрагмент общего смысла сложного предложения; с другой стороны, «посредством свёрнутой пропозиции обеспечивается детализация и расширенная интерпретация частного образа» [Пузиков, 2009:21]. Однако приведём некоторые примеры:

(16) “Ал коомдук ишмер «Ышкырыгы таш жарган…» деген макаланы жарыкка чыгарды да, анан ал губернаторлук орунду талап кылып баштады” [Токтогонов, 1999].

(17) “Анатай экөө а күнү жарашкан жок, бирок жумушу чогуу болгон соң катар жүрүп иштей беришти” [Айтматов, 1984].

В примере (16) употреблено кыргызское сложносочинённое предложение с сочинительно-соединительным союзом «да». Первое определяющее предложение является предикативно полносоставным, конституируясь как субъектом-подлежащим, так и предикатом-сказуемым [ал+жарыкка чыгарды]. Второе же определяемое предложение также является предикативно полносоставным, в нём наличествует как субъект-подлежащее “ал” так и предикат-сказуемое [талап кылып баштады].

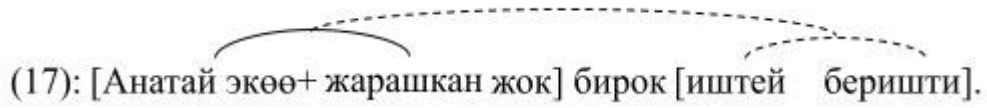
Факт полносоставности обоих непосредственно составляющих союзного сложносочинённого предложения предопределяет завершённую пропозицию, как, например, это имеет место в примере (16):

(16): [ал+ жарыкка чыгарды] да [ал+талап кылып баштады].

Во втором составном предложении в кыргызском примере (16) «завершенная пропозиция осуществляется путём трансформации предиката, выраженного личным глаголом, в производные части речи – нефинитные глагольные модификации» [Пузиков, 2009:13].

Несколько иное лингвистическое положение дел имеет место в кыргызском союзном сложносочинённом предложении (17) с противительным значением, в котором

во втором составном предложении, вводимым противительным союзом «бирок», не содержится формального подлежащего, но содержится логический субъект:



Тот факт, что вторая составляющая в кыргызском сложносочинённом предложении (17) является именно составной частью, составным предложением, а не расширенной группой однородного сказуемого, относящего к подлежащему «Анатай экөө», можно подтвердить синтактико-семантической структурой данного второго составного предложения, которое, в сущности, репрезентирует кыргызский тип так называемого неопределённо-личного предложения (туюк жактуу сүйлөм), представляющего собой «…односоставное простое предложение, грамматическая основа которого представлена одним главным членом – глагольным сказуемым. Глагольное сказуемое выражается формой третьего лица единственного или множественного числа в изъявительном наклонении» [Биялиев, 2003:110]. А глагольное сказуемое в данном составном элементарном предложении [иштей беришти] выражено формой третьего лица множественного числа в изъявительном наклонении.

Таким образом, и в кыргызском союзном сложносочинённом предложении (17) с противительным значением наблюдается незавершённая пропозиция, свойственная всей содержательной структуре сложного предложения и мотивированная предикацией свёрнутого типа, эксплицируемой вторым составным предложением.

4.4. Структурно-семантическое сопоставление английских сложносочинённых и кыргызских союзных сложносочинённых предложений

Дефиниция союзного сложносочинённого предложения в обоих сравниваемых языках, германском английском и тюркском кыргызском, представляется подобной: союзное сложносочинённое предложение понимается как сложная синтактико-семантическая конструкция, состоящая из двух или более относительно автономных частей, но образующая относительно самостоятельное смысловое, структурно-грамматическое и интонационное целое; синтактико-семантическая связь между составными частями в союзном сложносочинённом английском и кыргызском предложении осуществляется посредством союзов и союзных слов трёх видов: 1) с

соединительным значением; 2) с противительным значением; 3) с разделительным значением [Беляева, 1977:272; Мухин, 1979:112; Биялиев, 2003:114-115].

Означенные виды сочинительных английских и кыргызских союзов и союзных слов распространяют своё влияние на всё союзное сложносочинённое предложение в обоих языках в двух направлениях: во-первых, они придают всей сложной синтактико-семантической конструкции значения: соединительные союзы – соединительное значение, противительные союзы – противительное значение, разделительные союзы – разделительное значение; во-вторых, они обусловливают структурно-грамматический состав в отношении количества его составных частей: если противительные и разделительные союзы мотивируют большей частью двухчастный состав сложносочинённого предложения, то соединительный союз мотивирует как двухчастное, так и более многочастное строение союзного сложносочинённого предложения. Приведём, однако, некоторые примеры:

(1) “They lived in a pleasant house, with a garden, and they had discreet servants and felt themselves superior to anyone in the neighbourhood” [Lawrence, 2013].

(2) “The rock was harder than marble, and any attempt at cutting a path for so great a height was more than our time or resources would admit” [Conan Doyle, 2014].

(3) “Өйдөңкү көчөдөгүлөр келишти да, өзүнүн мурунку талабын кайра коюшту да, биз жеңебиз деген кебетелери менен алдыңкы орундуктарга отурушту” [Жакыпбеков, 1984].

(4) “Тос бетинди сулуу айга,
Сен да сулуу болорсуң” [Осмонов, I т, 2014].

Во всех вышеприведённых примерах (1) – (4) употреблены английские (1), (2) и кыргызские (3), (4) союзные сложносочинённые предложения с соединительным значением, которое исходит от английского соединительного союза *and* и кыргызского «да». В обоих языках данный подтип предложения может быть двухчастным, т.е. состоять только из двух составных частей, составных предложений, как это наблюдается в английском примере (1) и в кыргызском (4), или может состоять из большего количества составных частей, как это наблюдается в английском примере (2), вторая часть которого

включает в свой состав ещё одно предложение меньшего объёма, а именно, придаточное изъяснительное, а также в кыргызском примере (3), в котором объединены три простых элементарных предложений.

Мы уже ранее отмечали, что в двухчастных английских и кыргызских союзных сложных предложениях предикативные отношения между двумя составными предложениями обусловливаются бóльшей семантической весомостью первого составного предложения, которое как бы «задаёт тон» во всей понятийно-смысловой структуре всего союзного сложносочинённого предложения, предопределяя канву ситуативной семантики, а также парадигму грамматических структур, приводя последние в коррелятивное соответствие с таковой первого предложениях, как это можно наблюдать в примерах (1) и (4).

Аналогичное лингвистическое положение дел можно наблюдать и в многочастных английских и кыргызских союзных сложносочинённых предложениях, в которых первое предложение предопределяет как понятийно-смысловую, так и структурно-грамматическую стороны последующих составных предложений. Так, в английском сложносочинённом примере с соединительным значением (2) первое предложение *The rock was harder than marble* является определяющим для последующего предложения, которое является, в свою очередь, сложноподчинённым с придаточным изъяснительным, вводимым подчинительным союзом *than*. Также в кыргызском союзном сложносочинённом предложении (3) первое предложение «*Өйдөңкү көчөдөгүлөр келишти да…*» определяет семантическую ситуацию как второго предложения, так и третьего, а также предопределяет структурно-грамматическое выражение данной уже предопределённой семантической ситуации.

(5) “During this colloquy no portion of Jupiter’s person could be seen; but the beetle, which he had suffered to descend, was now visible at the end of the string…” [Poe, 2013].

(6) “Айыл тыптынч, чырак өчкөн, ошондо да кээде кай бир үйдөн ыйлаган үн угулат” [Султаналиев, 1974].

(7) “It was lucky that I had opened the door, or we should have gone through it” [Conan Doyle, 2014].

(8) «Ошол абышка келип бизге жаңылыктарды айтып кетеби, же башка бирөө келеби?» - деп сурады Актан көзүн Марияга кысып” [Жакыпбеков, 1984].

Мы уже отмечали, что союзные сложносочинённые предложения английского и кыргызского языков уж изучались в кыргызском сопоставительно-типологическом языкознании кыргызским исследователем Н.К. Ирсалиевой. По итогам проведённого исследования ею был сделан общий вывод о том, что «несмотря на то, что английский язык и киргизский язык принадлежат к различным языковым семьям, и каждый из них имеет особый грамматический строй, сложносочинённые предложения этих языков имеют большое сходство, с точки зрения как семантических типов отношения между компонентами этих сложных предложений, так и их употребления» [Ирсалиева, 1975:23].

Данное мнение, являясь полностью правомерным, подтверждается и на языковом материале нашего сопоставительного исследования. Так, смыслы соединительности, противительности и разделительности в обоих сравниваемых языках, английском и кыргызском, мотивируются не только семантикой соединительных, противительных и разделительных союзов и союзных слов, но также и значениями составных частей всего союзного сложносочинённого предложения. Такая сложная экспликация осложнённой понятийно-грамматической структуры наблюдается в приведённых выше английских и кыргызских союзных сложносочинённых предложениях, где реализуется значение соединительности [см. примеры (1) – (4)], значение противительности [примеры (5) и (6)], а также разделительности [см. примеры (7) и (8)].

При этом первое предложение во всех вышеприведённых примерах (1) – (8) определяют семантический объём ситуативной семантики и грамматические парадигмы не только второго предложения [см. примеры (1); (4) – (8)], но также третьего и последующих [см. примеры (2), (3)].

Однако такое сходство и подобие никак не распространяется на предикативную сторону сравниваемых английского и кыргызского языков. Приведем некоторые примеры и поясним на их основе разрабатываемую нами точку зрения.

А) Английские и кыргызские сложносочинённые предложения с соединительным значением:

(9) “The chest had been full to the brim, and we spent the whole day, and the greater part of the next night, in a scrutiny of its contents” [Poe, 2013].

(10) “Upon that they were agreed, and it was not long before the ship returned to Honolulu, carrying Keave and hopaka, and the bottle” [Stevenson, 2013].

(11) “Бектерге кул эмгеги – берсе рахат,
Беги да кул укугун жүрсүн сактап” [Баласагын, 1993].

(12) “Токторбектин досу бекене бойлуу Жаманбек жолдон чыга калды да, колу менен шилтеп бизди токтотту” [Иманалиев, 2010].

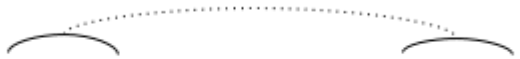
В английских примерах (9) и (10) употреблены союзные сложносочинённые предложения с соединительным значением, последнее эксплицируется не только соединительным союзом *and*, но также и всем смыслом, обусловленным взаимодействием их составных частей. И предложение (9), и предложение (10) – оба они обладают своими составными частями, составными предложениями, которые являются двусоставными: состоят как из субъекта-подлежащего, так и из предиката-сказуемого. Такая двусоставность обусловлена аналитическим типом английского предложения, в котором предусмотрена облигаторная двухэлементность, двучастность его синтаксической структуры; такая двухэлементность предполагает «…анализ по непосредственно составляющим и традиционную процедуру «разбора» предложения на «подлежащее» и «сказуемое» и описания каждого из них, в соответствующих случаях, в терминах слов, словосочетаний и несамостоятельных предложений различных типов» [Лайонз, 1978:223-224; Ниорадзе, 1977:85].

Наличие субъекта-подлежащего и предиката-сказуемого в составных предложениях является обязательной двучастностью аналитической структуры английского высказывания, что позволяет утверждение о полной предикации данных предложений – высказываний. Полная предикация, например, первой составной части сложносочинённого английского предложения (9): *The chest had been full to the brim*, выраженная глагольно-временной формой прошедшего длительного времени – The Past Perfect Continuous Tense, выделяет семантико-грамматический момент, который имел место в прошлом. «Отнесение данного события к действительности и создаёт впечатление законченности… Этот момент чрезвычайно важен, так как мы живём в объективной действительности, и поэтому

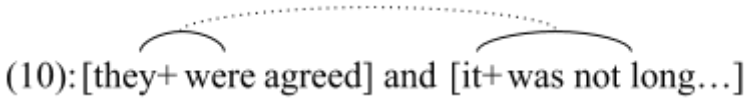
отношение каждого слышимого или читаемого к действительности является для нас основным. Это отнесение высказывания к действительности и можно назвать предикацией» [Смирницкий, 1957:102].

Второе составное предложение английского союзного сложносочинённого (9) также можно охарактеризовать как полнопредикативное, поскольку оно также имеет полносоставную субъектно-предикатную структуру [we+spent…].

Таким образом, обе составные части, оба составных предложения в английском сложносочинённом предложении (9), выражая полную предикацию, эксплицируют для всего объёма сложносочинённого предложения завершённую пропозицию, которая, таким образом, как бы венчает всю содержательно-грамматическую структуру сложносочинённого предложения:



Аналогичной структурной схемой можно представить и другое английское союзное сложносочинённое предложение (10), в котором также наличествуют полносоставные субъектно-предикатные структуры. Тот факт, что во втором составном предложении английского сложносочинённого предложения (10) употреблено формальное подлежащее it никак не меняет основного принципа двусоставности простого элементарного английского предложения: есть подлежащее, даже будь оно формально-грамматическим, и есть сказуемое. В английском союзном сложносочинённом предложении (10) обе полные предикации, имплицируемые двумя составными простыми элементарными предложениями, детерминируют завершённую пропозицию, которая представляется высшей обобщённой формой двух полных предикаций двух непосредственно составляющих предложений из состава сложносочинённого (10); завершенная «пропозиция есть нечто утверждаемое (assertable), содержание утверждения, причём то же самое содержание, обозначающее то же самое положение дел, может быть подвергнуто запросу, отрицанию или только предложению» [Арутюнова, 1976:30].



В кыргызском примере (11), так же как и ранее в английских примерах (9) и (10), употреблено союзное сложносочинённое предложение, также обладающее в своих обеих составных частях полной предикацией, поскольку имеет в них полносоставные субъектно-предикатные структуры. В данном кыргызском союзном сложносочинённом предложении (10) на основе названных двух полных предикаций его составных частей реализуется завершённая пропозиция, действенная для более высокого уровня всего семантико-грамматического объёма данного сложного предложения. Как более высокая степень абстрагированности «пропозиция обозначает лишь некий существенный атрибут, которым должен обладать мир, чтобы к нему было приложимо данное высказывание. Отношение утверждения, констатации (statement) приписывает обозначаемое пропозицией «положение дел» миру» [Арутюнова, 1976:30].

(11):[эмгеги рахат] да [беги+ жүрсүн сактап]

Относительно кыргызского сочинительного союза «да» отметим, что его постановка в первом или втором составном простом элементарном предложении в составе союзного сложносочинённого зависит от степени актуализации и смысловом выделении какого-либо элемента первого или второго составного простого элементарного предложения. Всё дело в том, что данный сочинительный союз «да» с соединительным значением, по всей вероятности, ещё не утратил семантической связи с усилительной частицей «да», который ещё и сегодня служит для определения, уточнения, идентификации, усиления значения [«Да – аныктоо, ырастоо, тактоо, күчөтүү маанисинде колдонулат»] [Кыргыз тилинин сөздүгү, 2010:319].

И потому он может быть поставлен в состав первого составного предложения в составе союзного сложносочинённого, когда актуализируется лексема из этого предложения, см., например, пример (12): чыга калды да, где данный соединительный союз присоединяется именно к актуализируемому сложносоставному глаголу «чыга калды». Данный союз «да» может быть отнесён ко второму составному предложению в составе сложносочинённого, см. пример (11), в котором актуализируется лексема «беги» из второго составного предложения и потому соединительный союз «да» отнесён к этому второму предложению в составе сложносочинённого (11) и употребляется в соответствии с сочетаемостными законами тюркского кыргызского языка в постпозицию к

актуализируемому слову «беги» – «беги да». И, соответственно, в непосредственном сочетании с актуализируемым словом соединительный союз может стоять до запятой в первом составном предложении [см. пример (12)], или же после запятой во втором составном предложении в составе кыргызского союзного сложносочинённого [см. пример (11)].

Если английские сложносочинённые эксплицируют в своих составных частях только полную предикацию и, соответственно, всем своим понятийно-смысловым составом только завершённую пропозицию, то кыргызские союзные сложносочинённые предложения могут эксплицировать как полную предикацию и завершённую пропозицию, также и предикацию свёрнутого типа и, соответственно, пропозицию незавершённого типа.

Так, например, в кыргызском союзном сложносочинённом предложении (12) первое составное элементарное предложение вместе с союзом «да» проявляет полносоставную субъектно-предикатную структуру (11): [Жамалбек+чыга калды], в то время как во втором составном элементарном предложении эксплицируется только одно сказуемое (11): [(бизди) токтотту], и, следовательно, пропозиция всего сложносочинённого предложения имеет характер незавершённости. Незавершённая пропозиция в составе союзного сложносочинённого предложения представляет собой ничто иное как несовпадение границы актуализации с последующими обозначаемыми действиями. В сложных предложениях существуют такие «… пропозитивные номинации, обслуживаемые общим механизмом актуализации (глаголом в личной форме). Границы номинации события, следовательно, не совпадают с границами отдельных актуализаций» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:319].

(12): [Жамалбек чыга калды] да [(Жамалбек) токтотту]

В) Английские и кыргызские сложносочинённые предложения с противительным значением:

(13) “The storm raged fiercely all that night, but nothing of particular note occurred” [Wilde, 2014].

(14) “He folded his arms, resigning himself to the weather, and I was frantically inclined to address him as the Spectator, and firmly demand to know what he had done with Sir Roger de Coverley” [Dickens, 2013].

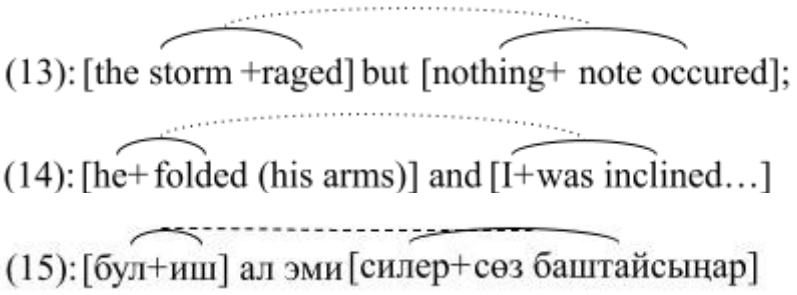
(15) “Бул – керектүү иш, ал эми силер кайдагы бир жомоктор менен сөз баштайсыңар” [Өмүркулов, 1984].

(16) “Кычыраган аяз, ошентсе да коён үчүн анын коркунучу жок” [Мансуров, 1984].

Три сложносочинённых предложения: два английских (13), (14) и одно союзное кыргызское (15) показывают полносоставную субъектно-предикатную структуру в своих составных частях, в простых составных элементарных предложениях, а, следовательно, полную предикацию. В свою очередь, полные предикации составных частей обусловливают пропозицию завершённого типа, которая является действенной для всего семантического объёма всего союзного сложносочинённого предложения.

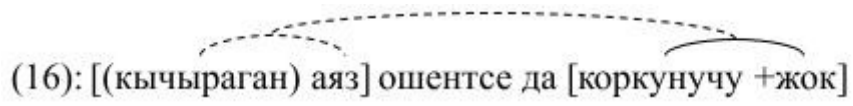
Английское сложное предложение (14) мы рассматриваем как относящийся к типу сложносочинённых, поскольку оно членится по своему понятийно-смысловому объёму на две составные части, связываемые в одно структурно-семантическое единство посредством союза *and* в противительном значении. Хотя вторая составная часть представляет собой развёрнутое, распространённое, осложнённое предложение, включающее в свой состав не только однородные сказуемые, но также и изъявительное придаточное, вводимое союзным словом *what*.

Практикуемые нами схематические иллюстрации к высказанным соображениям по субъектно-предикатным структурам сложносочинённых предложений (13), (14) и (15) выглядят нижеследующим образом:



Однако, кыргызское союзное сложносочинённое предложение (16) своей первой составной частью эксплицирует свёрнутую предикацию, поскольку в этой составной части опущен глагол-сказуемое и в наличии имеется только субъект-подлежащее вместе с определяющим прилагательным [кычыраган аяз]. Здесь имеет место так называемое «назывное предложение – односоставное простое предложение, грамматическая основа которого представлена одним главным членом – подлежащим» [Биялиев, 2003:110].

Как мы показали ранее, даже одна свёрнутая предикация в составе союзного сложносочинённого уже не позволяет идентифицировать общую пропозицию как завершённую, в таком случае может иметь место только незавершённая пропозиция, когда при «…описании фрагмента некоторой ситуации не достигается полного представления о ней» [Пузиков, 2009:21].



С) Английские и кыргызские союзные сложносочинённые предложения с разделительным значением:

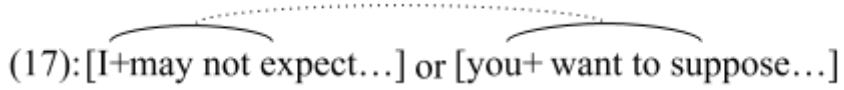
(17) “May I not expect the same courtesy from you; or do you want me to suppose that an atheist cannot be a gentleman?” [Canon Doyle, 2014].

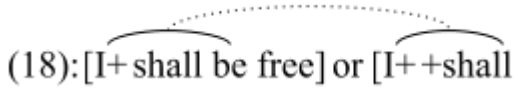
(18) “I’ll be free or I’ll die” [Poe, 2013].

(19) “Силер чатырды тоонун ары жагына Токтобек-Сай деген айылдын четине ушул жумада тиккиле же күтүп тургула чатыр тикпей экскаваторлор өзүнүн ишин толук аяктаганча” [Тойбаев, 1974].

(20) “Бул ишти мен эртең эле бүтүрөм же «бош ооз» деген атка конойун” [Кушубеков, 2009].

Два английских сложносочинённых предложения (17) и (18) с разделительным значением, а также союзное кыргызское сложносочинённое (19) с разделительным значением, эксплицируют своими составными частями, своими составными простыми элементарными предложениями полную предикацию, поскольку обладают полносоставной субъектно-предикатной структурой. И при этом, даже несмотря на разделительную семантику, семантически отчленяющую второе составное предложение от первого, первое составное предложение является в содержательно-грамматическом отношении определяющим в обоих языках, германском английском и тюркском кыргызском, направляя семантический оттенок разделительности в строго очерченное ситуативно-семантическое русло и предписывая пользоваться теми или иными глагольно-временными формами.





(19): [силер+тиккиле] же [(силер)+күтүп тургула]

Во всех вышеприведённых трёх примерах (17), (18) и (19) действующие полные предикации, эксплицируемые непосредственными составными частями сложносочинённых предложений с разделительным значением, детерминируют пропозицию завершённого типа, когда данная пропозиция действует на высоком уровне абстрагированности, имплицитно вплетаясь в смысловую ткань предикативных отношений, образуемых между сочетающимися между собой составными элементарными предложениями в составе союзного сложносочинённого.

Однако кыргызское союзное сложносочинённое предложение (20) не показывает на уровне всей своей семантико-грамматической структуры завершённую пропозицию, но только незавершённую, поскольку второе составное простое элементарное предложение не имеет в своём составе грамматического подлежащего – оно опущено путём отсылки к подлежащему первого составного элементарного предложения «мен»:

(20): [мен+ бүтүрөм] же [(мен) атка конойун].

Второе составное элементарное предложение не может считаться развёрной группой сказуемого, поскольку в нём имеется имплицитно выраженное подлежащее «мен» [которое формально отсутствует, но присутствует в глубинной семантике элементарного предложения], и при этом синтаксическая основа данного элементарного предложения эксплицируется формально присутвующим другим главным членом – глагольным сказуемом [Жапаров, 1979:201]. Да и к тому жеимплицитное наличие во втором составном предложенииглубинного представления о субъекте подлежащего подтверждается глагольным личным окончанием 1-го лица единственного числа «-ун» в глагольном сказуемом «конойун». «Если нет подлежащего, то оно ясно показано окончаниями глагола (сказуемого)» [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:204].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV

§ 1. Наша методика сопоставительно-типологического анализа союзных сложносочинённых предложений германского английского языка и тюркского кыргызского предусматривает три последовательных этапа, причём названные предложения были анализированы как в отдельности по языкам, так и в их соположении друг к другу. На первом этапе были рассмотрены вопросы грамматической связи согласования, имеющие место внутри союзных сложносочинённых предложений, а также интонационное и

пунктуационное оформление данных предложений. Союзные сложносочинённые предложения образуются посредством сочинительных союзов, которые не только связывают воедино простые элементарные предложения, но также придают смыслу всего предложения семантику соединения, семантику противительности и семантику разделительности.

На втором этапе были изучены вопросы предикативного строения смысла союзных сложносочинённых предложений в английском и кыргызском языках. Предикативное строение, а именно, субъектно-предикатная структура английских и кыргызских союзных сложносочинённых предложений, имеет разное качество. Так, как показывают уже предварительные исследования, английский язык проявляет полную предикацию и полнозначную субъектно-предикатную структуру, в то время как кыргызский может проявлять не только полную предикацию, но и предикацию свёрнутую, в последнем случае, происходит грамматическое свёртывание или по линии субъекта-подлежащего, или же по линии предиката-сказуемого.

На третьем этапе нашего сопоставительного типологического исследования в обоих сравниваемых языках у союзных сложносочинённых предложений союзного типа, в зависимости от их значения: соединительного, противительного или же разделительного вида, - изучаются свойства высшей предикации – пропозиции, последняя рассматривается как наиболее абстрагированная степень предикации, но уже однако действующая не только в значении отдельного составного предложения, но также реализующаяся на уровне смысла всего сложносочинённого предложения. Как показали наши предварительные наблюдения, пропозиция в союзных сложносочинённых предложениях английского и кыргызского языков может быть двух видов: завершённая, когда смысл предложения реализуется в синтаксической структуре без никаких дополнительных нюансов, и незавершённая пропозиция, когда смысл предложения оставляет недомолвки из-за свёртывания тех или других частей субъектно-предикатной структуры составного элементарного предложения. Выяснить, какая пропозиция: завершённая или незавершённая – релевантной для германского английского или тюркского кыргызского – основная целеустановка нашей методики, реализуемой в данном разделе нашей работы.

§ 2. Сложносочинённое союзное предложение в современном английском языке представляет собой расширенное элементарное предложение, в котором наличествует две и

более составные части, составные простые элементарные предложения, первое из которых является определяющим: она устанавливает рамки семантической внеязыковой ситуации для дальнейшего наименования и «задаёт» грамматические параметры в парадигмах наклонения, временного выражения, нередко модальности, а также и интонационного оформления.

Общее значение английских союзных сложносочинённых предложений предопределяется содержанием сочинительного союза, который может иметь три семантических выражения: 1. Соединение составных частей союзного сложносочинённого предложения; соединительные союзы: *and* (в значении «и»), as well as, nor и др.; 2. Противительные-сопоставление второй составной части по отношению к первой; противительные союзы: and (в значении «а»), *but, still* и др.; 3. Разделительные-сопоставление второй составной части по отношению к первой; разделительные союзы*: or, either. . .or.*

В английских союзных сложносочинённых предложениях наличествует двоякая структурно-грамматическая структура: если в союзных сложносочинённых предложениях с соединительным значением может быть представлена как синтаксическая двухчастная структура, так и структура трёх- и более частная, то в союзных сложносочинённых предложениях с противительным и разделительным значениями большей частью бывает представлена только двухчастная структура, что обусловлено семантикой противительности и разделительности второй части по отношению к первой.

Во всех английских союзных сложносочинённых предложениях: 1.) с соединительным значением; 2) с противительным значением; 3) с разделительным значением – эксплицируется предикация полнозначного типа, которая основывается на совместном действии и взаимообусловленности субъекта-подлежащего и предиката-сказуемого. В свою очередь, наличие субъекта-подлежащего и предиката-сказуемого в синтаксической структуре каждой отдельной составной части английского союзного сложносочинённого предложения обусловлено обязательным двусоставным характером английского элементарного предложения.

Во всех английских союзных сложносочинённых предложениях всех трёх вышеуказанных подтипов действует принцип завершённой пропозиции, которая соединяет между собой составные части, составные предложения в одну принципиально новую синтактико-содержательную структуру, в артикуляторном выражении

актуализирующая общую семантику всего союзного сложного предложения с той или иной степенью ударенности (постановки ударения) сочинительного союза в зависимости от его конкретного значения, соединения, противительности или разделительности.

На материале английских союзных сложносочинённых предложений можно уже удостовериться, что явление предикации, как включение синтаксической структуры в парадигму объективной реальности, присуще простым элементарным предложениям – составным частям союзного сложного предложения, в то время как пропозиция как высшее проявление предикации является принадлежностью плана содержания всего сложносочинённого предложения.

§ 3. Кыргызское союзное сложносочинённое предложение характеризуется как такой тип сложного предложения, в котором при общей сочинительной семантике оно проявляет три семантических подтипа, выражающих смысловые нюансы соединения, противительности и разделительности, в зависимости от вида сочинительно-связующего союза. Общая содержательно-грамматическая структура союзного сложносочинённого кыргызского предложения с соединительным значением может состоять как из двух предложений с противительным и разделительным значением: большей частью двухчастные, и обусловлены семантикой противительного союза (одно противопоставляется другому) и семантикой разделительного союза (одно явление отделяется от другого). Но всё же при этом во всех подтипах кыргызских сложносочинённых предложений: 1) с соединительными союзами: *жана, да, нары* и др.; 2) с противительными союзами: *бирок, антсе да, а* и др.; 3) с разделительными союзами: *же, не, мейли* и др. – первое предложение является определяющим, представляющим собой как бы исходный момент, отправную точку для соединения, противопоставления и разделения.

Во всех кыргызских союзных сложносочинённых предложениях их составные простые элементарные предложения эксплицируют как полную предикацию, так и предикацию свёрнутую; последний вид предикации обусловлен формальным опущением грамматического подлежащего.

Фактор пропозиции выступает в действие уже в объёме всего союзного сложносочинённого предложения, он является неотъемлемым лингвистическим свойством обширной структуры всего союзного сложносочинённого предложения. Если в обоих

составных простых элементарных предложениях союзного сложносочинённого имеет место полная предикация, то на уровне всего сложного предложения реализуется завершённая пропозиция. Если даже в одном (не в обоих) составном элементарном предложении союзного сложносочинённого имеет место свёрнутая предикация, то на уровне всего союзного сложносочинённого предложения уже реализуется незавершённая пропозиция. Последняя добавляет к смысловой функции пропозиции (полной пропозиции) уже семантическую составляющую непосредственной детализации одного из обозначаемых предметов речи. Незавершённая пропозиция, действующая в объёме целого союзного сложносочинённого предложения, в логическом аспекте ориентирована на подразумеваемой эксплицитный субъект действия, а в синтаксическом – на опущённое имплицитное грамматическое подлежащее.

§ 4. Структурно-семантическое сопоставление английских и кыргызских союзных сложносочинённых предложений выявило, что они характеризуются в обоих изучаемых языках одинаковым образом: союзное сложносочинённое предложение является структурно-грамматическим и семантико-смысловым единством, образованным вследствие соединения двух относительно самостоятельных предложений посредством сочинительных союзов. В соответствии с семантикой данного сочинительного союза в обоих языках – английском и кыргызском – союзные сложносочинённые предложения могут быть расклассифицированы как обладающие значением: соединительности, противительности и разделительности.

Основным сходным признаком английских и кыргызских союзных сложносочинённых предложений является факт того, что первое составное предложение определяет и направляет семантический объём и грамматические парадигмы второго определяемого предложения. И такое определение имеет место во всех трёх типах данных предложений с соединительным, с противительным и с разделительным значением.

Однако такие сходные моменты имеют место только на уровне плана выражения; на уровне плана содержания, где реализуется предикация и предикативные отношения, уже преобладают несходные факторы. Так, облигаторная двусоставность английского простого элементарного предложения предопределяет полносоставную его субъектно-предикатную структуру, которая, в свою очередь, мотивирует полную предикацию английского простого

элементарного предложения как составной части союзного сложносочинённого предложения. Полная предикация обоих составных предложений английского союзного сложносочинённого предложения детерминирует и становится основанием для завершённой пропозиции действующей уже на уровне смысла всего сложносочинённого предложения.

В кыргызских сложносочинённых предложениях всех трёх вышеозначенных типов также имеет место полносоставная субъектно-предикатная структура во всех составных частях, которые мотивируют полную предикацию в составном предложении и завершённую пропозицию в семантико-грамматическом объёме всего союзного сложносочинённого предложения.

Но в кыргызском союзном сложносочинённом предложении также имеет место, в отличие от английского союзного сложносочинённого предложения, неполносоставная субъектно-предикатная структура, когда опускается один главный член предложения – подлежащее или сказуемое. В этом случае наблюдается явление свёрнутой предикации в одном или в обоих составных частях сложного предложения; данное явление свёрнутой предикации мотивирует уже другое явление более высокого уровня абстрагированности, уже на уровне всего смысла союзного сложносочинённого предложения, - незавершённую пропозицию, которая является свойством союзного сложносочинённого предложения только в агглютинативном тюркском кыргызском языке.

Таким образом, можно провести соотносительные параллели [наряду с ранее проанализированным английским бессоюзным сложным предложением параллельным кыргызскому бессоюзному сложносочинённому предложению] также между типом английского союзного сложного предложения и подтипом кыргызского союзного сложносочинённого предложения. Данные параллели можно представить схематически.

Таблица № 3. Сопоставления типа английского сложноподчинённого предложения и подтипа кыргызского союзного сложносочинённого предложения

Английский язык	Кыргызский язык
1. Сложноподчинённое предложение	1. Сложносочиненное предложение Б. Союзное сложносочинённое предложение

ГЛАВА V. СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В КЫРГЫЗСКОМ

5.1. О методике сопоставительно-типологического анализа английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их функциональных соответствий в кыргызском языке

В самом общем виде сложноподчинённое предложение определяется, как уже неоднократно упоминалось, как сложное предложение, состоящее, как минимум из двух неравноправных частей, одна из которых является главным предложением, а другая подчиненным придаточным, и при этом они соединяются между собой посредством подчинительных союзов (союзных слов), а в кыргызском языке также посредством подчинительных аффиксов [Беляева,1977:273; Розенталь, Теленкова, 1985:316; ч.2, 1992:261; Абдраева А.А., Абдраева Г.Т., 2009:16-17].

Современная синтаксическая теория сложного предложения (в том числе и сложноподчинённого предложения) выдвигает в центр своего рассмотрения и анализа три критерия выделения и идентификации сложноподчинённых предложений:

(1) “составные части сложноподчинённого предложения не могут выступать как самостоятельные и не образуют грамматической или смысловой законченности” [Жапар**,** ч.2, 1992:261];

(2) “придаточное предложение может относиться ко всему главному, … или придаточное предложение приравнивается к одному слову или словосочетанию в главном предложении, дополняя или конкретизируя это слово или словосочетание” [Розенталь, Теленкова, 1985:316];

(3) “придаточное предложение выполняет в сложном предложении функцию одного из членов предложения: подлежащего, именной части составного сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства” [Качалова**,** Израилевич, т**.** 2, 1995:46].

При расклассифицировании английских сложноподчинённых предложений по их видам и подвидам мы руководствовались, в основном, последним третьим принципом подразделения придаточных в их составе, добавляя еще один релевантный критерий:

“Придаточные предложения обычно отвечают на те же вопросы, на которые отвечают члены простого предложения, и являются как бы развёрнутыми членами простого предложения. Существует столько же видов придаточных предложений, сколько имеется членов предложения” [Качалова, Израилевич, т. 2, 1995:46; Alatis, 1968:18].

И потому в нашей работе сложноподчинённые предложения английского языка подразделяются на виды, соотнесенные со второстепенными членами предложения: 1. Сложноподчинённые с придаточным дополнительным; 2. Сложноподчинённые с придаточным определительным; 3. Сложноподчинённые с придаточным обстоятельственным.

Наша последующая исследовательская задача заключается в выявлении для названных выше исходных английских сложноподчинённых предложения их функционально соотнесённых кыргызских эквивалентов.

Также, поскольку в исходном английском синтаксисе имеется также сложноподчинённые предложения как: 4. Сложноподчинённые с придаточным подлежащего и 5. Сложноподчинённые с придаточным сказуемого, то мы будем устанавливать и для них в сравниваемом кыргызском языке их функционально-эквивалентные соответствия.

Выделение сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным в английском языке не сопряжено с какими-либо теоретико-практическими трудностями. Почти все англисты признают наличие такого вида сложноподчинённых предложений. “Дополнительные придаточные предложения выполняют в сложном предложении функцию прямого или предложного косвенного дополнения. Они отвечают на вопросы What? Что?; About what? О чем? For what? За что? и т.п. Дополнительные придаточные предложения соединяются с главным предложением теми же союзами и союзными словами, что и придаточные подлежащие и сказуемые“ [Качалова, Израилевич, т. 2, 1995:50; см. также: Беляева, 1997:275-276; Muir, 1972: 66-67]. Подчинительными союзами для связи главного и придаточного в сложноподчинённых предложениях с придаточными дополнительными являются: that – что, whether, if – ли; союзными словами, задействованными для этой цели, являются: who (whom) – кто (кого), whose – чей, what – что, какой, which – который, where – где, куда, how – как, why – почему. Например:

(1) “Not a day goes by that the media of European, American, and Asian countries do not cover this problem” [International Terrorism, 2010].

(2) “Now I want to go back a little and tell what happened at the garage after we left there the night before” [Fitzgerald, 2014].

(3) “I'll ask him to find out where they live”, Sergeant Watkins said [Bowen, 1998].

В (1)-ом английском примере придаточное дополнительное, вводимое подчинительным союзом *that* дополняет как бы весь смысл главного предложения *Not a day goes by*; во (2)-ом английском сложноподчинённом предложении придаточное дополнительное, вводимое союзным словом *what*, дополняет и раскрывает содержание второго однородного глагола-сказуемого *want to tell*; в (3)-ем же примере придаточное дополнительное также поможет глагол to find out и вводить союзным словом *where*.

Таким образом, основным критерием для идентификации в английском языке сложноподчинённых с придаточным дополнительным является объектная функция данных придаточных, а именно, выступать в составе сложного предложения в роли прямого или косвенно-предложного дополнения.

И в то же самое время выделение сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным сопряжено в кыргызском языкознании с трудностями как теоретического, так и практического плана. Кыргызские языковеды теоретически не выделяют такого подтипа сложноподчинённых предложений.

Так, кыргызские авторы Т.К.Ахматов, С.А.Давлетов, Ш.Ж.Жапаров и О.В.Захарова, отмечают, что “в кыргызском сложноподчинённом предложении придаточные дополняют, определяют и обозначают действия главного предложения” [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:216 – подчеркнуто нами. Д.К.], в то же самое время выделяют самые разнообразные подтипы придаточных предложений, все, кроме придаточного дополнительного: “В современном кыргызском языке различают следующие виды придаточных предложений; себеп – причины, максат – цели, сын-сыпат – образа действия, мезгил – времени, карама-каршы – уступительные и шарттуу – условные” [цит. соч., там же]. Аналогичным образом не различают придаточного дополнительного и другие кыргызские

языковеды [Жакыпов, 1975:150-152; Жапаров, 1979:307-308; Биялиев, 2003:118; Иманов, 2009:368; Бабашева, 2009:67].

Видимо, такое неразличение в кыргызском синтаксисе подтипа сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным вызвано влиянием русского языкознания, оказавшего во времена становления кыргызского языкознания огромное на неё влияние. А в русском синтаксисе придаточное предложение дополнительное отождествляется с придаточным предложением изъяснительным; последнее определяется как "придаточное предложение, отвечающее на любой вопрос и относящееся к числу главного предложения, нуждающееся в смысловом распространении" [Розенталь, Теленкова, 1985:235] и относится к средствам преобразования прямой речи в косвенную и, таким образом, исподволь выводится за пределы синтаксиса сложного предложения.

Однако практическое (фактическое) наличие в кыргызском синтаксисе сложных предложений с косвенной речью, т.е. с придаточными изъяснительными [ср.: Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:225; Жапар, ч.2, 1992:331], которые, в сущности, отвечают на все вопросы прямого дополнения (тике толуктооч): кимди? – кого?; эмнени? – что? и на все вопросы косвенных падежей с послелогами и без послелогов, побуждают нас признать, что кыргызский синтаксис может, в сущности, передать весь смысл английского сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным, хотя в распространённых предложениях с изъяснительной семантикой.

Однако еще раз отметим, что прямых аналогов в кыргызском синтаксисе для английских сложноподчинённых с придаточным дополнительным никак не выявляется. На данном предварительно-методологическом этапе сопоставления исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных эквивалентов можно определить три основные группы функционально-синтаксических соответствий в кыргызском языке для исходных английских сложноподчинённых с придаточным дополнительным. Во-первых, это простые распространённые предложения с несколько осложнённой синтаксической структурой, в которых в осложнённой форме выступает дополнение (дополнительная группа); например:

(4) “Бу адамдардын жасаган иштери жөнүндө адабиятта мурун эле кеңири айтылып келген” [Садык Алахан, 2004].

(5) “Эстетикалык байкоонун объектисин жана предметин көркөм өнөрдө маани-маңызын түшүнүү Аль-Фарабиге, Ибн Синага жана Омар Хаямга бөтөнчө мааниде болгон” [Суббанов, 2008].

(6) “Кышында мал багыш жеңил-желпи иш эмес, – деди Тагай бий” [Иманалиев, 2010].

Во всех вышеприведённых кыргызских простых распространённых предложениях (4), (5) и (6) осложнённые дополнения занимают в соответствии с правилами агглютинативного кыргызского языка препозитивное положение относительно главных членов предложения. И все они являются дополнительными группами: так, словосочетание в примере (4), вводимое в общую структуру распространённого предложения послелогом “жөнүндө”, отвечают на вопрос дополнения: эмне жөнүндө кеңири айтылып келген? В распространённом предложении (5) также приложим вопрос идентификации дополнения: Аль Фарабиге, Ибн Синага жана Омар Хаямга кандай нерселер бөтөнчө мааниде болгон? К словосочетательной группе в примере (6) также приложим вопрос дополнения: Эмнени жеңил-желпи иш эмес деп кышында эсептейбиз?

Во вторых, в качестве функциональных соответствий для исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным в кыргызском языке могут выступать как бессоюзные сложноподчинённые предложения, так и таковые союзные. Приведем однако примеры на основе прямого функционального перевода с английского языка на кыргызский:

(7) He wished had been there yesterday [Twain, 2012]. -

(7-а) Ошол жерде кечеги күнү болбой калган үчүн, ал кайгырып калды [Перевод наш. Д.К.].

(8) Tom said that he had seen her the day [Twain, 2012]. -

(8-а) Аны жакында эле эки - үч күн мурун көргөм деп, Том айтты [Перевод наш. Д.К.].

В примере (7-а) функциональным соответствием для исходного (7) придаточного he had been there yesterday выступает кыргызское союзное придаточное “ошол жерде кечеги күнү болбой калган үчүн” с семантикой причины. А в примере (8-а) функциональным соответствием для исходного (8) придаточного he had seen her the day выступает

кыргызское бессоюзное “аны жакында эле эки-үч күн мурун көргөм деп” с семантикой времени.

И, в третьих, функциональным соответствием для английского сложноподчинённого с придаточным дополнительным в кыргызском синтаксисе может выступать тип смешанного предложения, в котором наличествуют как связи сочинения, так и соединения. Например:

(9) He was just gone away saying that he will return in an hour [Welch, 2004].

Ал айтып жаткан бир саатан кийин келет деп, бирок азыр эле чыгып кетти. [Перевод наш. Д.К.].

Таким образом, на первом этапе нашего типологического исследования мы очертим поле вокруг изучаемых английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных соответствий проанализируем их структуру, их связующие подчинительные союзы, союзные слова и подчинительные аффиксы, а также способы подчинения придаточных предложений главному.

На последующем этапе, также ещё пока раздельном, мы изучим понятийно-смысловую сторону английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным в английском и их функциональных соответствий в кыргызском языке на предмет идентификации в их понятийно-смысловой сторонах явления предикации и высшей формы предикации – семантической пропозиции.

Так, например, уже предварительное изучение английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных соответствий показывает, что явление предикации, свойственное составным простым элементарным предложениям в составе сложного, эксплицирует неодинаковые характеристики. Например:

(10) “Meg is afraid that they will be late” [Welch, 2004].

(11) “You don`t know what you are talking about”, Jimmy Marshall said [Bowen, 1998].

(12) Ал кишинин сөздөрүн биздин жакшы укпай калганыбыздын себеби, биз арткы катарында олтуруп калганбыз [Усубалиев, 1991].

(13) “Адам менен көңүл табыш бул деген чоң жоопкерчилик” [Кушубеков, 2009].

Так, в английском сложноподчинённом предложении с придаточным дополнительным (10) в обоих составных частях, в обоих составных простых элементарных предложениях манифестируются полнозначные субъектно-предикатные структуры, и, следовательно, имеет место полная предикация (10): [Meg + is afraid] that [they + will be late]. Аналогичное наблюдается и в другом английском сложноподчинённом предложении с придаточным дополнительным (11): [you + don`t know] what [you + are talking about]; здесь имеет место полная предикация в полносоставных субъектно-предикатных структурах обоих составных предложений: в главном и в придаточном. Такая полносоставность субъектно-предикатных структур обусловлена двухчастным грамматическим строением английского предложения, в котором не только сказуемое, но также и "подлежащее является обязательным элементом предложения" [Качалова, Израилевич, т. 2, 1995:5].

В кыргызском сложноподчинённом союзном с придаточным причины предложении (12) причинность семантики обусловливается причинным союзом "себеби". В обоих составных частях данного сложноподчинённого кыргызского предложения, в главной части "биз арткы катарында олтуруп калганбыз" и в придаточной "ал кишинин сөздөрүн биздин жакшы укпай калганыбыздын себеби", имеются полнозначные субъектно-предикатные структуры, а, следовательно, содержат полную предикацию. Данное кыргызское сложноподчинённое предложение с союзом причины "себеби" может функционально соответствовать при его переводческой трансформации английскому сложноподчинённому с придаточным дополнительным.

Кыргызское же простое распространённое предложение (13), функционально могущее быть при переводческой трансформации преобразовано в английское сложноподчинённое предложение с придаточным дополнительным, имеет в своем составе развернутую группу дополнения "адам менен көңүл табыш". В данном кыргызском развёрнутом и распространённом, но простом (не сложном) предложении_содержится только одна субъектно-предикатная структура и одна полная предикация – пропозиции же, которая выявляется только в сложных предложениях, здесь отсутствует.

Проведя конкретный анализ по-отдельности английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных

соответствий, мы намереваемся сравнить их контрастивно, в их непосредственном соположении друг к другу не только для того, чтобы сопоставить их планы выражения, а сколько для того, чтобы сопоставить их планы содержания. Контрастивное соположение планов содержания английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных соответствий позволит изучить их содержательные предикативные отношения, возникающие как в составных частях данных синтаксических единиц, а также содержательные препозитивные отношения, возникающие на уровне смысла всего английского сложноподчинённого предложения и их кыргызских функциональных соответствий.

И такое контрастивное сопоставление содержательных планов английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных соответствий является последним третьим этапом нашего типолого-сопоставительного изучения означенных английских и кыргызских синтаксических явлений.

5.2. Структурно-семантическая характеристика сложноподчинённых предложений с придаточными дополнительными в английском языке

Подтип английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным, всегда употребляющиеся с подчинительными союзами, идентифицируется по-подчинённому придаточному. Данное подчинённое придаточное отвечает на вопросы косвенных падежей с предлогами и без предлогов и представляют собой в структурно-грамматическом отношении "…описательную замену отсутствующего в главном предложении дополнения" [Розенталь, Теленкова, 1985:236; Имашева, 2007:30; Onysko, 2004:2422]. Например:

(1) "They began from the fact <u>that</u> terror is acceptable in societies with tyrannical regimes that do not give their citizens legal means (within the framework of the parliamentary process and democratic procedures) to fight for the adoption of their ideals and a restructuring of society" [International Terrorism, 2010].

(2) "All though supper he was in such a good aunt thought, "<u>what</u> had happened to the child" [Twain, 2012].

(3) “Huckleberry was free to do everything he liked” [Twain, 2012].

Придаточные дополнительные присоединяются к главному предложению не только посредством союзов [см. пример (1), в котором употреблён подчинительный союз *that*], а также не только посредством союзных слов [см. пример (2), в котором употреблено союзное слово *what*], но также и бессоюзным способом, при этом такой бессоюзный способ, скорее, тяготеет к выражению изъяснительности, поскольку в этом случае опускается только подчинительный союз *that*: “Придаточные дополнительные предложения могут присоединяться к главному без союза *that*”. [Беляева, 1977:276.]. Так в примере (3) придаточное дополнительное *he liked* присоединяется к главному бессоюзному посредством опущения подчинительного союза *that*.

Однако нередко подтип английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным (Object Clauses) смыкается с видом английских осложненных предложений со сложным дополнением (Complex Object).

Английские осложнённые предложения имеют в своём составе сложные дополнения трёх разновидностей: А) Сложное дополнение, состоящие из прямого дополнения + инфинитив: I want you to learn this poem by heart; Б) Сложные дополнения, состоящие из прямого дополнения + причастие настоящего или прошедшего времени: We heard her sining a beautiful song; They watched the letters posted; В) Сложные дополнения, состоящие из прямого дополнения+причастие прошедшего времени, когда действие совершается посторонним лицом по просьбе или приказанию основного действующего лица: He will have his hair cut. [Грузинская, Черкасская, 1956:238-239; Смирницкий, 1957:264-265; Качалова, Израилевич, 1995:22].

Однако два отличительных признака разводят английские сложноподчинённые предложения с придаточным дополнительным и английские осложнённые предложения со сложным дополнением по разным синтаксическим классам. Во-первых, английское сложное дополнение в составе осложнённого предложения имеет в своём составе одну из неличных форм глагола: инфинитив, причастие настоящего времени или причастие знак его отличия от английского сложноподчинённого предложения придаточным дополнительным, который имеет в своём составе только личную глагольную форму [см.

пример (1), (2), и (3)]. Во-вторых, личная форма сказуемого из состава придаточного дополнительного мотивирует явление предикации и помещает не только данное придаточное, но также и всё сложноподчинённое в область реального бытия: “Именно предикация включает сказанное в систему бытия, придаёт высказыванию законченность и превращает данный отрезок речи в предложение” [Смирницкий, 1957:102]; в то время, как английское сложное дополнение в составе осложнённого само по себе явление предикации своими неличными формами глагола никак не мотивирует.

Структурно-грамматическая организация сложноподчинённых предложений с дополнительным в английском языке обуславливается подчинительной дополнительной связью, которую проявляет придаточное предложение по отношению к основному. “Дополнительные придаточные предложения выступают в функции в английском сложноподчинённом предложении (4) функцию сказуемого, которое дополняется придаточным дополнительным, выполняет глагол речи *say*, в сложном предложении (5) - аналогическую функцию выполняет глагол восприятия *look*, в сложном предложении (6) аналогическую функцию выполняет глагол умственной деятельности *think*, в сложном предложении (7) - такую функцию выполняет глагол волеизъявления *thought*, а в сложном предложении (8) такую функцию выполняет глагол конкретного действия *notice*.

В английском сложноподчинённом предложении (4) придаточное дополнительное соединяется с главным предложением посредством подчинительного союза *that* дополнительно-изъяснительным значением, в английском же сложноподчинённом предложении (5) придаточное дополнительное соединяется с главным посредством союзного слова *what* изъяснительно-вопросительным значением. В трёх последующих английских сложноподчинённых предложениях (6), (7) и (8) придаточные дополнительные присоединены к главному бессоюзному, при этом подразумевается, что опускается дополнительно-изъяснительный союз *that*: “Придаточные дополнительные предложения могут присоединяться к главному без союза *that*”. [Беляева, 1977:276]. “Главное предложение изъяснительной конструкции всегда включает предикат ментального плана и пропозициональной установки, т.е. предикат, имеющий обязательной валентностью пропозицию” [Мишланов, 2010:52].

Однако каждое английское сложноподчинённое предложение с придаточным дополнительным характеризуется полносоставной субъектно-предикатной структурой в своих составных частях: как в главном предложении, так и в придаточном приводимых нами примерах (4) - (8). Во всех данных английских сложносочинённых предложениях в их составных частях действует неукоснительный принцип английского двусоставного предложения: имеется в наличии как субъект-подлежащее, так и предикат-сказуемое: [Subject+Pred.] которые связаны отношениями полной предикации:

[⌒].

Понятийно-семантическая формула английского сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным выглядит нижеследующим образом:

Англ. СПП с : [ГП: Sub+ Pred] подч.союз [Прид.доп: Sub+ Pred]:

Напомним содержание наших знаков, символов и сокращений:

СПП - сложноподчинённое предложение, Прид. доп.-придаточное предложение, ГП – главное предложение, Подч.союз – подчинительный союз, Sub- субъект (субъект-подлежащее), Pred- предикат (предикат-сказуемое),

[⌒] – полная предикация (отношение полной предикации),

[⌒] – событийная пропозиция (отношение событийной пропозиции).

Все вышеуказанные содержания аббревиатурных, знаковых и символических явлений были нами уже более или менее подробно освещены нами ранее, кроме одного – “событийной пропозиции”, которую мы осветим на материале примеров (4) - (8):

(4) [Meg+said] that [he+felt]

(5) [The old lady + turned around] what ([(what) was there].

Двусоставной характер английского сложного предложения в примере (4) обуславливает наличие в обоих составных частях: в первом в главном предложении и во втором придаточном дополнительном - наличие как субъекта-подлежащего, так и предиката-сказуемого.

Аналогичным образом никак не нарушается этот принцип двусоставности и в составных частях английского сложного предложения (5), в котором в его придаточное союзное слово what играет двойную семантико-грамматическую функцию: во-первых, оно выполняет роль подчинительно-изъяснительного союза, а во-вторых, оно в структуре придаточного играет роль субъекта-подлежащего. [Азарова, 1968; Chomsky, 1996: 91-92].

И в английском сложном предложении (4), и в сложном предложении (5) их составные предложения объединяют их облигаторные субъекты и предикаты предикативными отношениями полной предикации, которая представляет собой "… отнесение содержания, высказываемого к действительности. Именно предикация выполняет сказанное в систему бытия, придает высказыванию законченность и превращает данный отрезок речи в предложение." [Смирницкий, 1957:102].

(6):[I+think] опущенный подч. Союз [I+have made]

(7): [I+thought] опущенный подч. союз[you+ought to know]

(8): [the boys+had not noticed] опущенный подч. союз [the noise+ had stopped].

В английских примерах (6), (7) и (8) отметим два релевантных фактора, в той или иной мере находящих свое место в семантико-грамматической структуре всего сложноподчинённого предложения, во-первых, это опущенный подчинительно-изъяснительный союз *that*, который в силу языкового типа английского предложения-высказывания зачастую может и не употребляться, но его имплицитное наличие в семантической структуре всего сложного предложения не вызывает никакого сомнения [Беляева,1977:276; Johanson, Hofland, 1994:77]. В языкознании дополнения ко всем разновидностям сказуемого или другому члену предложения, выраженному неличной формой глагола, передавая содержание речи, мысли, чувства или описание предмета-объекта действия [Жигалдо, Иванова, Иофик,1956:322; Ахметжанова, 2005:346].

При этом можно выделить несколько лексико-семантических классов английских глаголов (в позиции сказуемого в личной форме, а в позиции других членов предложения в неличной форме), при которых употребляются придаточные дополнительные - глагол речи: *tell, say, inform* и др.; глаголы чувств и восприятия: *observe, remark, notice, feel, hear, see* и др.; глаголы мысли и умственной деятельности: *consider, conceive, believe* и др.;

глаголы просьбы или волеизъявления: *beg, ask* и др.; глаголы с модальным значением предложения, желания, намерения: *intent, suppose, hope, wish* и др.; глаголы конкретных действия: *do, take, buy* и др. [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:52, Толенгутова, 2008:19; Шемшуренко, 2012:18]. Приведем, однако, некоторые примеры:

(4) "Meg said that he felt tired" [Welch,2004].

(5) "The old lady turned around quickly to look what was there, and the boy ran away, climbed up the high fence, and disappeared over it." [Twain, 2012].

(6) "I think I have made a mistake in my calculations", Sergeant Watkins said" [Bowen,1998].

(7) "So U thought you ought to know something about me" [Fitzgerald, 2014].

(8) "The boys had not noticed the noise had stopped a while before when the teacher came up and stood over them" [Twain, 2012].

Такое релевантное опущение и значимое отсутствие какой-либо грамматической формы слова, грамматической связки или грамматического аффикса имеет обозначение: "нулевой формы. Общее название отсутствия форм, которое приобретает грамматическое значение по противопоставлению аналогичным положительно-выраженным формам" [Розенталь, Теленкова, 1985:154].

Во-вторых, это так называемая событийная номинация, наличие которых в сложноподчинённом предложении, а именно, в сложноподчинённом предложении с придаточным дополнительным, мы устанавливаем по трём критериям. 1) Это критерий того, что событийная позиция как высшая абстрагированная степень предикативных отношений, связывая две полные предикации, а именно, две полносоставные субъектно-предикатные структуры; 2) Это критерий того, что обозначаемые в двух предложениях: в главном и придаточном дополнительном – речевые ситуации такими имеют свои внеязыковые основания, т.е. понятию не зависят друг от друга, хотя в собственно грамматическом отношении они не являются полностью самостоятельными;

3) Это критерий того, что обе речевые ситуации, реализующиеся в главном и придаточном предложении, конституируют сложную структуру обозначения целостного события, составные части которого как бы цементируются отношениями подчинения аспект предложения главному. Здесь имеет место номинативный аспект предложения, "… изучающие способы обозначения целостных событий… В целях удобств изложения к

номинативному аспекту предложения “его дериватов будет применяться термин “пропозитивная номинация” [Общее языкознание: внутренняя структура языка, 1972:299 – Подчеркнуто нами Д.К.].

Ранее, в предыдущих разделах нашей работы, мы использовали термин “завершённая пропозиция” для обозначения препозитивных отношений, возникающих между составными частями с полносоставной субъектно-предикатной структурой, и, следовательно, с полной предикацией в структуре бессоюзных сложных предложений и сложноподчинённых предложений. Термин “завершённая пропозиция” применялся нами, исходя из относительно семантико-грамматических свободных отношений, возникающих между составными частями бессоюзных сложных и сложноподчинённых предложений, по сравнению с типом сложноподчинённых предложений, в которых между главным и придаточным предложением уже возникают несвободные, в семантико-грамматическом отношении регламентированные отношения. И поэтому для сложноподчинённых предложений с их составными частями, эксплицирующими полную предикацию, мы избираем термин “событийная препозиция”.

Так, во всех английских примерах (4) - (8) имеет место событийная препозиция, выполняющая, во-первых, сложное понятийно-смысловое явление, составные части которого связаны в языке регламентированными подчинительными, а именно, подчинительно-дополнительными отношениями; а, во-вторых, именно данные подчинительно-дополнительные от понятия составляют основной стержень событийной препозиции, возникающей между двумя составными частями сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным.

5.3. Структурно-семантическая характеристика кыргызских функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным

В начале данного раздела мы уже акцентировали, что исходные английские союзные сложноподчинённые предложения с придаточным дополнительным не имеют прямых аналогов в сопоставляемом кыргызском языке.

Это также означает, что в кыргызском синтаксисе в типе сложноподчинённых предложений не выделяется подтип сложноподчинённых с придаточным

дополнительным. Это, по-видимому, связано с большим влиянием на развитие агглютинативного кыргызского языка и кыргызской лингвистической науки флективного русского языка и русского, а вместе с ним, и общего языкознания. По данному вопросу в советское время в кыргызском языкознании существовало мнение: «Развитие языка может идти как по линии использования своих собственных ресурсов, так и по линии влияния тех или иных языков (обычно более разностороннее влияние оказывают языки тех народов, стоящих выше в социально-экономическом и культурном отношениях). Как показывают материалы наблюдения, синтаксис современного киргизского языка совершенствуется и развивается под благотворным влиянием русского языка» [Могучий фактор национально-языкового развития, 1981: 152 – Подчёркнуто нами. Д.К.].

Что же касается влияния русской лингвистической науки на таковую кыргызскую, то оно проявляется в нашем случае с невыделением специального подтипа сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным. Это не означает, что такого подтипа нет во флективном русском языке – оно там есть, но просто имеет другое обозначение: сложноподчинённое предложение с придаточным изъяснительным: «Придаточное предложение дополнительное см. придаточное предложение изъяснительное» [Розенталь, Теленкова, 1985: 235 - подчёркнуто нами. Д.К]. В свою очередь, сложноподчинённые предложения с изъяснительной придаточной частью – это структуры с присловной зависимостью, особенностью которых является обязательная неполнота (структурная и смысловая) главной части, требующей поэтому восполнения своего содержания» [Валгина, 1991:325; Шубина, 2007:22-23]

Однако в кыргызской синтаксической системе имеются такие синтаксические структуры, которые однозначно соответствуют в функциональном плане исходным английским сложноподчинённым предложениям с придаточным дополнительным. Мы уже указывали, что в качестве таких функциональных эквивалентов для английских синтаксических единиц в кыргызском языке.

1) Простые распространённые предложения, однако имеющие в своем составе развернутую группу дополнения;

2) Бессоюзные сложноподчинённые предложения с самыми разнообразными придаточными, которые имели бы в своей глубинной семантике какое-либо указание на объект обозначения;
3) Союзные сложноподчинённые предложения также с самыми разнообразными придаточными, которые имели бы в своей глубинной семантике какое-либо указание на объект обозначения;
4) Сложные предложения смешанного типа с наличием синтактико-грамматической связи сочинения и подчинения, которые имели бы в своей глубинной пропозитивной семантике какое-либо указание на объект обозначения.

Глубинная пропозитивная семантика указания на объект высказывания проявляется только при непосредственной трансформации анализируемого предложения с позиций актуального членения [ср., Почепцов,1971:19-20; Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 22-23; Langacker, 1967: 61-62].

(1) “Аны тез мөөнөттө жогорку жайлоого чыгарып жиберүү тууралуу башкармалыктан буйругу келген” [Кушубеков, 2009].

(2) “Биздин класс жетекчи эжебиздин эң жакшы жана санаттуу билим алуу жөнүндогү сөздөрү оюбуздан такыр кеткеп турду” [Сариев, 2012].

В обоих вышеприведённых кыргызских примерах (1) - (2) употреблены простые распространённые предложения с развёрнутыми дополнительными группами, которые отвечают на вопросы косвенных падежей и требуют после себя объектную семантику: (1): эмне тууралуу башкармалыктын буйручук келди?; (2): эмне жөнүндө ой оюбуздан такыр кетпей турду?

В кыргызских примерах (1) и (2) придаточные дополнительные, стоящие на синтаксическом в препозиции относительно главного, соединяются с данным главным посредством послелогов «тууралуу» [пример (1)] и «жөнүндө» [пример (2)]. Однако данные послелоги исполняют функцию подчинительного союзного слова с семантикой изъяснительности, большей частью совместно с так называемыми именами действия; «жиберүү тууралуу» [пример (1)] и «алуу жөнүндө» [пример (2)]. В современном кыргызском языке выделяется пять форм имени действия. Они образуются от главных

основ при помощи специальных аффиксов: -оо, (-уу), -ыш, -мык (-мыг), -гы [Грамматика киргизского литературного языка, 1987:310 - Подчёркнуто нами.]. Имена действия переводят разряд глагольных процессных имен в разряд имен субстантивно-предметного плана, а субстантивно-предметные имена уже могут в системе кыргызского языка выступать в функциональной позиции изъяснения любого аспекта: как прямого без - послеложного, так и непрямого, косвенно-послеложного.

(3) Өлсөм да кетпей жатам деп,
Өзүм болсо картайдым
[Кожожаш, 1996];

(4) Тас таранганча, той таркайт [посл.].

В кыргызском сложноподчинённом предложении с придаточным цели (3) придаточное вводится посредством деепричастия “деп” и, присоединяясь к главному предложению “өзүм болсо картайдым”, придает всему сложному предложению семантику цели, которая имплицирует также семантику глубинного объекта достижения, т.е. некоторой цели. Таким образом в данном кыргызском сложноподчинённом предложении (3) содержится такая глубинная семантика, которая указывает на объект обозначения.

В другом кыргызском сложноподчинённом предложении с придаточным времени (4) придаточная зависимая часть присоединяется к главной части посредством аффикса -ганча. Здесь реализуется тот вид придаточных времени, “когда сказуемые придаточных предложений времени могут выражаться деепричастной формой с аффиксами -ганча, -гыча ” [Жапар, 1992, ч. II:263]. Однако и здесь, в таком виде предложений, содержится глубинное указание на объект обозначение, т.е. смысл придаточного обусловлен направлением своей семантики для выражения некоторого явления.

Отметим, однако, кыргызские сложноподчинённые предложения с придаточным цели (3) и с придаточным времени (4) относятся в классификации кыргызских сложноподчинённых предложений к подтипу бессоюзных сложноподчинённых предложений – байламтасыз байланыштагы багыныңкы татаал сүйлөм.

(5) Нурадил эрежелерди билген үчүн, мугалим-эже аны мактады [Бейшеналиев, 1985];

(6) Талаадагы алыскы трактор иштен калгандан тартып, колхозчулар жол менен үйлөрдүн астынан ошол талаага кете баштады [Усубалиев, 1991].

В кыргызских примерах (5) и (6) мы имеем подтип союзного сложноподчинённого предложения – байламталуу байланыштагы багыныңкы татаал сүйлөм. При этом в предложении (5) содержится придаточное причины, вводимое союзом “үчүн”, а в предложении (6) – придаточное времени, вводимое союзом “тартып”.

Значение причины в союзе “үчүн” и значение времени в союзе “тартып” поддержано в обоих случаях аффиксом –ген в примере (5) и причастным аффиксом -ган в примере (6), правда в последнем случае данный причастный аффикс употребляется совместно с аффиксом исходного падежа –дан: калгандан .

Однако в обоих примерах (5) и (6) имплицируется глубинная семантика направленности к достижению некоторого явления, в примере (5) – это имплицирование к пониманию, к познанию, к познанию каких-либо правил, а в примере (6) – это имплицирование к направленности действия группы людей. То есть в обоих случаях имеет место глубинно-имплицитная реализация некоторого смысла объектной ориентированности.

(7) Кыйла тоону кыдырып,
кыйналды менин жаным – деп,
муну менен токтолбой,
жолочу болуп Алабаш,
кайра баштан жол алды
[Кожожаш,1996].

В примере (7) содержится сложное предложение смешанного типа с синтаксическими связями сочинения и подчинения – аралаш татаал сүйлөм, состоящее из двух составных частей:

(7)-1/: Кыйла тоону кыдырып,
кыйналды менин жаным – деп,

(7)-2/: муну менен токтолбой,
жолочу болуп Алабаш,
кайра баштап жол алды.

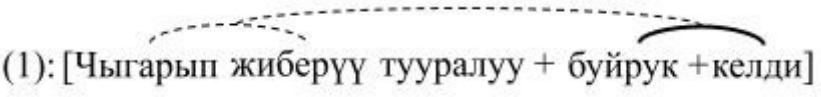
В первой составной части (7)-1/ мы имеем сложносочинённое предложение бессоюзного подтипа, соединённое воедино синтаксической связью сочинения. В то же самое время во второй составной части (7)-2/ мы имеем сложноподчинённое предложение бессоюзного подтипа, в которой придаточное образа действия вводится – аффиксом с семантикой образа действия –бой, который подчиняет придаточное главному предложению “кайра баштап жол алды”.

В данном сложном кыргызском предложении смешанного типа (7) также, как и в предыдущих примерах (1) – (6), содержится скрытное имплицитное указание на ориентированность всего смысла сложного предложения к некоторой объектности, к некоторой дополнительности, которая в более или менее неявной форме реализуется в главной части всего сложного смешанного предложения “кайра баштап жол алды”.

Однако рассмотрим предикативные структуры некоторых из вышеприведенных кыргызскоязычных предложений, которые мы посчитали в аспекте плана содержания аналогичными исходным английским союзным сложноподчинённым предложения, однако с непременным условием того, что в ракурсе обратного перевода, они приобретут при семантико-грамматической трансформации семантику грамматической дополнительности, т.е. будут эквивалентны английским союзным сложным предложениям с придаточным дополнительным.

Так, в примере (1) мы имеем кыргызское распространённое простое предложение с развернутой посложной группой дополнения “аны тез мөөнөттө жогорку жайлого чыгарып жиберүү тууралуу”. Если субъектно-предикатная структура всего данного предложения конституируется в лексемах “буйрук(гу)” + “келген”, то в некотором смысле и в послеложной группе дополнения также усмотреть наличие свёрнутого безличного предложения, в котором основную семантическую нагрузку несёт имя действия “жиберүү”. Предметно-сказуемостное имплицитное значение скрыто в данном имени действия, а субъектно-подлежащестная семантика скрыта в эксплицитно-отсутствующем существительном со значением лица-деятеля, но имплицитно такое значение вытекает из всего смысла дополнительной группы (группы дополнения). И потому субъектно-предикатную структуру

означенного кыргызского простого распространённого предложения с развёрнутой дополнительной группой можно представить последующим образом:

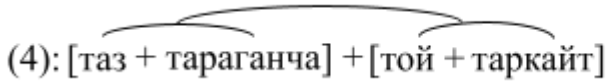


Таким образом, в примере (1) мы имеем простое распространённое предложение, в котором субъект-подлежащее “буйрук” и предикат-сказуемое “келди” связываются полной предикацией, а в группе дополнения содержится имплицитная предикация свёрнутого типа; вся же пропозиция данного простого предложения может быть представлена как пропозиция незавершенного типа, поскольку в группе дополнения содержится свёрнутая предикация.

Полная предикация вкупе со свёрнутой в группе дополнения в простом распространённом предложении в кыргызском примере (1) обусловливает функционирование незавершённой пропозиции, которая являет собой высокую степень предикации, действенную для смысла всего простого распространённого предложения. [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972: 303; Cresswell, 1973:114].

Однако в кыргызских сложноподчинённых предложениях также имеет место завершённая пропозиция, которая мотивируется двумя факторами: во-первых, в обеих составных частях имеет место полная предикация, а, во-вторых, подчинительная связь между главным и придаточным осуществляется разнообразными союзами, союзными словами и аффиксами, которые принимают на себя функцию подчинительно-изъяснительного союза, релевантную, к примеру, для английского языка.

В кыргызском сложноподчинённом предложении (4) с придаточным времени, функцию подчинения придаточного “таз тараганча” главному предложению исполняет аффикс -ганча со значением темпоральности. В обеих составных частях имеет место полная предикация, а, следовательно, имплицируемая ими пропозиция является завершённой, но никак не событийной, поскольку в обеих составных частях нет какого-либо второстепенного члена предложения



5.4. Структурно-семантическое сопоставление английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных соответствий

Структурно-семантическая характеристика английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным в основных своих чертах можно охарактеризовать: придаточное в их составе отвечают «…на вопросы косвенных падежей, выступают в качестве описательной замены отсутствующих в главном предложении дополнения» [Розенталь, Теленкова, 1985:236; Filipovic, 1975:64].

Однако в германском английском языке тип сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным имеет иллюзорные моменты псевдопересечения и псевдосовпадения со внешне сходными, но семантически различающимися явлениями. Так, в английском языке придаточное дополнительное (Object Clauses) представляется функционально подобным сложному дополнению (Complex Object). Но дело обстоит не так. Они есть суть разных явлений. Во-первых, английское сложное дополнение имеет в своём составе одну из неличных форм глагола: инфинитив, причастие настоящего времени или причастие прошедшего времени, в то время как придаточное дополнительное имеет в своём составе личную форму глагола; во-вторых, неличная форма глагола не обусловливает в сложном дополнении предикацию, в то время как личная форма глагола обусловливает в придаточном дополнительном действие предикации.

В прошлом параграфе нашей работы мы обоснованно и методологически правомерно предположили, что отсутствующая в кыргызском синтаксисе структура сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным может иметь семантико-синтаксические выражения в других синтаксических формах, а именно:

I) в форме простого распространённого предложения с развёрнутой группой дополнения (дополнительной группой или объектной группой);

II) в форме бессоюзного сложноподчинённого предложения с самыми различными придаточными, но только чтобы последние имели бы в своей глубинной семантике имплицитное указание на какой-либо объект или объектную группу;

III) в форме аналогичного же кыргызского сложноподчинённого предложения, но только союзного подтипа;

IV) в форме смешанного сложного предложения с наличием синтаксической связи сочинения и подчинения.

В кыргызском же синтаксисе, так же как и в английском, между вышеназванными формами выражения синтаксических отношений, имеются пересечения и частичные функциональные "перекрытия" друг друга. О данных пересечениях мы будем докладывать в процессе лингвистического анализа материала.

Присоединение английских придаточных дополнительных предложений к главному в составе сложноподчинённого происходит, в сущности, многими способами – в английском языке для этой цели служат подчинительно-изъяснительные союзы и союзные слова: *that, whether, if, who, whose* и др., а также бессоюзный способ с опущением союза *that*. Например:

(1) "Mrs. Dolly saw that he was displeased" [Welch, 2004].

(2) "He said it opened his pores" [Leacock, 2014].

В английском примере (1) придаточное предложение стоит в постпозиции по отношению к главному и соединяется с ним посредством подчинительно-изъяснительного союза *that*. В английском примере (2) данный подчинительно-изъяснительный союз *that* опущен, но его наличие подразумевается имплицитно, данный союз как бы присутствует в понятийной структуре сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным [Беляева, 1977:276; Whorf, 1956:88-89].

Однако переведём английский пример (1) на кыргызский язык и посмотрим, как будет выглядеть семантика англоязычной дополнительности в кыргызском:

(1)-1) Долли айым анын жини келип жатканын көрүп жатты. [Перевод наш. Д.К.].

В кыргызском языке английское придаточное дополнительное передаётся развёрнутой дополнительной группой, но однако в составе простого распространённого предложения "анын жини келип жатканын".

Переведём на кыргызский язык английское сложноподчинённое с придаточным дополнительным:

(2)-1) Ал такай өзүнүн ден соолугу жөнүндө айтып калчы эле. [Перевод наш. Д.К.].

В кыргызском переводе английского сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным английская придаточная часть it opened his pores передана дополнительной группой "өзүнүн ден соолугу жөнүндө" – см. пример (2)-1/. Отметим, что при этом данная кыргызская дополнительная группа как бы по своему тяготению близка к придаточному изъяснительному, но всё же в кыргызском синтаксисе таковой не является, поскольку она является развёрнутой послеложной группой с послелогом "жөнүндө", и данная группа вся целиком исполняет функцию дополнения.

Таким образом, на данном промежуточном этапе сравнительного изучения типа английских сложноподчинённых предложений и их кыргызских функциональных соответствий можно констатировать, что в качестве таких соответствий для исходных английских синтаксических единиц могут выступать в кыргызском и простые распространённые преддожения, но однако с наличием в своём составе развёрнутой группы дополнения (дополнительной группы).

Рассмотрение предикативно-пропозитивной стороны сопоставляемых явлений показало, что изменение в плане выражения только в некоторой степени изменяет план содержания сравниваемых синтаксических единиц.

Так, в обоих английских сложноподчинённых с придаточным дополнительным в примерах (1) и (2) наличествует полносоставная субъектно-предикатная структура, правда, в примере (2) эксплицируется формальное подлежащее it. И именно наличие данного формального подлежащего обусловливает свёрнутости предикации и незавершённости пропозиции

(1): [Mrs. Dolly + saw] that [he + was displeased]

(2): [he + said] (that) [it + opened his pores]

И только в редких случаях при употреблении that, данный подчинительный союз может опускаться, но это уже признак разговорного стиля английского языка. [ср.: Беляева, 1977:276].

Как явствует из аналогичного анализа фактического материала, в английском синтаксисе предикации на уровне составного предложения сложноподчинённых с придаточным дополнительным могут быть как полными, так и завершёнными и, соответственно, также и пропозиции на уровне всего сложного предложения могут быть как завершёнными, так и незавершёнными.

В кыргызских же переводных предложениях функциональными соответствиями для английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным выступают простые распространённые предложения с развёрнутой группой дополнения – в примере (1)-1/ - это “анын жини келип жатканын”, а в примере (2)-1/ - это “өзүнүн ден соолугу жөнүндө”. Эти дополнительные группы занимают в соответствии с агглютинативной синтактико-морфологической системой кыргызского языка интерпозицию в структуре предложения-высказывания. Предикативно-пропозитивное строение означенных кыргызских простых распространённых предложений может быть схематизирована последующим образом:

В кыргызских простых распространённых предложениях (1)-1/ и (2)-1/ мы наблюдаем на уровне всей синтаксической структуры предложения пропозицию незавершённого типа, на её незавершенность оказывает влияние дополнительная группа, которая имеет в своем семантическом составе имплицитную предикацию свёрнутого типа. Данная дополнительная группа, соединяясь с предикатом всего предложения, предопределяет общую незавершённость пропозиции.

(3) “I remembered, the cat had been hung in a garden adjacent to the house” [Poe, 1984].

(3)-1/ Мен ал мышыкты муунтуп өлтүрбодум беле, үйдүн жакында оснөн бактып дарагына жипке байлап илип койбодум беле деп, менин оюма кокустан түшүп кетты [Перевод наш. Д.К.].

(4) You evidently guess that a love affair will ensue between the boy lieutenant and the peerless girl with the broad feet [Leecock, 2014].

(4)-1/ Татынакай жаш аялдын жана жаш лейтенанттын ортосунда сүйүү жалындап калганда, сиз аны балким түшүнгөндөй болдуңуз. [Перевод наш. Д.К.].

В английском примере (3) представлено сложноподчинённое предложение с придаточным дополнительным, в котором придаточное подчиняется главному посредством значимого опущения подчинительного союза that. Когда имплицитное значение данного союза опускается до нулевого, но все же имплицитно значимого уровня [ср.: Беляева, 1977:276; Сыдыков, Акжолова, 2007:62-63]

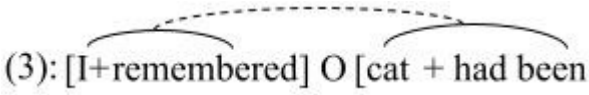
В английском примере (4) представлено сложноподчиненное предложение, в котором придаточное вводится подчинительно-изъяснительным союзом that.

В обоих случаях данные исходные английские сложноподчиненные предложения имеют в кыргызском языке переводные функциональные соответствия, также в виде сложноподчиненного предложения, только однако бессоюзного подтипа.

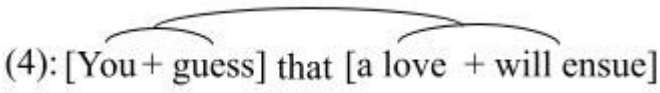
В сложноподчинённом кыргызском предложении (3)-1/ придаточное условное (никак не дополнительное) присоединяется к главному посредством условной частицы “беле” в сочетании с деепричастием “деп”, образование от глагола “де” – говорить. В сложноподчинённом же кыргызском предложении (4)-1/ придаточное предложение времени (опять же никак не дополнительное) вводится при помощи причастного аффикса -ган в сочетании со словом с временным значением в местном падеже “калганда”.

Что же касается предикативно-пропозитивного строения английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным, то здесь следует иметь ввиду, что в их составных частях обыкновенно реализуется полная предикация, когда имеется в наличии полносоставная субъектно-предикатная структура [Sub+Pred]. Но пропозиция же, однако, может имплицироваться как незавершённого типа, так и завершённого.

Так, предикативно-пропозицивное строение английского сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным (3) имеет полносоставные субъектно-предикатные структуры, но однако тип незавершённой пропозиции. На незавершённость пропозиции в масштабе всего сложноподчинённого влияет хотя бы и “значащее”, но всё же отсутствие подчинительного-изъяснительного союза that, т.е. его “нулевое” присутствие.



В английском сложноподчинённом предложении (4) в его обеих составных частях – в главном предложении и в придаточном-дополнительном – можно констатировать наличие полнозначной субъектно-предикатной структуры, а вместе с этим также имплицитно завершённой пропозиции.



Завершённость пропозиции в английском сложноподчинённом предложении (4) обусловливается не только полной предикацией его обеих составных частей, а также и тем, что между ними эксплицируется подчинительно-изъяснительный союз that, который как бы задаёт "тему" или точку отсчета для семантической последовательности состава придаточного предложения [см.: Москальская 1978:75; Блох, 2006:17].

Что касается предикативно-пропозитивного строения кыргызских бессоюзных сложноподчинённых предложений в примере (3)-1/ с придаточным условным и в примере (4)-1/ с придаточным времени, то здесь следует отметить, что кыргызские деепричастные формы, а также аффиксы падежных окончаний в полной мере выполняют функцию соответствующего по значению союза. Так, в примере (3)-1/ деепричастная форма "деп" от глагола "де" выполняет функцию указания на некоторое условие, предшествующее главному предложению; а аффикс местного падежа в сочетании с лексемой в темпоральном значении "калган+да" указывает на время действия в придаточном предложении, иными словами как бы выполняет семантическую функцию временного кыргызского союзного словосочетания "ошол мезгилде".

И потому, можно констатировать, что кыргызские бессоюзные сложноподчинённые предложения с различного вида придаточными, в своём общем пропозитивном значении соответствующим английским придаточным дополнительным, обладают полносоставной предикативной, а также и пропозитивной структурой.

(3)-1/:[мен + илип койбодум беле] деп [оюма + түшүп кетти]

(4)-1/:[сүйүү + жалындап] калганда [сиз + түшүнгөндөй болдуңуз]

(5): The secretary told us what we must arrange our affairs [Boven, 1998].

(5)-1/: Катчы бизге айтты, кантип биз өзүбүздүн иштерибизди уюштурушубуз керек [Перевод наш. Д.К.].

В английском примере (5) представлено английское союзное сложноподчинённое предложение с придаточным дополнительным, вводимым союзом what. В кыргызском переводном варианте ему функционально соответствует аналогичное же сложноподчинённое предложение, но только не с придаточным дополнительным, а с придаточным образа действия.

Несмотря на различия в семантике придаточных предложений: в английском сложноподчинённом с придаточным дополнительным в примере (5) и в кыргызском сложноподчинённым с придаточным образа действия в примере (5)-1/ –, они оба проявляют схожий контекстный смысл [ср.: Верховская, 1980:8; Suchsland, 1971:194]. Сближение контекстного смысла обусловливает у обоих сложноподчинённых в английском и в кыргызском примерах подобную предикативно-пропозитивную структуру, а именно полную предикацию в обеих составных частях и, соответственно, завершённую пропозицию.

(5): [the secretary + told] what [we + must arrange]

(5)-1/:[катчы + айтты] кантип [биз + уюштурушубуз керек]

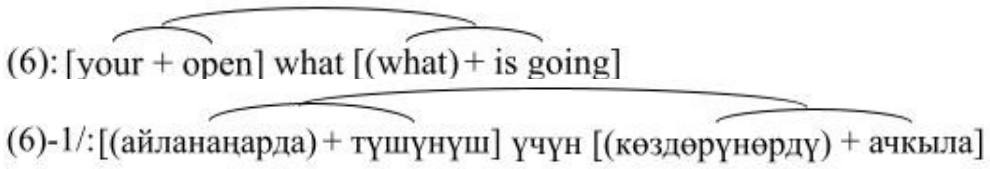
(6) “Open your eyes to what is going on about you” [Twain, 2013].

(6)-1/: Айланаңарда эмне болуп жатканын түшүнүш үчүн, көздөрүңөрдү чоң ачкыла [Перевод наш.Д.К.].

Аналогичным образом, как и в примерах (5) и (5)-1/, в приводимых выше примерах мы имеем в английском и кыргызском языках, разные типы придаточных предложений: в английском (6) придаточное дополнительное, а в кыргызском (6)-1/ придаточное причины.

Но однако смысловое сближение данных на первый взгляд разнопорядковых придаточных: английского дополнительного и кыргызского причины – обусловлено аглютинативным грамматико-типологическим строем кыргызского языка, в котором в одной словоформе “айланаңарда” содержатся два аглютинирующих аффикса: “-ңар”, указывающих на 2-е лицо с семантикой принадлежности, и “-да” – на значение местно-грамматического падежа. И при этом значение 2-го лица множественного числа как бы выступает на передний план, актуализируя синтаксическую семантику подлежащего [ср.: Дыйканов, 1995:78-79].

При таком толковании и понимании смысловой стороны кыргызского сложноподчинённого предложения с придаточным причины (6)-1/ можно констатировать сходность предикативно-пропозитивного строения английского и кыргызского сложноподчинённых предложений, имплицирующих полные предикации своих составных частей и, соответственно, завершённую пропозицию.



В английском примере (6) подчинительно-изъяснительный союз what исполнят две синтаксические функции: во-первых, он является подчинительным союзом, а во-вторых, он выполяет роль подлежащего в придаточном предложении.

В кыргызском примере (6)-1/ подлежащее в виде 2-го лица множественного числа содержится в словоформах “айланаңарда” и “көздөрүнөрдү”. Но хотя подлежащее и не выражено эксплицитно, но оно всё же наличествует в имплицитной форме.

В обоих сравниваемых языках, английском и кыргызском, для адекватного оформления материально-звуковой стороны типа сложноподчинённых предложений используют определённые интонационные явления. Интонация, представляя в статике «… единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра высказывания» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:197], в

то самое время представляет в динамике акустические «…взаимосвязанные изменения частоты основного тона, развёртывающиеся во времени» [цит.соч.:198].

Учёные-типологи, изучающие вопросы типолого-сопоставительного структурирования фонетико-фонологической стороны языков, сходятся во мнении, что основой сопоставления должны стать «конкретные физические акустико-артикуляторные единицы», в качестве которых предлагается единица» синтагмы: «Таким образом, единицей синтагмы интонационного членения мы будем считать отрезок речевой интонации от начала движения тона до его завершения, чаще всего ограниченный паузой, состоящий из предударной части, шкалы и завершения, накладывающиеся на одну смысловую группу» [Аракин, 1989:83. – Подчёркнуто нами. Д.К.; Буранов, 1983:67-68; Каспранский, 1986:5-6; Нотп, 1966:92-93].

Большей частью «единица синтагмы» в «одну смысловую группу» как «отрезок речевой ситуации» совпадает в нашем случае с основой составного предложения: главного и придаточного. Английская интонация в сложноподчинённых предложениях, в нашем случае с придаточным дополнительным, характеризуется релевантным переходом на стыке главного и придаточного предложений. «Синтагмы этого подтипа представлены незавершённой интонацией незаконченных предложений, предшествующих другому предложению, в том числе и придаточных, следующих за главным предложением» [Аракин, 1989:85]. Движение частоты основного тона затрагивает две интонации из двух синтагм в главном предложении и в придаточном дополнительном в структуре английского сложноподчинённого предложения [примеры (1) – (6)]:

Синтагмы ГП: ровный тон – некоторое восхождение тона – дальнейшее восхождение тона – некоторое нисхождение тона // (пауза) –

Синтагмы ПП: дальнейшее нисхождение тона – ровный тон – некоторое восхождение тона – восходящее завершение тона [Leontyeva, 1980:194-195].

Движение частоты основного тона затрагивает в кыргызском языке также две синтагмы двух составных предложений – придаточного и главного – в структуре сложноподчинённого с придаточным дополнительным:

Синтагма ПП: ровный тон – резкое восхождение тона – ровный тон – резкое нисхождение тона // (пауза) Синтагма ГП: ровный тон – некоторое восхождение тона – резкое завершение тона [Сыдыков, 1990:132-133].

Таким образом, интонационное оформление сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным в английском и с различными видами придаточных в кыргызском различается артикуляторно-акустическим расхождением на стыках синтагм между составными частями сложноподчинённых предложений: если в английском это некоторое нисхождение тона в завершение одной синтагмы и после некоторой паузы дальнейшее нисхождение тона, то в кыргызском – это резкое нисхождение тона в завершение одной синтагмы и после некоторой паузы начало последующей синтагмы с ровного тона.

Однако в кыргызском языке можно наблюдать и расхождение в конституировании понятийно-смысловой структуры сложного предложения с разного рода придаточными в отличие от сложноподчинённого в английском.

Например, английские союзные сложноподчинённые предложения с придаточным дополнительным могут быть переданы в кыргызском синтаксисе и сложными предложениями смешанного типа, в которых имеются как сочинительные, так и подчинительные связи. Например:

(7) Goody Cloyse knew that they would search the area where they had lost him [Hawthorne, 1984].

(7)-1/ Клойс эже билген, кандай түрдө алар аны көрбөй калып жоготуп жибергенин, бирок алар бүтүн районду текшерип издешет го деп, ойлогон [Перевод наш. Д.К.].

Английское сложноподчинённое с придаточным дополнительным в примере (7) может быть передано в кыргызском синтаксисе сложным предложением смешанного типа (7)-1/, в котором в одну сложную структуру соединены предложения сложноподчинённого типа с придаточным образа действия “Клойс эже билген, кандай түрдө алар аны көрбөй калып жоготуп жибергенин” и предложение сложносочинённого типа с противительным союзом “бирок” “бирок алар бүтүн районду текшерип издешет го…”.

В английском примере (7) мы имеем полные предикации составных частей и, соответственно, завершённую пропозицию:

(7): [Goody Cloyse + knew] that [they + would search…]

В кыргызском же переводном функциональном соответствии дело обстоит несколько иначе, здесь имеются три субъектно-предикатные структуры, и все они имплицируют полную предикацию. И, следовательно, пропозиция в (7)-1/ представлена своим наивысшим уровнем – событийной пропозицией.

(7)-1/: [Клойс эже + билген, ойлогон] кандай түрдө [алар + жоготуп жиберген] бирок [алар + издешет]

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ V

§ 1. Сложноподчинённые предложения были расклассифицированы нами, исходя из принципа функционально-грамматического подразделения придаточных в английском и кыргызском, как выполняющие функцию одного из членов предложения: подлежащего, сказуемого, дополнения, определения или обстоятельства. Хотя наличие в кыргызском языке придаточного подлежащего и придаточного сказуемого «юридически», а именно, теоретико-лингвистически, не оформлено, но фактическое наличие таковых – в качестве функционального соответствия для исходных английских придаточных дополнительных – не вызывает ни малейшего сомнения.

На первом этапе нашего сопоставительного изучения сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным мы очертили круг фактического материала из обоих сравниваемых языков и изучили структурно-грамматические подчинительные связи придаточного главному в их составах.

На втором этапе мы проанализировали содержательную сторону английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным, а также их кыргызских функциональных соответствий, в каждом языке по-отдельности, на предмет выявления их предикативной сущности на уровне составных частей и их пропозитивной сущности на уровне смысла всего сложного предложения.

На последнем третьем этапе мы самым непосредственным образом сравнили сопоставительно- типологически содержательные предикативные и пропозитивные структуры английских предложений и их кыргызских функциональных соответствий -

сложноподчинённых предложений на предмет выявления сходных и различающихся моментов.

§ 2. Английские сложноподчинённые предложения с придаточным дополнительным отвечают на вопросы косвенных падежей без предлогов и с предлогами и представляют собой в структурно-семантическом отношении расширенную замену отсутствующего в главном предложении дополнения. Английское придаточное предложение может присоединиться к главному посредством подчинительно-изъяснительного союза *that* или посредством других союзных слов, или даже напрямую без употребления союза *that*, который в силу аналитичности английского синтаксиса может быть опущенным.

Двусоставной характер элементарного английского предложения, а именно, обязательное наличие подлежащего и сказуемого, предопределяет полносоставную субъектно-предикатную структуру, которая, в свою очередь, вызывает к лингвистической действительности полнозначную, полную предикацию в каждой из составных частей английского сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным. Полные предикации, реализующиеся на уровне предикативных отношений в структуре составных предложений в составе сложного: главное и придаточное дополнительное – трансформируются при их соединении в одно структурно-семантическое целое в предикативное отношение более высоко абстрагированного типа – в завершённую пропозицию. Данная завершённая пропозиция характерна для сложноподчинённых предложений, в которых понятийно-смысловая связь между составными предложениями более совершенная и более тесная, чем понятийно-смысловая связь между составными предложениями в типах сложных предложений: бессоюзном сложном и в сложносочинённом, – в которых аналогичные пропозитивные отношения характеризуются как незавершённые, так и завершённые.

§ 3. В кыргызской лингвистической науке особо не выделяется наличие подтипа сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным. Но изучение кыргызскоязычного фактического материала в сопоставлении с исходным английским показывает, что подобные имеются в кыргызском синтаксисе, в котором они выражают расширенное обозначение объективированного предмета речи, номинация которого не содержится в главном предложении.

Уже предварительные наблюдения показали, что, хотя сложноподчинённые с придаточными дополнительными специально и особо в кыргызском языке не выделяются, как это имеет место быть в англистике, но всё же их сущность может быть передана в кыргызском языке другими синтаксическими способами.

Во-первых, английским сложноподчинённым предложением с придаточным дополнительным в кыргызском языке может соответствовать простое распространённое предложение с развернутой группой.

Во-вторых, это могут быть кыргызские сложноподчинённые предложения как бессоюзного, так и союзного подтипа с разнообразными придаточными, но только с непременным условием наличия глубинной семантики с указанием на некоторую объектность.

И, в-третьих, это могут быть сложные предложения смешанного типа, которые в кыргызском синтаксисе являют собой органичное соединение синтаксических связей сочинения и подчинения.

Данные кыргызские функциональные соответствия английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным имеют в своей структуре в качестве связующе-подчинительных элементов послелоги с дополнительно-объектным значением, а также аффиксы имён действий, которые переводят глагольные формы в объективированные субстанциональные имена.

§4. Составные части кыргызских функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным показывают в своём семантическом строении как полную предикацию, так и предикацию свёрнутого вида. И поэтому общее содержание кыргызского функционального соответствия для английского сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным на уровне всей понятийно-смысловой структуры могут выражать оба типа пропозициональных структур: как завершённой пропозиции, так и пропозиции событийной. Последний тип пропозициальной структуры имеет место в тесно спаянной семантике кыргызских сложноподчинённых предложений и отображает сложные связи внеязыковой речевой ситуации.

Английские сложноподчинённые предложения с придаточным дополнительным и их кыргызские функциональные соответствия имеют сходства в реализуемой семантике: они одинаковым образом реализуют в своих придаточных расширенное описание

объективированного предмета речи. В английском сложном предложении придаточные дополнительные присоединяются к главному посредством изъяснительных союзов и союзных слов, а также путем опущения союза *that*; в кыргызском же сложном предложении придаточные со сходной семантикой присоединяются к главному посредством разнообразных подчинительных союзов “анткени, себеби, үчүн”, а также посредством различных подчинительных послелогов и аффиксов.

В английском сложноподчинённом предложении с придаточным дополнительным реализуется только завершённая пропозиция на уровне всего смысла сложного предложения, поскольку его составные части всегда содержат только полносоставные субъектно-предикатные структуры и выражают только полные предикации.

В кыргызском сложном предложении с разнообразными придаточными также реализуется заверщённая пропозиция, детерминированная полной предикацией его составных частей; но также может быть реализована и завершённая пропозиция, которая детерминируется свёрнутой предикацией одной из его составных частей.

Однако можно провести структурно-семантические схематические парраллели между проанализированными исходными английскими и кыргызскими синтаксическими структурами.

Таблица № 4. Сопоставления подтипа английского сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным и его функциональных соответствий в кыргызском языке

Английский язык	**Кыргызский язык**
3 - 1: Сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным	1.Простое распространенное предложение с развернутой группой дополнения 2. Сложноподчинённое предложение А. Бессоюзное сложноподчиненное предложение (с глубинной семантикой дополнительности) Б. Союзное сложноподчиненное предложение (с глубинной семантикой дополнительности) 3. Сложное предложение смешанного типа с синтаксическими связями сочинения и подчинения(с глубинной семантикой дополнительности)

ГЛАВА VI. СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В КЫРГЫЗСКОМ

6.1. О методике сопоставительно-типологического анализа английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным и их функциональных соответствий в кыргызском языке

Сложноподчинённые предложения с придаточным определительным представляют в английском языке сложную синтаксическую структуру с тесно спаянными составными частями, они определяют смысл всего главного предложения или значение какого-либо отдельного предметного обозначения, «они содержат характеристику предмета или раскрывают его признак» [Валгина, 1991:319; Краснов, 2018:153].

В английских сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным, подчинённая придаточная часть стоит бóльшей частью после определяемого главного предложения или же после определяемого слова главного предложения, т.е. всегда находится в постпозиции по отношению к определяемой сущности. Например:

(1) “Following her, they passed through the fine Tudor hall into the library, a long, law room, paneled in black oak, at the end of which was a large stained-glass window” [Wilde, 2014].

(2) “Children who live by the sea usually begin to swim at an early age” [Armstrong, 1992].

В английском примере (1) придаточное определительное, введённое сочетанием относительного местоимения с предлогом *of which*, стоит после всего определяемого главного предложения, а в английском примере (2) придаточное определительное вводится относительным местоимением *who* и стоит после определяемого слова *children*, т.е. в обоих случаях придаточные определительные стоят в постпозиции к определяемым: либо предложению, либо слову.

Смысловая сторона придаточного определительного в английском языке имеет некоторые особые моменты: она (смысловая сторона) имеет две отнесенности: относится либо ко всему главному предложению целиком, либо только к одному именному члену в составе главного. Например:

(3) “The fresh gloss at the soul, so early lost, and without which the world’s successive scenes had been but a gallery of faded pictures, again threw its enchantment over all their prospects” [Hawthorne, 2013].

(4) “The nature of my avocations, for the last thirty years, has brought me into more than ordinary contact with what would seem an interesting and somewhat singular set of men, of whom, as yet, nothing, that I know of, has ever been written – I mean, the law – copyists, or scriveners” [Melwille, 1984].

В английском сложноподчинённом предложении (3) придаточное определительное вводится составным местоимением *without which* и относится ко всему главному предложению, стоящему в препозиции к нему. В этом случае придаточное определительное *and without which the world’s successive scenes had been but a gallery of faded pictures* служит добавочным определением к существительному главного предложения *the soul*, «…смысл которого ясен полностью и без придаточного; если обособленное придаточное определение выбросить, то существительное главного предложения всё равно будет достаточно определено и без него» [Грузинская, Черкасская, 1956:220; см. также: Anderson, 1971:77].

Такой вид придаточного определительного, которое относится ко всему главному предложению, может быть выделено в отдельное предложение или вовсе может быть опущено без никакого ущерба для смысла главного предложения, имеет в англистике разнообразные обозначения: «обособленное придаточное определительное» [Грузинская, Черкасская, 1956:220], «описательное придаточное определительное» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:327; Беляева, 1977:277].

В английском сложноподчинённом предложении (4) придаточное определительное присоединяется к главному посредством союзов относительного местоимения с предлогом *of whom*, оно относится к словосочетанию *set of men* и связано с ним тесной определительной семантической связью, оно «…не может быть опущено без нарушения смысла главного предложения» [Беляева, 1977:278; Guchman, 1976:18].

Такой вид придаточного определительного, которое относится к именному члену главного предложения и при опущении которого «…смысл главного предложения

становится неясным» [Грузинская, Черкасская, 1956:229], имеет в англистике также различные обозначения: «ограничительное придаточное определительное» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:324; Имашева, 2007:44] «необособленное придаточное определительное» [Грузинская, Черкасская, 1956:220], «индивидуализирующее придаточное определительное» [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:63].

Мы будем использовать два термина для обозначения придаточных определительных: «описательное придаточное определительное» для придаточных, относящихся ко всему главному предложению, и «ограничительное придаточное определительное» для придаточных, относящихся к какому-либо одному именному члену предложению в составе главного предложения – ввиду их общепонятности и общеупотребительности не только по отношению таковых в английском языке, но также и в кыргызском.

(5) Жаман катын мүнөзү,
Караңгы түндүн бир өзү [Субанов, 2008].

(6) Үйдүн түбүндө чокоюн көктөп олтурган Ырсаалы төмөндөп этек-жеңин далдактатып келаткан аялы Саклыйды көрүп, көзүн жүлжүйтүп күтүп отурду [Кушубеков, 2009].

В кыргызском теоретическом языкознании, а именно, в теоретическом синтаксисе кыргызском языка, никак не выделялся подтип сложноподчинённого предложения с придаточным определительным [Жакыпов, 1975:154-155; Өмүралиев, 1990:157; Жапар, ч. II, 1992:261-262].

В кыргызском языкознании широко изучаются различные типы отношений, существующие в словосочетании, простом и развёрнутом: предикативные, дополнительные и атрибутивные (определительные). Но они не выходят за рамки грамматического словосочетания: определение+определяемое – при трактовке данного явления, и поэтому не затрагивают сущности придаточного определительного [Сапарбаев, 1997:81-82; Токоев, Чолпонбаев, 2012:15-16].

В кыргызском примере (5) вторая определяющая часть простого распространённого предложения “Караңгы түндүн бир өзү” стоит в несколько необычном для кыргызской

определительной группы постпозитивном, относительно основной поясняемой части предложения, положении; и оно может быть опущено безо всякого ущерба для смысла основной части предложения.

В кыргызском примере (6) имеется развёрнутое определение, которая ссостоит из определительной группы “Үйдүн түбүндө чокоюн көктөп олтурган” с завершающим причастием на “-ган". “В функции определения причастие... может функционировать в качестве развёрнутого определения того или иного субстантивированного конструктивного члена предложения, являясь всего лишь пояснительным членом”. [Мусаев, 1987:66].

Таким образом, уточнение корпуса английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным и их кыргызских функциональных соответствий как с позиций практики языка, так и его теории, является первым этапом нашего сопоставительно-типологического изучения данного подтипа английских сложноподчинённых предложений и их кыргызских эквивалентов.

На втором этапе мы рассмотрим понятийно-смысловую сторону английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным и их кыргызских функциональных соответствий на предмет соотношения их предикативных отношений в составах их непосредственно составляющих, с отношениями пропозитивными, свойственными семантике всего английского сложноподчинённого предложения и его кыргызского эквивалента. Такое рассмотрение будет на данном этапе проводиться по-отдельности в каждом из сравниваемых языков. Например:

(7) “He had also to think of Sibil’s father and mother, who were rather old-fashioned people, and might possibly object to the marriage if there was anything like a scandal” [Wilde, 2014].

В английском сложноподчинённом предложении с описательным придаточным определительным, введённом относительным местоимением *who*, главным можно считать *He had also to think of Sibil’s father and mother*, а придаточным *who were rather old-fashioned*… Всю остальную часть сложного предложения мы не рассматриваем, поскольку в этом случае само придаточное определительное выступает в качестве главного для другого придаточного условия. Но именно этот факт, что данное придаточное

определительное выступает в качестве главного для другого придаточного, подтверждает наше мнение, что оно является описательным и относящимся к своему главному *he had also to think of Sibil's father and mother*; поскольку оно может быть опущено без никакого ущерба для смысла данного главного и может функционировать самостоятельно, даже в качестве главного предложения для другого придаточного условия, вводимом подчинительным союзом *if*.

В обоих анализируемых составных предложениях сложноподчинённого предложения с придаточным определительным, главном и подчинённом придаточном, наличествуют полносоставные субъектно-предикатные структуры: в главном [he+had to think] и в придаточном [who+were old-fashioned people]. При этом в описательном придаточном определительном в качестве субъекта-подлежащего выступает само относительное местоимение who, которое, таким образом, выполняет троякую функцию: 1. Соединяющего относительного местоимения; 2. Подчинительного союза и 3. Субъекта-подлежащего придаточного определительного предложения.

Таким образом, полносоставные субъектно-предикатные структуры составных предложений сложноподчинённого предложения в английском примере (7) обусловливают не только полную предикацию данных составных частей, но также и завершённую пропозицию как высшую степень предикации, присущей всему смыслу сложного предложения, именно завершённый характер пропозиции «…даёт возможность многим исследователям рассматривать пропозицию как базовую когнитивную единицу хранения информации, особую форму репрезентации знаний, играющих основную роль в порождении и интерпретации дискурса» [Пузиков, 2009:10-11].

(8) "Кой оозунан чөп сындырба<u>ган</u> момун Дайырбек аны бир карап эле басып кетти" [Сариев, 2012].

В кыргызском примере (8) мы имеем простое распространённое предложение с развёрнутой определительной группой, последняя соединяется с постпозитивной основной частью предложения посредством аффикса причастия «-ган». Устойчивый характер определительной группы проявляется, во-первых, в том, что она относится к имени существительному – подлежащему всего предложения «момун Дайырбек», во-

вторых, в том, что она не может быть опущена без ущерба для смысла главного предложения – тогда становится неясным, в чём состоит смирный характер Дайырбека (момун Дайырбек), а, в-третьих, в том, что в данной придаточной отсутствует даже формальное подлежащее при наличии сказуемостно-ориентированного глагольного причастия «сындырбаган».

Таким образом, в кыргызском простом распространённом предложении имеется полносоставная субъектно-предикатная структура и, следовательно, полная предикация.

На третьем этапе нашего сопоставительно-типологического исследования мы будем проводить непосредственное конфронтативное сравнение предикативно-пропозитивных структур английских сложноподчинённых предложений с придаточными определительными и их кыргызских функциональных эквивалентов на предмет выявления их сходных и различающихся черт и признаков. Например:

(9) “And that jackass that made the salad at the picnic yesterday, is the brother of the woman with the guitar, or who?” [Leacock, 2013].

(10) “Терең сырдуу кыялга чөмүлүп, өксүгү бардай унутулат” [Сариев, 2012].

В английском примере (9) мы имеем сложноподчинённое предложение с ограничительным придаточным определительным, вводимое относительным местоимением *that*. В кыргызском примере (10) мы имеем однако предложение с придаточным образа действия, которая соединяется с главным посредством деепричастной формы «чөмүлүп». Различие в их структурах заключается в интерпозитивном размещении английского придаточного и препозитивном кыргызского.

Совпадение их семантик заключается в полной предикации составных частей в английском примере (9) и, следовательно, в завершённой пропозиции его смысловой структуры, и в аналогичной предикации придаточного в кыргызском примере (10) и, следовательно, также в завершённой пропозиции его смысловой структуры. При этом обе пропозиции содержат глубинную структуру пояснения определительного качества.

6.2. Структурно-семантическая характеристика сложноподчинённых предложений с придаточным определительным в английском языке

Английское сложноподчинённое предложение с придаточным определительным подразделяется на два вида в зависимости от узости – широты семантики придаточного. Если подчинённое придаточное имеет узкое значение и соотносится только с одним именным членом главного предложения, то оно обозначается нами как ограничительное придаточное определительное.

«Ограничительное определительное предложение тесно связано с тем членом предложения, к которому оно относится, и не может быть опущено без нарушения смысла главного предложения. Ограничительное определительное предложение не отделяется запятой от главного предложения» [Беляева, 1977:278].

Если подчинённое придаточное имеет широкое значение и соотносится со всем содержанием главного предложения, то оно обозначается нами как описательное придаточное определительное.

«Описательные определительные предложения могут быть выделены в отдельное предложение или вовсе опущены без ущерба для смысла главного предложения. Такое определительное предложение обычно отделяется от главного запятой» [Беляева, 1977:277; Davitz, 1964:54].

Приведём некоторые примеры, начнём со сложноподчинённых предложений с ограничительным придаточным определительным:

(1) “Mr Merton was a good deal distressed at the second postponement of the marriage, and Lady Julia who had already ordered her dress for the wedding, did all in her power to make Sybil break off the match” [Wilde, 2014].

(2) “The society which had the historic experience of following directives generated by Communist party leaders, but never had a tradition of generating its own ideas, was not prepared for active participation in building independent civil society organizations” [Review of the History of Establishment and Development of the NGO Sector, 2006].

(3) “This dogma, practiced by the United States in other countries of the world for the last 50 years, is particularly for the region of Central Asia, with predominantly authoritarian regimes,

comprised of representatives of the bureaucracy, former top and mid-level officials of the Communist Party" [Review of the History of Establishment and Development of the NGO Sector, 2006].

Ограничительное придаточное определительное вводится относительными местоимениями: для обозначений лиц используется *who*, для обозначений предметов *which*, а для лиц и для предметов *that*. Так, в английском примере (1) местоимение who используется для определения лица Lady Julia, в другом английском примере (2) местоимение *which* используется для определения абстрагированного предмета *the society*. В третьем английском примере (3) ограничительное определительное предложение «… вводится путём бессоюзного соединения. Бессоюзное соединение возможно в том случае, если определяемое выражает объект действия глагола-сказуемого придаточного предложения» [Беляева, 1977:278. – Разрядка автора]. В (3)-ем *this dogmas* выражает объект действия глагола-сказуемого придаточного предложения *practiced by*…

Приведём некоторые примеры сложноподчинённых предложений с описательным придаточным определительным:

(4) "Little was said; and our chief embarrassment lay in the yelping's of the dog, who took exceeding interest in our proceedings" [Poe, 2013].

(5) "It is a town", said Judson Tate, "on the coast of a foreign country, of which you know nothing and could understand less" [O. Henry, 2013].

Описательные придаточные определительные присоединяются к главному предложению только относительным местоимениями *who* и *which*; относительное местоимение *that* для введения описательных придаточных определительных обычно не употребляется. Относительное местоимение *who* употреблено в английском примере (4), в котором данное местоимение определяет одушевлённое существо *dog*; в другом английском примере (5) придаточное вводится местоимением *of which* и поясняет абстрагированное явление *foreign country*. В описательных придаточных определительных употребление относительных местоимений *who u which* несколько подобно такому их употреблению в составе сложноподчинённых предложений с ограничительными придаточным определительным, где *who* определяет лица, *a which* предметы.

Видимо, такое сходное употребление относительных местоимений в ограничительных и описательных придаточных определительной связью в английском языке с тем, что «описательные определительные предложения, как и ограничительные, относятся к какому-либо члену главного предложения, но обнаруживают более свободную связь с точки зрения грамматической связи с главным предложением…» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:327; Bolinger, 1977:29].

Понятийно-смысловая сторона английских сложноподчинённых предложений с ограничительным придаточным определительным конституируется своеобразной субъектно-предикатной структурой, которая может быть охарактеризована как полносоставная (но с оговорками) и, следовательно, обладающая полной предикацией. Например:

(6) "I began to see that there is a sort of understanding, a kind of freemasonry, among men who have summer places" [Leacock, 2013].

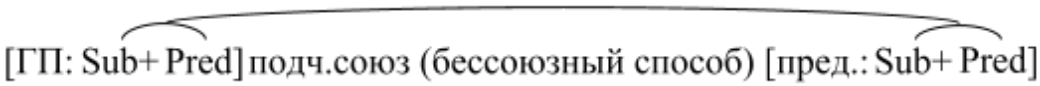
(7) "There was another circumstance, too which interested me much" [Poe, 2013].

(8) "Such is the lessons you have taught me" [Hawthorne, 2013].

Во всех трёх вышеприведённых английских примерах (6), (7) и (8) представлены сложноподчинённые предложения с ограничительным придаточным определительным. Придаточное в примере (6) вводится относительным местоимением *who* и определяет лицо *men*, придаточное в примере (7) вводится относительным местоимением и обозначает абстрагированное явление *circumstance*; в примере же (8) придаточное присоединяется к главному посредством бессоюзной связи. Однако последнее сложноподчинённое предложение (8) имеет в своём составе ограничительное придаточное определительное, присоединённое к главному бессоюзным способом, а именно, путём опущения либо относительного местоимения *who* (определяющего лицо), либо относительного местоимения *which* (определяющего предмет или явление); так, в английском примере (8) опущено местоимение *which*, поскольку определяется явление *lessons* [Беляева, 1977:278; Jespersen, 1982:89].

Во всех трёх английских примерах (6), (7) и (8) понятийно-смысловая сторона представленных в них сложноподчинённых предложений с ограничительным придаточным определительным характеризуется полносоставной субъектно-предикатной структурой их составных частей, а, следовательно, полной предикацией и событийной

пропозицией. Данная понятийно-семантическая формула английского сложноподчинённого предложения с ограничительным придаточным определительным может быть представлена таким образом:



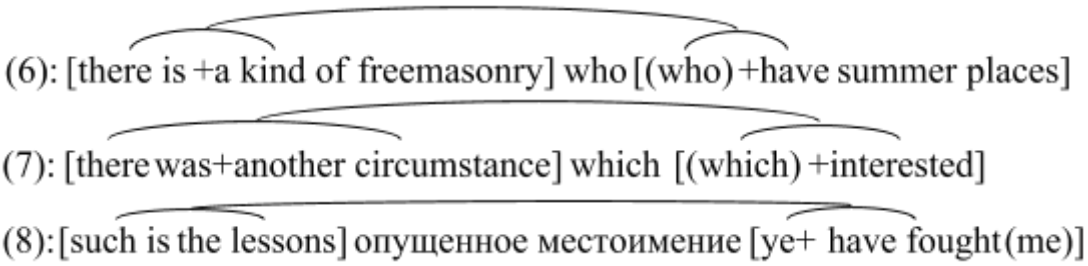
Англ. СПП с:

Напомним, что два сходных символа отличаются друг от друга протяжённостью и значением:

[⌒] – полная предикация (отношение полной предикации),

[⌒] – событийная пропозиция (отношение событийной пропозиции).

Субъектно-предикатную структуру английского сложноподчинённого предложения (6), (7) и (8) можно представить:



Отметим, что во всех трёх примерах (6), (7) и (8) в их главном предложении в препозиции стоит сказуемое, а именно, *there is* [примеры (6) и (7)] и (such) is [пример (8)]. И, соответственно, в постпозиции во всех данных главных предложениях стоит подлежащее, которое во всех трёх случаях конкретным образом поясняется ограничительным придаточным определительным.

Что здесь примечательно, так это двойственная роль относительного местоимения *who* в примере (6) и относительного местоимения *which* в примере (7): с одной стороны, эти местоимения выполняют функцию подчинительного союза, связывая воедино два предложения, главное и придаточное; с другой стороны, они выполняют функцию подлежащего в семантической структуре ограничительного придаточного определительного. Такая двойственная функция означенных относительных местоимений, видимо, обусловлена

релевантным понятийно-семантическим фактором, что часть смыслового центра сообщения предложения-высказывания перемещается «…на определённую знаменательную часть предложения… Следовательно, логическое ударение, технически выделяющее некоторый служебный элемент, тем самым в функциональном плане выделяет соответствующий знаменательный узел в целом» [Блох, 1973:187; Печникова, 1995:22].

В английском сложноподчинённом предложении (8) ограничительное придаточное определительное присоединяется к главному бессоюзным способом, путём опущения относительного местоимения *which*, или *that*. В качестве подлежащего выступает личное местоимение *you*, однако употреблённое в устаревшей поэтической форме ye [Хорнби, 2006:1532].

Субъектно-предикатная структура непосредственных составляющих английских сложноподчинённых предложений с описательным придаточным определительным также характеризуется полносоставностью и полной предикацией, например:

(9) “For the time he was disturbed by wild shrieks of laughter from the twins, who, with the light-hearted gaiety of schoolboys, were evidently amusing themselves before they retired to rest” [Wilde, 2014].

(10) “I know I have a front elevation like an Aztec god, which guards a buried treasure that never did exist in Jefferson Country, Yucatan” [O. Henry, 2013].

Английские сложноподчинённые предложения (9) и (10) содержат описательные придаточные определительные, которые связываются с главным относительными местоимениями *who* и *which* и представляют собой определение для всего главного предложения.

Субъектно-предикатные структуры обоих составных частей сложноподчинённых предложений (9) и (10) являются полносоставными и, следовательно, имплицирующими полную предикацию. При этом относительные местоимения *who* и *which* выполняют в них двоякую роль: 1. Подчинительных союзов и 2. Подлежащего придаточного, имплицируя своей сложной семантикой «параллелизм на месте присоединения придаточного к главному» [Карпов, 1978:12].

(9): [he+ was disturbed] who [(who)+were amusing…]

(10): [I+know] which [(which) +guards]

Отметим, что оба примера (9) и (10) представляют собой осложнённые виды сложноподчинённых предложений: в примере (9) имеется развёрнутая аппозиция *with the light-hearted gaiety of schoolboys*, а в примере (10) имеется ещё одно придаточное определительное, вводимое относительным местоимением *that: that never did exist in Jefferson Country, Yucatan*, главным по отношению к которому выступает уже означенное нами описательное придаточное определительное *which guards a buried treasure*.

Оба вида английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным: с ограничительным придаточным определительным и с описательным придаточным определительным – показывают полные предикации в своих составных частях: в главном предложении и в подчинённом придаточном, демонстрируя при этом полносоставную субъектно-предикатную структуру. И что примечательно, определяя какое-либо имя существительное или другое имя в составе главного, оба вида придаточных определительных демонстрируют не то чтобы формальное подлежащее, а подлежащее реальное, хотя и выраженное относительными местоимениями *who* и *which*, за которым стоит субъект-существительное из состава главного предложения, а порой может стоять и субъект-подлежащее из состава главного предложения.

Таким образом, полные предикации в составных частях сложноподчинённых предложений с придаточным определительным в примерах (6), (7), (8), (9) и (10) выражают на уровне смысла всего предложения событийную пропозицию, которая цементирует обе составные части в одно семантическое содержание сложноподчинённого предложения, обозначающих отдельный фрагмент действительности. Событийная пропозиция предстаёт в нашем толковании в качестве высшей абстрагированной формы полной предикации, когда полносоставные субъектно-предикатные структуры составных частей обуславливают и мотивируют семантическое содержание всего сложноподчинённого предложения, в нашем случае, с придаточным определительным.

6.3. Структурно-семантическая характеристика кыргызских функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным

Мы уже отмечали, что теоретически в кыргызском агглютинативном синтаксисе никак не выделяется подтип сложноподчинённого предложения с придаточным определительным, хотя некоторым образом сходные синтаксические структуры имеются в реальном лингвистическом употреблении. Это, видимо, связано с тем, что «в кыргызском языке, как и в других тюркских языках, до сих пор пока не решены многие вопросы сложного предложения. «Так, существуют пока крайне противоположные мнения в вопросе о природе большинства придаточных предложений, а также в отношении средств связи придаточных предложений с главными» [Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:156].

В тюркологии также учитывают фактическое положение дел, которое показывает отсутствие в лингвистической реальности тюркских языков подчинённого придаточного определительного, и потому не акценцируют признание наличие такого вида сложного предложения с придаточным определительным [Поцелуевский, 1967:5-6; Гаджиева, 1973:354-355; Серебренников, Гаджиева, 1986:279; Имашева, 2007:58]. Непризнание факта наличия в тюркских языках, в том числе в кыргызском, вида сложноподчинённого предложения с придаточным определительным связано с одним «камнем преткновения» - с признанием или не признанием в качестве самостоятельной субъектно-предикатной единицы синтаксических конструкций с причастными или деепричастными грамматическими формами, образованными на основе неличных глагольных форм. «В зависимости от разного решения этого вопроса существуют и разные точки зрения: одни учёные частично или полностью отрицали наличие некоторых типов придаточных предложений на том основании, что сказуемое этих придаточных выражаются не формами изъявительного наклонения глагола, как, например, в русском языке, а неличными формами глаголов; другой точкой зрения является признание существования в тюркских языках (значит и в кыргызском языке), наряду с придаточными, сказуемых, которые выражены личными формами глаголов, и таких подчинительных конструкций, в роли сказуемых которых выступают причастные и деепричастные формы, имена действия и т.п.” [Могучий

фактор национально-языкового развития, 1981:157]. Однако проиллюстрируем всё вышесказанное на фактическом материале кыргызского языка:

(1) “Дастандын эң алгачкы кол жазмасы XIX кылымдын 20-жылдарында табылган бул кол жазманы Герат жана азыркы күндө анын сакталып турган жери боюнча Вена нускасы деп айтабыз” [Эралиев, 2000].

(2) “Силер айткан сөздөр ак бермет” [Атантаев, 2011].

В кыргызских сложных предложениях подчинённая часть, как правило, размещается в препозиции относительно главного предложения. И потому возникает вопрос по поводу кыргызских сложных предложений (1) и (2): являются ли их придаточные части в примере (1): «Дастандын эң алгачкы кол жазмасы XIX кылымдын 20-жылдарында табылган» и в примере (2): «силер айткан» обособленными придаточными предложениями? Всё дело в том, признаем ли мы глагольные причастные неличные формы «табылган» и «айткан» с их причастными аффиксами «-ган» и «-кан» в качестве глагольных сказуемых или не признаем?

Свернутыми, имплицитными формами сказуемых в придаточной части простого распространённого предложения, исходя из трёх критериев: 1) глагольная основа, выражающая дейтвие в причастной части, становится парадигматически видоизменённой вследствие присоединения причастного или деепричастного аффикса; 2) действие данной свернутой глагольной основы выражается в виде уже свершённого факта в составе данной придаточной части и 3) придаточные части с причастными и деепричастными глагольными формами входят в состав простого распространённого предложения на синтаксических правах определения, а именно развёрнутого определения, и они никак не могут быть отсоединены от основной субъектно-предикатной части данного предложения без какого-либо ущерба для всего смысла предложения [см.: Карыбаев, 1972:96-97; Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:57; Мусаев, 1987:149-150].

Таким образом, мы не признаём придаточные части в предложении (1): “Дастандын эң алгачкы кол жазмасы XIX кылымдын 20-жылдарында табылган” и в предложении (2): “силер айткан” самостоятельными глагольными сказуемыми, основываясь на трёх

вышеперечисленных критериях. Но считаем их свёрнутыми глагольными основами, сохранившими некоторые остатки обозначенного действия.

Уже предварительные сравнительные наблюдения показали нам, что отсутствующая в синтаксисе кыргызского языка грамматическая категория придаточных определительных в структуре сложноподчинённых предложений, подобная английскому придаточному определительному, всё же выражается, но выражается иными синтаксическими средствами, которых мы насчитали три: А) простое распространённое предложение с развёрнутой определительной группой; Б) простое распространённое предложение с придаточным оборотом и В) бессоюзное сложноподчинённое предложение с придаточным образа действия.

Все функционально соотнесённые с английскими придаточными определительными вышеперечисленные кыргызские синтаксические эквивалетные средства имеют одно общее грамматическое свойство с исходными английскими придаточными определительными – они все имплицируют глубинный семантический компонент “определительность”.

Приведём однако некоторые фактические языковые примеры:

(3) Тигил кыздын уялып кеткенип сезе койгоп Асанбек сынаа болду [Жакыпбеков, 1984].

(4) Мапа кызыл крепдешин жоолугунун угу желге делбирейт [Сарногоев, 1984].

В кыргызских простых распространённых предложениях (3) и (4) мы имеем в препозиции развёрнутые определения “кыздын уялып кеткенип”. [это определение выражено именем существительным в форме родительного падежа] и «крепдешин жоолугунун» [также выражено в форме родительного падежа] При этом семантика определительного выступает в обоих случаях эксплицитно.

(5) Берер кишиге бешимде кымыз даяр болуп калат [Сарногоев, 1984].

(6) Ошол мезгилде Куйбышевта жуздөгөн завод-фабрикалар болгон [Сариев, 2012].

В обоих примерах (5) и (6) мы имеем структуры простых распространённых предложений с определениями, выраженными причастными формами глагола: на «-ар» [пример (5): берер] и на «-ган» [пример (6): жүздөгөн]. И при этом данные аффиксы выражают функцию определения вполне эксплицитно [Мусаев, 1987:68-69].

(7) Кыздын сыйда боюн, сымбаттуу сулуу келбетин көрүп, жигиттер бирин-бири түртүшүп калды [Усубалиев, 1991].

(8) Тагай бий чоң шаркыратманын боюнда тигилген боз үйдө киргендерди ойлуу тиктеп, төрдө сүйлөбөй отурду [Иманалиев, 2010].

В вышеприведённых примерах (7) и (8) мы имеем кыргызские бессоюзные сложноподчинённые предложения с придаточным образа действия. Придаточные образа действия стоят по правилам агглютинативного кыргызского языка в препозиции к главному “жигиттер бирин-бири тиктеп калды” [пример (7)] “(тагай бий) төрдө сүйлөбөй отурду” [пример (8)]. Хотя препозитивные придаточные соединяются с главным бессоюзным способом, но с помощью деепричатных аффиксов “-үп” и “-еп”, и при этом выражает синтаксическую функцию придаточного образа действия, но все же семантика означенных деепричастных аффиксов указывает своей свёрнутостью давно-прошедшего признака действия на некоторую аттрибутивность всего придаточного [ср.: Мусаев, 1987: 97-98], т.е. детерминирует глубинную семантику определённости.

Что же касается предикативно-препозитивного строения кыргызских функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным, то они проявляют большей частью как полную, так и свёрнутую предикацию на уровне отдельного предложения, а также преимущественно незавершённую пропозицию на уровне всего сложного предложения.

Например, вышеприведённое предложение (2) проявляет полную предикацию, так как в его синтаксической структуре наличествует полносоставная субъектно- предикатная структура. [Sub. + Pred.]:

(2): [сөздөр + ак бермет]

Свёрнутую предикацию можно наблюдать в кыргызском бессоюзном сложноподчинённом предложении с придаточным образа действия (7) в его первой придаточной части “Кыздын сыйда боюн, сымбаттуу сулуу келбетин көрүп”, в котором отсутствует подлежащее; подлежащее же всего сложного предложения содержится в его второй главной части “жигиттер бирин-бири түртүшүп калды” [(Sub.) + Pred.]:

(7): [(жигиттер) + көрүп]

На уровне всего же сложноподчинённого предложения в кыргызском синтаксисе реализуется в нашем материале преимущественно незавершённая пропозиция. Так, например, незавершённая пропозиция реализуется в названном сложном предложении (7), в котором его придаточная часть проявляют предикацию свёрнутого типа [(Sub.) + Pred.] О [Sub. + Pred.]:

(7): [(жи́гиттер) + көрүп] О [(жигиттер) +түртүшүп калды];

При этом знаком [О] мы обозначили отсутствие какого-либо подчинительного союза, поскольку в данном примере выполнение подчинительной функции взял на себя деепричастный аффикс "-үп" в лексеме "көрүп".

Однако в анализируемом нами фактическом материале кыргызского языка реализуется еще две синтаксические конструкции, обозначенные нами как "развёрнутая определительная группа" и "причастный оборот". Они также проявляют свёрнутую предикацию, а, следовательно, на уровне всего распространённого предложения имплицируют качество незавершённой пропозиции.

Так, в вышеприведённом примере (3) мы имеем развёрнутую определительную группу "эч бир жаманчылык көрбөй, бир туугандардын кичүүсү болуп, бир үйдүн эркеси болуп", в которой свёрнутой функции глагольного сказуемого (однородного глагольного сказуемого) выступает глагольная форма с аффиксом деепричастия "-үп". Но мы имеем здесь не деепричастную группу, не деепричастный оборот, а именно определительную группу, поясняющую существительное "күчүсү" в основной части предложения. Деепричастные же группы выступают в предложении разновидностями обстоятельства [см.: Жапар, 1992, ч.2:123].

Таким образом, в вышеназванной определительной группе задействовано свёрнутое неопределённо-личное предложение, в котором глагольное сказуемое предполагает форму третьего лица единственного числа. Такое синтаксическое строение подпадает в нашей классификации под тип свёрнутой предикации и одновременно незвершённой пропозиции – [Sub + ((Sub) + Pred) + Pred]:

(3):[күчүсү((Sub) + жаманчылык көрбөй, кичүүсү болуп, эркеси болуп) + болуп өсүптүр]

Во всём предикатно-субъектном строении распространённого предложения (3) наличествует полная предикация [◠], но и одновременная незавершённая пропозиция [◠], на которую влияет свёрнутость предикации в составе определительной группы.

Аналогичным образом мы эксплицируем простые распространённые предложения с причастными оборотами, в которых рассматриваем синтактико-семантическую конструкцию данных оборотов как свёрнутую глагольно-сказуемостную форму, но всё же имплицирующих глубинную семантику предикативности. Так, к примеру, в приведённом выше простом распространённом предложении (5) в качестве причастного оборота выступает словосочетание “аскасы асман тиреп турган”: [Sub. + (Sub.) + (Pred.)) + Pred]:

Таким образом, и здесь эксплицируется схематическое предикативно-пропозитивное сходное с таковым для простых распространённых предложений с развёрнутой определительной группой:

(5): [Кочкор, Соң – Көл, Жумгал, Нарын (аскасы + (Pred.“турган”)) + кош болгун]

6.4. Структурно-семантическое сопоставление английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным и их кыргызских функциональных соответствий

Сложноподчинённое предложение с придаточным определительным представляет собой в исходном английском языке сложное явление, должное быть ограниченным от внешне сходного, но внутренне отличного явления – от английского осложнённого предложения со сложным определением (Complex Attribute). Но однозначное применение синтактико-семантических критериев позволяет идентифицировать английские сложноподчинённые предложения с придаточным определительным и чётко отграничить их от означенных выше внешне сходных английских осложненных предложений. Например:

(1) “I steamed into the harbor at Belize thirteen seconds behind the yacht that Anabela and Fergus were on” [O. Henry, 2013].

В приведённом выше английском примере (1) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным определительным, в котором данное придаточное имеет, в соответствии с правилами двусоставности английского предложения, полносоставную субъектно-предикатную структуру: [Sub+Pred]: [Anabela and Fergus+were on]; при этом данное придаточное определительное ограничительное поясняет и определяет имя существительное the yacht в главном предложении, оставаясь относительно автономной единицей.

Английское осложненное предложение со сложным определением типа: *This is a good book for you to read* – не подпадает под действие вышеназванных критериев: 1. Сложное определение *for you to read* не обладает полносоставной субъектно-предикатной структурой, хотя здесь наличествует глагольный инфинитив; 2. Хотя данное сложное определение определяет, как и придаточное определительное ограничительное, один предмет и одно имя существительное a book, оно не является относительно автономной единицей, а тесно слито с данным существительным и без него не имеет никакого значения [Грузинская, Черкасская, 1956:229; Качалова, Израилевич, т.2, 1995:22; Boni, 1986:84].

Также можно считать неполнозначным критерием придаточного определительного относительное местоимение – в примере (1): *that*, соединяющий и подчиняющий придаточное определительное главному – в осложненных предложениях со сложным определением таковой отсутствует. Но этот критерий наличия в структуре английского сложноподчинённого предложения с придаточным определительным связующего относительного местоимения не всегда «срабатывает», поскольку «в отличие от описательных определительных предложений, ограничительные определительные предложения могут вводиться путём бессоюзного соединения. Бессоюзное соединение возможно в том случае, если определяемое выражает объект действия глагола-сказуемого придаточного предложения» [Беляева, 1977:277-278].

Например, последующее сложноподчинённое предложение с придаточным определительным имеет нулевой союз, т.е. в нём, в соответствии с синтаксическими правилами английского языка подчинительный союз может быть опущен:

(2) The hostel our students live in is situated in the park [Welch, 2004].

Как показали наши сопоставительные наблюдения, в качестве синтактико-семантических функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным в кыргызском синтаксисе выступают три типа предложений: А) простое распространённое предложение с развёрнутой определительной группой, Б) простое распространённое предложение с причастным оборотом и В) бессоюзное сложноподчинённое предложение с придаточным образа действия. Например:

(3) Mr. Afterhought walked as far as the front door with us and showed us a short cut past the beehives that could take us directly through the bull pasture to the main road [Leacock, 2014].

(3)-1/ Афтерсот мырза бизди чоң эшинтен чыгарып, бал аары уялардын жанынан, букалар оттогон жайыттын четинен туура асфальт шоссеге чыга турган кыска жолго салды [Перевод наш. Д. К.].

(4) The children who live in that house are my son's friends [Wilde,2014].

(4)-1/ Бул үйдө жашаган балдар менин уулумдун достору [Перевод наш Д.К.].

(5) Children who live by the sea usually begin to swim at early age [Wilde, 2014].

(5)-1/ Деңиздин жанында чоңоюп, балдар адатынча эле жаштайынан чабак урганды билип алышат [Перевод наш. Д.К.].

В английском примере (3) представлено сложноподчинённое предложение с придаточным определительным, в котором придаточное является определительным описательного типа, когда относится и поясняет всё содержание главного предложения. Данному описательно-определительному придаточному в кыргызском синтаксисе функционально соответствует выделенная развёрнутая определительная группа в примере (3)-1/ в составе простого распространённого предложения. Названная определительная группа (тутумдаш аныктооч) представляет собой сочетание причастия с управляемыми словами: "бал аары уялардын жанынан, букалар оттогон жайыттын четинен туура асфальт жолго чыга турган".

В английском сложноподчинённом предложении с придаточным определительным ограничительного типа (4) данное придаточное вводится союзом who, но в кыргызской

синтаксической семантике смысл придаточного передаётся причастным оборотом в составе простого распространённого предложения (4)-1/: “бул үйдө жашаган”.

В английском сложноподчинённом предложении с придаточным определительным, также ограничительного типа (5), данное придаточное вводится союзным словом who и является обязательным определением к существительному главного предложения children. Но в кыргызской синтаксической семантике данное придаточное определительное ограничительного типа передаётся смыслом сложноподчинённого предложения с придаточным образа действия. В кыргызском языке семантика английского ограничительно-определительного придаточного выражается через определение способа действия в главной части сложноподчинённого, в примере (5)-1/: “деңиздин жанында чоңоюп”.

Однако в нашу задачу входит также сопоставить предикативно-пропозитивное строение исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным [которые подразделяются на: 1) описательно-определительные и 2) ограничительно-определительные] и их кыргызских функциональных соответствий, которые подразделяются на 1) простое распространённое предложение с определительной группой, 2) простое распространённое предложение с причастным оборотом и 3) бессоюзное сложноподчинённое предложение с придаточным образа действия.

Так, английские предложения с придаточным описательно-определительным имеют в кыргызском синтаксисе функциональными соответствия в основном простое распространённое предложение с развёрнутой определительной группой. И поэтому они эксплицируют различное предикативно-пропозитивную структуру. Однако приведём примеры:

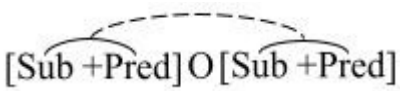
(6) He is the man we were talking about this morning [Hawthorne, 2013].

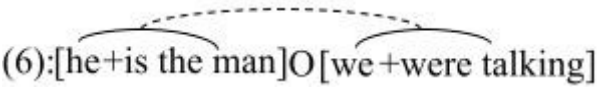
(6)-1/ Бул жанагы биз ал жөнүндө эртең менен сөз кылган адам [Перевод наш. Д.К.].

Отметим, что развёрнутая определительная группа в кыргызском примере (6)-1/ имеет в постпозиционном исходе глагольные причастие “сөз кылган”, но всё же данная словесная группа причастным оборотом не является, поскольку, во-первых, она имеет

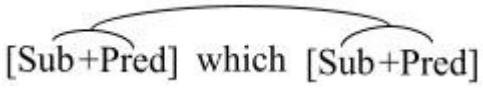
длинную лексемную цепочку, а, во-вторых, её семантика соответствует в смысловом отношении семантике целого предложения.

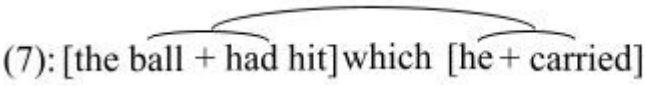
Предикативно-пропозитивная струкура исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным, и с подтипом описательно-определительным, выглядит последующим образом:





Хотя в обоих составных частях английского сложноподчинённого с придаточным определительным в вышеприведённом примере (6) актуализируется полная предикация, но общая пропозиция, свойственная всему сложноподчинённому предложению, является незавершённой, поскольку союзная связь между обоими составными частями осуществляется нулевым союзом, т.е. путём опущения союза или же союзного слова.





(7) And at the end of two weeks he offered to make a contract with me for a year at a figure that was considerably higher than the amount paid me by the hardware firm [Welch, 2004].

(7)-1/ Эки аптадан кийин ал мага бир жылдык контракт жана менин мурунку майда темир-тезек чыгарган фирмадагы төлөмүнөн көп эсе жогору айлык акы сунуштады [Перевод наш. Д.К.].

Описательно-определительный характер английского придаточного определительного проявляется в том, что оно служит лишь добавочным определением в составе всего сложноподчинённого определительного. Смысловая связь придаточного с главным предложением зыбкая. Если придаточное выделить отдельно или даже убрать совсем, то семантика существительного главного предложения будет достаточно ясная и понятная, как это имеет место быть в английских примерах (6) и (7).

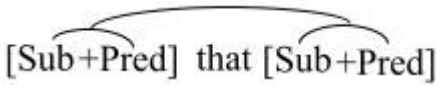
Аналогичное же можно утверждать об их кыргызских функциональных соответствиях в примерах (6)-1/ и (7)-1/. Но структурно-семантическое строение кыргызских

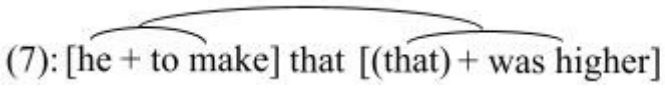
функциональных соответствий несколько отличается от исходного английского сложноподчинённого определительного. Поскольку в кыргызском синтаксисе конкретным образом отсутствует тип сложноподчинённого предложения с придаточным определительным, то постольку такой определительный смысл передаёт в кыргызском языке развёрнутая определительная группа. При этом такая определительная группа полностью передаёт смысл английского придаточного описательно-определительного, как это имеет место быть в примерах (6) – (6)-1/ и (7) – (7)-1/:

[we were talking about this morning – биз ал жөнүндө эртең менен сөз кылган];

[that was considerably higher than the amount paid me by the hardware firm – менин мурунку майда темир-тезек чыгарган фирмадагы төлөмүмөн көп эсе жогору].

В английском примере (7) мы имеем как полные предикации обоих составных частей, так и завершённую пропозицию на уровне смысла всего сложноподчинённого предложения, поскольку связь между главным и придаточным предложением осуществляется полнозначным союзом:





Предикативно-пропозитивное строение кыргызских функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным выглядит в вышеприведённых примерах таким образом:

Таким образом, в кыргызских примерах (6)-1/ и (7)-1/ мы имеем на уровне всего предложения как бы двойную импликацию его семантической стороны: как полную предикацию, связывающую всю субъектно-предикатную структуру предложения, так и

незавершённую пропозицию, поскольку такая незавершённость определяется свернутостью глагольного действия наличествующего глагольного причастия “сөз кылган”, а также составным характерным развёрнутого определения, в котором имеется как бы подобие субъекта (фирмадагы), так и свернутое глагольное причастие (чыгарган) – “менин муруңку майда темир-тезек чыгарган фирмадагы төлөмүмөн”.

Однако наше сопоставительное рассмотрение подтипа английских сложноподчинённых предложений с придаточным ограничительно-определительных и их кыргызских функциональных соответствий показывает, что семантика исходных английских синтаксических единиц, акцентирующая обязательный характер определения (без него смысл главного предложения становится неясным) имеет в кыргызском языке двойное синтаксическое выражение. Во-первых, таковым исходным английским синтаксическим единицам в кыргызском языке функционально соответствуют простые распространённые предложения с причастным оборотом; например:

(8)This is the house in which I used to live [Twain, 2012].

(8)-1/ Бул мен жашап кеткен үй [Перевод наш. Д.К.].

(9) The man that you are speaking about is in the next room [Poe, 2013].

(9)-1/ Силердин талкууларыңарга түшүп жаткан киши жанындагы бөлмөдө олтурат [Перевод наш.Д.К.].

Во-вторых, таковым исходным английским синтаксическим единицам в кыргызском языке могут функционально соответствовать бессоюзные сложноподчинённые предложения обстоятельственного типа с придаточным образа действия; например:

(10) I found him standing before the fire, with that took upon his face which I had seen only once or twice in our acquaintance [Harte, 2013].

(10)-1/ Бир белгисиз себептерден бети кыйшайып, каминдин алдында турганда аны таптым [Перевод наш.Д.К.].

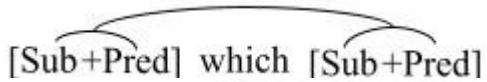
(11) He came to see me off, which was very kind of him [Twain, 2013].

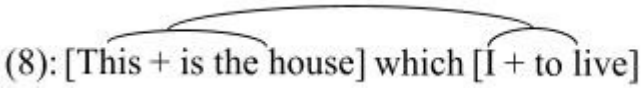
(11)-1/ Мага сый көрсөтүп, ал мени узатып келди [Перевод наш. Д.К.].

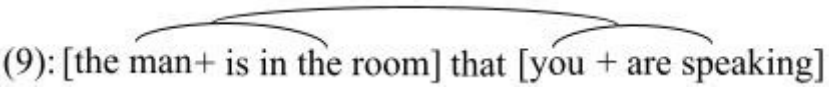
Английские сложноподчинённые предложения с придаточным определительным, но только ограничительного подтипа, имеют в кыргызской синтаксической семантике прямое функциональное соответствие в виде причастного оборота, в котором аффиксы причастия, а также и деепричастия на -ган, -кен, -уп, -үп, - ип и др. выражают, во-первых, прошедшее время, а, во-вторых, завершённость действия [ср.: Орузбаева, 1972:243; Мусаев, 1987: 66-67], то есть именно то, что передаёт временной аспект английского придаточного ограничительно-определительного.

Схематизируем высказанные соображения:

для английских сложноподчинённых предложений с придаточным ограничительно-определительным:

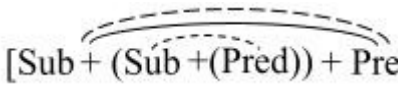


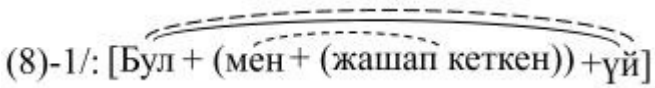


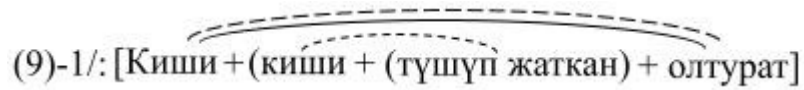


В английском языке мы имеем полную предикацию в обоих составных частях сложного предложения, а также завершённую пропозицию на уровне всей сложной синтаксической единицы.

В кыргызском синтаксисе дело обстоит несколько иначе, но в сущности в аспекте синтаксической семантики приближенно к смысловой структуре исходного английского сложноподчинённого с придаточным ограничительно-определительным.



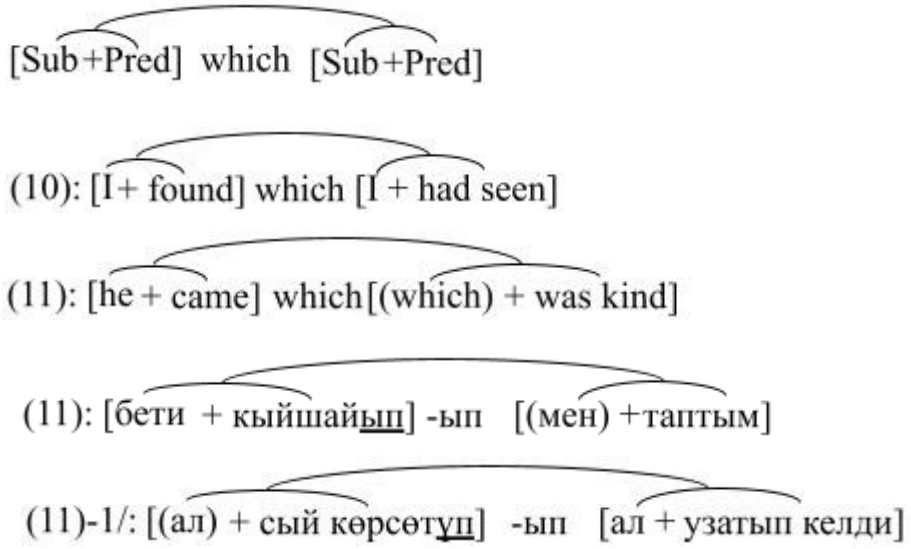




В кыргызском функциональном эквиваленте свёрнутое глагольное причастие с аффиксами -ган и -кен манифестируют свернутый предикат, а, следовательно, свёрнутую

предикацию, которая, в свою очередь, оказывает влияние на всю структуру распространённого предложения, которая наряду с завершённой пропозицией принимает семантическое качество пропозиции незавершённой.

Что же касается примеров (10) – (10)-1/ и (11) – (11)-1/, то в них исходным английским сложноподчинённым предложением с придаточным ограничительно-определительным в кыргызском языке функционально соответствует подтип бессоюзного сложноподчинённого предложения с придаточным образа действия. Однако схематизируем их структурно-семантические соответствия:



Здесь при таком структурно-семантическом сопоставлении наших схематических построений возникают два вопроса, которые требуют незамедлительного ответа. Во-первых, как и почему разнопорядковые сложноподчинённые предложения [с придаточным ограничительно-определительным в английском языке и с придаточным образа действия, а в сущности с обстоятельственным придаточным в кыргызском] оказываются функциональными эквивалентами? А, во-вторых, почему при нулевом главном члене предложении подлежащем, т.е. при экспликативном отсутствии предикация определяется как полная?

1/ Разнопорядковые придаточные определительные предложения в английском языке и придаточные образа действия в кыргызском языке оказываются по своему общему смыслу функционально соотнесёнными ввиду того, во-первых, что в кыргызском языке нет чистого типа определительного придаточного предложения, и поэтому, во-вторых,

английские ограничительно-определительные предложения трансформируются в кыргызском синтаксисе в придаточные образа действия, при этом актуализируя два момента: 1) обозначая посредством причастных и деепричастных суффиксов завершённость (т.е. в сущности ограниченность) действия и 2) актуализируя, как это действие протекало в плане прошедшего.

2/ Полная предикация в субъектно-предикатной структуре английского придаточного определительного обусловлена тем фактом, что союзы which и that, соединяющие главное и придаточное предложения в составе сложноподчинённого, выполняют две функции: а) они являются подчинительными союзами и б) они являются также и относительными местоимениями. Выполняя функцию подчинительного союза и эксплицируясь между главным и придаточным предложением, они в то же самое время имплицируют в составе придаточного предложения в функции подлежащего. И таким образом, в английских сложноподчинённых предложениях в их придаточных имеет место быть полная предикация.

Что же касается полной предикации в кыргызском сложноподчинённом предложении, в нашем случае, с придаточным образа действия, то здесь следует помнить, что в кыргызском агглютинативном синтаксисе формальное эксплицитное наличие подлежащего, в отличие от английского языка, необязательно, оно может быть формально опущено [то есть иметь “нулевую форму”, в терминах английской лингвистики], но оно наличествует имплицитно, как бы в сознании говорящего и оно в имплицитном виде выполняет функцию имплицитного подлежащего-субъекта, грамматически согласуясь с предикатом-сказуемым. И поэтому в кыргызском синтаксисе имеются целых три типа предложения только с формами глагольных сказуемых, в которых формально подлежащее-субъект отсутствует: определённо-личное предложение (белгилүү жактуу сүйлөм), неопределённо-личное предложение (туюк жактуу сүйлөм), обобщённо-личное предложение (жалпылама жактуу сүйлөм).

Однако любая предикация на уровне составной части сложного предложения и на уровне содержания всего сложного (сложноподчинённого) предложения невозможна без интонационного сопровождения. «Интонация …является универсальным, т.е. не

относящимся к числу типологических примет свойств языка. Интонационная форма всегда функциональна (конгруэнтна, по А. Гардинеру), всегда выражает коммуникативное намерение говорящего, доминируя над грамматическим построением» [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:322; см. также: Нурмаханова, 1986:132; Dik, 1979:116]. Конечно же, интонационное оформление английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным отличается от такового в кыргызском языке.

Как мы уже констатировали в заключительном разделе прошлой главы при сопоставлении структурно-семантических свойств английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных соответствий, вся протяжённая синтагматическая цепь сложноподчинённого предложения может быть сегментирована на две большие синтагмы, отображающие материально-звуковую сторону как предложения главного, так и подчинённого придаточного.

Наблюдения показывают, что движение частоты основного тона (мелодики) в сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным затрагивает две интонации двух синтагм: главного предложения и предложения придаточного определительного, независимо от типа придаточного: придаточного определительного описательного и придаточного определительного ограничительного [Борисова, 1967:16-17; Есенова, Манджиева, 1986:147-148; Аманатова, 2005:55].

В английском сложноподчинённом предложении с придаточным определительным можно наблюдать такую мелодику:

Синтагма ГП: ровный тон – восхождение тона – некоторое нисхождение тона//(пауза)

Синтагма ПП: ровный тон – ровный тон – нисхождение тона [Dickushina, 1965:155-156].

В кыргызском сложноподчинённом предложении с придаточным образа действия можно наблюдать нижеследующую мелодику:

Синтагма ПП: ровный тон – восхождение тона – восхождение тона – резкое нисхождение тона//(пауза)

Синтагма ГП: некоторое нисхождение тона – ровный тон – ровный тон – резкое завершение тона [Касевич, 1986:15-16].

Что же касается мелодики кыргызского простого распространённого предложения, то она почти не отличается от структурно-интонационного оформления кыргызского сложноподчинённого с придаточным образа действия, за исключением того, что постепенное (не резкое) нисхождение тона уже начинается после артикуляции последней лексемы причастно-определительной группы.

Отметим, что означенные английская и кыргызская мелодики (движение частоты основного тона) имеет усреднённый характер и является действенным для типично-огрублённой интонации, когда в синтагматической структуре сложноподчинённого предложения с придаточным определительным: в английском языке ГП (главное предложение) предшествует ПП (придаточному предложению), а в кыргызском языке в простом распространённом и в сложноподчинённом с придаточным образа действия, напротив, ПП предшествует ГП.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ VI

Наше сопоставительно-типологическое исследование исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительными и их кыргызских функциональных соответствий состояло из трёх этапов. На первом предварительном этапе мы очертили корпус означенных исходных английских сложных предложений с придаточными определительными и расклассифицировали их по двум основаниям: 1) в качестве сложных предложений с описательными придаточными определительными, в которых придаточное соотносится со смыслом всего главного предложения; 2) в качестве сложных предложений с ограничительными придаточными определительными, в которых придаточное соотносится только с одним именным членом главного предложения.

На втором этапе на основе функционально-смыслового соотнесения исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточными определительными с их кыргызскими эквивалентами были определены разновидности в кыргызском синтаксисе, передающие значения исходных английских синтаксических единиц. Таковыми в кыргызском языке выступили: А) простое распространённое предложение с развёрнутой определительной группой; Б) простое распространённое предложение с причастным оборотом и В) бессоюзное сложноподчинённое предложение с придаточным образа действия.

На третьем этапе расклассифицированные английские сложноподчинённые предложения с придаточными определительными и их кыргызские функциональные соответствия были проанализированы с понятийно-смысловых позиций их предикативно-пропозитивных отношений, в каждом из языков были по-отдельности изучены факторы полносоставности/неполносоставности их субъектно-предикатных структур в их составных частях, а также вопросы конституирования того или иного вида пропозиции в общем плане смыслового содержания всего сложноподчинённого предложения.

На данном этапе установленные виды предикативных отношений в составных частях английских сложноподчинённых предложений и их кыргызских функциональных соответствий были рассмотрены как фундаментальная основа для плана смыслового содержания всего сложного предложения, а именно, как способы трансформации отношений предикативных в отношения пропозитивного типа, свойственные смыслу всего сложного предложения или его составная часть. При этом внимание уделялось как сходствам, так и отличиям при такой трансформации предикативных отношений в отношения пропозитивные.

§ 2. Описательное придаточное определительное предложение в составе английского сложноподчинённого вводится относительными местоимениями *who* и *which*, а таковое ограничительное вводится относительными местоимениями *who* (для лиц), *which* (для предметов) или *that* (для лиц, и для предметов). Структура английского придаточного характеризуется двумя положениями: большей частью постпозицией по отношению к главному предложению, а меньшей частью интерпозицией в составе главного; но, и находясь в интерпозиции, придаточное определительное, а именно, ограничительное определительное, всегда стоит после определяемого именного члена главного предложения.

Структурно-грамматическая организация составных частей английского сложноподчинённого предложения с придаточным определительным характеризуется двусоставностью и наличием как грамматического подлежащего, так и грамматического сказуемого, а при этом названные выше относительные местоимения выполняют двойные роли: 1) они выполняют роль подчинительного союза; 2) они выполняют роль подлежащего придаточного определительного. Полносоставные субъектно-предикатные структуры составных частей сложноподчинённого предложения с придаточным определительным эксплицируют полную предикацию, а вместе с полной предикацией они

эксплицируют завершённую пропозицию, уже релевантную для понятийно-смысловой структуры всего сложноподчинённого предложения.

§ 3. В кыргызском языке не имеется явно выраженного аналога для исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточными определительными, а точнее, такой разновидности в кыргызском синтаксисе не выделяется. Но понятийно-смысловое содержание, присущее исходным английским сложноподчинённым предложениям с придаточным определительным [как показывает функционально-семантический перевод названных исходных английских синтаксических единиц на кыргызский язык], выражается в кыргызском языке тремя синтаксическими разновидностями: А) простым распространённым предложением с развёрнутой определительной группой; Б) простым распространённым предложением с причастным оборотом и В) бессоюзным сложноподчинённым предложением с придаточным образа действия.

Структурно-семантическое описание кыргызских функциональных соответствий для исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным осложняется тем фактом, что они, относясь к разным типам предложения, к простым распространённым и к сложноподчинённым, эксплицируют различные составы предикативно-пропозитивных структур. Так, если кыргызское бессоюзное сложноподчинённое предложение с придаточным образа действия в своем большинстве, в соответствии с выражаемым смыслом, обладает как полной предикацией, так и завершённой пропозицией, то простые распространённые предложения с развёрнутой определительной группой и с причастным оборотом эксплицируют незавершённые пропозиции, обусловленные наличием в их составах свернутых предикаций, имеющих место быть как в развёрнутой определительной группе, так и в причастном обороте.

§ 4. Английские сложноподчинённые предложения с придаточными определительными были ограничены от внешне сходных явлений: английских сложных определений (Complex Attribute)

Английские сложноподчинённые предложения с придаточным определительными объединяются двумя структурно-грамматическими признаками: 1) они идентифицируются в зависимости от большого объёма семантической соотнесённости их придаточных как описательные, определяющие всё содержание главного предложения;

такие английские сложноподчинённые предложения с описательными придаточными определительными манифестируют в своих составных частях полносоставную субъектно-предикатную структуру с полной предикацией и эксплицируют событийную пропозицию, как высшую степень полной предикации, на уровне смысла всего главного предложения; 2) они идентифицируются в зависимости от малого объёма семантической соотнесённости их придаточных как ограничительные, определяющие содержание только одного именного члена в составе главного предложения; в этом подтипе английских сложноподчинённых предложений с ограничительными придаточными определительными также наблюдается полносоставность субъектно-предикатной структуры с полной предикацией, манифестация событийной пропозиции, как высшей степени полной предикации.

Функционально-семантическое сопоставление [на основе функционально-смыслового перевода исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным на кыргызский язык] исходных английских и сопоставляемых кыргызских синтаксических единиц выявило, что каждой разновидности английских сложных единиц в сравниваемом кыргызском функционально соответствуют предложения строго определённого вида. Так, английские сложноподчинённые предложения с придаточным описательным (описательно-определительным) имеют в кыргызском языке функционально соотнесёнными эквивалентами – А) простое распространённое предложение с развёрнутой определительной группой. Английские сложноподчинённые предложения с придаточным ограничительным (ограничительно-определительным) имеют в кыргызском языке функционально соотнесёнными эквивалентами две разновидности синтаксических единиц: Б) простое распространённое предложение с причастным оборотом и В) бессоюзное сложноподчинённое предложение с придаточным образа действия. [см. таблицу № 5 в конце выводов].

Отличия кыргызских простых распространённых предложений с развёрнутой определительной группой [которые в большинстве оформляются причастиями и деепричастиями] от подобных им простых распространённых предложений с причастным оборотом мы усматриваем в следующих признаках: 1) определительная группа относится ко всему основному предложению в целом и 2) её семантика соответствует семантике целого предложения, но только в грамматически укороченном виде.

Что же касается того, как и почему придаточное определительное из английского сложноподчинённого предложения преломляется в кыргызском языке в придаточное образа действия обусловлено одной важной причиной: в сложноподчинённом предложении кыргызский язык заменяет отсутствующий номинативный признак определительности несколько схожим признаком действия, т.е. динамического функционирования того или иного признака.

Возможность функционального сопоставления исходных английских сложноподчинённых предложений с придаточным определительным с их кыргызскими соответствиями обусловлена их определённым подобием на уровне плана содержания. На этом уровне они как бы становятся несколько ближе друг к другу. Если близость исходного английского сложноподчинённого предложения с придаточным определительным кыргызскому бессоюзному сложноподчинённому с придаточным образа действия обусловливается наличием в обоих, английском и кыргызском, сложных предложений двух субъектно-предикатных структур с полной предикацией и, соответственно, с завершённой пропозицией на уровне всего смысла всего сложного предложения, то близость сложноподчинённых английских и простых распространённых кыргызских предложений детерминирована тем, что кыргызские простые распространённые предложения содержат в своем составе или развёрнутую определительную группу или же причастный оборот, а обе последние кыргызские синтаксические структуры содержат в свою очередь свёрнутую предикацию, которая как бы наслаивает на качество полной предикации простого распространённого предложения также и качество незавершённой пропозиции, обычно реализуемой на уровне смысловой структуры сложного предложения.

Таблица № 5 Сопоставления подтипа английского сложноподчинённого предложения с придаточным определительным и его функциональных эквивалентов в кыргызском языке

ГЛАВА VII. СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПРИДАТОЧНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В КЫРГЫЗСКОМ

7.1. О методике сопоставительно-типологического анализа английских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным в их функциональных соответствий в кыргызском языке

Сопоставительно-языковая практика показывает, что в качестве функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным [которые в английском синтаксисе выделены в отдельный синтаксический разряд] в кыргызском языке выступают аналогичным образом созданные сходные сложноподчинённые предложения с подобным же по своей семантике и структуре придаточным обстоятельственным, которые однако не выделены в особую гомогенную синтаксическую группу [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:194-197; Биялиев, 2002:255-257].

Такие кыргызские предложения не представляют собой, так же как и в английском языке, сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным в обоих языках, английском и кыргызском, сходны в своём предназначении: подчинённые придаточные в их составе играют роль разнообразных обстоятельств: 1) места; 2) времени; 3) образа действия; 4) причины; 5) цели; 6) следствия; 7) уступительности; 8) условия [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:329; Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:216; Шамина, 2015:7; Firbas, 1964:11-12].

Как мы отмечали ранее во введении и во второй главе, в классификации кыргызских сложных предложений имеется только один тип сложноподчиненных предложений, который подразделяется в зависимости от наличия / отсутствия подчинительных союзов и союзных слов на союзные сложноподчиненные предложения (байламталуу багыныңкы байланыштагы татаал сүйлөм) и на бессоюзные сложноподчиненные предложения (байламтасыз багыныңкы байланыштагы татаал сүйлөм). И все разновидности данных союзных и бессоюзных кыргызских сложноподчиненных предложений выражают

обстоятельственную семантику, а именно, они являются в кыргызском языке сложноподчиненными предложениями с придаточным обстоятельственным.

Данные подчинённые придаточные вводятся в английском языке различными подчинительными простыми и составными союзами: *when, where, while, after, before, until, till, since, as, because, that, lest, as...as, not so ...as, than, if, unless* и др.

В кыргызском языке подчиненные предложения присоединяются к главному посредством различных простых и составных союзов: *а, ары, нары, анткени, андыктан, ошондуктан, бирок, болбосо, да, дагы, деле, жана, же, эгер, ал эми, анткени менен, андай болсо да, ошентсе да, ошондой болгону менен, же болбосо, жана дагы, ошол себептүү, ошон үчүн, ошону менен* и др., а также подчинительными аффиксами и другими подчинительными языковыми средствами.

В обоих сравниваемых языках, английском и кыргызском, придаточные обстоятельственные могут быть расклассифицированы в соответствии с классификацией второстепенной части речи обстоятельства в той последовательности, в которой они перечислены выше; и такая классификация будет полностью соответствовать реальной лингвистической действительности [Алексеева, 1965:5-6; Бекенова, 2010:80; Вальваков, 2011:7-8, Halliday, 1974:46-47].

Таким образом, на первом этапе нашего сопоставительно-типологического исследования английских и сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным мы расклассифицируем данные придаточные в обоих языках и соотнесём их друг с другом в соответствии с их функциональной ориентированностью в пределах выделенных групп. Именно их функциональная соотнесенность друг с другом в обоих сравниваемых языках по выделенным обстоятельственным признакам позволит достичь адекватности лингвистических результатов сравнительного анализа данного подтипа английских и кыргызских сложноподчинённых предложений [Юсупов, 1988: 194-195]. Однако приведём некоторые примеры:

(1) “And one the streaks fell on the hanging box where Coyotito lay, and on the ropes that held it” [Steinbeck, 1973].

(1)-I Ала бугу маралдын жанына келип, ага жароокерлигин билдиргендей тумшугунан жыттады [Мансуров, 1986]

(2) That happened in the year when I came in London [Armstrong, 1992].

(2)-I Эртең шаарга алпарам деп атасы айткандан баштап, Султанмурат жанын коёр жер таппады [Айтматов, 1984]

(3) "Stone blind, you see, gentlemen," proceeded Peter; "but he's just as good to travel of a dark night as if he had eyes" [Longstreet, 1984].

(3)-I "Капаска түшкөн булбулдай,
Кайгылуу болдум, карачы"[Токомбаев, 1995].

(4) "And then, somehow or other, we must have got on to ghosts; because the next recollection I have is that we were telling ghost stories to each other" [Jerome, 2012].

(4)-I "Кубан стадионго кеч келген үчүн, дарбазага биринчи кирген топту көрбөй калды" [Оморов, 1996]

(5) "We packed the furniture carefully lest they should be broken during transportation" [Wilde, 1979].

(5)-I "Анатай кредит алмакчы болуп, бир кеңири бизнес-план түздү" [Сариев, 2012]

(6) "Although there was evening brightness showing through the windows of the bunk house, inside it was dusk" [Steinbeck, 1994].

(6)-I "Сен ал ишти аткарбасаң да, менин оюм сен жөнүндө өзгөрбөйт" [Абдыразаков, 2008]

В английском примере (1) употреблено сложноподчиненное предложение с придаточным места, при этом английское интерпозиционное придаточное вводится союзом where. Кыргызский пример (1)-I в сущности выражает пространственный смысл направления движения, но оформленное аффиксом деепричастия глагол «келип», всё придаточное переходит в разряд придаточного образа действия. В силу вышесказанного, т. е. из-за оформления придаточных со значением пространства разнообразными деепричастными и причастными аффиксами в кыргызском синтаксисе не выделяется обособленный разряд сложноподчиненных предложений с придаточным места [см.: Жапар, 1992, ч.2:261-262; Биялиев, 2002: 255-256].

В английском примере (2) и в кыргызском (2)-I употреблены сложноподчинённые предложения с придаточными времени, в которых постпозитивное английское придаточное вводится союзом *when*, а препозитивное кыргызское придаточное присоединяется к главному посредством сложносоставного глагола с деепричастным аффиксом “-ап” - “айткандан баштап”.

В английском примере (3) и в кыргызском (3)-I употреблены сложноподчинённые предложения с придаточными образа действия; английское постпозитивное придаточное присоединяется к главному составным союзом *as if*, кыргызское же препозитивное придаточное присоединяется к главному посредством сравнительного аффикса “-дай” в грамматической структуре имени существительного- “булбулдай”.

В английском примере (4) и в кыргызском (4)-I употреблены сложноподчинённые предложения с придаточными причины; английское постпозитивное придаточное вводится подчинительным союзом *because*, кыргызское препозитивное придаточное также вводится подчинительным союзом “үчүн”.

В английском примере (5) и в кыргызском (5)-I употреблены сложноподчиненные предложения с придаточными цели; английское постпозитивное придаточное вводится подчинительным союзом *lest*, в то время как кыргызское препозитивное придаточное присоединяется к главному посредством глагола-сказуемого с аффиксом долженствовательного наклонения “-макчы” с деепричастием “болуп”.

В английском примере (6) и в кыргызском (6)-I употреблены сложноподчинённые предложения с придаточными уступительными; английское препозитивное придаточное вводится подчинительным союзом *although*, кыргызское препозитивное придаточное присоединяется к главному посредством сочетания: уступительного аффикса “-са” + усилительная частица “да” “аткарбасаң да”.

На последующем втором этапе нашего сопоставительно-типологического исследования английских и кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным данные синтактико-семантические единицы будут проанализированы на предмет выявления в них вида предикации (свёрнутой и полной) и типов препозиции (незавершенной, завершенной и событийной); при этом мы будем исходить из предпосылки,

что категория пропозиции представляет высокоорганизованное абстрагированное "... логическое произведение признаков класса высказываний и класса предикативных единиц" [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972: 325; Evans, Green, 2006:126]. Событийная пропозиция, реализующаяся, как минимум, в классе двух высказываний-предложений: в главном и придаточном - и обладающих, как минимум, двумя предикативными единицами (субъектно-предикатными структурами), детерминирует такое сложноподчинённое предложение, "… которое конституируется признаками, относящимися его одновременно к двум ярусам языка - виртуальным знаковым средствам и их актуальному использованию в речи, а в сфере знаний - к сигнификативному и денотативному уровням" [Цит. соч.: 326].

На данном этапе мы будем анализировать фактический языковой материал раздельно по языкам, английскому и кыргызскому, с тем чтобы адекватным образом вычленить из традиционного понятия сложноподчинённого предложения двух разноуровневых единиц - меньшей коммуникативной единицы главного и придаточного предложения и высшего синтаксического построения всего сложноподчинённого предложения [Михайлов, 1977:31; Плоткин, 1986: 33; Gustafsson, 1975: 18].

(7) "When the minister spoke from the pulpit with power and fervid eloquence, and, with his hand on the open Bible, of the sacred truths of our religion, and of saint-like lives and triumphant deaths, and of future bliss or misery unutterable, then did Goodman Brown turn pale, dreading lest the roof should thunder down upon the grey blasphemer and his hearers" [Hawthorne, 1984].

(8) "The story of Rip Van Winkle may seem incredible to many, but nevertheless, I give it my full belief, for, I know the vicinity of our old Dutch settlements to have been very subject to marvelous events and appearances" [Irving, 1984].

В английском сложноподчинённом предложении с придаточным обстоятельственным времени (7) препозитивное придаточное связывается с постпозитивным главным темпоральным союзом *when*; в другом английском сложноподчинённом предложении с придаточным причины постпозитивное придаточное вводится посредством союза *for*, который зачастую в соответствующих речевых ситуативных имеет значение "потому что; так как" [Хорнби, 2006: 511].

Так, выявляется, что в обоих подтипах сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным времени и с придаточным обстоятельственным причины содержатся полносоставные субъектно-предикативные структуры в их составных частях, а на уровне всего сложносочинённого предложения с придаточным обстоятельственным времени, пример (7), и причины, пример (8), содержится завершённая пропозиция.

(7): [the minister + spoke] when [turn + pale]

(8): [I + give full belief] for [I+know...]

Для достижения поставленных частных задач по английским сложноподчинённым предложениям с придаточными обстоятельственными представляется необходимым и целесообразным выявление предикативного характера субъектно-предикативных структур на уровне составных частей и пропозитивного характера всей структуры сложноподчинённых, но уже с придаточными всех подтипов (включая и подтипы придаточных времени и причины): места, времени, образа действия, причины, цели, следствия, уступительные и условные.

Такую же задачу определения предикативных и пропозитивных отношений мы ставим и в отношении кыргызских сложноподчиненных предложений с придаточными обстоятельственными:

(9) “Мен мектептин короосуна кирип барганда, менин классташтарым мени тиктеп калышты” [Чукулдуков, 1974]

(10) “Иштер эрте бүтсө, үйгө эрте кетем” [Осмонов, 2007]

В кыргызском примере (9) мы имеем сложноподчиненное предложение с придаточным времени, или придаточное предложение указывает на время происходящего действия и отвечает на вопрос “качан?” – “когда?”. Данное сложноподчиненное имеет в обоих своих составных частях полносоставную субъектно-предикатную структуру: мен – кирип барганда, классташтарым – тиктеп калышты. А, следовательно, эксплицируют в своих обоих составных частях полную предикацию, данное сложноподчинённое предложение также и актуализирует пропозицию завершённого типа.

В кыргызском сложноподчинённом предложении с придаточным условным, когда придаточное поясняет условия осуществления действия и отвечает на основной вопрос

“кайсы шартта?” – при каком условии?, мы имеем полносоставную субъектно-предикатную структуру только в препозитивном придаточном [“иштер – бүтсө”], но таковая главного оказывается формально неполной, поскольку оно репрезентирует определенно-личную структуру, и здесь предикация может быть рассмотрена как свёрнутая, а, следовательно, препозиция всего сложного может быть отнесена к пропозиции незавершённого типа.

И на последнем третьем этапе нашего сопоставительно-типологического исследования мы проведём конкретное контрастивно-конфронтативное сравнение английских и агглютинативных кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными на предмет выявления их сходных и различающихся черт и признаков. Так, уже предварительное рассмотрение таковых в данном установочном разделе нашей работы показывает, что между ними имеются как сходства, так и различия.

7.2. Структурно-семантическая характеристика сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным в английском языке

Сложноподчинённые предложения с придаточным обстоятельственным не являются гомогенной группой с идентичными лингвистическими характеристиками; данные предложения являются скорее группой гетерогенной, состоящей из разнопорядковых языковых единиц. Но все же, являя собой группу гетерогенного порядка, английские сложноподчинённые предложения с придаточным обстоятельственным имеют один общий признак, соотносящий их со второстепенным членом предложения обстоятельством. Придаточное обстоятельственное является аналогом второстепенного члена предложения обстоятельства, но аналогом расширенным и протяжённым в лингвистико-синтагматической действительности, и как простое обстоятельство, является синтаксической единицей, “обозначающей условия, в которых протекает процесс” [Смирницкий, 1957: 219].

Так же, как и второстепенный член предложения обстоятельство, придаточные обстоятельственные имеют самую разнообразную, гетерогенную семантику в составе сложноподчинённого, относятся к глаголу, прилагательному или наречию в составе главного

предложения и могут быть подразделены на восемь групп - придаточные: 1) места; 2) времени; 3) образа действия; 4) причины; 5) цели; 6) следствия; 7) уступительные; 8) условные.

Данная классификации сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным является общепринятой в англистике [Беляева, 1977: 278-279; Качалова, Израилевич, Т. 2, 1995:65; Карасова, Шаманова, 2018:193], но с оговоркой: "Многочисленная и разнообразная группа обстоятельственных предложений по передаваемым ими отношениям в основном соответствует обстоятельствам в простом предложении, хотя по степени связи с главным далеко не всякое предложение этой группы можно сопоставить с соответствующим членом предложения" [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956: 329 - Подчеркнуто нами. Д.К.; Алтынбаев, 2011: 9]. Приведём некоторые примеры из нашего англоязычного материала:

(1) "I write there, where no human eye can see me, down by the pond - they call in the lake - at the foot of Beverly-Jones's estate" [Leacock, 2013].

(2) "When I was a boy, a forward wretch, whom I met on the highway, thought proper to be angry at some jest that escaped me, and snatching up a pebble about half the size of my first, knocked me down with it" [Brown, 1984].

(3) "I am the boy", continued he, "perhaps a little – just a leetle of the best man, at a horse swap, that ever trod shoe-leather" [Longstreet, 1984].

(4) "The movements of this inscrutable being had long been the subject of speculation at Cockloft Hall, for its inmates were full as much given to wondering as their descendants" [Irving, 1984].

(5) "She drew a plan of the village so that Mr. Riegel might be able to find her house easily" [Wambangh, 1993].

(6) "It'll begin to be daylight in a couple of hours so that you go back and watch that long, will you?" [Twain, 2012].

(7) "I've got her, Jack," he cried, "Though it's been hard work, I can tell you" [Jerome, 2012].

(8) "If he had more white-wash he would have made poor every boy in the village" [Twain, 2012].

В примере (1) английское сложноподчинённое предложение имеет при себе придаточное обстоятельственное места, введённое союзным словом *where*.

По вопросу лингвистического статуса *where* в англистике имеются разногласия: его считают союзным словом или союзом. “В грамматиках нет единого взгляда на природу слов, подчиняющих придаточные предложения места: *where*, *whether*, *wherever* рассматриваются то как союзы, то как союзные слова. Однако между союзом и союзным словом существует, как известно, принципиальное различие: союзное слово не только подчиняет придаточное предложение к главному, но и выступает в придаточном в функции одного из его членов” [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956: 330; Беляева, 1977: 217].

В английском примере (1) придаточное обстоятельственное места вводится союзным словом *where*, которое поясняет наречие места *there*. Союзное слово исполняет в данном постпозитивном придаточном месте двойную функцию: 1. Оно выполняет в структуре придаточного функцию подчинительного союза со значением места; 2. Оно выполняет в структуре придаточного функцию обстоятельства места. Таким образом, союзное слово *where* наслаивает три обстоятельственно-местных значения один на другой: первое значение, которое имплицирует *where*, - это значение подчинительного союза с местным значением; второе значение - это значение обстоятельственного местного для всего придаточного предложения, а третье значение - это значение обстоятельства места в структуре самого придаточного.

В английском примере (2) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным времени: данное придаточное времени, стоя в препозиции, связывается с постпозитивным главным союзным словом *when*.

Данное “союзное слово *when* присоединяет придаточное предложение к главному и одновременно служит обстоятельством времени в придаточном предложении” [Беляева, 1977: 217]. Добавим также, что данное союзное слово *when* выполняет ещё одну функцию: оно придаёт всему придаточному в сложноподчинённом предложении (2) значение места.

В английском сложноподчинённом предложении с придаточным обстоятельственном образа действия (3) данное придаточное вводится союзом *that*. “Придаточные предложения образа действия отвечают на вопрос *how?* как? каким образом? Они соединяются с главным предложением союзами as как, as if (as though) как будто, как если бы, that что” [Качалова, Израилевич, т.2, 1995: 68].

В примере (4) употреблено английское сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным причины; последнее занимает постпозицию относительно главного, введено союзом *for*. Данный союз *for* зачастую является синонимом другого подчинительного союза *because* и присоединяет придаточные причины к главному, как это имеет место в нашем примере (4) [Хорнби, 2006: 511].

В английском сложноподчинённом предложении с придаточным цели (5) данное постпозитивное обстоятельственное придаточное цели вводится союзом *so that*. "Предложения цели, выражающие целенаправленность действия, вводится союзами that, in order that, so that и союзами с отрицательным значением *lest* и *for fear that*" [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956: 335].

Английское сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственным следствия (6) также, как и ранее придаточное цели, вводится и присоединяется к препозитивному главному союзом *so that*. "Обстоятельственные предложения следствия присоединяются к главному предложению союзом that что, относящихся к наречию степени so так, такой в главном предложении, и составным союзом *so that* так что. Эти обстоятельственные предложения имеют значение следствия, вытекающего из всего содержания главного предложения" [Беляева, 1977: 284].

В английском примере (7) употреблено английское сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным уступительным; придаточное обстоятельственное, находящееся в препозиции к главному предложению, соединяется с главным посредством союза *though*. "Уступительные придаточные предложения указывают на обстоятельство, вопреки которому совершается действие главного предложения. Они соединяются с главным союзами *though* (*although*) хотя, in spite of the fact that notwithstanding that несмотря на то что, *whoever* кто бы ни, *whatever* что бы ни, *however* как бы ни, *no matter what* что бы ни, *no matter how* как бы ни и др." [Качалова, Израилевич, т.2, 1995: 70].

В примере (8) употреблено английское сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным условия; данное придаточное обстоятельственное присоединяется к главному посредством союза *if*. "Условные предложения, в отличие от уступительных, указывают на условие, при реализации которого становится возможным

осуществление действия главного предложения… Ведущим союзом является *if*; остальные союзы лишь уточняют отношение, выраженное *if* " [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956: 336].

Актуальным остаётся вопрос о чётком ограничении друг от друга внешне сходных, но внутренне различных придаточных обстоятельственных от сложных обстоятельств. Во-первых, это так называемые сложные обороты с неличными формами глагола в составе простых элементарных предложений, типа:

A) "I remember a holiday of mine being ruined by our paying attention to the weather report of our local newspaper" [Беляева, 1977: 44].

Во-вторых, это так называемые сложные обстоятельства цели с предлогом *for* (*For-Complexes*) в составе простого распространённого элементарного предложения, типа:

B) "They stopped at the stream for the horses to drink" [Грузинская, Черкасская, 1956: 230].

В-третьих, это собственно сложные обстоятельства (*The Complex Adverbial Modifier*), которые реализуются в составе простого распространённого элементарного предложения, типа:

C) "When the lecturer's entering the hall there was loud applause" [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:23].

Основные отличия придаточного обстоятельственного в составе сложноподчинённого от сложного обстоятельства в составе простого распространённого элементарного предложения мы усматриваем в двух моментах: Во-первых, это различное употребление глагольных форм: в придаточных обстоятельственных они употребляются в личной форме [примеры (1)-(8)], в то время как в сложных обстоятельствах они употребляются в неличных глагольных формах инфинитива с частицей *to?* герундия и причастия [см. вышецитированные примера со сложными обстоятельствами A), B) и C)]. Во-вторых, придаточные обстоятельственные обладают предикацией, детерминируемой глагольным сказуемым в личной форме. "Типичным способом выражения предикаций является выражение её с помощью предикативных (личных) форм глагола" [Смирницкий, 1957:106]. В то же самое время неличные глагольные формы: инфинитив, герундий и причастие - никак не могут выражать предикацию, т.е. соотносить обозначаемое явление с реальной действительностью.

Английские сложноподчинённые предложения с различными видами придаточных обстоятельственных выражают полную предикацию в своих составных частях: главном и

придаточном предложениях - и событийную пропозицию на уровне содержания всего сложноподчинённого. Однако проиллюстрируем данное суждение на фактическом материале английских сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными:

(9) "Therefore he is the one alone
Who is our common looking-glass
And my faithful mirror, I own,
Where I can look, and there can see
My defeat, and my victory" [Shakhanov, 1999].

(10) "Suddenly, as the seaman stumbled against the entrance of a tall and ghostly-looking building, a yell more than usually shrile from the throat of the excited Legs, was replied to from within, in a rapid succession of wild, laughter-like and fiendish shrieks" [Poe, 1984].

(11) "During the harangue, little Bullet looked as if he understood it all, believed it, and was ready at any moment to verify it" [Longstreet, 1984].

(12) "She'd come up with her cousin to London – her cousin was my sister-in-law, and the other niece had married a man named Evans, and Evans, after it was all over, had taken the box round to Mr. Jacobs' because Jacobs' father had seen the man, when he was alive, and when he was dead, Joseph..." [Jerome, 2012].

(13) "To compensate for the slight shrinkage of time he is able to devote to it, he becomes more strict and exciting; grows and harsher master to his people sterner creditor, a greedier dealer, squeezing the undermost out of every one, feverish to grow richer, so that he may spend more upon the game that day by day he finds more tiresome and uninteresting" [Jerome, 2012].

(14) "The leaves of the trees were very dark and thick, so that no ray of light came through the branches" [Wilde, 1979].

(15) "Clive Devon went out in spite of the fact that he had a bad cold" [Wambaugh, 1993].

(16) "If he did not do it, them the adventure would be proved to have been only a dream" [Twain, 2012].

В примере (9) представлено английское сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным места, последнее введено в структуру сложного союза *where*. В данном сложном предложении лексема where является союзом, а не союзным словом, поскольку он выполняет только одну функцию союза и не является членом предложения в придаточном обстоятельственном. “В английском языке некоторые союзы совпадают по форме с предлогами и наречиями. Отличить такие союзы от предлогов и наречия можно по значению и по функции, выполняемой ими в предложении” [Беляева, 1977: 217] А данная лексема *where* в приведенном выше примере не является местоименным наречием *where* и не исполняет в структуре предложения никакую функцию, например, обстоятельства места.

И в главном предложении, и в придаточном сложноподчинённом предложении (9) выражены полные предикации, поскольку в них обоих представлены полносоставные субъектно-предикатные структуры [Subject + Predicate], которые, в свою очередь, обуславливают манифестацию событийной пропозиции на уровне всего содержания сложноподчиненного предложения. Напомним, что наши схематизированные символы имеют следующие значения:

[⌒]- полная предикация на уровне одной части сложного предложения;

[⌒] - событийная пропозиция на уровне всего сложного предложения

и представим нашу схематизацию сложноподчинённого предложения (9):

(9): [he + is the one alone; my mirror] where [I + look]

Отметим, что в примере (9) к главному предложению примыкает также придаточное определительное, введённое союзным словом ***who***, но здесь мы его оставим без внимания, поскольку наш объект анализа - придаточное определительное, следующее за второй однородной составляющей с определяемой лексемой - именной частью составного именного сказуемого ***mirror***.

Главное предложение *he is … my faithful mirror* в совокупности с придаточным обстоятельственным места *where I can look and there can see my defeat, and my victory*

выражают в понятийно-смысловом плане на уровне всего сложноподчинённого событийную пропозицию; в данном примере данная пропозиция конституируется синтетически или расщеплено, поскольку придаточное места перемежается с придаточным определительным и с аппозитивно-введенными предложениями.

“Не менее существен для формирования каузативных конструкций фактор синтетического и расщепленного обозначения событий. Это явление, важное для понимания многих построений, заключается в “экстракции” субъекта, получающего в строе предложения отдельную синтаксическую позицию” [Арутюнова, 1976:174; Лазариди, 2017:35].

В примере (10) употреблено английское сложноподчиненное предложение, в котором обе составные части: главное предложение и придаточное обстоятельственное времени - обладают полносоставными субъектно-предикатными структурами:

(10): [a succession of shrieks + was replied] as [the seaman + stumbled]

Придаточное времени введено союзом as и находится, в сущности, в интерпозиции внутри главного предложения, поскольку на первое место в составе сложного вынесено обстоятельство времени *suddenly*, которое занимает эту начальную позицию ввиду его актуализации и смыслового акцентирования [Толенгутова, 2008: 14].

Событийная пропозиция заключается в сложноподчиненном предложении с придаточным обстоятельственным времени (10), можно представить как объемное элементарное “номинативное предложение, выполняющее единое коммуникативное задание осознания смысла. Этот факт не может не отразиться на расширении семантических свойств номинативного предложения как определенной синтаксической единицы” [Разинкина: 1989:120; Курганова, 2011:86].

В примере (11) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным образа действия; последнее введено в структуру сложного подчинительным составным союзом *as if* и поясняет глагол *looked*. Обе части данного сложноподчинённого предложения: главная и придаточная - обладают полносоставными субъектно-предикатными структурами, выражают полную предикацию и в совокупности двух субъектно-предикативных структур, также выражают событийную пропозицию.

(11): [bullet + looked] as if [he + understood; believed; was ready...]

В придаточном обстоятельственном в примере (11) употреблены два типа сказуемого: 1) простое: *understood; believed* и 2) составное глагольное *was ready*… Наличие двух типов сказуемого в большей мере обуславливают не только предикацию на уровне придаточного, но также и событийную пропозицию на уровне всего сложного предложения. Событийная пропозиция только усиливает предикацию в качестве высшей абстрагированной формы её проявления. Следствием такого усиления является то, что содержание всего сложноподчинённого приобретает законченность и актуальность и всем своим смыслом соотносится с действительностью [Смирницкий, 1957: 102].

В английском примере (12) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным причины, последнее введено подчинительным причинным союзом *because*. Так же, как и в примере (9), мы анализируем в данном примере (12) только интересующую нас синтаксическую единицу сложноподчинённого с придаточным обстоятельственным причины, оставляя прочие виды придаточных вне нашего внимания.

(12): [she + did come up ...] because [father + had seen]

Полносоставные субъектно-предикатные структуры, обладающие полной предикацией в обеих составных частях сложноподчинённого (12) детерминируют на уровне всего содержания данного сложноподчинённого событийную пропозицию.

В примере (13) употреблено английское сложноподчинённое предложение с придаточным цели; последнее вводится сложносоставным подчинительным целевым союзом *so that*. Обе составные части данного сложного предложения показывают полносоставные субъектно-предикатные структуры а, следовательно, выражают полные предикации:

(13): [he + becomes…] so that [he + may spend].

В данном английском примере с несколькими придаточными, среди которых нас интересует придаточное обстоятельственное причины, событийная пропозиция в сложноподчинённом с данным придаточным причины является только одной составной частью (но составной частью сложного вида) в более объёмной структуре

сложноподчинённого с несколькими придаточными, а также и сложными членами предложений. В данном объёмном сложноподчинённом предложении содержатся сложный причастный оборот с *for*, сложные дополнения с *to*, придаточное дополнительное с *that*, и это кроме анализируемого нами придаточного причины [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:80-81].

В английском примере (14) содержится сложноподчинённое с придаточным следствия; последнее введено в состав сложного посредством сложносоставного союза *so that* (часто вместо данного составного союза *so that* в разговорной речи употребляется просто его часть *so*). Субъектно-предикатные структуры обеих частей данного сложноподчинённого представляются полносоставными, а, следовательно, обладающие полной предикацией, которые, в свою очередь, обуславливают событийную пропозицию на уровне смысла всего сложного предложения:

(14): [The leaves... + were dark as thick] so that [no ray of light + came...].

Придаточное предложение в английском примере (14) выражает следствие, вытекающее из содержания главного предложения. Поскольку действия в обеих частях сложного совершаются одновременно, то постольку в них употреблена одна и та же простая глагольно-временная форма прошедшего неопределенного времени (Past Indefinite) [Гарбузова, 2014: 60].

В примере (15) употреблено английское сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным уступительным; данное придаточное уступительное указывает на обстоятельство, вопреки которому совершается действие в главном предложении, и вводится в структуру сложноподчинённого посредством подчинительного сложносоставного союза *in spite of the fact that*. Субъектно-предикатные структуры в обеих составных частях сложноподчинённого предложения (15) представляются полносоставными, а, следовательно, выражающими полную предикацию на данном уровне составных частей; на уровне же всего смысла сложноподчинённого предложения полная предикация составных частей детерминирует событийную пропозицию:

(15): [Clive Devon + went out] in spite of the fact that [he + had a bad cold]

В английском примере (16) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным условия; придаточное условия стоит в структуре сложного в препозиции и соединяется с главным предложением подчинительным условным союзом *if*. Осуществление действия главного предложения зависит от того условия, которое выражено в придаточном. Такая зависимость выражается в различных формах выражения сказуемого в обеих частях сложноподчинённого в примере (16): если придаточная часть выражена глагольно-временной формой прошедшего неопределённого времени (the Past Indefinite Tense), то главная часть выражается глагольно-временной формой будущего длительного в прошедшем (the Past Continuous in the Past). Такое разнопорядковое "согласование времён осуществляется, если употребление прошедшего времени в главном предложении меняет позицию во времени события, описываемого в придаточном" [Гарбузова, 2014].

(16): [he + did not ...] if [the adventure + would be proved to have been ...]

В данной схематизации позиционное размещение придаточного и главного проведено так, как оно имеет место в самом примере (16).

В обеих частях сложноподчинённого предложения (16) - в главном и придаточном - представлены полносоставные субъектно-предикатные структуры с полной предикацией, которые детерминируют общее содержание всего сложного предложения как явления с событийной пропозицией.

7.3. Структурно-семантическая характеристика кыргызских функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным

Выше мы уже показали, что аналогичными функциональными соответствиями для английских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным в кыргызском синтаксисе выступают сходные сложноподчинённые предложения, которые имеют подобную же синтаксическую структуру [разумеется, обусловленную тюркским агглютинативным синтаксисом].

Кыргызские сложноподчинённые предложения с придаточным обстоятельственным, так же как и таковые английские, имеют главную и придаточную части. Главное предложение обладает более широкой семантикой чем придаточное. Оно как бы коррелирует со своими придаточными, "...ибо наполняемость содержания главного предложения обусловлена его связью с придаточным" [Жапар, 1992, ч. II: 261].

Придаточные предложения являются в структуре кыргызского сложноподчинённого предложения несамостоятельными синтаксическими единицами, подчиняются главным формам своего сказуемого. "Сказуемое придаточного предложения выражено такими специфическими формами сказуемости, которые невозможны в отдельных простых предложениях, в силу чего придаточное всегда находится в зависимом положении по отношению к главному предложению" [цит. соч., там же].

Отличаясь от сложноподчинённых предложений, специфика своей синтаксической структуры, кыргызское сложноподчинённое предложение передаёт свою зависимость в подавляющем большинстве только синтетическими формами сказуемости. Многообразие сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными обусловлено присущим им синтетическими формами сказуемости. Таким образом, подразделение кыргызских придаточных обстоятельственных на придаточные: 1) времени; 2) образа действия; 3) причины; 4) цели; 5) уступительные; 6) условные и 7) сравнительные - было произведено в соответствии с двумя принципами: во-первых, принцип смыслового подчинения придаточного главному и, во-вторых, грамматико-сказуемостного выражения этой смысловой подчинённости. Приведем некоторые примеры:

(1) "Кыргызстанда Совет бийлигинин орнотолушу менен манапчылык элди эзген катмар катары бир беткей сынга алынып, кыргыз коомундагы реакциялык көрүнүш катары айыпталган" [Осмонов, 2007].

(2) "1934-ж. жазылып бүткөн китебинде Б. Солтоноев кыргыз коомун эзичүү жана эзилүүчү таптар деп экиге бөлүп, эзичүүлөрдүн реакциячыл, зордукчул, каңкор бейнесин (образын) түзүүгө милдетүү болгон" [Осмонов, 2007].

(3) "Бул кунан ат чабышка жарабайт, анткени дагы эле жаш" [Эралиев, 2000].

(4) Жаштар сапаттуу билим алаш үчүн, биздин өлкөдө бардык шарттар төзулгөн жана түзулуп да жатат[Култаева, 2008].

(5) “Канчалык булбул болсоң да,
Талыкшыйт окшойт курган тил” [Токомбаев, 1995].

(6) “Эгер сый болсо сенин урматыңа,
Сен барын, ичин-жегин кубанчыңы [Баласагын, 1993].

В кыргызском примере (1) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточными обстоятельственными времени. К придаточному может быть поставлен только один вопрос: качан - когда (происходило действие, выраженное в главном предложении?) Придаточное времени, присоединенное к главному посредством многозначного послелога “менен”, но со значением “как только”, “после того как”, поясняет временное обстоятельство происхождения действия и относится к глаголу-сказуемому главного предложения “сынга алынып, айыптаган” [Эргешбаева, 2006: 20-21].

В кыргызском примере (2) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным образа действия; последнее соединяется с главным посредством формы сказуемости, выраженной глаголом “бөлүп” с аффиксом деепричастия “-үп”. Придаточное образа действия, находясь в препозиции, поясняет обстоятельство при совершении действия главного предложения “милдетүү болгон”. Отметим, что кыргызские придаточные обстоятельственные образа действия включают в свой состав и сравнительные конструкции, которые “...употребляются для сравнения по сходству или различию одного события, действия, явления с другим событием, действием, явлением” [Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:165], поскольку данные сравнительные синтаксические конструкции, вводимые по формулам: “кандай (как) + условная форма глагола”, “ деепричастие на -ганча (-гынча)”, “ причастная форма на -ган + лексема “сыяктуу”, “форма на -ган + аффикс уподобления “-дай””, “условная форма глагола на -са” - являются, в сущности, разновидностями придаточного обстоятельственного образа действия, поскольку они также отвечают на вопрос: кандай - как? и кандай шартта? (происходило действие, выраженное в главном предложении?).

В кыргызском примере (3) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточными обстоятельственными причины, присоединяется к препозитивному главному предложению посредством причинного союза “анткени”, который возник из слияния двух самостоятельных слов (андай + эткени, себеп) [цит.соч.: 163], и поясняет весь смысл главного предложения, непосредственно относясь к составному глагольному сказуемому “ат чабышка жарабайт”. Отметим, “в современном киргизском языке придаточные причины, как и некоторые другие типы придаточных, относятся к числу формирующихся типов придаточных” [цит.соч.: 162]; ранее вместо придаточных причины использовался тип бессоюзного, или сложноподчинённого предложения, в которых в первом из предложений излагалась причина того или иного действия, выраженного в последующем предложении. И тогда, видимо, использовалось названное выше словосочетание “андай + эткени”, а также и лексема “себеп”; последняя трансформировалась сегодня в причинный союз “себеби”, второй по частотности употребления после “анткени”.

В кыргызском примере (4) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным цели. Препозитивное придаточное цели выражает цель того, о чём говорится в постпозитивном главном предложении, оно вводится посредством целевого союза “үчүн”. Отвечая на вопрос: эмне үчүн - для чего?; эмне максат менен - для какой цели, с какой целью? - придаточное цели поясняет содержание всего главного предложения.

В кыргызском примере (5) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным условия; последнее, занимая препозицию, относительно постпозитивного главного, вводится условной формой глагола на “-са” с частицей “да” (вариант “дагы”): “болсоң да”. Подчинительные средства в сложноподчиненных с придаточными обстоятельственными уступительными разнообразны - это не названная выше условная форма глагола на “- са” + частица “да” (“дагы”), но также “одна условная форма глагола на - са”; “причастная форма на -ган + послелог “менен” (в значении “несмотря на то, что”)”; “относительные местоимения и наречия кайсы, кандай, канчалык и другие + глагол на - “-сын”; “деепричастная форма “карабастан””. Общим значением кыргызского сложноподчиненного с условным

придаточным является условие происхождения события, выраженного в главном, события, выраженного придаточным, и при этом действие в главном все же имеет место, благодаря значению придаточного. И потому придаточное обстоятельственное условное в кыргызском сложноподчинённом всегда предшествует главному, как это имеет место в примере (5).

В кыргызском примере (6) также употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным условным; придаточное условное занимает, в соответствии с логикой последовательности действий в данном подтипе сложноподчинённых предложений, препозицию относительно главного: ведь вначале в придаточном обстоятельственном излагаются условия (условие), а затем совершается действие главного предложения [Өмүралиев, 1991:170]. В кыргызском языке обстоятельственные придаточные условные присоединяются к постпозитивному главному такими языковыми средствами: “сочетание условного союза “эгер” + вспомогательный глагол в условной форме “болсо””; “эгер + аффикс условности -са”; “эгерде + -са”; “аффикс условности -ганча”; один аффикс условности, но в повелительном наклонении “-саң”; повелительная лексема “десең”. В нашем примере (6) придаточное условное присоединяется и подчиняется главному сочетанием “эгер + болсо”.

Однако следует отметить, что кыргызские сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными образуются двумя способами: бессоюзным способом, когда придаточное предложение оформляется грамматической формой субстантивного слова с разнообразными аффиксами причастий и деепричастий, падежными аффиксами, а также сравнительными аффиксами; союзным способом, когда придаточное обстоятельственное оформляет подчинительными союзами и союзными словами.

В приведенных выше примерах бессоюзным способом были образованы предложения: (2), (5), и (6); союзным же способом – (1), (3) и (4).

Лингвистический анализ кыргызскоязычного материала по сложноподчиненным предложениям с придаточными обстоятельственными выявляет, что с позиций плана содержания данных синтаксических единиц имеются две разновидности предикации: полная и свёрнутая - и, соответственно, два вида пропозиций: событийная и завершённая.

Однако, приведем некоторые примеры, начнем с полной предикации и событийной пропозиции:

(7) “Беш күн, беш түндөн бери жылкыда болгон абышкасы бүгүн үйдө түнөөгөнгө келген соң, кемпири да балкылдап кубанып калган болучу” [Сыдыкбеков, 1985].

(8) Кыялды кыял бөлчөктөйт,
Таруудай даны миң болуп [Токомбаев, 1995].

(9) “Деги ушул жума кыйын болду, үйдө апасы ооруп” [Айтматов, 2003].

(10) “Байке, канчалык алар кыйын күнгө туш келсе да, балалыктын эч нерсеге баш ийбеген өз жыргалы бар эмеспи” [Култаева, 2008].

(11) “Эгер бек билимдүү да, эстүү болсо,
Эки дүйнө даңкы ашат дал ошончо!” [Баласагын, 1993].

В кыргызском примере (7) мы имеем сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным времени, подчинённое главному послелогом “соң”; данный послелог указывает на завершённость действия в составе придаточного по отношению к главному сказуемому в составе главного. В данном сложноподчинённом в обеих частях сложноподчинённого наличествует полносоставная субъектно-предикатная структура и полная предикация и, следовательно, завершённая пропозиция на уровне сложного предложения:

(7): [абышкасы + келген] соң [кемпири да + кубанып калган болучу]

В примере (8) мы имеем кыргызское сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным образа действия, в котором данное придаточное, занимая нетипичную для агглютинативного кыргызского языка постпозитивное положение, подчиняется главному посредством сравнительного аффикса “-дай”. В обеих составных частях данного сложноподчинённого (8) имеется полносоставная объектно-предикатная структура и также завершённая пропозиция на уровне всего сложного предложения:

(8): [кыял + бөлчөктөйт] -дай [даны + миң болуп]

В примере (9) мы имеем кыргызское сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным причины; данное придаточное, как и ранее придаточное в примере (8), занимает нетипичное постпозитивное положение, и подчиняется главному посредством аффикса деепричастия “-уп” в лексеме “ооруп”. В обеих частях сложноподчинённого (9) наличествуют полносоставные субъектно-предикатные структуры и также завершённая пропозиция на уровне сложного предложения:

(9): [ушул жума + кыйын болду] -уп [апасы + ооруп]

В примере (10) мы имеем сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственным уступительным; уступительное присоединяется и подчиняется главному посредством условной формы глагола на “-са” + частица “да”. Данный аффикс “-са” + уступительная частица “да” в совокупности представляют значение “хотя”, т.е. уступительности в чистом виде [Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:159]. Обе составные части сложноподчинённого предложения (10) показывают полносоставные субъектно-предикатные структуры и выражают, соответственно, полную предикацию, а также на уровне сложного предложения завершённую пропозицию:

(10): [алар + кыйын күнгө туш келсе да] -се да [жыргалы + бар эмеспи]

Предикат-сказуемое в придаточном уступительном “кыйын күнгө туш келсе да”, представляет собой фразеологизированную сложносоставную глагольную форму, состоящую из трёх компонентов: [1. изафетного определения “кыйын күн”, 2. составного глагола “туш келсе” и 3. частицы “да”]; и при этом данная глагольно-фразеологированная форма выражает семантику одновременности действия данного придаточного с действием главного [Карыбаев, Карыбаева, 2001: 62-63].

Кыргызский пример (11) содержит сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным условным, в котором придаточное присоединяется и подчиняется главному сдвоенными грамматическими средствами: 1) условным союзом “эгер” и 2) условным аффиксом во вспомогательном глаголе “болсо”. Такое сдвоенное употребление подчинительных средств только “… усиливает значение условности и

является дополнительным средством её выражения" [Жапар, 1992, ч.II:268]. Обе составные части сложноподчинённого предложения имеют полносоставные субъектно-предикатные структуры и выражают полную предикацию, а также завершённую пропозициюна уровне сложного предложения:

(11): [бек + билимдүү да, эстүү болсо] эгер + "-со" [даңкы + ашат]

Во всех вышеприведённых кыргызских примерах (7) – (11) имеет место полносоставная субъектно-предикатная структура и, соответственно, полная предикация. Последнее же, в свою очередь, детерминирует завершённую пропозицию, которую мы, в противоположность к краткому знаку предикации [ ], обозначили долгим знаком пропозиции

[ ]. При этом завершённая пропозиция трактуется нами, как мы уже не раз отмечали, как высшая ступень предикации, действующая в объёме всего сложного предложения и связывая их части воедино, в одну сложную смысловую структуру и актуализируя "каузацию события" [Арутюнова, 1976: 175].

Лингвистический анализ кыргызскоязычного фактического материала также показывает, что кыргызские сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными в большей степени обладают неполносоставной субъектно-предикатной структурой, выражающей свернутую предикацию, и, соответственно, выражают завершённую пропозицию. Приведём некоторые примеры на такие сложноподчинённые кыргызские предложения с придаточными обстоятельственными:

(12) "Канат көзүн ачканда, төшөгө жаткандай сезди" [Токтогонов, 1999].

(13) "Жылт-жулт этип алыстагы жалындай,
Жылып өмүр жоголууда табылбай [Токомбаев, 1995].

(14) "Жайдарбек тигилердин көңүлүн жай кылуу үчүн аларын алып, бирок "айылга буларды кайсы бетим менен алып барам. Жуугучтан алдым деп айтамбы?" деген сыяктуу жүз кырдуу санаа тартып жол тартып келатты" [Медетов, 1986].

(15) "Дастанды жаратуу үчүн анын автору Фердоуси чыгыштын көп өлкөлөрүнө саякат жасап, керектөө материалдарды чогулткан" [Эралиев, 2000].

(16) “Ак бугу чарчай түшкөнүнө карабастан, мурда баамдабаган жеңиштин асемдүү сезиминде баратты” [Мансуров, 1984].

Мы уже ранее отмечали неоднократно по вопросу идентификации языковых единиц с причастными аффиксами, что здесь имеются два мнения: одни учёные считают языковые единицы с аффиксом причастия “-ган” определением при существительном ввиду отсутствия у него личных глагольных показателей [Акматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975: 121], другие учёные считают, что причастия на “-ган” “… выступают в роли предикативных центров, осуществляя в этом случае двойственную функцию: зависимого сказуемого придаточного предложения и компонента, выражающего подчинительную связь” [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 306].

Мы уже отмечали, что мы придерживаемся второй точки зрения по этому вопросу и считаем, что у неличных форм сказуемых наличествует некоторая свёрнутая предикативная функция, а также способность формировать различные виды придаточных предложений. “Данная точка зрения, на наш взгляд, является наиболее конструктивной, потому что исходит прежде всего из своеобразия, специфических особенностей синтаксического строя современных тюркских языков, учитывает живые, активные процессы, происходящие в структуре данных языков …” [Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:157].

Напомним значения употребляемых нами символов:

[⌒] - свёрнутая предикация

[⌒] - полная предикация

[⌒] - завершенная пропозиция

[. . . . .] - незавершенная пропозиция

В кыргызском примере (12) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным времени, на временной характер придаточного указывает словоформа «ачканда» с аффиксом причастия «-ган» в форме местного падежа.

Однако в данном примере содержится как полносоставная субъектно-предикатная структура в составе придаточного предложения «канат козүн ачканда» и неполносоставная в составе главного предложения «төшөктө жаткандай сезилди».

Данный тип кыргызских предложений типа «төшөктө жаткандай сезилди» носит название «определённо-личного предложения», поскольку его подлежащие «канат» определено в препозитивном придаточном предложении.

Таким образом, субъектно-предикатная структура главного предложения является неполносоставной, в то время как таковая придаточного обстоятельственного является полносоставной. И, следовательно, свёрнутая предикация главного предложения вкупе с полной предикацией придаточного обусловливают образование незавершённой пропозиции как высшей степени предикации: если предикация действует на уровне составной части сложного предложения, то пропозиция охватывает уже всё содержание сложного, в нашем случае сложноподчинённого с придаточным обстоятельственным времени [Общее языкознание: Внутренняя структура языка, 1972:318-319]:

(12): [канат + көзүн ачканда] -нда [(канат) + сезди].

В кыргызском примере (13) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным образа действия; последнее присоединяется и подчиняется главному предложению посредством сравнительного аффикса существительных “-дай”; но присоединение этого аффикса к существительному переводит его в разряд имен прилагательных. В препозитивном придаточном обстоятельственным образа действия отсутствует формальное подлежащее, но оно подразумевается и эксплицируется в главном предложении “өмүр”. Таким образом, в придаточном образа действия в данном примере (13) содержится неполносоставная субъектно-предикатная структура, выражающая свёрнутую предикацию, в то время как в главном предложении содержится полносоставная субъектно-предикатная структура с полной предикацией. Однако, свёрнутая предикация придаточного обстоятельственного и полная предикация главного детерминируют явление незавершённой пропозиции на уровне содержания всего сложноподчинённого предложения [Шубина, 1986: 67-68]:

(13): [алыстагы жалындай] “-дай” [өмүр + жоголууда табылбай].

В кыргызском примере (14) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным времени. Последнее вводится в структуру сложноподчинённого подчинительным союзом “үчүн” совместно с именем действия на “-уу” – “жай кылуу үчүн”. Придаточное обстоятельственное времени показывает полносоставную субъектно-предикатную структуру и, следовательно, полную предикацию, в то время как главное предложение показывает неполносоставную субъектно-предикатную структуру, без грамматического подлежащего, и, следовательно, свёрнутую предикацию; общая пропозиция, свойственная всему содержанию сложноподчинённого предложения с придаточным обстоятельственным причины является пропозицией незавершённого типа:

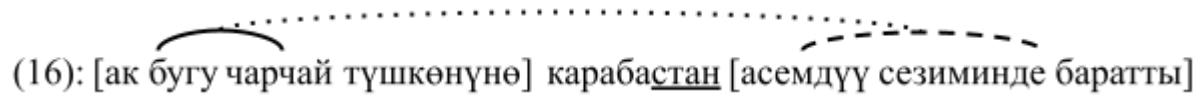
(14): [Жайдарбек + аларын алып] [жол тартып келатты].

В кыргызском примере (15) употреблено кыргызское сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным цели; последнее введено и подчинено главным посредством подчинительного союза “үчүн”. В придаточном, относящимся к глаголу-сказуемому главного “(материалды) чогулткан”, отсутствует формальное подлежащее, но имеется имплицитно выраженный логический субъект действия, мотивированное совместным употреблением союза “үчүн” и имени действия “жаратуу”, поскольку такое совместное употребление двух единиц “жаратуу үчүн” предполагает “производителя действия”. Главное же предложение содержит полносоставную субъектно-предикатную структуру и выражает полную предикацию. Свёрнутая предикация придаточного обстоятельственного цели и полная предикация главного в примере (15) детерминируют действие незавершённой пропозиции:

(15): [дастанды жаратуу] үчүн [Фердоуси + материал чогулткан]

В кыргызском примере (16) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным уступительным. Означенное придаточное находится в препозиции относительно постпозитивного главного и подчинено главному посредством

подчинительно-уступительного аффикса “-стан” в лексеме “-карабастан”; данное придаточное уступительное показывает полносоставную субъектно-предикатную структуру и полную предикацию, а главное - неполносоставную субъектно-предикатную структуру и свёрнутую предикацию. Всё же содержание сложноподчинённого выражает завершённую пропозицию:



7.4. Структурно-семантическое сопоставление английских сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными их кыргызских функциональных соответствий

Ранее мы уже установили, что в качестве функциональных соответствий для английских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным в кыргызском языке выступают аналогичным образом созданные сходные сложноподчинённые предложения с подобным же по своей семантике и структуре придаточным обстоятельвтвенным [разумется, отличающего принадлежностью к тюркскому агглютинативному синтаксу].

Сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными в обоих анализируемых языках: английском и кыргызском - совпадают в своей главной функциональной основе - их придаточные являются широкими предикативными соответствиями второстепенного члена предложения – обстоятельства.

Однако наше раздельное изучение до сих пор в данной главе языкового материала английского языка как исходного и кыргызского языка как сопоставляемого показало, что, несмотря на общие лингвистические совпадения, всё же в их классификациях имеются некоторые различия, обусловленные типом языка: английского и кыргызского.

Так в английском языке имеется тип сложноподчинённого предложения, которое не выделяется в кыргызском языке – сложноподчинённое с придаточным следствия. В кыргызском синтаксисе такое предложение как бы «растворяется» между сложноподчинённым с придаточным причины [анализирующего начало осложнённого действия, выраженного в сложном предложении] и сложноподчинённым предложением с

придаточным цели [актуализирующего конечную точку такого осложнённого действия]. И вследствие этого кыргызские синтаксисты никак не выделяют такой тип сложноподчинённого предложения с придаточным следствия [Жакыпов, 1975:1952-167; Жапаров, 1979:307-316; Иманов, 2009: 365-396].

Еще один тип кыргызского сложноподчинённого предложения с придаточным места не нашёл однозначного толкования в кыргызском языке. Что обусловлено его смысловой близостью или к сложноподчинённого с придаточным времени, или же к сложноподчинённом с придаточным образа действия. В связи с таким расплывчатым пониманием природы сложноподчинённого с придаточным места в кыргызском языкознании представлены две диаметрально противоположные точки зрения. Первая точка зрения отрицает наличие в кыргызском синтаксисе типа сложноподчинённого предложения с придаточным места [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:216; Дыйканов, 1990:359; Биялиев, 2002: 255-258].

Другая точка зрения однозначно выделяет в кыргызском синтаксисе тип сложноподчинённого предложения с придаточным места, не принимая во внимание его смысловую близость с типами сложноподчинённых предложений с придаточным времени и с придаточным образа действия [Жакыпов, 1975:166; Өмуралиев,1991:165; Иманов, 2009:394].

Но всё же кыргызское сложноподчинённое предложение с придаточным места не показывает явного автономного существования: он в процессе своего языкового функционирования тяготеет то к придаточныму времени [Мен үйдо уктап жаткында, иним мектепке кетиптир], то к придаточному образа действия [Досубуз ооруканада катуу ооруп жаткында, биз аны төрт жөлу көруп, ден соолугун сурап кеттик].

И потому мы присоединяемся в вопросе видения такой разновидности сложноподчинённогопредложения с придаточным, выражающим локальность статического и динамического плана, к мнению известного кыргызского языковеда-синтаксиста А.Жапарова (А.Жапар), который предлагает различиать «придаточные предложения меры места и направления» [Орун, багыт өлгөн багыныңкы сүйлөм]; как например:

Замандын агымы бизди кайда бөпөлөсө журт ошол жакта; или

Саангы кайда болсо сабаа ошол жерде [Жапаров, 1979:316; Жапар, 1992, ч. II:277-278].

В соответствии с таким пониманием подразделения сложноподчинённых предложений в исходном английском языке и в сопоставлемом кыргызском оформим всё вышеизложенное в виде некоторой таблицы:

Таблица №6

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМИ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ	
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК
1) придаточное места	1) придаточное места и направления
2) придаточное времени	2) придаточное времени
3) придаточное образа действия	3) придаточное образа действия
4) придаточное причины	4) придаточное причины
5) придаточное цели	5) придаточное цели
6) придаточное следствия	
7) придаточное уступительное	6) придаточное уступительное
8) придаточное условное	7) придаточное условное
	8) придаточное сравнительное

Семантика придаточных в обоих анализируемых языках зависят не в малой степени от места его расположения относительно главного предложения: в препозиции, т.е. перед главным предложением, или же в постпозиции, т.е. после главного предложения. Существует общая тенденция в обоих сравниваемых языках: в английском языке более двух третей придаточных обстоятельственных, в среднем, самых разнообразных модификаций состоит в структуре сложноподчинённого предложения в постпозиции, т.е. после главного; в кыргызском языке более трёх четвертей придаточных обстоятельственных, в среднем, самых разнообразных модификаций стоит в структуре сложноподчинённого предложения в препозиции, т.е. перед главным предложением. Например:

(1) “My earliest recollections of a school-life are connected with a large, rambling, Elizabethan house, in a misty-looking village of England, where were a vast number of gigantic and gnarled trees, and where all the houses were excessively ancient” [Poe, 1984].

(2) “At the precise period, then, when his history properly commences, Legs, and his fellow, Hugh Tarpaulin, sat, each with both elbows resting upon the large oaken table in the middle of the floor, and with a hand upon either check” [Poe, 1984].

(3) “As soon as we had reached this sequestered abode, the Indian once more sat himself down, and leaned his head upon his hand, melancholy enough, to be sure” [Freneau, 1984].

(4) “Идирис Кадыркулов жөнүндө ойлогонумда, менин көз алдыма аскер формасындагы, автоматчан, көздөрүнөн жалын чачыраган, кара каш, кара көз, шыргыйдай жаш жигиттин элеси келет…”[Саатов, 1974].

(5) “Эмне эксең, ошону оросуң” [поговорка].

(6) “Тууну, асабаны дайыма көрүнөө жерде кармаш керек, анткени ал жортуулга чыккан учурда аскерлерге дайыма дем берип турат” [Эралиев, 2000].

В английском примере (1) мы имеем в составе сложноподчинённого придаточное обстоятельственное места, в примере (2) - придаточное времени. Данные придаточные занимают постпозитивное положение относительно главного. Это обусловлено не только аналитическим характером английского предложения, но также и закономерно устоявшейся последовательностью членов предложения в составе предложения (простого предложения), когда обстоятельство стоит в предложении после дополнения; видимо, данная закономерность простого предложения распространяется на сложноподчинённое с придаточным обстоятельственным [Качалова, Израилевич, т.2, 1995: 27-28].

Однако в английском примере (3), в котором употреблено также сложноподчинённое с придаточным обстоятельственным времени, на этот раз данное придаточное вынесено в препозиции относительно главного предложения. Видимо, здесь также проявляется закономерность обратного порядка слов, действенная в простом распространённом элементарном предложении: “Обратный порядок слов имеет место в предложении, начинающемся с обстоятельственных слов...” [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:29; Щепкина, 2001:36]. И потому придаточное обстоятельственное времени, вводимое сложносоставным союзом *as soon as*, вынесено в сложноподчинённом английском предложении (3) на первое место, в препозицию относительно главного предложения.

В кыргызском примере (4) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным времени: последнее соединяется с главным посредством послелога “жөнүндө” и личным глагольным аффиксом 1-го лица единственного числа в настоящем времени; в кыргызском примере (5) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным условным; последнее соединяется с главным бессоюзным способом. Оба придаточных обстоятельственных в кыргызских примерах (4) и (5) занимают препозицию относительно главного. Такое обычное расположение языковых единиц в составе сложного мотивировано тем, что в кыргызских высказываниях, как и в простых агглютинативных тюркских языках, языковые единицы с наибольшей семантической нагрузкой (например, глагол-сказуемое в составе простого распространённого элементарного предложения) выносятся в постпозицию и в конец высказывания [Жапаров, 2007:174-175; Кадыркулова, 2009: 19]. И потому главное предложение как носитель релевантного смысла стоит в кыргызском языке большей частью в постпозиции относительно менее семантически релевантного придаточного.

Но в кыргызском сложноподчинённом предложении некоторые подчинительные союзы, например, подчинительный союз “анткени” с подчинительным значением в примере (6), влияют на придаточное, с тем чтобы оно занимало бы постпозицию относительно главного [Умаров, 1973: 175]. Но таких постпозитивных местоположений придаточного обстоятельственного в кыргызском языке насчитывается меньше, чем их препозитивного расположения примерно одно придаточное из четырёх и также по восьми видам в кыргызском: 1) места и направления; 2) времени; 3) образа действия; 4) причины; 5) цели; 6) уступительные; 7) условные и 8) сравнительные – полностью укладываются в канву нашего сопоставительно-типологического исследования. Например:

(7) “If you wish to live carefree,
well-fed, and comfortably,
On all esle close your eyes,
Where your own talent lies,
And sing the Dictator’s praise!
And no other ‘hits’ then raise!” [Shakhanov, 1999]

(8) “Белорус жерин кыдырганда, эр жүрөк белорус элин аралаганда, анын эл акыны, СССРдин эл достугун даңазалаган дааныштман акын Янка Купаланын ысмы эрксизден эске түшөт …” [Исаков, 1974].

(9) “When the weather is fair and settled, they are clothed in blue and purple, and print their bold outlines on the clear evening sky” [Irwing, 1984].

(10) “Натыйжада 840-жылдын кыш айларында уйгурлардын борбору болгон Каракорум шаары кыргыздардын аскерлери тарабынан алынып, уйгурлар толук бойдон талкаланды” [Эралиев, 2000].

(11) “Here, Bullet bristled up, and looked as if he had been hunting for Bob all day long, and had just found him” [Longstreet, 1984].

(12) “Ойлобой үлгү болуп жаралганын,
Шакекти оюнчуктай эсептешет” [Токомбаев, 1995].

(13) “They fought for their price, and they took good care that they obtained their price; but, the price settled, they fought well, for they staunch men and true, according to their lights, though these lights may have been placed somewhat low down, near the earth” [Jerome, 2012].

(14) “Бонундардын колхозунда орто мектеп жок болгондуктан, райондун борборундагы орто мектептен окуп жүргөн” [Медетов, 1986].

(15) “He wrote down her telephone number for fear that he might forget it” [Wambaugh, 1993].

(16) “Ошентип, алчууларды алам **деп**, кылчууларды кылам **деп**, сөзгө көнбөгөн Турумбек манап иниси Жапар баштаган беш жигитин ээрчитип ошол түнү чыгып, алиги жерге барышат” [Сариев, 2012].

(17) “The money was soon in the bags so that the boys took it up to the cross rock” [Twain, 2012].

(18) “Жакындай берип ыраактан,
Ууз сезим арнап сыр ачкан” [Атантаев, 2011].

(19) “Although Tom’s ear hurt, but he felt happiness in his heart” [Twain, 2012].

(20) “Ал көр болбосо, Шыгай болушту тирүүсүндө таманын жалап, жугундусун ичип, итче шыйпандаган жигиттери өлөр замат таштай качып жөнөштү” [Медетов, 1986].

(21) “If you see him, you just follow him; and if he doesn’t go to that No.2, that isn’t a place” [Twain, 2012].

(22) “Эгерде көргөн түшүң болсо жаман,
ЫIрымдап дүнүйө чач – сооп-саган” [Баласагын, 1993].

В примерах (7) и (8) приведены английское и кыргызское сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными места в английском языке и с придаточным образа действия в кыргызском, которые по своему плану содержания выглядят функционально сходными: в обоих языках, в английском (7) и кыргызском (8), они находятся в типичных для них положениях, в постпозитивном английском и препозитивном в кыргызском языке; при этом оба придаточных обстоятельственных уточняют, где, в каком месте или каким образом происходит действие главного [Качалова, Израилевич, т.2, 1995: 67-68; Жапар, 1992, ч. II:277-278].

Функционально сходными представляются английское и кыргызское сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельствами времени в примерах (9) и (10). В английском сложноподчинённом предложении (9) придаточное времени занимает нечастотное для него препозитивное положение, а в кыргызском языке такое препозитивное положение в примере (10) является частотным и типичным. Оба придаточных времени поясняют глагол-сказуемое главного предложения, идентифицируя временной отрезок действия [Беляева, 1977: 279-280; Могучий фактор национально-языкового развития, 1981: 160-161].

В примерах (11) и (12) представлен подтип английского и кыргызского сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным образа действия. Оба придаточных, английского в (11) и кыргызского в (12) занимают частотные и типичные для них постпозитивное положение: английское и препозитивное кыргызское. Оба придаточных образа действия поясняют как, каким образом происходит действие, выраженное в глаголе-сказуемом главного предложения [Смирницкий, 1957:220-221; Жакыпов, 1975: 62-163].

В английском примере (13) и в кыргызском (14) представлены сложноподчинённые предложения с придаточным обстоятельственным причины; при этом оба придаточных

занимают частотные и типичные для них положения: постпозитивное английское и препозитивное кыргызское. В обоих сложноподчинённых придаточные причины объясняют факт того, в силу каких причин действие главного предложения совершается так, а не иначе. Таким образом, данный подтип сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным причины в обоих языках, английском и кыргызском, представляется функционально сходным [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956: 333-334; Жапаров, 2007: 343].

В английском примере (15) и в кыргызском (16) представлены сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными цели. Занимая типичные и частотные для них положения, - английское придаточное в постпозиции и кыргызское придаточное в постпозиции, - данные придаточные поясняют характер действия, цель которого обуславливается содержанием главного предложения. Таким образом, функциональная сущность данного подтипа английского и кыргызского сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным цели представляется сходной [Грузинская, Черкасская, 1956: 221; Биялиев, 2002: 257].

В примерах (17) и (18) представлены английское и кыргызское сложноподчинённые предложения с придаточным обстоятельственным следствия английском языке и с придаточным обстоятельственным цели в кыргызском. Если постпозитивное положение английского придаточного следствия в примере (17) представляется частотным и обычным, то такое же постпозитивное положение кыргызского придаточного следствия представляется нечастотным и нетипичным. Но общее функциональное сходство обоих подтипов сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным следствия является имеющимся фактом, поскольку в обоих языках придаточные предложения имеют значение следствия, вытекающего из всего содержания главного предложения [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981: 237-238; Шаршенова, 1991:14-15].

В примерах (19) и (20) представлены английское и кыргызское сложноподчинённые предложения с придаточным обстоятельственным уступительным. Однако, если кыргызское придаточное уступительное занимает частотную и обычную позицию перед главным предложением, то английское придаточное уступительное, занимая такое же препозитивное положение относительного главного предложения, стоит в нечастотном

положении в препозиции. Однако функциональная сущность такого подтипа сложноподчинённых предложений в английском и кыргызском языках представляется сходной: в обоих языках общий смысл всего сложноподчинённого эксплицирует противоположность событий одного предложения событиям другого по своему семантическому содержанию [Дейк, 1978: 272-273; Иманов, 2009: 386].

В примере (21) и (22) представлены английское и кыргызское сложноподчинённые предложения с придаточным обстоятельственным условным. В английском примере (21) придаточное обстоятельственное занимает нечастотную препозицию относительно главного предложения, а в кыргызском примере (22) такое же препозитивное положение придаточного условия является частотным и обычным. Функциональная сущность данного подтипа английских и кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточным условным является сходной, поскольку в обоих языках реализуется одна и та же семантика о том, что действие главного предложения совершается (или не совершается) при условии, передаваемым условным придаточным предложением [Борисова, 1967: 4-5; Дыйканов, 1990: 363].

Английские и кыргызские сложноподчиненные предложения с придаточным обстоятельственным имеют общую характеристику не только в классификации и подразделении их по восьми пунктам в английском языке и по семи пунктам в кыргызском, в соответствии с их семантикой, выражаемой их придаточными обстоятельственными, но также и в выражении всего содержания сложноподчинённого полной предикации на уровне составных частей сложноподчинённого и, соответственно, событийной пропозиции на уровне всего содержания сложноподчинённого. Приведём некоторые примеры и поясним наше мнение на основе иллюстративного материала:

(23) I dreamed, almost since birth,
To live free on this sacred earth,
In my own homeland here,
Where two clever leaders stand clear -
Abai, and Auezov, both grand … [Shakhanov, 1999].

(24) "While I was ill, an Idiot that strolled about the village, chanced to stroll into my chamber" [Brown, 1984].

(25) “Ols as he works with great energy and enthusiasm” [Wilde, 1979].

(26) “Кулубай балдары менен мергенчиликке барганда, бардыгы чогуу кийик уулачу эмес, кайберендер батырлачу жайларды жакшы биле турган” [Медетов, 1986].

(27) “Табийгат кимге берсе сезим, жүрөк,
Махаббат жүрөк менен бирге жүрөт” [Токомбаев, 1995].

(28) Эгерде бек баштаса кумар, шарап,
Өлкө иши өөрчүбөй артта калат [Баласагын, 1993].

В примере (23) употреблено английское сложное предложение с придаточным обстоятельственным места; последнее вводится в структуру сложноподчинённого посредством союзного слова *where*. Обе составные части данного английского сложноподчинённого предложения с придаточным обстоятельственным места имеют полносоставную субъектно-предикатную структуру и, соответственно, выражают полную предикацию; последнее же концентрируясь в семантических содержаниях обеих составных частей сложноподчинённого, обусловливает действие завершённой пропозиции:

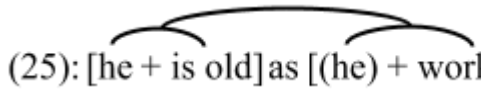
(23): [I + dreamed] where [two leaders + stand clear…]

В другом английском примере (24) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным времени; придаточное введено при этом посредством союзного слова *while*. Обе составные части сложноподчинённого предложения проявляют полносоставную субъектно-предикатную структуру и, соответственно, выражают полную предикацию, а всем своим содержанием данное сложноподчинённое предложение выражает завершённую пропозицию:

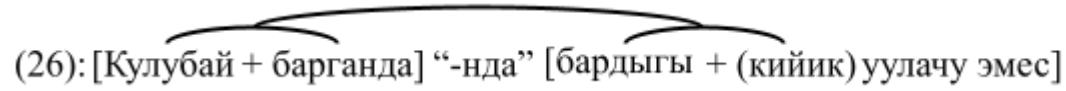
(24): [I + was ill] while [an Idiot + chanced to stroll …]

В английском примере (25) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным уступительным, в котором придаточное уступительное подчинено главному предложению посредством подчинительного союза as в значении “хотя”. Обе составные части данного сложноподчинённого предложения содержат полносоставную субъектно-предикатную структуру и, соответственно, выражают полную

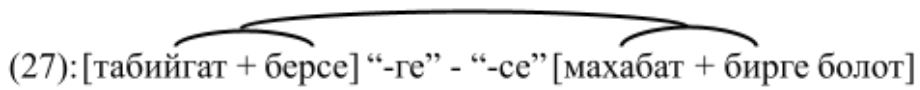
предикацию; общее содержание всего сложноподчинённого предложения выражает при этом событийную пропозицию:



В кыргызском примере (26) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным времени; придаточное обстоятельственное присоединяется и подчиняется постпозитивному главному предложению посредством личного именного аффикса со значением времени “-нда” в лексеме “барганда”. Обе составные части сложноподчинённого проявляют полносоставную субъектно-предикатную структуру и, соответственно, полную предикацию. Все содержание сложноподчинённого предложения с придаточным времени выражает завершённую пропозицию:



В кыргызском примере (27) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным уступительным; последнее присоединяется и подчиняется постпозитивному главному предложению посредством вопросительного местоимения с аффиксом дательного падежа “кимге” в сочетании со вспомогательным глагольным аффиксом “берсе”. Обе составные части сложноподчинённого обладают полносоставной субъектно-предикатной структурой и, соответственно, полной предикацией, которая на уровне всего содержания сложноподчинённого обуславливает завершённую пропозицию:



В кыргызском примере (28) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным условным; последнее присоединяется и подчиняется главному посредством условного подчинительного союза в сочетании с условной грамматической формой глагола “баштаса”, грамматическое значение условности придается данному глаголу присоединением к нему глагольного подчинительно-условного

аффикса “-са”. Обе составные части данного сложноподчинённого обладают полносоставной субъектно-предикатной структурой, соответственно, полной предикацией, а на уровне всего содержания сложноподчинённого проявляют завершённую пропозицию:

(28): [бек + баштаса (кумар)] эгерде +“-са” [иши + артта калат]

Однако в кыргызском языке имеются такие сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными, которые отличаются от исходных английских сложноподчинённых с придаточными обстоятельственными своей полносоставной субъектно-предикатной структурой, которая обусловливает свёрнутую предикацию на уровне составных частей сложноподчинённого и незавершённую пропозицию на уровне всего содержания сложноподчинённого. Например:

(29) “Пахта жөнүндө ушундай таттуу ойлор менен жүргөнүмдө, эмгек ветераны, пенсионер Асранкулов Бөрүбай аке жолугуп калды” [Мияшев, 1974].

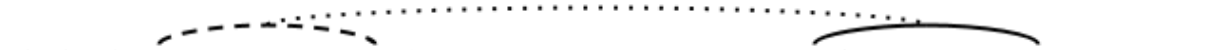
(30) “Ал көзүн жумуп, тасмадай түз жолдо машина айдап бараткан учурун элестетти” [Мансуров, 1984].

(31) “Сөздөн нөшөр төксө дагы,
Чымчым чындык таппайсың” [Токомбаев, 1995].

(32) “Эгерде кар өтө оор түшүп калса, жатканы жаткан” [Султаналиев, 1974].

В кыргызском примере употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным времени; при этом придаточное времени присоединяется и подчиняется главному при помощи аффикса “-мдө”, проявляющее в этом примере значение времени. Придаточное времени, стоящее в препозиции, обладает полносоставной субъектно-предикатной структурой - отсутствует грамматическое подлежащее, но в имплицитном виде наличествует действующее лицо: личный аффикс “-үм” в лексеме “жүргөн**үм**дө” указывает на 1-ое лицо, единственное число. “Подлежащее, а точнее, действующее лицо, в определенно-личных предложениях подразумевается через форму сказуемого, заключающуюся в личных аффиксах I и II лица” [Жапар, 1992, ч.II:76. - Подчёркнуто нами. Д.К.].

Главное же предложение в составе сложноподчинённого (29) обладает полносоставной субъектно-предикатной структурой с полной предикацией, но неполносоставность придаточного времени детерминирует свёрнутую предикацию, а вместе с данной свёрнутой предикацией на уровне всего содержания сложноподчинённого детерминирует незавершённую пропозицию:



Напомним содержания употребляемых нами символов:

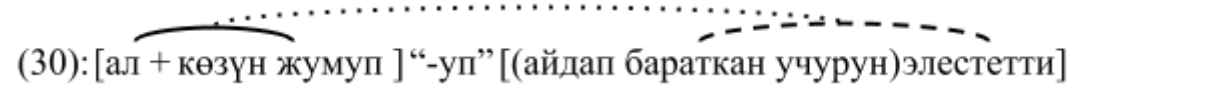
[⌒] - свёрнутая предикация

[⌒] - полная предикация

[⌒] - завершенная пропозиция

[. . . . .] - незавершенная пропозиция

В кыргызском примере (30) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным образа действия; придаточное образа действия подчиняется главному посредством деепричастного аффикса “-уп”; придаточное образа действия обладает полносоставной субъектно-предикатной структурой и, соответственно, выражает полную предикацию; в то время как главное предложение обладает полносоставной субъектно-предикатной структурой и, следовательно, выражает свёрнутую предикацию. В данном главном предложении реализуется так называемое неопределенно-личное предложение, структура которого “… базируется на выражении сказуемого личной формой глагола III лица настоящего, будущего или прошедшего времени” [цит. соч.: 80]. Именно свернутая предикация главного предложения, вкупе с полной предикацией придаточного образа действия, обусловливают действие незавершённой пропозиции на уровне всего содержания сложноподчинённого:



В кыргызском примере (31) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным уступительным; данное придаточное уступительное присоединяется к главному предложению посредством условно-уступительной глагольной

формы с условно-подчинительным аффиксом “-сө” - “төксө” вкупе с усилительной частицей “дагы”. Придаточное уступительное в примере (31) обладает полносоставной субъектно-предикатной структурой и, соответственно, полной предикацией. Однако главное предложение в данном примере обладает неполносоставной субъектно-предикатной структурой и, следовательно, показывает свернутую предикацию. В этом главном предложении в примере (31) реализован тип обобщенно-личного предложения, “сказуемые этих предложений выражаются спрягаемой формой глагола с личными окончаниями I и II лица или же основного глагола, т.е. повелительным наклонением II лица единственного числа” [цит. соч.: 78]. Именно свернутая пропозиция главного предложения, но в совокупности с полной предикацией придаточного уступительного, обусловливают возникновение незавершённой пропозиции уровня всего содержания сложноподчинённого:

(31): [(сөздөн) нөшөр + төксө дагы] “-сө дагы” [(чындык) таппайсың]

В кыргызском примере (32) употреблено сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным условным; данное придаточное условное присоединено к главному посредством условного союза “эгерде” в совокупности с условной формой глагольной формой с условным же аффиксом “-са” - “кал<u>са</u>”. Придаточное обстоятельственное условное обладает полносоставной субъектно-предикатной структурой и, следовательно, выражает полную предикацию. Данная свернутая предикация, выражаемая главным предложением, вкупе с полной предикацией придаточного условного в примере (32), детерминирует на уровне всего содержания сложноподчиненного незавершенную пропозицию:

(32): [кар түшүп кал<u>са</u>] “-са” [(жатканы) жаткан]

Предикация, или предикативность составляет основу понятийно-семантической стороны предложения. Предикативность реализуется на уровне простого распространённого элементарного предложения в составной части сложноподчинённого.

Мы уже отмечали, что под <u>элементарным предложением</u> мы понимаем, вслед за некоторыми германистами, такое простое распространённое предложение, которое

выполняет, во-первых, функцию составной части сложного предложения, во-вторых, имеет в своем составе, как минимум, два облигаторных элемента: субъект-подлежащее + предикат-сказуемое, - один из которых может иметь имплицитную реализацию; и, в-третьих, наличие предиката-сказуемого, эксплицитного или же имплицитного, является его необходимым атрибутом [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981: 24]. Однако, по вопросу наличия предиката-сказуемого в составе элементарного предложения в лингвистике имеется более категоричное мнение, считающее элементарным предложением такую синтаксическую единицу, в которой реализуется "глагольное предложение" [Абрамов, 1972: 3].

Однако каждое элементарное предложение имеет свою модальность, которая представляет собой "... разного вида отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого" [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 303]. Или, другими словами, под модальностью элементарного предложения понимается определённое отношение (возможно, объективное, но не лишенное субъективных нюансов) говорящего к тому сообщению, которое он сам и продуцирует [Джусаев, 1975: 90-91; Зайнуллин, 1986: 18-19; Илебаев, 1997: 5-6].

На первый взгляд представляется, что явление модальности, присуще простому элементарному предложению на уровне составной части сложного, претерпевает некоторые изменения на уровне всего содержания сложного предложения, в нашем случае сложноподчиненных предложений с придаточными обстоятельственными на уровне всего содержания сложного предложения. Но представляется, что явление модальности является одним и тем же языковым явлением как на уровне простого элементарного предложения в качестве составной части сложного, так и на уровне всего содержания сложного предложения как комплицированной семантико-синтаксической единицы. Одно и то же проявление модальности как в составной части сложного, т.е. в элементарном предложении, так и во всей структуре сложного предложения как целостной синтаксической единицы, обусловлено, на наш взгляд, тремя предпосылками. Во-первых, для явления грамматической модальности безразличен лингвистический объем предложения, простого или сложного, поскольку основная функция модальности в языке - это выражение "… отношения говорящего лица к содержанию высказывания с точки зрения его реальности или нереальности, возможности и

необходимости осуществления действий, предположительности и вероятности их совершения, а также выражение побуждения и намерения к осуществлению действий, пожелания их реализации" [Зайнуллин, 1986: 31]. Во-вторых, категория предикативности уровня элементарного предложения и ее высшая ступень категории пропозитивности функционируют "... в соответствии с заложенным тем или иным модальным значением, регулируемым категорией модальности, создают структурное строение предложения по существующим грамматическим правилам данного конкретного языка и тем самым обеспечивают отнесенность содержания предложения к действительности" [Джусаев, 2000: 13]. И, в-третьих, понятие "элементарного предложения" распространяется не только на простое распространённое предложение, но также и на сложное предложение, потому что такие предложения, являясь связанными в своём значении синтаксическими единицами, "... могут быть также названы элементарными предложениями. Элементарные предложения сложносочинённого типа связаны между собой отношением сочинения; элементарные предложения сложноподчинённого типа, в его простейшей модели сводятся к главному и придаточному предложениям, находятся в отношении подчинения" [Гулыга, 1971: 5-6]. И потому понятие языковой модальности одинаковым образом находят свою реализацию как в простом элементарном предложении, так и в сложном (сложноподчинённом) предложении, также эксплицирующего "элементарность".

Явление языковой модальности присуще всем сложноподчинённым предложениям с придаточным обстоятельственным как в английском языке, так и в кыргызском, является важным и определяющим признаком предикативного предложения, но не единственно релевантным.

Немаловажным признаком предикативного сложноподчинённого предложения с придаточным обстоятельственным в английском и кыргызском языках является интонация, представляющее собой "… единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения" [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 197].

Для выявления интонационных характеристик английских и кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным напомним основные понятия и термины и обозначаемые ими языковые единицы и средства, с тем

чтобы более информативно и более доступно представить полученные при таком сравнительном анализе данные:

1) Стык двух синтагм ГП (главного предложения) и ПП (придаточного предложения), который является релевантным интонационным показателем для английского и кыргызского сложноподчинённого предложения с придаточным обстоятельственным;
2) Мелодическая (тоновая) характеристика интонации на стыке ГП и ПП в английском и кыргызском сложноподчинённом предложения с придаточным обстоятельственным: ровный тон - восхождение тона - нисхождение тона - завершение тона, пауза;
3) Синтагма (в ГП или в ПП), представляющая собой отрезок речевой интонации, представляющая собой одну смысловую группу и отделённую с двух сторон паузами различной долготы: более краткой в составе одного предложения (ГП или ПП) и более долгой между предложениями (ГП или ПП).

Интонационные характеристики английского и кыргызского сложноподчиненного предложения с придаточным обстоятельственным могут быть представлены в усредненном виде для всех подтипов обстоятельственных придаточных нижеследующим образом.

Мелодическое движение частоты основного тона для усреднённого английского сложноподчинённого предложения с придаточным обстоятельственным (1) места; 2) времени; 3) образа действия; 4) причины; 5) цели; 6) следствия; 7) уступительное; 8) условное) выглядит нижеследующим образом:

> Синтагма ГП: ровный тон - восхождение тона - ровный тон - некоторое нисхождение тона // (пауза) -
>
> Синтагма ПП: нисходящий тон - ровный тон - нисходящее завершение тона
>
> [Торщев, 1986: 90-91]

Мелодическое движение частоты основного тона аналогичным образом усреднённого кыргызского сложноподчинённого предложения с придаточным обстоятельственным (1) места; 2) времени; 3) образа действия; 4) причины; 5) цели; 6)

следствия; 7) уступительное; 8) условное) выглядит таким образом: Синтагма ПП: ровный тон - некоторое восхождение тона - ровный тон - нисхождение тона // (пауза) - Синтагма ГП: ровный тон -восхождение тона - резкое завершение тона [Дуйшеев, 1980: 22; Молдокулова, Трунин-Донской, 1989: 50-51].

Вышеприведённая последовательность синтагм в английском сложноподчинённом предложении с придаточным обстоятельственным: синтагма ГП - синтагма ПП - и последовательность синтагм в кыргызском сложноподчинённом предложении с придаточным обстоятельственным: синтагма ПП - синтагма ГП - обусловлена реальной структурой такого вида сложноподчинённых предложений в английском и кыргызском языке, и потому является адекватной при интонационной характеризации данного типа сложных предложений в означенных языках.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ VII

§1. Наш сопоставительно-типологический анализ английских и кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными состоял из трёх этапов. На первом этапе данные сложноподчинённые предложения подразделялись в зависимости от семантики их придаточных; в каждом из сравниваемых языков – в английском на сложноподчинённые с придаточными: 1) места; 2) времени; 3) образа действия; 4) причины; 5) цели; 6) следствия; 7) уступительными; 8) условными и в кыргызском на сложноподчинённые с придаточными: 1) меры места и направления 2) времени, 3) образа действия, 4) причины, 5) цели, 6) уступительные, 7) условия и 8) сравнительные. На втором этапе нашего анализа данные сложноподчинённые предложения с означенными придаточными обстоятельственными были проанализированы по-отдельности в каждом из сравниваемых языков, аналитическом английском и агглютинативном кыргызском, для определения их структурно-грамматических и структурно-семантических характеристик. Их понятийно-смысловая сторона была проанализирована на уровне их составных частей - главного и придаточного предложений - на предмет выявления их предикативных отношений и на уровне всего сложноподчиненного предложения на предмет выявления их пропозитивных отношений. И на третьем этапе анализа выявленные структурно-грамматические и структурно-семантические характеристики английских и кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными были сопоставлены конкретным

образом друг с другом по соотнесённым подтипам и в конкретном аспекте для определения их сходных и различных черт и признаков.

§2. Английские сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными характеризуются тем, что обстоятельственные придаточные в них выполняют функцию различных обстоятельств и указывают на самые различные обстоятельства, при которых совершается действие в главном предложении. А различные обстоятельства приобретают в содержании придаточные значения: 1) места; 2) времени; 3) образа действия; 4) причины; 5) цели; 6) следствия; 7) уступительные и 8) условные.

Английские придаточные обстоятельственные были отделены нами от внешне сходных, но внутренне отличных грамматических явлений: а) от сложных оборотов, включающие в себя неличные формы глагола, б) от сложных обстоятельств цели с предлогом for (for-Complexes), в) от собственно сложных обстоятельств. Отличение данных грамматических структур от активного придаточного обстоятельственного было произведено по двум критериям: I) придаточное обстоятельственное имеет в своем составе всегда личную форму глагола-сказуемого, в то время как данные грамматические явления имеют только неличные глагольные формы: инфинитив, герундий и причастие и II) придаточные обстоятельственные являются предикативными единицами, в то время как данные грамматические явления являются единицами непредикативного типа.

Проведённый лингвистический анализ выявляет, что все английские сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными всех без исключения видов, обладают полносоставной объектно-предикатной структурой с полной предикацией на уровне своих составных частей и выражают завершённую пропозицию на уровне всего смысла всего состава сложноподчинённого предложения.

§3 Кыргызские сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными были расклассифицированы нами, в соответствии с характером их придаточного, на сложноподчинённые с придаточными обстоятельственными: 1) меры места и направления 2) времени, 3) образа действия, 4) причины, 5) цели, 6) уступительные, 7) условия и 8) сравнительные. При этом придаточные обстоятельственные были отграничены как предикативные единицы от внешне сходных, но непредикативных единиц с аффиксами причастия на “-ган” и деепричастия на “-ып”.

Лингвистическое изучение фактического материала кыргызских сложноподчиненных предложений с придаточными обстоятельственными показывает, что в них можно наблюдать два вида предикативных отношений как в их составных частях, так и в их общем содержании. Меньшей частотностью употребления представлены в кыргызском языке

сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными с полносоставными субъектно-предикатными структурами и, соответственно, с полной предикацией их составных частей: главного и придаточного предложения, детерминирующей завершённую пропозицию в общем содержании сложного.

Большой частотностью употребления представлены сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными с неполносоставными субъектно-предикатными структурами и, соответственно, со свёрнутой предикацией их составных частей, детерминирующей незавершённую пропозицию в общем содержании сложного; при этом неполносоставная субъектно-предикатная структура, и, соответственно, свёрнутая предикация может эксплицироваться как в придаточном, так и в главном предложении кыргызского языка.

§4. Английские и кыргызские сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными были изучены в сопоставительно-типологическом аспекте, исходя из понятийной классификации исходного английского языка. Выясняется, что исходная английская классификация придаточных [1) места, 2) времени, 3) образа действия, 4) причины, 5) цели, 6) следствия, 7) уступительные и 8) условные] не совпадает с таковой кыргызской [1) меры места и направления 2) времени, 3) образа действия, 4) причины, 5) цели, 6) уступительные, 7) условия и 8) сравнительные].

Конкретное сопоставительное изучение показало, что в кыргызском языке английское придаточное места может иметь аналог в виде придаточного места и направления – кыргызский синтаксис выделяет семантику локальности в тесной связи с признаками полноты-неполноты обозначаемой локальной территории.

Также кыргызский синтаксис никак не выделяет придаточное следствия, которое имеет место быть в английском языке. Для кыргызского языка релевантной является не следствие, а факты причины, вызывающие следствие, или же факты целевого достижения, в которых реализуется следствие.

Понятийно-семантическое сопоставление содержательных структур английских и кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным показывает, что они в обоих означенных языках, с одной стороны, могут совпадать: иметь полносоставную субъектно-предикатную структуру и, соответственно, выражать полную предикацию на уровне составных частей сложноподчинённого, а на уровне всего содержания сложноподчинённого эксплицировать завершённую пропозицию; с другой стороны, они могут различаться как на уровне составных частей: кыргызское сложноподчинённое может иметь в одной из своих составных частей неполносоставную субъектно-предикатную структуру, и соответственно, выражать свёрнутую предикацию, - так и на уровне всего

содержания сложноподчинённого: кыргызское сложноподчинённое может эксплицировать при этом незавершённую пропозицию.

Отметим, что нет принципиальной разницы в том, какой подтип кыргызского сложноподчиненного предложения (союзный или же бессоюзный) функционально соотносится с исходным английским сложноподчиненным предложением с придаточным обстоятельственным, поскольку в обоих случаях кыргызский язык адекватно в функционально-семантическом отношении передаёт семантику исходного английского сложноподчиненного.

Однако один случай с кыргызским сложноподчиненным предложением с придаточным сравнительным не был нами достаточно освещён, поскольку в исходном английском синтаксисе такого аналога не существует, т.е. не имеется сложноподчинённого предложения с придаточным сравнительным. Аналитический английский язык предпочитает выражать семантику сравнения через парадигму степеней сравнения прилагательных (Degrees of Comparison) в структуре простого распространенного предложения.

Содержательные структуры английских и кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточным обстоятельственным мотивируются сходной модальностью, так как отношение англоязычного и кыргызскоязычного говорящего к высказываемому им же самим сообщению одинаковым образом характеризуется объективно-субъективными понятийными нюансами.

Однако интонационные ресурсы английских и кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными определенным образом отличаются друг от друга в силу принадлежности английского и кыргызского языков к различным языковым типам.

ГЛАВА VIII. АНГЛИЙСКИЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМ ПОДЛЕЖАЩЕГО И С ПРИДАТОЧНЫМ СКАЗУЕМОГО И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ

8.1. Сущность и природа английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего и с придаточным сказуемого

Английское сложноподчинённое предложение с придаточным подлежащего характерно именно для английского языка, в котором связь слов в предложении осуществляется посредством служебных, вспомогательных и строевых слов, а также твёрдо установленным порядком слов в позиции членов предложений.

Существует мнение, что «придаточное предложение подлежащие выполняют функцию главного члена сложноподчинённого предложения. Такие предложения одночленны, поскольку при отсечении придаточного предложения главное остаётся неполным, лишённым одного из своих главных членов» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:320; Имашева, 2007:9].

Данные придаточные подлежащие отвечают на вопрос who? или what? – и присоединяются к главному союзами, союзными словами и относительными местоимениями: *that, whether, if, who (whom), what, which, when, where, how, why*.

В структуре английского сложноподчинённого предложения придаточное подлежащего непосредственно стоит в синтаксической позиции подлежащего, а именно всегда стоит в препозиции относительно сказуемого. Например:

(1) “That the matter should have taken such a turn is not surprising!” burst out Mr Devon frantically” [Wambough, 1993].

(2) “What we want it rest”, he snapped out” [Armstrong, 1992].

Придаточное предложение (1): That the matter should have taken such a turn – является придаточным подлежащего, оно стоит в синтаксической позиции подлежащего и присоединяется к главному посредством относительного местоимения that – который.

Придаточное предложение (2): What we want – также является придаточным подлежащего и присоединяется к главному посредством относительного местоимения what.

Однако в английском языке имеется ещё один подтип придаточного подлежащего: «К придаточным предложениям подлежащим относятся предложения, которые стоят

после сказуемого с предшествующим вводящим it в качестве формального подлежащего» [Беляева, 1977:275]. Например:

(3) “It is possible that the steamer may arrive to-morrow”, remarked sergeant Watkins” [Bowen, 1998].

Выше мы приводили мнение авторов теоретической грамматики английского языка, что придаточное подлежащего выполняет функцию главного члена подлежащего главного предложения и что при отсечении придаточного подлежащего главное предложение лишается своего подлежащего [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:320; Козуев, 1999:22].

Однако, если встать на точку зрения семантического соотношения логического субъекта и грамматического подлежащего, то принцип обязательной двусоставности английского предложения никак не нарушается: в обоих составных частях сложноподчинённого с придаточным подлежащего можно выявить как подлежащее, так и сказуемое. Так, трансформация английского примера (1) даёт нижеследующую картину:

(1): ГП [that+is not surprising] that ПП [the after+should have taken…],

Или семантически данную трансформацию можно представить нижеследующим образом:

(1): ГП [Sub+Pred] that ПП [Sub+Pred].

Напомним, что ГП – есть: главное предложение, а ПП – придаточное предложение.

Таким образом, обе составные части сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего представляются двучастными, имеющими в своих составах как подлежащее, так и сказуемое. При этом наличие подлежащего в главном предложении обусловливаются имплицитным присутствием в его понятийно-смысловой стороне логического субъекта.

В сопоставляемом агглютинативном кыргызском языке не имеется прямого функционального эквивалента для английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего.

Однако в кыргызском языке имеется подтип так называемых «местоимённо-соотносительных предложений», распространяющих подлежащее. В кыргызском языке имеются развёрнутые члены предложения, развёрнутые подлежащие в предложениях типа:

А) Жүрөгүндө жалыны болбогон көнүмүш жайында жүрө берсин;

Б) Согушта болгон адам жеңиштин теңи жок наркын билет [Жапаров, 2007].

Но однако такие развёрнутые подлежащие не являются в кыргызском языке придаточными предложениями, так как в них отсутствует свой главный член субъект-подлежащее; данные развёрнутые подлежащие являются осложнённым определением при определяемом существительном-подлежащем.

Что же касается английского примера (3), то в нём уже эксплицитно наличествуют полносоставные субъектно-предикатные структуры в его составных частях:

(3): ГП [It+is possible] that ПП [the steamer+may arrive]

(3): ГП [Sub+Pred] that ПП [Sub+Pred].

Придаточные предложения сказуемого выполняют в сложноподчинённом предложении английского языка «…функцию именной части составного сказуемого и отвечают на вопросы What is the subject? Каково подлежащее? Что оно такое? What is the subject like? Что подлежащее собой представляет? Они соединяются с главным предложением теми же союзами и союзными словами, что и придаточным подлежащие» [Качалова, Израилевич, т.2, 1995:50]. Например:

(4) "The doctor's advice was that my brother should go to the immediately", she agreed in a hushed voice" [Wambaugh, 1993].

(5) "This is what we were talking about", she muttered brokenly" [Bowen, 1998].

В теоретической грамматике английского языка имеется мнение, согласно которому «придаточные предложения данной группы сочетаются со служебной частью составного сказуемого. В силу этого сложное предложение с придаточным предложением предикативным членом является одночленным» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:321].

Однако привлечение семантического положения о соотнесенности логического субъекта и грамматического подлежащего позволяет утверждение об облигаторной двусоставности английского элементарного предложения. Так, обе вышеприведённых английских сложноподчинённых предложения (4) и (5) эксплицируют полносоставные субъектно-предикатные структуры, мотивированные наличием общего логического предиката:

(4): ГП [The doctor's advice+was] that ПП [my brother+should go to…] –

(4): ГП [Sub+Pred] that ПП [Sub+Pred];

(5): ГП [This+is what] what ПП [we+were talking] –

(5): ГП [Sub+Pred] what ПП [Sub+Pred].

И в примере (4), и в примере (5) подчинительные лексемы *that* и *what* должны рассматриваться только как союзные слова, поскольку «они не только присоединяют придаточное предложение к главному, но и являются членами придаточного предложения» [Беляева, 1977:217]. С одной стороны, данные союзные слова, а именно, относительные местоимения, являются предикативными членами при глагольных связках в составе главного предложения; с другой стороны, они являются подчинительными лексемами, подчиняющие придаточное главному предложению.

Несколько сложен вопрос о значении придаточного сказуемого. В том случае, если говорящий отождествляет содержание придаточного с понятием, выраженным подлежащим, то значение данного придаточного совпадает со значением предикативного члена в составном именном сказуемом главного предложения. «Однако чаще всего придаточное предложение содержит пояснение, раскрывающие значение подлежащего: This is what I have drunk for the last fifteen years» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:321].

В кыргызском языке не имеется прямого функционального аналога для английского придаточного сказуемого. Но в кыргызском языке имеются «местоименно-соотносительные предложения с придаточными, поясняющими сказуемые главного предложения. В местоименно-соотносительных предложениях указательные и определительные местоимения могут выступать в роли сказуемых главных предложений. Тогда придаточные предложения выступают как распространители, конкретизаторы значения сказуемых:

А) Мен ошол эч ким сүйбөй турган кишимин;

Б) Мурда мен кандай болсом, азырда ошондоймун»

[Жапаров, 2007:376].

Однако такие кыргызские придаточные предложения не являются придаточными сказуемого, они поясняют не сказуемое, а только имя существительное, занимающего в составном именном сказуемом позицию именного члена, т.е. данные придаточные являются в

кыргызском языке придаточными определительными [Койбагарова, 2006:6-7; Сагыналиева, 2009:18-19].

Интересным для рассмотрения представляется в структуре английского сложноподчинённого предложения вопрос о языковой модальности, поскольку в данных предложениях происходит как бы наслоение содержания придаточного подлежащего на содержание подлежащего главного предложения, а содержания придаточного сказуемого на содержания составного именного сказуемого главного предложения. Такое наслоение модальности одной языковой единицы на другую языковую единицу есть обычная практика в английском сложноподчинённом предложении. «Система модальных отношений или модальная перспектива сложноподчинённого предложения в современном английском языке характеризуется многоярустностью, полиаспектностью и многоплановостью. Поэтому различные модальные аспекты не могут рассматриваться в линейном масштабе» [Андрианова, 1966:21]. И потому для изучения явления модальности в английских сложноподчинённых предложениях с придаточным подлежащего и придаточным сказуемого необходим очень корректный подход для различения модальных пластов, относящихся к главному предложению и к придаточному подлежащего и к придаточному сказуемого.

Уже предварительные рассмотрения английских сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего и с придаточным сказуемого в сопоставительном плане показывает, что они не имеют прямых функциональных аналогов в кыргызском языке. Однако в агглютинативном кыргызском языке имеются так называемые «местоимённо-соотносительные предложения», распространяющие осложнённую определительную группу подлежащего и таковую группу сказуемого. Видимо, для адекватной передачи содержания исходного английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего и с придаточным сказуемого необходим его смысловой перевод, однако с использованием семантической структуры осложнённых определительных групп подлежащего и сказуемого в местоименно-соотносительных предложениях.

8.2. Структурно-семантическая характеристика английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего и его функциональные соответствия в кыргызском языке

Английские сложноподчинённые предложения с придаточным подлежащего, в зависимости от союзов, союзных слов и относительных местоимений, вводящих их придаточные, можно подразделить на два подтипа: 1. Сложноподчинённые предложения, придаточные подлежащего которых вводятся союзными словами и относительными местоимениями: *whether, if, who (whom), whose, what, which, when, where, how u why;* 2. Сложноподчинённые предложения, придаточное подлежащего которого вводится союзом *that*. Приведём примеры сложноподчинённых предложений первого подтипа, придаточные подлежащего которого вводятся союзными словами и относительными местоимениями:

(1) "Whether a friendly settlement of me dispute between the sellers and the buyers can be arrived at is doubtful" [Armstrong, 1992].

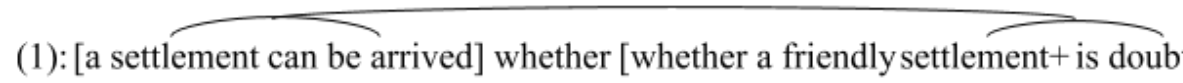
(2) "Who saved his life remained unknown", he replied somberly" [Armstrong, 1992].

(3) "How this happened is not clear to anyone", exclaimed Terry" [Armstrong, 1992].

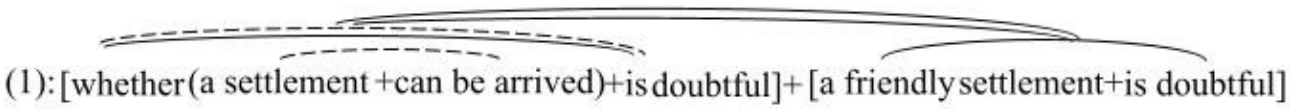
В английском сложноподчинённом предложении (1) придаточное подлежащее стоит в препозиции, согласно правилам английского языка, гласящим, что подлежащее должно в элементарном предложении предшествовать сказуемому; данное придаточное подлежащего вводится и подчиняется главному посредством союзного слова *whether*. Лексема *whether* является здесь союзным словом, поскольку в составе придаточного подлежащего оно выполняет функцию обстоятельства образа действия, сохраняя за собой функцию соединения и подчинения придаточного подлежащего главному предложению [Хорнби, 2006:1501].

Придаточное подлежащего в английском примере (1) эксплицирует функцию подлежащего главного всем своим составом: *whether a friendly settlement of me dispute between the sellers and the buyers can be arrived at* - но однако всё же основная роль выпадает на союзное слово *whether*. Таким образом, субъектно-предикатную структуру составных

частей английского примера (1) можно представить традиционно и расчленённо нижеследующим образом:



Однако приближённо к языковой реальности данная субъектно-предикатная структура английского сложноподчинённого с придаточными подлежащего выглядит несколько иначе:

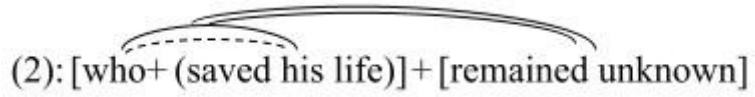


Пропозиция событийного типа в английском сложноподчинённом предложении с придаточным подлежащего [равно и другие сложноподчинённые предложения этого типа] в примере (1) проявляют событийную номинацию [символ ◠], поскольку в своей первой придаточной части имеет в её составе ещё одну свёрнутую предикацию [символ ◠], а также и полную предикацию [символ ◠], что также в общей совокупности предполагает в данной части сложного предложения и свёрную предикацию [символ совместной полной и свёрнутой предикации ◠. А в итоге получается, что возникает событийная пропозиция уровня всего сложноподчинённого предложения.

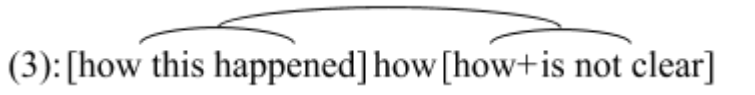
Субъектно-предикатные структуры составных частей английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего представляются полносоставными, они обусловливают полную предикацию, которые, в свою очередь, таким образом обусловливают пропозицию событийного типа на уровне всего содержания сложноподчинённого. Пропозиция событийного типа создаётся на уровне всего сложноподчинённого с придаточным подлежащего не только полной и свёрнутой предикацией его составных частей: главного и придаточного предложений, но также и взаимодействием подлежащего и сказуемого в обоих составных частях сложноподчинённого. «Семантические области подлежащего и сказуемого постоянно пересекаются: идентифицирующая информация проникает в предикат, создавая наложение друг на друга указанных семантических зон; предикатные значения внедряются в значение подлежащего, маскируясь под «данное», под информацию, предназначенную для идентификации предмета сообщения» [Арутюнова, 1976:375; Калинина, 2006:71].

В английском примере в качестве союзного слова выступает относительное местоимение *who*, которое присоединяет придаточное подлежащего *who saved his life* к главному remained *unknown*. Данное союзное слово *who* выполняет уже двоякую функцию подлежащего: с одной стороны, оно является подлежащим придаточного; с другой стороны, оно может выступить в качестве подлежащего главного, если отсечь всю остальную часть придаточного *saved his life*. Таким образом, данное английское сложноподчинённое предложение с придаточным подлежащего (2) имеет полносоставную субъектно-предикатную структуру в своих составных частях, выражает в них полную предикацию, по группе подлежащего внутри придаточного также реализует свёрнутую предикацию, а на уровне всего содержания сложноподчинённого – эксплицитного событийную пропозицию.

Субъектно-предикатная структура и, соответственно, структура препозитивно-пропозиционная, имплицирующаяся на уровне всего сложноподчинённого предложения могут быть схематизированы последующим образом:



Аналогичным образом можно считать местоимённое наречие *how* в примере (3) союзным словом, поскольку оно, так же как и ранее союзное слово *who* в примере (2), исполняет двоякую функцию подлежащего, в придаточном и в главном, а, кроме того, присоединяет и подчиняет придаточное подлежащего *how this happened* главному предложению *is not clear to anyon*e. Субъектно-предикатная структура составных частей сложноподчинённого предложения (3), таким образом, является полносоставной, выражает полную предикацию, но следует иметь ввиду, что внутри придаточность также имплицируется свёрнутой предикацией, а на уровне всего содержания сложноподчинённого полная предикация обусловливает образование событийной номинации:



Сложноподчинённые предложения второго подтипа вводят свои придаточные подлежащего союзом *that*. Придаточные подлежащего в этом случае «…стоят после сказуемого с предшествующим вводящим it в качестве формального подлежащего» [Беляева, 1977:275]. Например:

(4) “It was obvious that something important had happened” [Wilkins, 1951].

(5) “It is strange that we should meet here”, went on the old man querulously” [Wambaugh, 1993].

(6) “It is doubtful that the payment is strictly legal”, - he managed to articulate” [Armstrong, 1992].

В данном подтипе лексема that является только подчинительным союзом и никакой другой функции не исполняет; в каждой из составных частей имеется полносоставная субъектно-предикатная структура, которая выражает полную предикацию, а на уровне всего содержания сложноподчинённого – событийную пропозицию. Семантически предикативно-пропозитивные отношения трёх вышеприведённых английских сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего и с подчинительным союзом that можно представить нижеследующим образом:

(4): [it+was obvious] that [something+had happened];

(5): [it+is strange] that [we+should meet];

(6): [it+is doubtful] that [the payment+is legal].

Отличие данного второго типа сложноподчинённых с придаточным подлежащего с подчинительным союзом that от сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего с различными вводящими союзными словами и относительными местоимениями: who, whose, what, which, how и др. – заключается, во-первых, в наличии у вторых формального подлежащего it, а, во-вторых, в постпозитивном размещении придаточных у вторых, в то время как первые практикуют большей частью препозитивное расположение придаточных подлежащего.

В кыргызском языке не имеется прямых функциональных аналогов для английских сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего. Как уже отмечалось, в кыргызском синтаксисе имеется только отдалённое внешнее подобие, некоторым образом напоминающее английское сложноподчинённое предложение с придаточным подлежащего – это так называемые «местоимённо-соотносительные предложения, распространяющие подлежащее, типа: Адам жеке озү үчүн гана иштеген болсо ал унутулат жана өзү менен бирге изсиз өлөт изсиз калат» [Жапаров, 2007:372-373].

В данном случае сложносоставное субстантивированное подлежащее «иш жөнүндө айтпаганы» имеет при себе характеризующее определение «анын көзүнчө Василийдин». И поэтому предложения такого типа, являющиеся характеризующими определениями, никак не могут быть функциональными эквивалентами для английских предложений с придаточным подлежащего.

В данном случае для английских сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего требуется адекватный перевод, с тем чтобы точно передать семантику предикативно-пропозитивных отношений. На уровне всего сложноподчинённого предложения действуют пропозитивные отношения. Точность перевода английских сложноподчинённых предложений с разными типами придаточных «…зависит от отношений данной пропозиции с другими пропозициями и от того, какой наиболее естественный способ выражения пропозиций и отношений между ними существует в переводящем языке» [Ларсон, 1993:155].

Для адекватного перевода английских сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего на кыргызский язык необходимо уяснить и принять во внимание три вещи. Во-первых, следует учесть, что в агглютинативном тюркском кыргызском языке не имеется синтаксической структуры сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего и что для адекватного перевода английского придаточного подлежащего на кыргызский язык необходимо отвлечься от «…области грамматических явлений, специфичных для каждого из языков» [Фёдоров, 1983:173; Петрова, 2007:10-11]. Во-вторых, для точной передачи значения английского придаточного подлежащего необходимо расчленить синтаксическую структуру английского сложноподчинённого предложения на предложения главное и придаточное подлежащего и представить их смысловые содержания в функциональной взаимосвязи друг с другом. И, в-третьих, данные функциональные представления необходимо оформить на переводящем кыргызском языке с привлечением семантики предикативных отношений уровня составных частей и семантики пропозитивных отношений уровня содержания всего предложения.

Такой трёхступенчатый перевод полностью соответствует виду функционально-семантического перевода, который «…выполняется для передачи исходных текстов, имеющих

высокую научную или социально-культурную значимость, подробное содержание которых предназначено для широкого круга специалистов» [Казакова, 2005:18; Newmark, 1982:66].

Применяя такой трёхступенчатый функционально-семантический перевод английских сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего на агглютинативный кыргызский язык, можно представить некоторые из проанализированных нами английских примеров на кыргызском языке нижеследующим образом, например (1):

– I/ сатуучу менен кардардын ортосунда талаш-тартылыш чыгып жатат;

– II/ ошол талаш-тартышты калыстык жол менен чечилиш керек;

– III/ бирок ошондай калыстык чечилиш эки марапты канааттандырганы күмөн жаратып жатат.

На основании такого трёхступенчатого подхода оформляется нижеследующий перевод:

(1)-1/ Сатуучу менен кардардын ортосунда талаш-тыртыш чыгыпдыктан үчүп, бизде аны калыстык жолу менен чечиш керек деген пиктр пайда болду, бирок ошондой чечилиш эки таранты ыразы кыларына биз күмөн сапап жаттык [Перевод наш. Д.К.].

Однако вышеприведённое кыргызское функциональное соответствие для исходного английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего (1) является в кыргызском синтаксисе сложным предложением смешанного типа с наличием синтактико-семантической связи сочинения и подчинения.

Данное сложное предложение смешанного типа состоит из двух самосточтельных предложений:

«Сатуучу менен кардардын ортосунда талаш-тыртыш чыгыпдыктан үчүп, бизде аны калыстык жолу менен чечиш керек деген пиктр пайда болду» -

которое являет собой сложное предложение с придаточным причины,оформленное послелогом со значением причинной связи «үчүн»; здесь действует подчинительная связь; и второе предложение: «бирок ошондой чечилиш эки таранты ыразы кыларына биз күмөн сапап жаттык», которое являясь простым распространённым усложнённым предложением, присоединяется к первому сложноподчинённому предложению посредством сочинительного союза с противительным значением «бирок».

Таким образом в составе первой части данного сложноподчинённого предложения смешанного типа (1)-1/ действует связь подчинения, а вторая часть присоединяется к первой посредством связи сочинения.

Выявляется, что английские сложноподчинённые предложения с придаточным подлежащего первого типа, вводимые разнообразными союзными словами и относительными местоимениями: whether, who, whose – и др., наиболее адекватными функциональными соответствиями в кыргызском языке имеют тип смешанных сложных предложений с двойной связью подчинения и сочинения. Так, второй из приводимых нами примеров (2):

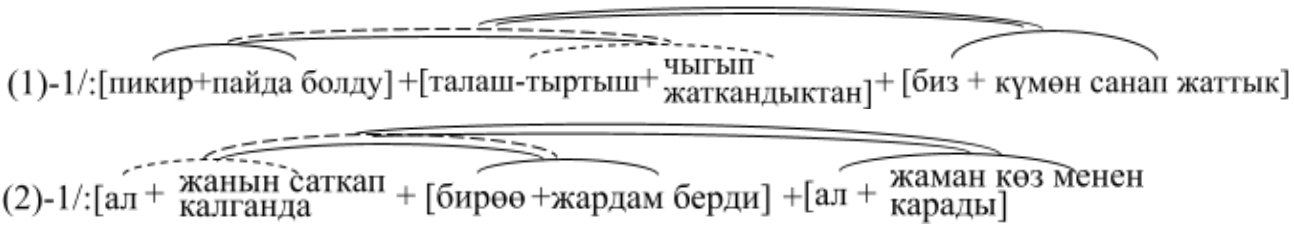
(2)-1/ Ал жанын сактап калганда ага бирөө жардам берди, бирок ал ким экен бизге белгисиз бойдон калды деп, ал киши бизди бир жаман көз менен карады [Перевод наш. Д.К.].

В данном смешанном типе сложного предложения имеются связи подчинения [калганда], когда препозитивное придаточное времени подчинено главному, а также сочинения [бирок], когда названный противительный союз присоединяет друг к другу два предложения: первое сложное с придаточным времени, а второе простое распространённое. Кроме того, всё смешанное предложение завершается деепричастной формой «деп» с указанием носителя речи, а это уже есть всё вместе взятое тип сложносочинённого предложения.

Оба вышеприведённых кыргызских функциональных соответствий для английского сложноподчинённого предложения (1)-1/ и (2)-1/ имеют в кыргызской семантике сходные построения субъектно-предикатных структур на уровне составной части сложного и такие же сходные препозитивно-пропозициональные на уровне всего смешанного сложного:

То есть имеют место полные (нередко и завершённые) предикации, а также событийная пропозиция, которая структурирует в понятийном отношении расширенный объем происходящего в действительности некоторого события.

В кыргызском языке нередки случаи, когда английским сложноподчинённым предложениям функционально соответствуют простые распространённые группы с

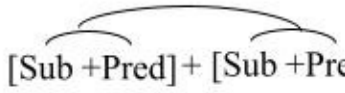


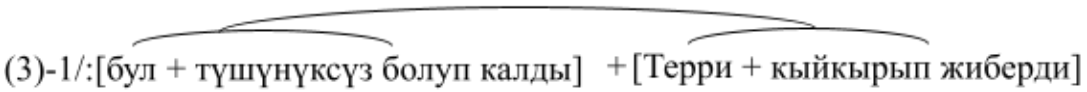
развёрнутой определительной группой при подлежащем [«местоименно-соотносительные группы, распространяющие подлежащее», в терминах кыргызского языкознания]. Например:

(3)-1/: Бул кантип ошондой болуп кеткени, эч кимге түшүнүксүз болуп калды деп, кыйкырып жиберди Терри [Перевод наш. Д.К.].

Здесь в простом распространённом предложении, усложнённом предложении оформленном в виде косвенной речи, развернутая деепричастная конструкция – это «Бул кантип ошондой болуп кеткени». Данная причастная конструкция раскрывает действие подлежащего «терри».

Объём семантического наполнения, а также вся осложнённая структура простого развёрнутого предложения, оформленного в виде передачи косвенной речи, позволяет толковать субъектно-предикативную и предикативно-пропозитивную структуру как номинацию завершённого типа, а, следовательно, как завершённую пропозицию.





Всё вышеизложенное о функциональных соответствиях в сопоставляемом кыргызском языке для исходных английских сложноподчинённых предложениях с придаточным подлежащего можно оформить схематически в таблице № 7:

Таблица № 7. Сопоставление английского подтипа союзного сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего и его функциональных эквивалентов в кыргызском языке

Что же касается модальности английских сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего, то данная модальность приобретает обязательную субъективность. Разумеется, любое качество модальности зависит, в первую очередь, от иллокутивно-речевого акта, когда в содержание высказывания вплетается семантическая нить свойственных целеустановок говорящего (автора), ориентированная на собеседника (читателя) [Илебаев, 1997:5-6]. Если даже допустим, что модальность, обладающая двумя качествами – объективности и субъективности,- реализует свою объективную модальность в главном предложении сложноподчинённого как «…выражение отношения сообщаемого и действительности в плане реальности (осуществлённости или неосуществлённости) и ирреальности (неосуществлённости)» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:303], то в придаточном подлежащего должно быть реализована только субъективная модальность, поскольку говорящий (автор) имеет опосредованную связь и опосредованное отношение и информации сообщаемой о субъекте-подлежащем; в последнем случае субъективная модальность выражается через «…отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, и является факультативным признаком высказывания» [цит. соч., там же].

8.3. Структурно-семантическая характеристика английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемого и его функциональные соответствия в кыргызском языке

Английские придаточные сказуемого исполняют в синтаксической структуре английского сложного предложения функцию именной части составного именного сказуемого. Они соединяются с главным предложением теми же самыми союзами, союзными словами и относительными местоимениями, которые были релевантны и для придаточного подлежащего. Семантика английского придаточного сказуемого зачастую совпадает со значением именного, предикативного члена составного именного сказуемого, это происходит в тех случаях, «…когда говорящий отождествляет содержание придаточного с понятием, выраженным подлежащим: *My view now was that he was aware before hand of the subject to the conversation*. Однако чаще всего придаточное предложение содержит пояснение, раскрывающее значение подлежащего: *This is what I have drunk for the last fifteen years*» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:321; Мухин, 1957:21-22; Wyld, 1953:114]. Например:

(1) “The question is whether they will arrive in time to take part in this work,” Alice replied somberly” [Bowen, 1998].

(2) “The question is whether they will be able to help us”, she cried hysterically” [Wilde, 1979].

(3) “It is uncertain what Anderson expected to get out this interview” [Wilde, 1979].

В английских сложноподчинённых предложениях с придаточным сказуемого (1) и (2) говорящий отождествляет содержания придаточного сказуемого с понятием, выражаемым подлежащим; в данных примерах (1) и (2) придаточное подлежащее очень близко исполняет функцию именной, предикативной части составного именного сказуемого, хотя непосредственно таковой не является [Беляева, 1977:275; Wyld, 1953:115].

В английском сложноподчинённом предложении (3) говорящий высказывает своё пояснение, раскрывающее значение подлежащего; придаточное стоит далеко в семантическом отношении от сказуемого главного предложения *is uncertain* и является собственно придаточным сказуемого [Кечерукова, 1993:19; Качалова, Израилевич, 1995:50].

Главная часть английского сложноподчинённого предложения с придаточным может быть двоякой: быть личным предложением или же предложением безличным. «В

первом случае придаточное предложение сочетается со связкой be, во втором – со связками с модальным значением seem, appear, look и др. или со служебной частью составного сказуемого с модально-оценочным значением» [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:321].

В первом случае, которое придаточное сказуемое присоединяется и подчиняется личному главному предложению, оно вводится подчинительно-изъяснительными союзами *that, whether, if;* реже обстоятельственными союзами. Например *as if*; а также союзными словами *what, who, why, where, how, when*. Например:

(4) "The trouble is that I have lost his address" [Bowen, 1998].

(5) "He isn't what he pretends to be", major Anderson announced suddenly" [Bowen, 1998].

(6) "The truth was that he was a man before he was a scientist" [Bowen, 1998].

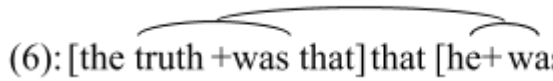
Во всех трёх вышеприведённых английских предложениях с придаточным сказуемого никак не нарушается принцип двусоставности английского предложения. Так, в примере (4) в главном предложении содержится полносоставная субъектно-предикатная структура, в которой субъектом-подлежащим являются существительные *the trouble*, а составным именным сказуемым *is that*. Придаточное предложение также имеет полносоставную субъектно-предикатную структуру: субъект-подлежащее *I* и предикат-сказуемое *have lost*:

(4): [the trouble + is that] that [I + have lost]

В примере (4) лексема that выполняет две совмещённые функции: 1. Является подчинительно-изъяснительным союзом, подчиняющим постпозитивное придаточное сказуемого препозитивному главному; 2. Выступает в позиции именной части составного именного сказуемого главного предложения.

Полносоставные структуры составных частей сложноподчинённого предложения (4) выражают полную предикацию, которая, в свою очередь, на уровне всего содержания сложноподчинённого детерминирует пропозицию событийного типа. Если в позицию субъекта при предикатах составных частей сложного «…попадает предметное существительное, оно требует событийного прочтения, т.е. должно быть развёрнуто в пропозицию» [Арутюнова, 1976:141].

Аналогичным образом можно толковать и последующие два английских примера (5) и (6), в которых наличествуют полносоставные субъектно-предикатные структуры, выражающие полную предикацию в составных частях сложноподчинённого и эксплицирующие событийную пропозицию на уровне всего содержания сложноподчинённого; при этом союзное слово *what* в примере (5) и союз *that* в примере (6) выполняют двоякую роль: подчинительного элемента – союза и именной части составного именного сказуемого в главном предложении:

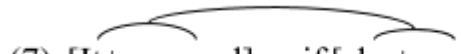


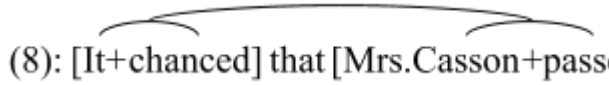
Во втором случае придаточные сказуемого сочетаются: со связочными глаголами *seem*, *appear*, *look* и др., выражающими некоторое сомнение в информации придаточного предложения; с глаголами *happen chance* и *occur*, предполагающими непреднамеренность действия придаточного. Например:

(7) "It seemed as if she were asleep" [Bowen, 1998].

(8) "It chanced that Mrs. Casson passed Irene and Mary".

В данных примерах (7) и (8) наличествуют полносоставные субъектно-предикатные структуры в их составных частях. Данные полносоставные структуры обусловливают полную предикацию на уровне своих составных частей, а на уровне всего содержания сложноподчинённого полная предикация детерминирует событийную пропозицию. При этом обстоятельственный союз *as if* в примере (7) и изъяснительный союз that выполняют только свою функцию, но никак не функцию именной части составного именного сказуемого:





Модальность английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемого представляется, по меньшей мере, двуступенчатым языковым явлением.

Модальность, используемая «…для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объёму, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:303], формируется в понятийно-смысловой стороне предложения – высказывания в качестве различных «…видоизменений связи между подлежащим и сказуемым, выраженных лексическими средствами («хочет», «может», «должен», «нужно») и др.» [цит.соч., там же. – Подчёркнуто нами. Д.К.].

Двухступенчатый характер модальности в английских сложноподчинённых предложениях с придаточным сказуемым проявляется, во-первых, в отношении говорящего ко всему содержанию сложноподчинённого с акцентированием содержания главного предложения, а во-вторых, в различных импликациях говорящего: в сомнении, случайности, возможности, необходимости, неуверенности, утверждения и др. семантических нюансов – по отношению к действию в придаточном сказуемого [Жигалдо, Иванова, Иофик, 1956:321; Джусаев, 2000:13-14]. Таким образом, во второй импликации говорящего, в отношении придаточного сказуемого, модальность английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемым оказывается субъективной. В этом случае «смысловую оценку субъективной оценки образует понятие оценки в широком смысле слова, включая логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:303].

Признак интонации является релевантным свойством английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемого, кстати, как и ранее в предыдущем разделе английское сложноподчинённое предложение с придаточным подлежащего. Релевантными для английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемого – как и ранее с придаточным подлежащего – оказываются две стыкующиеся синтагмы: из состава главного и из состава придаточного. Во всех вышеприведённых английских примерах со сложноподчинёнными предложениями с придаточным сказуемого (1) – (8) движение частоты основного тона в двух означенных выше синтагмах характеризуется незавершенностью мелодики произношения в первой синтагме из главного предложения, в то время как во второй синтагме придаточного

сказуемого движение мелодики оказывается на конце синтагмы ровным и устремлённым к завершению смысла:

Синтагма ГП: ровный тон – нисхождение тона – восхождение тона – постепенное нисхождение тона//(пауза)

Синтагма ПП: некоторое восхождение тона – ровный тон – восходящее завершение тона [Akhmanova, Minajeva, Mindrul, 1986:45].

В сопоставляемом кыргызском языке не имеется прямого функционального аналога для английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемым. Кыргызские «местоименно-соотносительные предложения, поясняющие сказуемые главного предложения» [Жапаров, 2007:376] никак нельзя принимать в счёт. В этом случае, в кыргызских предложениях типа: «Өмүрдө эмгектен жаралган нерсе эң сонун», во-первых, мы имеем расширенное определение, оформленное причастной формой глагола «жаралган» и распространяющие группу сказуемого, а, во-вторых, в данной распространяющей сказуемого группе отсутствует предикативность, т.е. отсутствует своё собственное предикат-сказуемое.

Для адекватной передачи в сопоставляемом кыргызском языке смысла и синтаксической конструкции английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемого, как и ранее с придаточным подлежащего, необходим перевод содержания данной английской синтаксической единицы на кыргызский язык функционально-аналитического типа, когда выявляются переводные соответствия и несоответствия смысловых релевантностей (содержание и его компоненты; соотношение эксплицитной и имплицитной информации, синтагматические отношения, прагматические особенности различных культур) [Караева, 2006:312].

Английские сложноподчинённые предложения с придаточным сказуемого могут, таким образом, в кыргызском языке иметь своими функциональными соответствиями два вида предложений. Во-первых, это простые распространённые предложения с развёрнутой определительной группой при сказуемом. Во-вторых, это сложные предложения смешанного типа, в котором одновременно наличествуют как подчинительная, так и сочинительная связь.

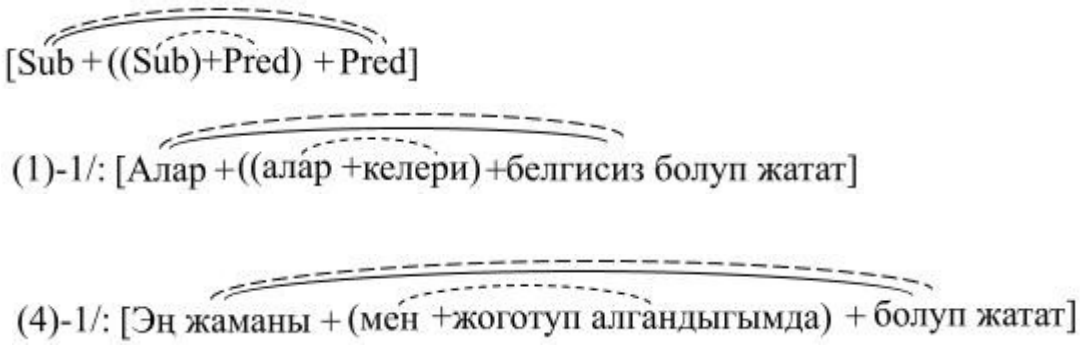
Например, выражение простым распространённым предложением с развёрнутой определительной, возьмём перевод английского предложения (1) –

(1)-1/ Алар ушул ишке катышууга убагында келери белгисиз болуп жатат, деди Алиса капалуу түрдө [Перевод наш. Д.К.].

Или предложения (4) –

(4)-1/ «Эң жаманы мен анын дарегин жоготуп алгандыгымда болуп жатат» [Перевод наш. Д.К.].

Здесь в данных предложениях кыргызского языка действует предикативно-пропозитивная структура незавершённой пропозиции:



Однако английские сложноподчинённые предложения с придаточным сказуемого могут быть переданы в кыргызском синтаксисе также и сложными предложениями смешанного типа, в котором минимально наличествуют три составные части, связанные между собой отношениями подчинения и сочинения. Например, возьмем перевод английского предложения (3):

(3)-1/ Андерсон кантип ийгиликке жетерин билбей, ушул интервьюга чоң үмүт кылды, бирок ал үмүтү ишке ашары белгисиз болуп турду [Перевод наш. Д.К.].

Здесь мы также, как и ранее в случае с переводом английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего, имеем событийную пропозицию, детерминированную тремя субъектно-предикатными структурами:

Всё вышеизложенное о функциональных соответствиях в сопоставляемом кыргызском языке для исходных английских сложноподчинённых предложениях с придаточными сказуемого можно оформить в таблице № 8:

Таблица № 8. Сопоставление английского подтипа союзного сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемого и его функциональных эквивалентов в кыргызском языке

Английский язык	Кыргызский язык
3 - 4/: Сложноподчинённое предложение с придаточным сказуемого [Predicative Clauses]	4) Простое распространенное предложение с развернутой группой сказуемого
	3) Сложное предложение смешанного типа с наличием синтактико-семантической связи сочинения и подчинения (поясняющее сказуемое в актуализируемом главном предложении)

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ VIII

§1. Придаточное подлежащего исполняет в сложноподчинённом предложении роль подлежащего и вводится союзными словами и относительными местоимениями *that, whether, if, who (whom), whose, what, which, when, where, how, why*.

Аналогичным образом придаточное сказуемого выполняет роль сказуемого и вводится теми же самыми союзными словами и относительными местоимениями, которыми вводится придаточное подлежащего.

Сложноподчинённые предложения с придаточным подлежащего и с придаточным сказуемого являются в английском языке такими же полнозначными сложноподчинёнными предложениями, как и таковые с придаточными дополнительными, с придаточными определительными и с придаточными обстоятельственными. Данные сложноподчинённые с придаточным подлежащего и с придаточным сказуемого манифестируют такие же предикативные отношения, как и вышеозначенные сложноподчинённые с придаточными других подтипов.

В кыргызском языке не имеется прямых функциональных аналогов для английских сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего и с придаточным сказуемого, но имеется тип так называемых местоимённо-соотносительных предложений, определённым образом распространяющих подлежащее и сказуемое.

§2. В современном английском языке выделяются два подтипа сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего: 1) в которых придаточные подлежащего находятся в препозиции в синтаксической структуре сложного предложения относительно главного и вводится союзными словами и относительными местоимениями: *that, whether, who, whose, what* и др.; 2) в которых придаточные подлежащего находятся в постпозиции относительно главного предложения, стоят после сказуемого главного с вводящим it в качестве формального подлежащего и присоединяются к главному посредством подчинительного союза that. В обоих подтипах сложноподчинённых предложений с придаточными подлежащего не нарушается основной принцип английского предложения, предполагающего наличие двусоставности: подлежащего и сказуемого, при этом подлежащее может иметь даже формальный характер.

Языковая модальность сложноподчинённых предложений с придаточным подлежащего, продуцируемая говорящим в отношении главного предложения, может быть как объективной, так и субъективной, но такая модальность в содержании придаточного является всегда субъективной, поскольку говорящий сообщает информацию уже не от своего имени, а от имени другого лица, субъекта-подлежащего главного предложения.

В кыргызском синтаксисе английскому сложноподчинённому предложению с придаточным подлежащего внешне и на первый взгляд соответствует осложнённое местоимённо-соотносительное предложение с распространённым подлежащим, но всё же такое кыргызское предложение не является функциональным соответствием для названого английского сложноподчинённого предложения, поскольку в этом случае в кыргызском языке мы имеем расширенное определение, распространяющее подлежащее.

Для адекватного представления английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего в кыргызском синтаксисе необходим функционально-семантический перевод, учитывающий как предикативные отношения в структуре его составных частей, так и пропозитивные отношения в структуре всего содержания такого сложноподчинённого предложения.

В кыргызском языке значение английского сложноподчинённого предложения с придаточным подлежащего может быть передано переводным способом с привлечением двух синтаксических структур: I/ простого распространённого предложения с развёрнутой группой подлежащего и II/ сложного предложения смешанного типа с наличием синтактико-семантической связи сочинения и подчинения, поясняющие подлежащее актуализируемого главного предложения.

§3. Английское сложноподчинённое предложение с придаточным сказуемого реализуется в двух синтаксических вариантах: во-первых, в варианте, при котором союзные слова и относительные местоимения: *that, whether, who, what, where* и др. – проявляют две совмещённые грамматические функции: 1) в качестве основы именной части сказуемого в главном предложении; 2) в качестве связующе-подчинительного элемента между главным и придаточным предложениями; во-вторых, в варианте, когда главное предложение имеет формальное подлежащее *it* в сочетании со связанными

глаголами *seem, appear, look* и др., в данном варианте союзное слово или относительное местоимение исполняет между предложениями только функцию подчинительного союза.

Английские сложноподчинённые предложения с придаточным сказуемого, так же как и таковые с придаточным подлежащего, реализуют свою модальность на двух уровнях: на уровне всего содержания сложноподчинённого, с его событийной пропозицией, модальность может иметь объективные характеризации; на уровне содержания составных частей сложноподчинённого, с их полными предикациями, модальность же в этом случае может иметь характеризации субъективного плана.

В кыргызском синтаксисе нет прямых функциональных соответствий для английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемого. Внешне похожие местоименно-соотносительные предложения, распространяющие группу сказуемого, не в счёт: они не имеют основного свойства придаточного предложения, они не выражают предикативность и являются только расширенными определениями при существительном в позиции сказуемого.

Для адекватной передачи на кыргызском языке английских сложноподчинённых предложений с придаточным сказуемого необходим функционально-семантический перевод, учитывающий в обоих языках: исходном английском и переводящем кыргызском – не только семантико-грамматическое содержание таких сложноподчинённых предложений, а сколько предикативные отношения в составных частях сложноподчинённого и пропозитивные отношения всего содержания сложноподчинённого предложения.

В кыргызском языке значение английского сложноподчинённого предложения с придаточным сказуемого может быть передано с привлечением двух синтаксических структур: I/ простого распространённого предложения с развёрнутой группой сказуемого и II/ сложного предложения смешанного типа с наличием синтактико-семантической связи сочинения и подчинения, поясняющие сказуемого актуализируемого главного предложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение научно-исследовательской темы образования сложных предложений, как начальной стадии структурирования и формирования, как собственно процесса структурирования и завершающей стадии структурирования, и структурно-семантических особенностей сложных предложений в английском и кыргызском языках позволяет утверждать, что исследуемая нами проблема представляет в лингвистической науке достаточно объёмный пласт языка, познание которого имеет как большую теоретическую, так и большую практическую необходимость.

Теоретическая необходимость изучения означенной нами проблемы была вызвана тем, что в языковой типологии до сегодняшних дней никак не анализировались вопросы типологии сложных предложений на материале аналитического германского английского языка в сравнении с материалом какого-либо агглютинативного тюркского языка, например, кыргызского. И сделанные нами обобщения, выводы и заключения по результатам анализа типов сложных предложений в английском и кыргызском языках, вне всякого сомнения, подтвердили целесообразность и необходимость типолого-сопоставительного изучения проблемы сложных предложений в означенных разнотипных языках.

Практическая, а именно, лингвометодическая, необходимость исследования сложных английских и кыргызских предложений была подтверждена тем фактом, что нам удалось предпринять в определённой степени унифицированное расклассифицирование сложных английских и кыргызских предложений по типам и произвести их разбиение внутри синтаксических типов на различные подтипы; и такое расклассифицирование и разбиение будет необходимым в нормативной теоретической грамматике и будет релевантной основой для дальнейшего их познания как в плане семантического синтаксиса, так и в плане языковой структурно-семантической типологии.

Структурно-грамматическая типология сложных предложений в исходном английском языке и в сопоставляемом кыргызском позволила выявить три их основных типа в английском языке: 1. Бессоюзное сложное предложение; 2. Сложносочинённое предложение и 3. Сложноподчинённое предложение с каким-либо видом придаточного предложения.

Правда, кыргызская лингвистическая традиция распределяет означенные выше структурно-грамматические типы, присущие исходному английскому синтаксису, в несколько ином распределении и классификации.

В кыргызском языке играет релевантную роль наличие/отсутствие эксплицитного связующе-подчиняющего элемента, а именно, наличие/отсутствие союза или союзного слова, поскольку при отсутствии означенных элементов их роль принимают на себя разнообразные аффиксы: падежные, сказуемостные, принадлежностные, причастные и деепричастные.

И поэтому в кыргызской синтаксической традиции выделяют три основных структурно-грамматических типа предложений, в сущности и в основном, совпадающих с исходной английской классификацией: 1. Сложносочинённые предложения (тең байланыштагы татаал сүйлөм) с выделением двух подтипов: А/ Бессоюзное сложносочинённое предложение и Б/ Союзное сложносочинённое предложение; 2. Сложноподчинённое предложение (багынынқы байланыштагы татаал сүйлөм) с выделением двух подтипов: А/ Бессоюзное сложноподчинённое предложение и Б/ Союзное сложноподчинённое предложение и 3. Сложное предложение смешанного типа с наличием синтактико-семантической связи сочинения и подчинения.

Но данное, несколько иное подразделение и классификация кыргызских сложных предложений никак не затушевывает их основных структурно-типологических свойств и качеств, в сущности соотносимых с типологическими признаками исходных английских сложных синтаксических единиц, расклассифицированных по трём структурно-семантическим типам бессоюзных сложных, сложносочинённых и сложноподчинённых предложений.

Можно провести нижеследующие сопоставительно-типологические параллели, обусловленные функциональным соответствием друг другу исходных английских и сопоставляемых кыргызских сложных предложений. При этом выявляется, что данные функциональные соответствия, определённые на основе синтактико-семантического и сопоставительно-смыслового лингвистического анализа, имеют закономерный характер.

I/ Установлено, что тип английских бессоюзных сложных предложений [см. примеры (1) и (2)] имеет своими функциональными соответствиями в кыргызском языке подтип

бессоюзных сложносочинённых предложений, принадлежащего к общему типу кыргызских сложносочинённых предложений [см. примеры (3) и (4)]:

(1) “For a moment the Canterville ghost stood quite motionless in natural indignation; then, dashing the bottle violently upon the polished floor, he fled down the corridor, uttering hollow groans, and emitting a ghastly green light” [Wilde, 2014].

(2) “A waiter knocked and came in with ice; his “thank you” and the soft closing of the door didn’t break the silence though” [Fitzgerald, 2014].

(3) Баарынды бардай көрө албайт,
Баркынды булгап жамандайт [Осмонов, I т., 2014].

(4) Ар кимиси ар нерсени көздөгөн,
Ар кандай доор … кимдер гана өтпөгөн? [Кадыркулов, 2010].

II/Установлено, что тип английских сложносочинённых предложений имеет своими функциональными соответствиями в кыргызском языке подтип союзных сложносочинённых предложений, принадлежащих к общему типу кыргызских сложносочинённых предложений. При этом исходные английские синтаксические единицы, имеющие в свою очередь три разновидности своего значения, обусловленные значением соединительного союза, находят полнозначные свои аналоги в сопоставляемом кыргызском синтаксисе [см. примеры (5) - (10)]. Например:

1) Подтип с соединительным значением сложносочинённого в исходном английском языке:

(5) “But, I constrained myself – I know not how – to speak to him, and in a pause of the storm I crossed the deck, and said: “What are you?” [Dickens, 2013]

(6) “Күндөр өтөт да баардыгы унутулат” [Иманалиев, 2010].

2) Подтип с противопоставленным значением сложносочинённого в исходном английском языке:

(7) “Never a Wink could he sleep; the food stuck in his throat; but he sent a letter to Kiano, and about the time when the steamer would be coming, rode down beside the cliff of the tombs” [Stevenson, 2013].

(8) “Адамдар аябай чарчашты, ошондо да иш токтогон жок” [Тойбаев, 1974].

3) Подтип с разделительным значением сложносочинённого в исходном английском языке:

(9) “Can you really remember that, or did I just tell it to you” [Lawrence, 2013].

(10) “Эртең нөшөрлөнүп күн жаайт, же бороон чапкын болот” [Иманалиев, 2010].

III/В английском синтаксисе сложноподчинённые предложения подразделяются и классифицируются в зависимости от того, какой конкретно второстепенный член предложения поясняет придаточное предложение. В соответствии с этим различаются сложноподчинённые предложения с придаточным дополнительным, сложноподчинённое предложение с придаточным определительным и сложноподчинённое предложение с придаточным обстоятельственным.

В кыргызском же синтаксисе явно выделенных сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и с придаточным определительным не имеется. Смыслы же означенных придаточных дополнительного и определительного передаются другими типами, видами и разновидностями как сложных, так и простых распространённых предложений.

Так, английское сложноподчинённое предложение с придаточным дополнительным [см. пример (11)] имеет в кыргызском синтаксисе своими функциональными соответствиями три типа синтаксических структур: первое, простое распространённое предложение с развёрнутой группой дополнения [см. пример (12)]; второе, сложноподчинённое предложение с его двумя подтипами: А/бессоюзное сложноподчинённое предложение (с семантикой дополнительности) [см. пример (13)] и Б/союзное сложноподчинённое предложение (с семантикой дополнительности) [см. пример (14)], и третье, сложное предложение смешанного типа с синтаксическими связями сочинения и подчинения (также с семантикой дополнительности) [см. пример (15)]:

(11) “Mrs. Tomas has just gone away saying that he will return in an hour” [Bowen, 1998].

(12) Концерттин аягында артистердин бардыгына, ырдагандарга да, бийлегендерге да ар кандай кооз гүлдөр берилди [Сариев, 2012].

(13) Кол чабуулар көпкө чейин токтоботу: келгендердин баардыгына концерт абдан жакты [Сариев, 2012].

(14) Азыркы имараттар абдан кооз, анткени жогорку билимдүү жана тажрыйбалуу архитекторлор мыкты проектилерди иштеп чыгышат.

(15) Көкөмерен суусунун чыгыш жаккы өйүзүндөгү көрүнүш алда кандай укмуштуу, аскалары аркайып, корумдары үйүлүп, кумдары эшилет [Айтматов, 1985].

Английские же сложноподчинённые предложения с придаточными определительными подразделяются в английской лингвистической традиции на два разряда: I/сложноподчинённое предложение с придаточным описательно-определительным и II/сложноподчинённые предложение с придаточным ограничительно-определительным. При этом выявляется, что английские сложноподчинённые предложения с придаточным описательно-определительным [см. пример (16)] имеют своими функциональными соответствиями в кыргызском синтаксисе большей частью простое распространённое предложение с развёрнутой определительной группой [см. пример (17)], а английские сложноподчинённые предложения с придаточным ограничительно-определительным [см. пример (18)] имеют в кыргызском синтаксисе две разновидности синтаксических единиц: А/простое распространённое предложение с причастным оборотом [см. пример (19)] и Б/бессоюзное сложноподчинённое предложение с придаточным образа действия [см. пример (20)]:

(16) The means by which this happily-timed confession was extorted, although efficient, were simple indeed [Poe, 2013].

(17) Тетиги бийик тоонун башындагы каарлар бир эле заматта ээрип кетти [Садык Алахан, 2004].

(18) Here is the parcel which I brought yesterday [Shakhanov, 1993].

(19) Келечекте жазыла турган китеп анын көп купуя сырларын ачат [Токтогонов, 1999].

(20) Досубуз каттуу оорубагансып, биз баардыгыбыз анын алдында эч нерсе билгизбей отурдук [Медетов, 1986].

Английские сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными, в зависимости от того, какие обстоятельственные значения происхождения действия, выражения признака или качества они манифестируют, подразделяются на восемь групп: 1) с придаточным места, 2) с придаточным времени, 3) с придаточным образа действия, 4)

с придаточным причины, 5) с придаточным цели, 6) с придаточным следствия, 7) с придаточным уступительным и 8) с придаточным условным.

В кыргызском языке им функционально соответствуют шесть групп сложноподчинённых предложений с придаточными предложениями: 1) с придаточным времени, 2) с придаточным образа действия, 3) с придаточным причины, 4) с придаточным цели, 5) с придаточным уступительным и 6) с придаточным условным.

Правда, в кыргызской синтаксической системе сложных предложений имеется и так называемая седьмая разновидность с придаточным сравнительным, но мы оставили её вне поля нашего зрения, поскольку в английской лингвистической традиции не имеется такой сложной синтаксической единицы. В исходном английском языке смысл сравнения, присущий кыргызскому придаточному сравнительному, передаётся через парадигму степеней сравнения прилагательных в структуре простого предложения.

Шесть групп английских сложноподчинённых групп с придаточными, выражающими значение времени, значение образа действия, значения причины, значение цели, уступительное значение и условное значение, имеют в кыргызской синтаксической системе своими функциональными соответствиями прямые аналоги [см. примеры (21) - (34)]. Например:

A) со значением обстоятельства времени:

(21) "While you are having dinner, I shall be reading the newspaper" [Welch, 2004].

(22) "Бу башкарма согуштан кече кузундө гана келгени менен, элге бат алынды, чоң-кичине менен тааныш болуп кетти" [Айтматов, 1984].

B) со значением обстоятельства образа действия:

(23) "Walk him!" Bullet was now at home again; and he walked as if money was staked on him" [Longstreet, 1984].

(24) "Уядан учуп кеткен балапандай,
Сагынтат өзү тургай, көлөкөсү [Кадыркулов, 2010].

C) со значением обстоятельства причины:

(25) "Because, if so, it was a good and useful work, and we should enjoy hearing about it" [Jerome, 2012].

(26) “Өзүм ата-энемдин улгайганда көргөн перзенти болгондугумданбы, айтор, өзүмдөн улуу кишилерге өзгөчө жакындыгым бар” [Култаева, 2008].

D) со значением обстоятельства цели:

(27) “He wrote down he telephone number for fear that he might forget it” [Wambauch, 1993].

(28) “Тайган менен аңчылыкка бармак болуп, Досаалы үч күндөн бери айылда жок” [Култаева, 2008].

E) со значением обстоятельственным уступительным:

(31) “Don’t change your plans whatever happens”, said Mario Looke” [Welch, 2004]

(32) «Атадан алтоо туулсаң да, ар жалгыздык башта бар» [Медетов, 1986].

F со значением обстоятельственным условным:

(33) “If Pr. Robinson dies, I think the murderer will be hang up” [Twain, 2012].

(34) “Бир адам 400 тонна пахтаны машинада терет деп мурдараак бирөө айтса, эч ким ишенбес эмес” [Мияшев, 1974].

Два английских сложноподчинённых предложения: с придаточным места и с придаточным следствия имеют своими прямыми функциональными аналогами в кыргызской синтаксической системе, несколько видоизмененные синтактико-семантические конструкции. Английское придаточное места передаются в кыргызском языке придаточным меры места и направления, [орун жана багыт өлчөм багынынқы сүйлөм]; последнее полно и адекватно передает смысл английского придаточного места. Например:

(35) “The wise men argue till this day, where, and when; On which continent, say,
Was human culture brought to birth [Shakhanov, 1999].

(36) Ал киши мага ошоп чоң залда тыкыз жакындаганы мага кийин чоң жана ийгиликтүү таасир тийгизди [Сасыкбаев, 1974].

Также кыргызский синтаксис не выделяет придаточное следствия, которое имеет место быть в английском синтаксисе. Кыргызская синтактико-семантическая система считает релевантными два факта, которые связаны со следствием: во-первых, факт причины действия, предшествующий следствию, а, во-вторых, факт достижения цели, который эксплицируется как совместно со следствием, так и после следствия.

Английское придаточное следствия как бы «поделено» между двумя кыргызскими придаточными: если речь в придаточном идёт о начальной фазе причинно-следственного действия, то английское придаточное следствия передаётся в кыргызском синтаксисе придаточным причины [себеп багыныңкы сүйлөм].

Например:

(37) Mrs Martha sat behind me so that I could not see the expression on her face [Wambaugh, 1993].

(38) Биздин группа экзаменге жакшы даярданган үчүн, профессор жарым группага «төрт» жана «беш» деген баа койду [Исаков, 1974].

(39) Балга тоюш үчүн, аары багыш керек; Нанга тоюш үчүн, аштык себиш керек [Кадыркулов, 2010].

Также в английском синтаксисе выделяются два придаточных: подлежащего и сказуемого, - которые не имеют никакого функционального аналога в кыргызском языке, что, конечно же, обусловлено различием анализируемых языков в своем грамматическом строении: аналитическим типом германского английского языка и агглютинативным типом тюркского кыргызского. Например:

подтип английского придаточного подлежащего:

(40) "When I shall come back in difficult", answered the doctor cuttingly and mistrustful" [Bowen, 1998].

(41) "It is not known yet that they will come to-day" [Welch, 2004].

подтип английского придаточного сказуемого:

(42) "The weather is not what it was yesterday", said the quavered [Wilde, 1979].

(43) "All I know is what I have seen in the press", said Mr. Nelson with maliciously look [Wambaugh, 1993].

Данные подтипы, имеющие место быть в английском языке, придаточного подлежащего и придаточного сказуемого, передаются в кыргызском языке только переводным способом. В этом случае английскому сложноподчинённому предложению с придаточным подлежащего в кыргызском языке могут функционально соответствовать, во-первых, простое распространённое предложение с развёрнутой группой подлежащего, а, во-вторых, сложное

предложение смешанного типа с наличием синтактико-семантической связи сочинения и подчинения, которое поясняло бы подлежащее в актуализируемом главном предложении; например:

(40)-1/ Оорчулук болуп калса, мен кайра келем, деди доктор, бирок анын сөзү ынандырарлыксыздай сезилди [Перевод наш. Д.К.].

(41) -1/ Алардын бүгүн келери же келбеси дагы эле белгисиз [Перевод наш. Д.К.].

Английскому же сложноподчинённому предложению с придаточным сказуемого также функционально соответствуют две синтактико-семантические структуры, во-первых, простое распространённое предложение с развёрнутой группой сказуемого, а, во-вторых, также сложное предложение смешанного типа с наличием связи сочинения и подчинения, но только уже поясняющее сказуемое в актуализируемом главном предложении; например:

(42)-1/ Бүгүнкү аба ырайы башкача, кечекидей эмес, деди ал калтыраган үнү менен [Перевод наш. Д.К.].

(43)-1/ Бизге мамилеси жаман болгондуктан Нельсон мырза, бизди кыйыр карап озү көдөмөлдөгөн ойун атты, бирок айткан ойлорду прессдан алганын тактап кетти [Перевод наш. Д.К.].

Поставленная в работе цель: сопоставительно-типологическое изучение объёмной языковой сферы сложных предложений в германском английском языке и в агглютинативном тюркском кыргызском (на предмет образования, оформления и структурно-семантических особенностей данных предложений) – представляется достигнутой, поскольку все девять поставленных в работе задач были благополучно разрешены.

Так, в соответствии 1-ой поставленной задачей была изучена в обзорно-теоретическом порядке история исследования сложного предложения в языкознании: в общем и русском языкознании [Пешковский, 1956; Белошапкова, 1977; Валгина, 1991 и др.]; в германистике и англистике [Абрамов, 1972; Беляева, 1977; Halliday, 1970 и др.]; в тюркологии и в кыргызском языкознании [Гаджиева, 1973; Жапаров, 1979; Иманов, 2009 и др.]; в германо-тюркском и тюркско-германском сопоставительном языкознании [Буранов, 1983; Бекбалаев, 1991; Жолдошбек уулу, 1996 и др.].

В соответствии со 2-ой задачей были изучены в обзорно-теоретическом порядке структурно-семантические свойства сложного предложения в английском языкознании, где

основными такими свойствами признаются предикативность и обязательная грамматическая двусоставность элементарного составного предложения в составе сложного; в кыргызском языкознании, где такими же основными свойствами признаются предикативность и нередкое формальное отсутствие подлежащего при имеющемся логическом субъекте; сопоставление же английского и кыргызского сложного предложения становится возможным ввиду наличия общего качества предикативности на уровне составных частей сложного предложения.

В соответствии с 3-ей задачей был изучен тип бессоюзных сложных предложений в английском и в кыргызском языках. Было выявлено, что явление грамматической предикативности, подключающее синтаксическую единицу к обозначению объективной действительности, имеет свою реализацию на уровне составной части сложного, на уровне же всего содержания сложного бессоюзного предложения уже имеет место новое, более высокое и более абстрагированное явление пропозиции как высшей ступени предикации.

В соответствии с 4-ой задачей был изучен тип сложносочинённых предложений в английском и в кыргызском языках. Английские сложносочинённые предложения с обязательной синтаксической двусоставностью – наличием как субъекта-подлежащего, так и предиката-сказуемого – сопоставлялись со сложносочинёнными кыргызскими предложениями, в которых нередко наблюдалось отсутствие грамматического подлежащего. Но взгляд с точки зрения элементарного предложения позволил провести сопоставление таких несходных сложных английских и кыргызских сложносочинённых предложений. При этом характер элементарности предложения (наличие хотя бы одного конституирующего элемента: субъекта-подлежащего, или предиката-сказуемого; наличие модальности, распространяющегося на оба составных предложения, и наличие единого интонационного рисунка) позволяет проводить такое сопоставление сложных предложений из разнотипных языков.

В соответствии с 5-ой задачей изучения английских сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным и их кыргызских функциональных соответствий было удостоверено, что предикативность, предикация на уровне всего содержания сложноподчинённого трансформируется в пропозицию, которая приобретает более высокую степень абстрагированности. Английское придаточное дополнительное и его функциональные

кыргызские соответствия при этом даёт уточняющие сведения о некоторых элементах предложения главного.

В соответствии с 6-ой задачей сопоставительного изучения английских сложных предложений с придаточным определительным и их кыргызских функциональных соответствий было выявлено, что данные придаточные определительные в английском и его кыргызские эквиваленты совершенно одинаковым образом могут пояснять как всё главное английское предложение целиком – описательные придаточные определительные, так и какой-либо один элемент в составе главного предложения – ограничительные придаточные определительные; аналогичная ситуация наблюдается и в их кыргызских функциональных соответствиях.

В соответствии с 7-ой задачей, предполагающей сопоставительное изучение английских и кыргызских сложноподчинённых предложений с придаточными обстоятельственными, было выявлено, что данные придаточные обстоятельственные могут быть расклассифицированы в обоих сравниваемых английском и кыргызском языках несколько по-разному; в английском синтаксисе - это восемь видов придаточных: 1) места; 2) времени; 3) образа действия; 4) причины; 5) цели; 6) следствия; 7) уступительные и 8) условные; в кыргызском же синтаксисе отсутствуют придаточные места и придаточное следствия. В зависимости от полноты элементарного составного предложения в кыргызском языке может быть реализована пропозиция как завершённого типа, так и типа незавершённого, в то время как в двусоставном элементарном английском предложении, как в составной части сложного, полная предикация позволяет осуществлять реализацию как завершённой, так и событийной пропозиции.

В соответствии с 8-ой задачей были изучены английские сложноподчинённые предложения с придаточным подлежащего и было установлено, что в кыргызском синтаксисе такой тип сложного предложения полностью отсутствует. Правда, имеется внешне сходный вид так называемых местоименно-соотносительных предложений, но данные предложения содержат расширенные определения, распространяющие подлежащее, но данные определения не являются элементарными предложениями, поскольку они не выражают предикативность. Для адекватной передачи смысла английского сложноподчинённого с придаточным подлежащего требуется вид перевода, обозначенный в теории и практике

перевода как функционально-семантический, который учитывает функцию составных частей и семантику всего сложноподчинённого предложения. Для передачи смысла английского придаточного подлежащего необходим функционально- семантический перевод.

В соответствии с 9-ой задачей были проанализированы английские сложноподчинённые предложения с придаточным сказуемого, которые не имеют прямых функциональных аналогов в кыргызском языке. Хотя в кыргызском синтаксисе имеются внешне сходные с английскими придаточными сказуемого синтаксические единицы в составе местоимённо-соотносительных предложений, но они не являются придаточными предложениями, поскольку у них отсутствует категория предикативности, они являются расширенными определениями при существительном в позиции предикативного члена в составе сложного именного сказуемого и являются распространителями группы сказуемого. Здесь так же, как и в случае с английским придаточным сказуемого, необходим функционально-семантический перевод.

Сопоставительно-типологический анализ английских и кыргызских сложных предложений: бессоюзных, сложносочинённых и сложноподчинённых – позволил выявить определённые сходства, а также и определённые различия в образовании и функционировании данных синтаксических единиц. Несмотря на различие в языковых типах, выражающееся в различном строении простого предложения и сложного предложения – в обоих сравниваемых языках наблюдаются сходные моменты.

В обоих языках на уровне составных элементарных предложений в структуре сложного в полносоставных субъектно-предикатных структурах реализуется полная предикация; однако в кыргызском языке, в котором зачастую может быть представлена неполносоставная субъектно-предикатная структура, также реализуется свёрнутая предикация.

Наличие в обоих элементарных составных предложениях сложного полной предикации детерминирует появление на уровне всего содержания сложного завершённой или нередко событийной пропозиции.

Наличие хотя бы одной свёрнутой предикации в составе сложного детерминирует появление на уровне всего содержания сложного предложения незавершённой пропозиции.

Выявленные сходства, а также и различия, в образовании и функционировании сложных предложений в английском и в кыргызском сложных предложениях касаются всех типов данных сложных предложений.

Так, сходными являются английские и кыргызские бессоюзные сложные предложения с полносоставной субъектно-предикатной структурой: они выражают полную предикацию на уровне своих составных частей и завершённую пропозицию на уровне всего содержания бессоюзного сложного предложения.

Однако одна разновидность кыргызского бессоюзного сложного предложения отличается от исходного английского бессоюзного сложного предложения: кыргызское бессоюзное сложное предложение может иметь в одной их своих составных частей, а в некоторых случаях и в обоих, неполносоставную субъектно-предикатную структуру, может выражать свёрнутую предикацию и может эксплицировать на уровне всего содержания всего бессоюзного сложного незавершённую пропозицию.

Сходными являются английское и кыргызское сложносочинённые предложения с полносоставными субъектно-предикатными структурами в своих составных частях; они выражают полную предикацию на уровне своих составных частей и завершённую пропозицию на уровне всего содержания сложносочинённого предложения.

Однако одна разновидность кыргызского сложносочинённого предложения отличается от исходного английского сложносочинённого тем, что имеет неполносоставную субъектно-предикатную структуру. В одной из своих составных предложений выражает свёрнутую предикацию на уровне составных частей и эксплицирует незавершённую пропозицию на уровне всего содержания сложносочинённого.

Сходными являются английское и кыргызское сложноподчинённые предложения с полнозначными субъектно-предикатными структурами в своих составных предложениях: главном и придаточном, - они выражают в данных составных частях полную предикацию, а на уровне всего содержания сложноподчинённого они эксплицируют событийную пропозицию. На этот раз завершённая пропозиция из сферы сложносочинённых предложений толкуется нами на качественно новом событийном уровне: событийность сложноподчинённого предложения в английском и кыргызском языках обусловливаются тесным, спаянным значением всего содержания сложноподчинённого, которые номинирует на этот раз не ситуацию, а целое событие (см. Таблицу № 10).

Однако некоторые разновидности кыргызского сложноподчинённого предложения [обычно с придаточными причины, цели и образа действия] отличаются от исходного английского аналога тем, что они могут иметь неполносоставную субъектно-предикатную структуру в одной из своих составных частей, выражать в этой составной части свёрнутую предикацию, а на уровне всего содержания сложноподчинённого выражать завершённую пропозицию. Здесь всё зависит от того, какую ситуацию данное сложное предложение обозначает.

Первые семь – с I по VII – теоретических положений вынесенных на обсуждение нашли своё полное подтверждение в ходе проведённого нами исследования. Положение же VIII и IX о том, что английские сложные члены предложения и кыргызские деепричастные, причастные и отглагольно-именные обороты тяготеют к придаточным в составе сложноподчинённого, не нашли своего подтверждения: данные английские и кыргызские языковые средства ведут себя более радикально, по принципу дизъюнкции «или-или»: или они входят в состав придаточного, выражая предикацию, и тогда мы имеем дело со сложноподчинённым предложением с каким-либо видом придаточного; или они не входят в состав придаточного, не выражают предикацию и тогда мы имеем дело с простыми предложением, правда, с наличием какого-либо распространённого члена предложения.

Таблица № 9 Данные о количественных подсчётах сложных предложений английского и кыргызского языков

№	ТИПЫ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК [прямые функциональные соответствия; непрямые и переводные]
I.	БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	1500 ед.	1500 ед.
II.	СЛОЖНОСОЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	1500 ед.	1500 ед.
III.	СЛОЖНОПОДЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ:	3000 ед.	2500 ед.
1.	с придаточным дополнительным	500 ед.	750 ед.
2.	с придаточным определительным	500 ед.	750 ед.
3.	с придаточным обстоятельственным	1500 ед.	1000 ед.
4.	с придаточным подлежащего	250 ед.	0 ед.
5.	с придаточным сказуемого	250 ед.	0 ед.

ТАБЛИЦА № 10 ПРЕДИКАТИВНО-ПРОПОЗИТИВНОЕ СТРОЕНИЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

ПРЕДИКАЦИЯ: Свернутая/полная

[Sub+Pred] - полная предикация

[(Sub)+Pred] - свёрнутая предикация

[Sub+(Pred)] - свёрнутая предикация

ПРОПОЗИЦИЯ: незавершённая/завершённая/событийная

Список цитированной литературы на русском и кыргызском языках

1. **Абдимомунова, А. О.** Типологические исследования синтаксической номинации в английском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / А. О. Абдимомунова. – Бишкек, 2011. – 22 с.
2. **Абдраева А.Т.** Английские безличные предложения и пути их передачи на кыргызский язык [Текст] / А. Т. Абдраева, Г.Т. Абдраева // Актуальные проблемы германского и тюркского языкознания. Матер. межвуз. научно–практ. конф. – Вып. III. – ИИМОП КНУ им. Ж. Баласагына, 2009. – С. 14–18.
3. **Абдувалиев Н.** Кыргыз тилинин морфологиясы: «Кыргыз тили жана адабиаты» Адистиги боюнча жогоркуу окуу жайлардин студенттери учун окуу китеби – [Текст] / Н. Абдувалиев – Бишкек, 2008 – 284 б.
4. **Абдувалиев, И.** Азыркы кыргыз тили: морфология. Жогорку окуу жылардын филол. фак. студенттери үчүн окуу китеп [Текст] / И. Абдувалиев, Т. Садыков. – Бишкек: «Айбек» фирмасы, 1997 – 296 б.
5. **Абрамов, Б.А.** Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков Учеб. для студ. вузов [Текст] /Б.А. Абрамов – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001 – 288 с.
6. **Абрамов, Б.А.** Типология элементарного предложения в современном немецком языке. Пос. по курсу теор. грам. – Изд. 2–е. [Текст] /Б.А. Абрамов. – Бишкек: КГПУ им. И.Арабаева, 2000. – 122 с.
7. **Абрамов, Б.А.**Типология элементарного предложения в современном немецком языке. Учеб. пос. по курсу теоретической грамматики [Текст] / Б.А. Абрамов.– М.:МГПИИЯ им. М.Тореза, 1972 – 105 с.
8. **Абрамов, Б. А.** Функционально–семантический подход при сопоставительно–типологическом изучении грамматических категорий глагола [Текст] // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В.Н.Ярцева – М.:Наука, 1987. – С.113–121.
9. **Адмони, В. Г.** Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики [Текст] / В. Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988 – 240 с.
10. **Адмони, В. Г.** Типология предложения [Текст] // Исследования по общей теории грамматики / Отв. ред. В.Н. Ярцева [Текст] / В. Г. Адмони. – М.: Наука, 1968 – С.232–291.

11. **Азарова Л. В.** Трансформации сложноподчинённого предложения с придаточным дополнительным в современном английском языке [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук /Л. В. Азарова – М.,1968 – 22 с.
12. **Айдаралиева, А.С.** Англис тилиндеги «предлог + what + багыныңкы сүйлөм» синтаксистик конструкциясынын структуралык–фунционалдык өзгөчөлуктөрү жана кыргыз тилиндеги шайкештиги [Текст]: филол. илим. канд. … дисс. автореф. / А.С. Айдаралиева. – Бишкек, 2011 – 26 б.
13. **Алексеева, Г. Г.** Сложные предложения с последовательным подчинением в древнеанглийском языке [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Г.Г. Алексеева. – Л., 1966 –18 с.
14. **Алефиренко Н. Ф.** Проблемы когнитивно–семиологического исследования языка [Текст] /Н. Ф. Алефиренко // Алефиренко Н.Ф. Слово – сознание – культура. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 31–41.
15. **Алтынбаев, Н. К.** Типологическое исследование грамматического обстоятельства в английском и кыргызском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. К. Алтынбаев. – Бишкек. 2011. – 24 с.
16. **Аманатова, Д. О.** Англис тили сабактарында суроо берүү структурасын окуучуларга үйрөтүү [Текст]/Д. О. Аманатова // Семантические и типологические приемы описания языковых единиц и речевых структур: к 85–летию со дня рождения А. Джапарова. – Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2005. – С. 51–58.
17. **Андрианова, Е. К.** Модальность сложноподчинённого предложения в современном английском языке [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. Наук /Е.К. Андрианова – Л., 1966 – 22 с.
18. **Аракин, В. Д.** Сравнительная типология английского и русского языков. учеб. пос. для студ. фак. иностр. яз. [Текст] / В. Д. Аракин. – М.:Просвещение, 1989 – 238 с.
19. **Аринштейн, В. М.** Синтаксический механизм сжатия глагольных словосочетаний [Текст] / В. М. Аринштейн // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: Сб. научн. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун–т. 1985 – С. 84–94.
20. **Арутюнова, Н. Д.** Предложение и его смысл [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976 – 384 с.
21. **Ахманова, О. С.** Современные синтаксические теории – Изд. 3–е. [Текст] / О. С. Ахманова, Микаэлян Г.Б. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 168 с.
22. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966 – 609 с.
23. **Ахматов, Т**. Азыркы кыргыз тили. Фонетикалык лексин [Текст] / Т. Ахматов, Ж. Мукамбаев. – Фрунзе: Мектеп, 1978. – 176 с.

24. **Ахматов, Т. К.** Киргизский язык. Учебн. для русск. групп вузов Кирг. ССР. [Текст] / Т. К. Ахматов, С. А. Давлетов, Ш. Ж. Жапаров, О. В. Захарова – Фрунзе: Мектеп, 1975. – 302 с.
25. **Ахматов, Т. К.** Кыргыз тили (фонетика, лексика). Жог. окуу жайынын журнал., фак. студент. үчүн окуу китеби [Текст] /Т. К. Ахматов, С. Өмүралиева– Фрунзе: Мектеп, 1990. – 236 б.
26. **Ахметжанова, З. К.** Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки [Текст] / З.К. Ахметжанова. – Алматы: КАЗГУМЯ и МО им. Абылай Хана, 2005. – 373 с.
27. **Бабайцева, В. В.** Русский язык. Синтаксис и пунктуация [Текст] / В. В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1979. – 269 с.
28. **Бабайцева, В. В.** Система членов предложения в современном русском языке учеб. пос. для студ. пед. ин–тов [Текст] / В. В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1989. – 159 с.
29. **Бабашева, Б. К.** Кыргыз жана орус тилдериндеги киринди конструкциялардын табияты [Текст] / Б. К. Бабашева // Актуальные проблемы германского и тюркского языкознания. Матер. межвуз. научно–практ. конф.– Вып. III.– ИИМОП КНУ им. Ж. Баласагына, 2009. – С. 65–69.
30. **Байрамова, Л. К.** Перевод на татарский язык русских придаточных предложений с относительным словом «который» [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Л. К. Байрамова. – Л., 1966. – 16 с.
31. **Балинская, В. И.** Графика современного английского языка [Текст] / В. И. Балинская. – М: Высшая школа, 1964. – 356 с.
32. **Баскаков, Н. А.** Тюркские языки. [Текст] / Н. А. Баскаков. – 3–е изд. – М.: Изд–во ЛКИ, 2010. – 248 с.
33. **Баталина, А.** Объектное моделирование сегментационного анализа русского предложения / А. Баталина, М. Епифанов, Т. Кобзарёва и др. // Прикладна лінгвістика. та лінгвистичні технології. Збірник науковых прац. – Київ: Видавництво "Добіра". – 2008. – С. 47–35.
34. **Бекбалаев, А. А.** Вопросы истории и теории синтаксической номинации (на матер. нем. и кырг. яз) [Текст] / А. А. Бекбалаев. – Бишкек: Илим, 1991 – 162 с.
35. **Бекенова, Р. Б**. Соотношение общекатегориальных значений глагола и имени в системе языка и в семантике отглагольного деривата [Текст] / Р. Б. Бекенова // Вестник КРСУ, 2010, Т. 10. – №7. – С. 79–82.
36. **Белошапкова, В. А.** Современный русский язык. Синтаксис. Учеб. пос. для филол. спец. ун–тов [Текст] / В. А. Белошапкова. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
37. **Белошапкова, В. А.** Современный русский язык: Учеб. для студ. филол. спец. ун–тов. [Текст] / В. А. Белошапкова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов. – М.: Высшая школа, 1981. – 560 с.
38. **Беляева, М. А.** Грамматика английского языка: учеб. пособие для неяз. вузов. [Текст] / М. А. Беляева. – 6-е изд. – М.: Высшая школа, 1977. – 333 с.

39. **Березин, Ф. М.** Общее языкознание: учеб. пос. для студ. пед. ин–тов [Текст] / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
40. **Биялиев, К. А.** Кыргыз адабият тили жана анын адабият нормасы. Жогорку окуу жайларынын студенттери үчүн окуу китеби [Текст] / К. А. Биялиев. – Бишкек: Кыргыз улуттук университети, 2013 – 191 б.
41. **Биялиев, К. А.** Кыргыз тили. Жогорку окуу жайларындагы башка улуттардын студенттери үчүн окуу китеби [Текст] / К. А. Биялиев. – Бишкек: КРСУ, 2002. – 272 б.
42. **Биялиев, К. А.** Кыргызский язык: Учеб. пос [Текст] / К. А. Биялиев. – Бишкек: Раритет–инфо, 2003. – 128 с.
43. **Блох, М. Я.** Актуальное членение предложение как фактор парадигматики / М. Я. Блох // Проблемы грамматики и стилистики английского языка. Сб. статей. – М.: Моск. гос. пед. ин–т им. В.И. Ленина, 1973. – С. 171–194.
44. **Блох, М. Я.** Концепт и картина мира [Текст] / М. Я. Блох // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): междунар. научно–практ. конф. 17–19 марта 2006. – М.: ООО Изд–во “Элпис”, 2006. – С. 16–21.
45. **Блох, М. Я.** Теоретические основы грамматики: Учеб. пос. для студентов ин–тов и фак. иностр. яз. [Текст] / М. Я. Блох. – М.: Высшая школа, 1986. – 160 с.
46. **Бондарко, А. В.** Семантические категории в аспекте сопоставительного исследования [Текст] / А.В. Бондарко // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В.Н. Ярцева – М.: Наука, 1987. – С. 26–37.
47. **Борисова, Л. В.** Семантико–интонационный анализ сложноподчиненных предложений с придаточным нереального условия в английском языке [Текст]: автореф. дис… канд. филол.наук / Л.В. Борисова. – М., 1967 – 22 с.
48. **Брагина, А. А.** Соответствия и несоответствия между языками в процессе обучения [Текст] / А.А. Брагина // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1987. – С. 208–217.
49. **Буранов, Дж.** Сравнительная типология английского и тюркских языков: учеб. пос. для пед. ин–тов [Текст] / Дж. Буранов – М.: Высшая школа, 1983. – 268 с.
50. **Валгина, Н. С.** Синтаксис современного русского языка: Учеб. для вузов по спец. «Журналистика» [Текст] / Н.С. Валгина – 3–е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1991. – 432 с.
51. **Вальваков, Р. В.** Грамматические трансформации при переводе русских колоративов на английский язык [Текст] / Р. В. Вальваков // Вестник КРСУ, 2012, т. 12, №12. – С. 132–135.
52. **Вальваков, Р. В.** Сложноподчинённые предложения с придаточными обстоятельственными предложениями английского и русского языков в функционально–семантическом аспекте [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Р. В. Вальваков. – Бишкек, 2011. – 19 с.

53. **Васильев, Л. Г.** Некоторые аспекты речевой деятельности [Текст] / Л. Г. Васильев // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: Сб. научн. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун–т, 1985. – С. 28–35.
54. **Величко, А. В.** Простое предложение. Опыт семантического описания [Текст] / А. В. Величко, Ю. А. Туманова, О. В. Чагина. – М.: Изд. МГУ, 1986. – 120 с.
55. **Верховская, И. П.** Видо–временные формы в английском сложноподчинённом предложении: Учеб. пос. [Текст] / И. П. Верховская. – М.: Высшая школа, 1980. – 112 с.
56. **Вострикова, Е. В.** Тривиальность и грамматическая корректность: современные проблемы интенсиональной семантики [Текст] / Е. В. Вострикова, П. С. Куслий // Философский журнал / Philosophy Journal. – 2020. Т. 13, №4. – С. 52–68
57. **Гаджиева, Н.З.** Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков [Текст] / Н. З. Гаджиева. – М.: Наука, 1973. – 408 с.
58. **Гак, В. Г**. О контрастивной лингвистике (вступ. статья) [Текст] / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып XXV. – Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989 – С. 5–17.
59. **Гарбузова, Т. Н.** Практическая грамматика. Всё о временах в английском языке [Текст] / Т. Н. Гарбузова – Ростов н/Д: Феникс, 2014. – 173 с.
60. Грамматика киргизского литературного языка. Ч. I, Фонетика и морфология [Текст] / Э. Абдулдаев, С. Кудайбергенов, О. В. Захарова и др. – Фрунзе: Илим, 1987. – 402 с.
61. Грамматика современного башкирского литературного языка [Текст] / [З. З. Абсалямов, М. Х. Ахтямов, Т. М. Гарипов и др.]. – М.: Наука, 1981. – 496 с.
62. **Грузинская, И. А.** Грамматика английского языка [Текст] / И. А. Грузинская, Е. Б. Черкасская – 16-е изд. – М.: Госучпедгиз, 1956 – 255 с.
63. **Гулыга, Е. В.** Теория сложноподчинённого предложения в современном немецком языке [Текст] / Е. В. Гулыга – М.: Высшая школа, 1971. – 206 с.
64. **Гуревич, В. В.** Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пос. [Текст] / В. В. Гуревич.– 5-е изд. – М.: Флинта – Наука, 2008 – 168 с.
65. **Давлетов, С.** Кыргыз тилинин грамматикасы. I бөлуму педагогикалык окуу жайлары үчүн [Текст] / С. Давлетов, Ж. Мукамбаев, С. Турусбеков. – Фрунзе: Мектеп, 1982. – 238 б.
66. **Дейк, Т. А. ван.** Вопросы прагматики текста [Текст] / Т. А. ван. Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.
67. **Джамбаева, Ж. А.** Изучение языковой объективизации ценностей [Текст] / Ж. А. Джамбаева // “Медениеттер тогысындагы тіл, эдебиет жене аударма меселелері” атты халыкаралык гылымы–практикалык конференция материалдары 27–28 сеуіп 2012 жыл. – Алматы: Сулейман Демирел атындагы ун–т, 2012. – 41– 46 б.

68. **Джапаров, А.** Главные члены предложения в современном киргизском языке [Текст] / А. Джапаров – Фрунзе: Мектеп, 1964. – 272 с.
69. **Джепко, Л.П.** Структурно–семантические и функциональные особенности бессоюзных сложносочинённых предложений в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. … докт. филол. наук / Л. П. Джепко. – М., 1993 – 48 с.
70. **Джумабаев, К.** Сложноподчинёные предложения с придаточными времени и причины в современном немецком языке и их соответствия в киргизском языке [Текст]: Автореф. дисс. … канд. филол. наук / К. Джумабаев. – Фрунзе, 1978. – 36 с.
71. **Джумалиева, Г. К.** Сравнительно–типологическое изучение эллипса в английском, русском и кыргызском языках: Автореф. дис… канд. филол. наук / Г. К. Джумалиева. – Бишкек, 2000. – 20 с.
72. **Джумалиева, Г. К.** К вопросу о функционально–семантическом поле и его типах (на материале английского и русского языков) [Текст] / Г. К. Джумалиева // Актуальные проблемы германского и тюркского языкознания. Матер. межвуз. научно–практической конференции. – Вып. III. – Бишкек: ИИМОП КНУ им. Ж. Баласагына, 2009. – С. 103–107.
73. **Джумалиева, Г. К.** Функционально–семантическое поле интерротивности в английском и кыргызском языках (контрастивный и переводческий аспекты) [Текст] / Г. К. Джумалиева. – Бишкек: БГУ, 2011. – 183 с.
74. **Джусаев, Дж.** К вопросу об основном аспекте категории модальности [Текст] / Дж. Джусаев // Тр. КирГУ им. 50–летия СССР. Сер.: романо–германская филология и метод. преп. иностр. яз. – Вып. 7. Ч. II. – Фрунзе, 1975. – С. 90–99.
75. **Джусаев, Дж.** Категория модальности и средства её выражения в современном кыргызском языке [Текст]: автореф. дис. . . д–ра филол. наук / Дж. Джусаев – Бишкек, 2000. – 38 с.
76. **Дикушина, О. Н.** Фонетика английского языка. Учеб. пос. для высш. учеб. завед. иностр. яз. [Текст] / О. Н. Дикушина – М.: Иностранная литература, 1952. – 350 с.
77. **Дубровин, Н. И.** Англо–русский словарь. Около 100 000 слов, словосочетаний, выражений и значений [Текст] / Н. И. Дубровин – М.: АСТ: Астраль, 2011. – 576 с.
78. **Дуйшеев, Ж.** Интонация простого повествовательного предложения в современном кыргызском языке (Опыт экспериментально–фонетического исследования) [Текст]: автореф. дис… канд. филол.наук / Ж. Дуйшеев. – Фрунзе, 1980. – 26 с.
79. **Дыйканов, К.** Имя существительное в киргизском языке [Текст] / К. Дыйканов – Фрунзе: Изд–во АН Кирг. ССР, 1995. – 104 с.
80. **Дыйканов, К.** Кыргыз тилинын көрсөтмө куралдары [Текст] / К. Дыйканов – Алматы: Кыргыз мамлекеттик университети, 1990 – 369 б.
81. **Дымарский, М. Я.** Предикация и предикативность. Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9–12 апреля 2013 г . [Текст] / М. Я. Дымарский. – СПб.: Нестор–История, 2013 – 367 с.

82. **Ерхов, В.Н.** К проблеме подлежащего [Текст] / В. Н. Ерхов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: Сб. научн. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун–т, 1985. – С. 42-54.
83. **Есенова Т. С.** Фонетическое оформление вопросительности (по данным мелодики) [Текст] / Т. С. Есенова., К. У. Манджиева // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов / Отв. ред. В.М. Наделяев – Новосибирск: Изд–во “Наука”, Сибирское отделение, 1986. – С. 146–149.
84. **Ешмамбетова, З. Б.** Стилистика английского языка в фонетическом освещении: учеб. пос. [Текст] / З. Б. Ешмамбетова, М. В. Вербицкая. – Фрунзе: Кирг.гос. ун–т, 1990. – 159 с.
85. **Жакыпов, Ы.** Азыркы кыргыз тили педагог: жог. окуу жайлары үчүн окуу куралы [Текст] / Ы. Жакыпов. – Фрунзе: Мектеп, 1975. – 178 б.
86. **Жакыпов, Ы.** Тилдердин проблеммалуу маселелеринен иргелген колдонмолуу жыйнак: окуу куралы [Текст] / Ы. Жакыпов. – Бишкек: «Кесип», 1993. – 92 б.
87. **Жапар, А.** Синтаксический строй киргизкого языка. Учеб. для вузов [Текст] / А. Жапар – Бишкек: Мектеп, 1992, ч. I. – 430 с.
88. **Жапар, А.** Синтаксический строй киргизкого языка. Учеб. для вузов [Текст] / А. Жапар – Бишкек: Мектеп, 1992, ч. II. – 352 с.
89. **Жапар, А.** Кыргыз тилинин синтаксиси. Жог. окуу жайлары тил жана адабият фак. үчүн [Текст] / А. Жапар – Фрунзе: Мектеп, 1979. – 322 б.
90. **Жапаров, А.** Сопоставительная грамматика кыргызского и русского языков. учеб. для вузов [Текст] / А. Жапаров. – Бишкек: б.у.и., 2007. – 408 с.
91. **Жигалдо, В. Н.** Современный английский язык. Теоретический курс грамматики: учебник [Текст] / В. Н. Жигалдо, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик – М.: Изд–во лит–ры на иностр. языках, 1956. – 350 с.
92. **Жолдошбек уулу, А.** Немис жана кыргыз тилдеринин салыштырма типологиясы [Текст] / А. Жолдошбек уулу – Бишкек: Чуй университети, 1996. – 280 б.
93. **Задорожная, Н. П.** Академическое письмо: от предложения к тексту. учеб. пос. для студ. гуманит. вузов [Текст] / Н. П. Задорожная. – Бишкек: МУЦА, 2017. – 124 с.
94. **Зайнуллин, М. В.** Модальность как функционально–семантическая категория (на матер. башкирского языка) [Текст] / М. В. Зайнуллин. – Саратов: Изд–во Сарат. ун–та, 1986. – 124 с.
95. **Земская, Е. А.** Русская разговорная речь: Общие вопросы; Словообразование. Синтаксис [Текст] / Е. А. Земская, Н. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев – М.: Наука, 1981. – 276 с.
96. **Зернецкий, П. В.** Лингвистические параметры связного текста [Текст] / П. В. Зернецкий // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: Сб. научн. тр. – Калинин: Калинин гос. Ун–т, 1985. – С.173-177.

97. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания [Текст] / // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Изд–во Моск. гос. ун–та, 1993. – С. 51-58.
98. **Зыкин, А. В.** К вопросу о базовых структурных типах полипредикативных конструкций в английском языке [Текст] / А. В. Зыкин, Ю. В. Сергаева // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014, №2. – С. 146-152.
99. **Ибрагимов, С.** Вопросы сложносочинённого предложения киргизского и русского языков в аспекте лингвокультурологии / С. Ибрагимов – Бишкек: КГПУ им. И.Арабаева, 2001. – 148 с.
100. **Иванова, И. П.** Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник [Текст] / И. П. Иванова, В. А. Бурлакова, Г .Г. Почепцов. – М: Высшая школа, 1981. – 285 с.
101. **Илебаев, Э. У.** Сопоставительно–типологическое исследование категории модальности и средств её выражения в английском и кыргызском языках[Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук / Э. У. Илебаев. – Алматы, 1997. – 20 с.
102. **Ильина, Н. Е.** Грамматические исследования: Функционально–стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис [Текст] / Н. Е. Ильина, В. Л. Воронцова, С. Н. Борунова – М.: Наука, 1991. – 247 с.
103. **Иманов, А.** Кыргыз тили. Жог. окуу жайынын филол. фак. үчүн [Текст] / А. Иманов – Фрунзе, Мектеп, 1990. – 352 б.
104. **Иманов, А.** Кыргыз тилинин синтаксиси: окуу куралы. Жог. окуу жайларыны филол. фак. студ. үчүн – II бас. [Текст] / А. Иманов – Бишкек: К. Тыныстанов атындагы ЫссыкКол мам. ун–ти, 2009. – 420 б.
105. **Имашева, Н. М.** Сложноподчиненное предложение в английском и башкирском языках: монография [Текст] / Н. М. Имашева. – Уфа: Изд–во БГПУ, 2007. – 200с.
106. **Ирсалиева, Н. К.** Сложносочинённые союзные предложения в современном английском языке и их соответствия в киргизском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. К. Ирсалиева. – Фрунзе, 1975.
107. **Исаев, М.К.** Очерки по контрастивной и английской лингвистике [Текст] / М. К. Исаев – Алматы: – Интер Пресс–К., 2009. – 238 с.
108. **Кадыркулова, У. К.** Позиционное размещение второстепенных членов в простом предложении в кыргызском и русском языках [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / У. К. Кадыркулова – Бишкек, 2009. – 23 с.
109. **Кадыркулова, Ф. Д.** Проблемы типологического сопоставления синтаксических систем в немецком и русском языках (Опыт функционально–грамматического исследования) [Текст] / Ф. Д. Кадыркулова. – Бишкек: Турар, 2014. – 314 с.
110. **Кадырова, Ш. К.** Англис жана кыргыз тилдеринин контрастивдик фонетикасы [Текст] / Ш. К. Кадырова. – Бишкек: Бийиктик, 2008. – 344 б.

111. **Казакова, Т. А.** Практические основы перевода English Russian: учеб. пособие. [Текст] / Т. А. Казакова. – СПб.: Изд–во “Союз”, 2005. – 320 с.
112. **Калинина, Л. В.** Абстрактные существительные: синтаксические позиции [Текст] / Л. В. Калинина // Проблема семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. научно–практ. конфер. 17–19 марта 2006. – М.: ООО “Изд–во “Элпис”, 2006. – С. 69-73.
113. **Калмыков, В.А.** Основные реализации нечленимых высказываний в тексте [Текст] / В. А. Калмыков. // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: сб. науч. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун–т., 1985. – С. 78–84.
114. **Караева, З. К.** Перевод и семиотика. Многоязычное бытиё эпоса “Манас” и теоретико–методологические проблемы переводоведения [Текст] / З. К. Караева – Бишкек: б.у.и., 2006. – 332 с.
115. **Карасова С. Я.** Методы классификации сложноподчиненных предложений в английском языке [Текст] / С. Я. Карасова, Х. Х. Шаманова // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – №60-4. – С. 193–196.
116. **Карпов, В. М.** Английские дополнительные придаточные предложения и их эквиваленты в киргизском языке [Текст] / В. М. Карпов // Грамматика романо–германских языков и их сопоставление с киргизским и русским языками: тематический сборник. Фрунзе: Кир.госуниверситет им. 50–летия СССР, 1978. – С. 11–23.
117. **Карыбаев, А.** Средства выражения видовых значений глагола в кыргызском языке [Текст] / А. Карыбаев, Б. Карыбаева – Бишкек: НАН Кырг. Респ. – Ин–т гум. знаний при КГНУ им. И.Арабаева, 2001. – 154 с.
118. **Карыбаев, А. К.** Понятие грамматического времени у неличных форм глагола (“ган” в киргизском и “–ing” в английском языках) [Текст] / А. К. Карыбаев // Труды Киргизского государственного университета им. 50–летия СССР. Серия: ром.–гер. филол. и метод. преп. иностр. яз. – Вып 6. – Фрунзе, 1972. – С. 91–98.
119. **Касаткин, Л. Л.** Русский язык: учебник для студентов высш. пед. учеб. завед. [Текст] / Л. Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л .П. Крысин и др. – 2–е изд., испр. – М.: Издательский центр “Академия”, 2004. – 768 с.
120. **Касевич, В. Б.** Акцентные языки и сингармонизм [Текст] / В. Б. Касевич // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов / Отв. ред. В.М. Неделяев. – Новосибирск: Изд–во “Наука”, Сибирское отделение, 1986. – С. 14–18.
121. **Каспранский, Р. Р.** Принципы описания звукового состава языка [Текст] / Р. Р. Каспранский // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов / Отв. ред. В.М. Неделяев. – Новосибирск: Изд–во “Наука”, Сибирское отделение, 1986. – С. 3–8.
122. **Качалова, К. Н.** Практическая грамматика английского языка: в 2–х т. [Текст] / К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич – Т. 1, 8–е изд. – Киев: Методика, 1995. – 368 с.

123. **Качалова, К. Н.** Практическая грамматика английского языка: в 2–х т. [Текст] / К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич – Т. 2, 8–е изд. – Киев: Методика, 1995. – 304 с.
124. **Кечерукова, М. К.–М.** Нефинитные формы глагола каузальной семантики (на примере совр. англ. языка) [Текст] / М. К.–М. Кечерукова. – Алма–Ата, 1993. – 23 с.
125. **Клепикова, Т. А.** Лингвистические метарепрезентации в грамматике конструкций [Текст] / Т. А. Клепикова // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). – СПб., 2008. – № 11(66) – С.47–54.
126. Кириллова И.Г. Об определении сложного предложения [Текст] / И. Г. Кириллова, А. К. Прокопьева, Г. Г. Филиппов // Вестник Северо–Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2014. №6 – С. 89–97.
127. **Козуев, Д. И.** Типологическое исследование структуры подлежащего в русском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Д. И. Козуев – Бишкек, 1999 – 26 с.
128. **Койбагарова, К. Т.** Структурно–семантические типы сказуемого в современном немецком и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук / К. Т. Койбагарова – Бишкек, 2006 – 24 с.
129. **Краснов, Ф.А.** Принципы идентификации лингвистических единиц [Текст] / Ф. А. Краснов // Краснов Ф. А. Избранные статьи по общему и русскому языкознанию. – Бишкек: КРСУ, 2018. – С. 104–109.
130. **Краснов, Ф.А.** Современное языкознание и русско–кыргызское сопоставительное исследование [Текст] / Ф. А. Краснов // Краснов Ф.А. Избранные статьи по общему и русскому языкознанию. – Бишкек, КРСУ, 2018. – С. 152–157.
131. **Краснов, Ф.А.** Сопоставительное исследование русского и кыргызского языков [Текст] / Ф. А. Краснов // Краснов Ф.А. Избранные статьи по общему и русскому языкознанию. – Бишкек: КРСУ, 2018. – С. 59–71.
132. **Крысин, Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов. Около 25 000 слов и словосочетаний [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Русский язык, 1998 – 848 с.
133. **Кулешов, В.В.** Введение в типизацию английской речи (учеб. пос. для студ. филол. фак.) [Текст] / В. В. Кулешов. – М.: Изд–во Моск. ун–та, 1981. – 123 с.
134. **Кульбаева, Г. Б.** Некоторые способы выражения семантики обусловленности в русском языке [Текст] / Г. Б. Кульбаева // Русский язык в центрально–азиатском регионе государств–участников СНГ: Международный форум. – Бишкек: КРСУ, 2007. – С. 121-125.
135. **Кульбаева, Г. Б.** Способы выражения причинно–следственных отношений в русском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Г. Б. Кульбаева. – Бишкек, 1995 – 24 с.
136. **Курганова, Н. В.** О статусе категории способа глагольного действия в английском языке [Текст] / Н. В. Курганова // Вестник КРСУ, 2011. Т. 11, №1. – С. 85–89.

137. Кыргыз адабий тилинин грамматикасы – I бөлүм. – Фонетика жана морфология [Текст] / Фрунзе: «Илим» басмасы, 1980. – 539 б.
138. Кыргыз тилинин сөздүгү [Текст] / Түз.: А.Акматалиев, А.Кадырмамбетова,М. Касымбелдиева ж.б. – Бишкек: "AVRASYA JAYIVCILIK", 2010 – 1460 б.
139. **Лазариди, М.** Безличность в языке: безличные предложения русского языка и их соответствия в кыргызском языке [Текст] / М. Лазариди. – Бишкек – Москва: КРСУ: Центр греческого языка и культуры "Эллас", 2017. – 142 с.
140. **Лайонз, Дж.** Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж. Лайонз – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
141. **Ларсон, М.Л.** Смысловой перевод: руководство по теории межъязыковой эквивалентности и её практическому применению [Текст] / М. Л. Ларсон. – Спб.: Летний лингвистический институт Санкт–Петербургского университета, 1993 – 455 с.
142. **Лекант, П. А.** Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учеб. пос. для студ. филол. спец. ун–тов и пед. ин–та.[Текст] / П. А. Лекант. – М.: Высшая школа, 1974. – 160 с.
143. **Лекант, П. А.** Современный русский язык: Учебник для студентов специальности "Филология" [Текст] / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин и др. – М.: Дрофа, 2001. – 560 с.
144. **Леонтьев, А. А.** Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации [Текст] / А. А. Леонтьев. // Синтаксис текста – М.: Наука, 1979 – С. 18–36.
145. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл.ред. В.Н. Ярцева – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
146. **Ломтев, Т. П.** Общее и русское языкознание. Избранные работы [Текст] / Т. П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 381 с.
147. **Ломтев, Т. П.** Структура предложения в современном русском языке. [Текст] / Т. П. Ломтев.– М.: Изд–во Моск. ун–та, 1979. – 198 с.
148. **Мамытов, Ж.** Азыркы кыргыз тили: Фонетика жана лексикология. Жог. окуу жайларынын филол. фак. студ. үчүн [Текст] / Ж. Мамытов – Бишкек: ЖЭКА» Лтд,, 1999 – 256 б.
149. **Марченко, Е. П.** О взаимосвязи структурно–семантических, коммуникативных и текстообразующих потенций полипредикативных сложных предложений в современном русском языке [Текст] / Е. П. Марченко. // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. – 2003. – №. 3. – С. 144–147.
150. **Матвеев, С.А.** Английская грамматика. Базовый курс. [Текст] / С. А. Матвеев. – М.: АСТ, 2014. – 254 с.
151. **Метелева, Н. К.** Контекст порождения субстантивных предложно–падежных словосочетаний [Текст] / Н. К. Метелева // Языковые единицы и контексты. Сб. науч. тр. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1973. – С. 131–142.

152. **Мещанинов, Н. Н.** Соотношение логических и грамматических категорий [Текст] / Н. Н. Мещанинов // Общее языкознание: Хрестоматия. Для филологических факультетов вузов. Составители Б.Н. Косовский, Н.А. Павленко. – 2–е издание, переработ. и доп. – Минск: Вышэйшая школа. 1987. – С. 133–138.
153. **Михайлов, Л. В.** О “коммуникативной” синтаксической парадигме [Текст] / Л. В. Михайлов // Лингвистические проблемы текста. Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 217. – М., 1983. – С. 59–66.
154. **Михайлов, Л. И.** Прагматика и синтагматика простого предложения в немецком языке [Текст]: автореф. дисс. док. филол. наук / Л. И. Михайлов. – М., 1977. – 36 с.
155. **Мишланов, В. А.** К типологии сложного предложения: структурно–семантические особенности изъяснительных конструкций [Текст] / В. А. Мишланов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. №2. – С. 52–59.
156. Могучий фактор национального языкового развития [Текст] / Под ред. А. Карыпкулов. – Фрунзе: Кыргызстан, 1981. – 312 с.
157. **Молдокулова, Н. Б.** Лингво–акустические проблемы создания системы распознавания слитной речи на ЭВМ [Текст] / Н. Б. Молдокулова, В. Н. Трунин–Донской. – Фрунзе: Илим, 1989. – 136 с.
158. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка: социально–лингвистическое исследование [Текст] / Под ред. М.В. Панова. – М.: Наука, 1968.–367 с.
159. **Москалёва, И. П.** К вопросу эксплицитного и имплицитного выражения грамматических значений [Текст] / И. П. Москалёва // Текстообразующие средства современного немецкого языка: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1985. – С. 82–101.
160. **Москальская, О.И.** Проблемы семантического моделирования в синтаксисе [Текст] / О. И. Москальская // Вопросы языкознания, 1973, №6. – С. 33–36.
161. **Москальская, О.И.** Синтаксическая парадигматика и синтаксическая деривация [Текст] / О. И. Москальская // Проблемы общего и германского языкознания. – М.: Изд–во Моск.ун–та, 1978. – С. 71–78.
162. **Мукарапова, А. К.** Аспектуальные типы мультипликативной множественности в кыргызском языке [Текст] / А. К. Мукарапова // Вестник КРСУ, 2010. Т. 10, №3. – С. 22–26.
163. **Мукарапова, А. К.** О категориях вида и способа действия в английском и тюркских языках [Текст] / А. К. Мукарапова // Вестник КРСУ, 2010. – Т. 10, № 3. – С. 17–22.
164. **Мусаев, С. Ж.** Парадигматические типы причастных конструкций в киргизском языке [Текст] / С. Ж. Мусаев. – Фрунзе: Илим, 1987. – 160 с.
165. **Мухин, А. М.** О категории падежа в современном английском языке [Текст] / А. М. Мухин // Вопросы языкознания. – 1957, №2. – С. 19–30.

166. **Мухин, А. М.** О моделях управления в русском и английском языках [Текст] / А. М. Мухин // Вопросы русского языкознания. – Вып. 2 – М.: Изд–во Моск. ун–та, 1979. – С. 110–119.
167. **Мухин, А. М.** Проблема вариантности в синтаксисе [Текст] / А. М. Мухин // Языки мира: Проблемы языковой вариативности – М.: Наука, 1990. – С. 139–152.
168. **Найманова, Ч. К.** Лингвистический статус валентности и сочетаемости в разносистемных языках (на материале английского, кыргызского и русского языков) [Текст]: автореф. дисс. докт. филол. наук / Ч. К. Найманова. – Бишкек, 2006. – 43 с.
169. **Николаева, Т. М.** Интонационная типология и проблемы изучения языковых контактов [Текст] / Т. М. Николаева // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов / Отв. ред. В.М. Неделяев – Новосибирск: Изд–во "Наука", Сибирское отделение, 1986 – С. 18–21.
170. **Николаева, Т. М.** Контекстуально–конститутивная обусловленность высказывания и его семантическая цельность (К вопросу о функциях русских частиц) [Текст] / Т. М. Николаева // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста (Виноградовские чтения XI). – М.: Наука, 1982. – С. 46–63.
171. **Ниорадзе, Н. Г.** Смысловые функции подлежащего в составе предложения [Текст] / Н. Г. Ниорадзе // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза: Язык и коммуникации. – Вып. 124. – М., 1977. – С. 83–99.
172. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 7. «Ио–Пр» [Текст] – М.:Большая Российская энциклопедия, ООО "ТД Издательство Мир книги". 2007. – 512 с.
173. **Нуриев, В. А.** Адекватности перевода как лингвистическая проблема [Текст] / В. А. Нуриев // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003, №1. – С. 88–94.
174. **Нуркемел кызы, М.** Особенности передачи языковых единиц и фраз с английского на русский язык [Текст] / М. Нуркемел кызы // Актуальные проблемы германского и тюркского языкознания. Матер. межвуз. научно–практ. конф.. – Вып. III. – Бишкек: ИИМОП КНУ им. Ж. Баласагына, 2009. – С. 224–227.
175. **Нурмаханова, А. Н.** Туркі тілдерін салыстырмалы грамматикасы. Университет пен педагогикалык институттарун филология факультеттеріне арналган [Текст] / А. Н. Нурмаханова. – Алматы: Мектеп, 1971. – 292 б.
176. **Нурмаханова, А. Н.** Интонация как способ выражения эмоций [Текст] / А. Н. Нурмаханова // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов / Отв. ред. В.М. Неделяев–Новосибирск: Изд–во "Наука", Сибирское отделение, 1986. – С. 132 – 135.
177. Общее языкознание: Внутренняя структура языка [Текст] – М.: Наука, 1972. – 565 с.
178. **Ольшевская, Р. В.** Рематически–тематическая структура односинтагменных повествовательных предложений (англ. яз) [Текст] / Р. В. Ольшевская // Обучение чтению научного текста на иностранном языке. – М.: Наука, 1975. – С. 286-293.

179. **Орусбаев, А. О.** Кыргыз тилинин фонетикасы боюнча изилдөөлөр. – I бөлүк: Сегменттик бирдиктер – часть II: Суперсегментные единицы [Текст] / А.О. Орусбаев, К. Т. Токтоналиев. – Бишкек: Илим, 1991. – 226 б.
180. **Орузбаева, Б. О.** Русско–киргизский словарь лингвистических терминов [Текст] / Б. О. Орузбаева – Фрунзе: Илим, 1972. – 425 с.
181. **Орузбаева, Б. Ө.** Закирова В. Грамматикалык терминдердин кыргызча–орусча сөздүгү. Орто мектептердин мугалимдери жана окуучулары үчүн [Текст] / Б. Ө. Орузбаева. – Фрунзе: Мектеп, 1981. – 104 б.
182. **Орузбаева, Б. С.** Кыргызский язык: краткий грамматический очерк [Текст] / Б. С. Орузбаева. – Бишкек: Илим, 1994. – 72 с.
183. **Өмуралиев, Б.** Кыргыз тилина синтаксинин окуутунун методикасы [Текст] / Б. Өмуралиев – Фрунзе: Мектеп, 1990. – 268 б.
184. **Панфилов, В. З.** О соотношении внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка [Текст] / В. З. Панфилов // Теоретические проблемы советского языкознания. – М.: Наука, 1964. – С. 75–90.
185. **Пауль, Г**. Принципы истории языка (пер. с нем.) [Текст] / Г. Пауль. – М.: Изд–во иностр. лит–ры, 1960. – 500 с.
186. **Паустовский, К.** Далёкие годы. Беспокойная юность. Повести [Текст] / К. Паустовский – Киев: Дніпро, 1987. – 509 с.
187. **Пескова, В. Я.** О семантическом взаимодействии компонентов структуры S+V (на материале непереходных глаголов совр. франц. яз.) [Текст] / В. Я. Пескова // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 129. – М., 1979. – С. 93–105.
188. **Петрова, О.В.** Введение в теорию и практику перевода (на матер. англ. языка) [Текст] / О. В. Петрова. – М.:АСТ: Восток–Запад, 2007. – 96 с.
189. **Печникова, Н. А.** Коммуникативные функции вопросительных инфинитивных предложений [Текст]: автореферат дисс. канд. филол. наук / Н. А. Печникова – Воронеж, 1995. – 25 с.
190. **Пешковский, А. М.** Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – Изд. 7–е. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
191. **Плоткин, В. Я.** Семантика и синтаксис предложения и высказывания [Текст] / В. Я. Плоткин // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 33–43.
192. **Поздняков, А. С.** Вопросительные предложения в английском языке в сопоставлении с кыргызскими вопросительными предложениями [Текст] / А. С. Поздняков // Вопросы теории и методики преподавания языка (сб. тр. фак–та и кафедр иностр. яз. вузов МНО Кирг. ССР). – Фрунзе: Мектеп, 1965. – С. 50–63.
193. **Попова, З. Д.** Синтаксические концепты как категория когнитивной лингвистики [Текст] / З. Д. Попова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры

(лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно–практическая конференция 17–19 марта 2006 г. – М.: ЭЛПИС, 2006. – С. 349–352.

194. **Попова, О. П.** Исследование категории “субъект” в лингвистике [Текст] / О. П. Попова // Вестник КРСУ, Потапова М.Д. Логико–синтаксическая функция глагола в предложении (к проблеме членов предложения) // Проблемы синтаксиса простого предложения. Межвуз. сб. научн. тр. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. – С. 41–52.
195. **Потье, Б.** Типология [Текст] / Б. Потье // Новое в зарубежной лингвистике – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 187–204.
196. **Поцелуевский, Е. А.** Тюркский трёхчлен [Текст] / Е. А. Поцелуевский – М.: Наука, 1967. – 136 с.
197. **Почепцов, Г. Г.** Конструктивный анализ структуры предложения [Текст] / Г. Г. Почепцов. – Киев: Вища школа, 1971. – 191 с.
198. **Почепцов, Г. Г.** Прагматический аспект изучения предложения: К построению теории прагматического синтаксиса [Текст] / Г. Г. Почепцов // Иностранные языки в школе, 1975, № 6. – С. 15–25.
199. **Прокопович, Н. Н.** Вопросы синтаксиса русского языка. Учеб. пос. для студ. филол. спец. пед. ин–тов [Текст] / Н. Н. Прокопович.– М: Высшая школа, 1974. – 352 с.
200. **Пузиков, Е. Ю.** Семантические и прагматические функции свёрнутой пропозиции (на материале англоязычной художественной прозы) [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Е. Ю. Пузиков. – Алматы, 2009. – 24 с.
201. **Разинкина, Н. Н.** Функциональная стилистика английского языка. Учеб. пос. для студ. ин–тов и фак–тов иностр.яз. [Текст] / Н. Н. Разинкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 182 с.
202. **Розенталь, Д. Э.** Словарь–справочник лингвистических терминов. Пос. для учителя. [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. - 3-е изд. – М: Просвещение, 1985. – 399 с.
203. **Руднев, А. Г.** Синтаксис современного русского языка. Учеб. пос. для студ. ун–тов. [Текст] / А. Г. Руднев. – М.: Высшая школа, 1963. – 364 с.
204. Русская разговорная речь [Текст] – Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Наука, 1973. – 485 с.
205. **Сагыналиева, Г. Т.** Сопоставительное исследование составного именного сказуемого в английском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис… канд. филол. наук / Г. Т. Сагыналиева – Бишкек, 2009.
206. **Сапарбаев, А.** Синтаксистик окуунун негиздери: Жогорку окуу жайларынын филологиялык факультеттеринин студенттери үчүн окуу китеби. [Текст] / А. Сапарбаев – Бишкек: “Кыргызстан–Сорос” фонду, 1997. – 248 б.
207. **Садыков, Т.** Азыркы кыргыз тили: фонетика (лекциялык курс). Жог. окуу жайларынын студ. үчүн окүү куралы [Текст] / Т. Садыков. – Бишкек: Бийиктик, 2006. – 120 б.
208. **Садыков, Т.** Основы кыргызской фонологии и морфологии [Текст] / Т. Садыков. – Бишкек: Илим, 1992. – 157 с.

209. **Сартбаев, К. К.** Синтаксические процессы в сложноподчинённых предложениях [Текст] / К. К. Сартбаев // Могучий фактор национально–языкового развития. – Фрунзе: Кыргызстан, 1981. – С. 151–169.
210. **Сартбаев, К. К.** Языковедение в Киргизии. Краткий очерк [Текст] / К. К. Сартбаев. – Фрунзе: Илим, 1985. – 154 с.
211. **Саурбаев, Р. Ж.** Структурно–семантическое осложнение предложения в разноструктурных языках (на материале современного татарского и английского языков) [Текст]: автореф. дисс. … д–ра филол. наук / Р . Ж. Саурбаев. – Тобольск, 2012. – 46 с.
212. **Севрюгина, Е. В.** Отличие семантики присоединения от семантики других типов синтаксической связи [Текст] / Е. В. Севрюгина // Филологические науки. Вопросы теории и практики, (7–1), Филологические науки. Вопросы теории и практики, №7 (49) 2015, ч. 1. – С. 158–160.
213. **Сенченкова, Е. В.** Синтаксическое соотношение доминант и частей однородных предложений / Е. В. Сенченкова // Проблема семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Межд. научно–практ. конф. 17–19 марта 2006. – М.: ООО "Издательство "Элпис", 2006. – С. 125–129.
214. **Серебренников, Б. А.** Сравнительно–историческая грамматика тюркских языков [Текст] / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. – Изд. 2–е, испр. и доп. – М.: Наука, 1986. – 302 с.
215. **Серль, Дж.** Косвенные речевые акты [Текст] / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 158-321.
216. **Скаличка, В.** Типология и сопоставительная лингвистика [Текст] / В. Скаличка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М., Прогресс, 1989. – С. 27-31.
217. **Скепская, Г .И.** Грамматика в аспекте коммуникации. Понятие ситуации [Текст] / Г. И. Скепская // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. тр. №124 МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1987. – С. 30–37.
218. **Скирдов, В. Д.** Сопоставительный синтаксис русского и кыргызского языков. [Текст] / В. Д. Скирдов. – Фрунзе: Мектеп, 1970. – 164 с.
219. **Скирдов, В. Д.** Структурные изменения в сложносочинённых предложениях [Текст] / В. Д. Скирдов. // Могучий фактор национально–языкового развития. – Фрунзе: Кыргызстан, 1981. – С. 145-151.
220. **Скобликова, Е. С.** Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. [Текст] / Е. С. Скобликова. – Учеб. пос. для студ. пед. ин–тов. – М.: Просвещение, 1979. – 234 с.
221. **Скребнёв, Ю. М.** Общелингвистические проблемы описания синтаксиса английской диалогической речи [Текст]: автореферат дис. . . докт. филол. наук / Ю. М. Скребнёв. – М., 1972. – 46 с.

222. **Скрелина, Л. М.** О концептуальной схеме предложения [Текст] / Л. М. Скрелина // Проблемы синтаксиса простого предложения. Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1980. – С. 61–71.
223. **Смирницкая, О. А.** Морфологизация аналитических глагольных конструкций в германских языках [Текст] / О. А. Смирницкая // Историко–типологические исследования морфологического строя германских языков. – М.: Наука, 1972. – С. 70-90.
224. **Смирницкий, А. И.** Синтаксис английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М.: Изд–во лит–ры на иностр. языках, 1957. – 286 с.
225. Современный русский язык. – ч. II (Морфология. Синтаксис) [Текст]. - Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 638 с.
226. **Соколова, М. А.** Теоретическая фонетика английского языка: учебник для студ. ин–тов и фак. иностр. яз. [Текст] / М. А. Соколова, К. П. Гинтовт, И. С. Тихонова, Р .М. Тихонова – М.: Высш. шк. 1991.
227. **Степанов, Ю. С.** Предикация [Текст] / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 393–394.
228. **Суровцева, С. И.** Предложно-падежные конструкции как один из способов выражения временных отношений [Текст] / С. И. Суровцева // Проблема семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Межд. науч–практ. конф. 2006. – М.: ООО "Издательство "Элпис", 2006. – С. 129-132.
229. **Сусов, Н. П.** Предложение и действительность [Текст] / Н. П. Сусов // Коммуникативно–прагматические и семантические функции речевых единств. – Калинин: Калинин. гос. ун–т, 1980. – С. 5-9.
230. **Сухих, С. А.** Полипредикатные конструкции [Текст] / С. А. Сухих // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: сб. науч. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун–т. 1985. – С. 54–63.
231. **Сыдыков, Ж. К.** Фонетическая структура современного кыргызского языка и диалектов [Текст] / Ж. К. Сыдыков. – Фрунзе: Илим, 1990. – 176 с.
232. **Сыдыков, Ж. К.** Кыргыз жыл англис тилдерринин салыштырма фонетикасы [Текст] /Ж. К. Сыдыков. – Фрунзе: Илим, 1984. – 188 б.
233. Тезисы Пражского лингвистического кружка [Текст] / В. А. Звегинцев (сост.) // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 17-42.
234. **Тенишев, Э.** Древнекыргызский язык [Текст] / Э. Тенишев. – Бишкек: Кыргызстан, 1997 – 56 с.
235. **Тойчубекова, Б.** Односоставные предложения в кыргызском литературном языке [Текст]: автореф. дисс. … докт. филол. наук / Б. Тойчубекова. – Алматы, 1994. – 36 с.

236. **Токоев, Т. Т.** Азыркы кыргыз тилиндеги предикативдик, атрибутивдик жана бышыктоочтук катыштар: Методикалык көрсөтмө [Текст] / Т. Т. Токоев, А. К. Чолпонбаев. – Бишкек: БГУ-НГУ, 2021. – 28 б.
237. **Токтоналиев, К. Т.** Побудительное предложение в современном кыргызском литературном языке [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / К. Т. Токтоналиев. – Бишкек, 1992. – 20 с.
238. **Толенгутова, А. С.** Структурно–семантические и прагматические особенности сложноподчинённого предложения в деловом тексте (на материале коммерческой корреспонденции) [Текст]: автореф. дисс. канд. филол. наук / А. С. Толенгутова. – Алматы, 2008. – 26 с.
239. **Торсуев, Г. П.** Обучение английскому произношению. Пос. для преп. англ. яз. [Текст] / Г. П. Торсуев. – М.: Госучпедгиз. Мин. прос. РСФСР, 1953. – 224 с.
240. **Торсуева, И. Г.** Текст как система [Текст] / И. Г. Торсуева // Структурно–семантические единицы текста: сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1986. – №267. – С. 100.
241. **Трахтеров, А Л.** Практический курс фонетики английского языка [Текст] / А Л. Трахтеров – Москва: Высшая школа. 1976. – 312 с.
242. **Тулеева, Ч. С.** Типология фонетико–фонологической системы языка (на материале сопоставления нем. и кырг. яз.) [Текст] / Ч. С. Тулеева. – Бишкек: КГУСТА, 2008. – 272 с.
243. **Турапова, М. Ш.** Интонация основное средство выражения актуального членения предложения [Текст] / М. Ш. Турапова. – 1986.
244. **Турсунов, А.** Кыргыз тилинин тыныш белгилери [Текст] / А. Турсунов. – Бишкек: КТМУ «Манас», 2002. – 125 б.
245. **Умаров, А.** Сложноподчинённые предложения с придаточными времени в русском языке и способы их передачи на каракалпакском языке [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / А. Умаров. – Ташкент, 1965. – 34 с.
246. **Умаров, К.** Подчинительные союзы немецкого языка и их функциональные соответствия в киргизском языке [Текст]: автореф дис. … канд. филол. наук / К. Умаров. – Фрунзе, 1973. – 25 с.
247. **Усубалиев, Б.** Грамматикалык маанинин табияты [Текст] / Б. Усубалиев // Өзүнүн китебинде: Кыргыз филологиясы жана филологдору. Бишкек: Эл аралык Ататүрк-Алатоо университети, 2007. – 72-77 б.
248. **Федоров, А. В.** Основы общей теории перевода [Текст] / А. В. Федоров. – М.: Высш. шк. – 1983. – 303 с.
249. **Формановская, Н. И.** Сложные предложения в современном русском языке. Теория и упражнения (Включённое обучение) [Текст] / Н. И. Формановская – М.: Русский язык , 1989. – 192 с.
250. **Хорнби А. С.** Учебный словарь современного английского языка. The Advanced Learner's Dictionary of Current English [Текст] / А. С. Хорнби, Э. Гэтенби, Г. Уэйкфилд // М.: АСТ | Lingua. – 2006.

251. **Цикалова, Л.Н.** Семантико–коммуникативные аспекты ситуативно обусловленных глагольных номинаций to talk into [Текст]: автореферат дис… канд. филол. наук / Л.Н. Цикалова. – М., 1987. – 24 с.
252. **Чыманова, Ж. Ж.** О семантических “участниках” в глаголах речи в английском и кыргызском языках [Текст] / Ж. Ж. Чыманова // Актуальные проблемы германского и тюркского языкознания. Матер. межвуз. науч.–практ. конф. – Вып. III. – Бишкек: ИНМОП КНУ им. Ж. Баласагына, 2009. – С. 295–298.
253. **Шамина, Л. А.** Исследование сложного предложения в тюркских языках Южной Сибири [Текст] / Л. А. Шамина // Сибирский филологический журнал. 2015, №2. – С. 5–13.
254. **Шаршенова, Р. М.** Средства выражения условно–следственного отношения в английском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Р. М. Шаршенова. – Ташкент, 1991. – 15 с.
255. **Шахнарович, А. М.** Семантические аспекты онтогенеза синтаксиса [Текст] / А. М. Шахнарович // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: сб. науч. тр. – Калинин: Калининский гос. ун–т. – 1985. – С. 36-42.
256. **Шахнарович, А. М.** Принципы сопоставления языков в учебных целях [Текст] / А. М. Шахнарович, А. С. Мамонтов // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1987. – С. 186–192.
257. **Швейцер, А. Д.** Контрастивная лингвистика и теория перевода [Текст] / А. Д. Швейцер // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1987. – С. 157-167.
258. **Шемшуренко, О. В.** Изоморфизм и алломорфизм сложноподчинённого предложения в русском, английском и турецком языках [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук / О. В. Шемшуренко. – Казань, 2012. – 22 с.
259. **Шепелева, Г. П.** Проблемы языковой нормы [Текст] / Г. П. Шепелева // Русский язык в центральноазиатском регионе государств–участников СНГ: Международный форум. – Бишкек: КРСУ, 2007. – С. 91-94.
260. **Шепелева, Г. П.** Функциональный подход к языку и коммуникативное качество уместности речи [Текст] / Г. П. Шепелева // Язык и жизнь в динамике: к 70–летию А.О. Орусбаева / Отв.ред. Г .П. Шепелева. – Бишкек: КРСУ, 2009. – С. 234-237.
261. **Шимберг, С. С.** Функциональный диапазон вопросительного высказывания в современном английском диалогическом дискурсе [Текст]: автореферат дис…канд. филол. наук / С. С. Шимберг. – СПб., 1998. – 24 с.
262. **Ширвинскайте–Текорене, Д. А.** Адвербиально–адъективные словосочетания в современном английском языке [Текст]: автореферат дис… канд. филол. наук / Д. А. Ширвинскайте–Текорене – Вильнюс, 1967. – 18 с.

263. **Шубина, Т.П.** Семантика обусловленности в сложноподчиненном предложении (на материале алтайского языка). Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем) [Текст] / Т. П. Шубина. – Новосибирск. 1986. – С. 66-78.
264. **Шубина, О. Ю.** Семантика итеративности и средства ее выражения в английском и русском языках [Текст]: автореф. дисс. канд. филол. наук / О. Ю. Шубина. – Бишкек, 2007. – 25 с.
265. **Шубина, О. Ю.** Частеречная семантика глагола [Текст] / О. Ю. Шубина // Вестник Кыргызско–Российского славянского университета, 2010. – Т. 10, №7. – С. 94–97.
266. **Шубина, О. Ю.** Глагол в свете субъектно–предикатной и вербоцентрической теорий [Текст] / О. Ю. Шубина // Вестник КРСУ, 2011. – Т.11, №1. – С. 89-93.
267. **Щепкина, И. Г.** Категория интеррогативности в немецком и русском языках: сопоставительный аспект [Текст]: автореф. дисс. докт. филол. наук. / И. Г. Щепкина. – Краснодар, 2001. – 39 с.
268. **Элчиев, Ж.** Кыргыз тилиндеги жаксыз сүйлөмдөр [Текст]: филол. илим. канд. … дис. автореф / Ж. Элчиев. – Бишкек, 1996 – 28 с.
269. **Эралиев, З**. Жусуп Баласагын – кыргыздардын улуу ойчулу [Текст] / З. Эралиев. – Бишкек: Ж.Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университи, 2000. – 40 с.
270. **Эргешбаева, Н. А.** Англис жана кыргыз тилдериндеги орун бышыктагыч тактоочторду салыштырма-типологиялык жактан изилдөө [Текст]: филология илим. канд. автореф / Н. А. Эргешбаева. – Бишкек, 2006. – 24 б.
271. **Юсупов, У. К.** Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина [Текст] / У. К. Юсупов // Методы сопоставительного изучения языков. – М.: Наука, 1988. – С 6-11.
272. **Ярцева, В. Н.** Контрастивная грамматика [Текст] / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 112 с.

Список цитированной литературы на иностранных языках

1. **Akhmanova, O.** Philological Phonetics [Текст] / O. Akhmanova, L. Minaeva, O. Mindrul. – M.: Moscow University Press, 1986. – 156 p.
2. **Alatis, J.** Contrastive linguistics and its Pedagogical Implications [Текст] / J. Alatis // Monograph Series of Languages and Linguistics. – Washington: Georgetown University Press, 1968. – vol. 21. – P. 16-26.
3. **Anderson, J.** Some proposals concerning the modal verb in English [Текст] / J. Anderson // Edinburgh studies in English and Scots. – London, 1971. – P. 70-120.
4. **Arndt, E.** Einführung in die Grundfragen der Sprachwissenschaft [Текст] / E. Arndt, W. Bondzio, K. u.a. Hansen. – 2., durchges. Aufl. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1984. – 426 S.

5. **Bondzio, W.** Zu einigen Aufgaben der Bedeutungsforschen aus sytaktischer Sicht [Текст] / W. Bondzio // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – Band 27, Hefte 1-3, 1974. – PP. 42-51.
6. **Boni, K.** Das Zusammenwirken von extralinguistischen Faktoren und funktionalem Sprachwert bei untersprachlichen Kontakten [Текст] / K. Boni // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch DDR – UdSSR. – Zwickau: VEB Oberlungwitz, 1986. – S. 81-85.
7. **Cresswell, M. J.** Logics and languages [Текст] / M.J. Cresswell. – London: Hamilton, 1973. – 273 p.
8. **Dickushina, O. J.** English Phonetics. [Текст] / O. J. Dickushina. – Moscow. Leningrad: Prosveshcheniye, 1965. – 203 p.
9. **Dik, S.** Functional grammar. [Текст] / S. Dik .– Amsterdam – New York – Oxford: North-Holland Publ. Comp., 1979. – 230 p.
10. **Davitz, J. R.** The Communication of Emotional Meaning. [Текст] / J. R. Davitz. – New York: McGraw - Hill, 1964. – 128 p.
11. **Dixon, R. M. W.** The Semantics of Clause Linking in Typological Perspective [Текст] / R. M. W. Dixon // The semantics of clause linking: A cross-linguistic typology. Ed. by R. M. W. Dixon and Alexandra Y. Aikhenvald. (Explorations in linguistic typology 5.) Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. xviii, 410.
12. **Evans, V.** Cognitive Linguistics: An introduction [Текст] / V. Evans, M. Green. – Edinburg: Edinburg University Press, 2006. – 378 p.
13. **Firbas, J.** Functional sentence perspective in written and spoken communication [Текст] / J. Firbas. – Cambridge, 1992. – 132 p.
14. **Firbas, J.** On defining the theme in functional sentence analysis [Текст] / J. Firbas. – Travaux Linguistiques de Prague, v.1. – Prague: Editions de' I'Acad. Tchecoslov. d. sciences, 1964. – P. 3-45.
15. **Fries, Ch. C.** The structure of English. [Текст] / Ch. C. Fries. – New York: Harcourt, Brace and comp., 1952. – 304 p.
16. **Gustafsson, M.** Binomial expressions in present-day English: a syntactic and semantic study. [Текст] / M. Gustafsson. – Turku: University of Turku, 1975. – 173 p.
17. **Halliday, M. A. K.** Categories of the Theory of Grammar [Текст] /M. A. K. Halliday // Word, 1961, vol. 17, №3. – P. 863-866
18. **Halliday, M. A. K.** Language structure and language function [Текст] /M. A. K. Halliday // New horizons in linguistics. – 1970. – T. 1. – C. 140-165.
19. **Halliday, M. A. K.** Explorations in the functions of language [Текст] / M. A. K. Halliday – London: Arnold, 1973. – 173 p.
20. **Halliday, M. A. K.** System and function in language [Текст] / M. A. K. Halliday // Selected papers ed. G.Kress. – London: Oxford Univ. Press, 1976. – 250 p.
21. **Halliday, M. A. K.** An introduction to functional grammar [Текст] / M. A. K. Halliday, C. Matthiessen. – 3rd ed. – London: Edward Arnold. – 2004. – 366 p.

22. **Hill, A. A.** Introduction to linguistic structures: from sound to sentence in English [Текст] / A. A. Hill. – Harcourt, Brace, 1958. – 496 p.
23. **Huddleston, R.** Introduction to the grammar of English. [Текст] / R. Huddleston. – London: CUP, 2000. – 184 p.
24. **Issayev, M. K.** Introducing contemporary English linguistics [Текст] / M.K. Issayev. – уч.-мет. пос. по теории англ. яз. – Алматы: б.у.и., 2009. – 147 с.
25. **Jackendoff, R.** Foundations of language. Brain, Meaning, Grammar, Evolution [Текст] / R. Jackendoff. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. – 477 p.
26. **Jakobson, R.** Closing statement: Linguistics and Poetics [Текст] / R. Jakobson // Style in language. – Ed. by T. Sebeok – Cambridge: MIT Press, 1960. – P. 350-377.
27. **Johanson, S.** Towards an English-Norwegian parallel corpus [Текст] / S. Johanson, K. Hofland. – Amsterdam and Atlanta, 1994. – 186 p.
28. **Kamp, H.** DRT and Predicate Logic [Текст] / H. Kamp, U. Reyle // From Discourse to Logic. Studies in Linguistics and Philosophy, vol 42. Springer, Dordrecht. 1993. P. 59-139.
29. **Langacker, R. W.** Language and its structure: Some fundamental Linguistic Concepts [Текст] / R. W. Langacker. – New York: Harcourt, Brace and World Inc., 1967. – 260 p.
30. **Leech, G.** Communicative grammar of English [Текст] / G. Leech, J. A. Svartvik. – London: Longman - Group Ltd., 1975. – 324 p.
31. **Leontyeva, S. F.** A Theoretical Course of English Phonetics [Текст] / S. F. Leontyeva. – Vyssaja skola, 1980.
32. **Longacre, R. E.** An anatomy of speech nations [Текст] / R. E. Longacre – The Peter de Ridder Press, 1976. – 394 p.
33. **Moon, F.R.** Functional Grammar [Текст] / Moon F.R. – Edw. Arnold (publishers) Ltd., 1959. – 207 p.
34. **Muir, J.** A modern approach to English Grammar. An introduction to systematic grammar [Текст] / J. Muir. – London: Batsford Ltd, 1972. – 149 p.
35. **Newmark, P.** Approaches to Translation. [Текст] / P. Newmark. – Oxford: Pergamon Press, 1982. – 200 p.
36. **Onysko, A.** Anglicisms in German: from iniquitous to ubiquitous [Текст] / A. Onysko // English today, 2004, vol. 20, №1. – P. 2421-2424.
37. **Parret, H.** Language and discourse [Текст] / H. Parret. – The Hague-Paris: Mouton, 1971. – 292 p.
38. **Radford, A.** Syntax: A minimalist introduction [Текст] / A. Radford. – Cambridge University Press, 1997. – 228 p.
39. **Roberts, P.** Modern grammar [Текст] / P. Roberts. – New York: Harcourt Brace College Publishers, 1968. – 439 p.
40. **Searle, J. R.** Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language [Текст] / J. R. Searle. – Cambridge: CUP, 1970. – 204 p.

41. **Searle, J. R.** Indirect Speech Acts [Текст] / J. R. Searle // Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presuppositions and Implications – Arlington: University Press, 1977. – P. 27-45.
42. **Searle, J. R.** Expression and meaning: Studies in the theories of speech acts [Текст] /J. Searle. – Cambridge. – 1979.
43. **Sinclair, J.** A course in spoken English. Grammar [Текст] / J. Sinclair. – London: Oxford Univ. Press, 1972. – 117 p.
44. **Suchsland, P.** Gesellschaftliche Funktion und gesellschaftlicher Charakter der Sprache [Текст] / P. Suchsland // Sprachpflege, 1971, №10. – S. 193-202.
45. **Taylor, J. R.** Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory [Текст] / J. R. Taylor. – Clarendon, 1995 – 295 p.
46. **Thompson, S.A.** Subject and topic: a new typology of language [Текст] / S. A. Thompson – Subject and topic. - New York, 1976. – P. 455-489.
47. **Titzmann, M.** Strukturale Textanalyse. Theorie und Praxis der Interpretation [Текст] / M. Titzmann. – München: Fink, 1977. – 470 S.
48. **Widdowson, H.** The Ownership of English [Текст] / H. Widdowson // in: Jenkins, Jenifer. World Englishes: A resource book for students. Routledge. London, 2003.
49. **Wierzbicka, A.** Acts of speech [Текст] / A. Wierzbicka // Semantik primitives. – Frankfurt/Main: Hueber Verlag, 1972. – P. 124-132.
50. **Wierzbicka, A.** Semantic primitives [Текст] / A. Wierzbicka. – Frankfurt / Main: Longmann, 1972. – 212 p.
51. **Wierzbicka, A.** Semantics: Primes and Universals [Текст] /A. Wierzbicka. – New York, 1995. – 114 p.
52. **Wiese, I.** Untersuchungen zur Semantik nominalen Wortgruppen in der modernen Gegenwartssprache [Текст] / I. Wiese. - Halle/Saale: VEB Max Nremeyer Verlag, 1973. – 150 S.
53. **Wunderlich, D.** Was ist das fiir ein Sprechakt [Текст] / D. Wunderlich // Sprechakttheorle und Semantik. Herausgegeben von G. Grewendorf. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1979 – S. 275-324.
54. **Wyld, H. C.** A History of Modern Colloquial English [Текст] / H. C. Wyld. – Oxford: Univ. Press, 1953. – 246 p.

Список использованных источников анализа на кыргызском языке

1. **Абдыразаков, А.** Жусуп Баласагын жана анан «Кутадгу билиг» дастаны [Текст] / А. Абдыразаков. – Бишкек: Кырг. улут. ун-ти, 2008. – 52 б.
2. **Айтматов, Ч.** Бетме-бет [Текст] / Ч. Айтматов // Повесттер жана аңгемелер (Өспүрүмдөр үчүн) Ч. Айтматов, Т. Садыкбеков, К. Жантөшев ж.б. / Түз. М. Адамкулов. – Фрунзе: Мектеп, 1985. – 5-44 бб.
3. **Айтматов Ч.** И дольше века длится день; Плаха; Пегий пёс, бегущий краем моря: [Текст] / Ч. Айтматов. – Романы, повесть. – Фрунзе: Кыргызстан, 1988 – 656 с.

4. **Айтматов, Ч.** Кыямат [Текст] / Ч. Айтматов. – Роман – Фрунзе: Адабият, 1988 – 349 б.
5. **Айтматов, Ч.** Эрте келген турналар [Текст] /Ч. Айтматов // Повестер / Түз. К.Асаналиев. – Фрунзе: Мектеп, 1984 – 3-94 б.
6. **Айтматов, Ч.** Эрте келген турналар [Текст] / Ч. Айтматов. – Повесть. – Фрунзе: Мектеп, 1984. – 152 б.
7. **Атантаев, И.** Мезгил шоокуму [Текст] / И. Атантаев.– Бишкек: КУУнун «Университет» басмасы, 2011. – 156 б.
8. **Байжиев, М.** Чыйыр [Текст] / М. Байжиев // Повесттер / Түз. К. Асаналиев. – Фрунзе. Мектеп, 1984 – 95-145 бб.
9. **Баласагын, Ж.** «Кутадгу билиг»: Дастан [Текст]/ Ж. Баласагын – котор. Т. Козубеков – М.: НИК, 1993 – 496 б.
10. **Бейшеналиев, Ш.** Кычан (повесть) [Текст] / Ш. Бейшеналиев // Повесттер жана аңгемелер (Өспүрүмдөр үчүн) – Фрунзе: Мектеп, 1985 – 255б.
11. **Жакыпбеков, А.** Катаан багыт [Текст] / А. Жакыпбеков // Повесттер / түз. К. Асаналиев - Фрунзе: Мектеп, 1984. – 143-278 бб.
12. **Жантөшев, К.** Чолпонбай (аңгеме) [Текст] / К. Жантөшев // Повесттер жана аңгемелер (Өспүрүмдөр үчүн) Ч. Айтматов, Т. Садыкбеков, К. Жантөшев ж.б. / Түз. М. Адамкулов. – Фрунзе: Мектеп, 1985. – 409-429 бб.
13. **Иманалиев, К.** Тагай бий (Мухамед Кыргыз) [Текст] / К. Иманалиев. – Тарыхый повесть. – Бишкек: Бийиктик, 2010. – 352 б.
14. **Исаков, И.** Достук сапарында [Текст] / И. Исаков // Ырыс алды ынтымак (очерктер, аңгемелер). – Фрунзе: Кыргызстан, 1974. – 36-39 б.
15. **Кадыркулов, А.** Насаат ырлар [Текст] / А. Кадыркулов. – Бишкек: «Эркин-Тоо», 2010. – 152 б.
16. **Касымбеков, Т.** Адай болгум кент [Текст] / Т. Касымбеков // Повесттер жана аңгемелер [Өспүрүмдөр үчүн] / Ч. Айтматов, Т. Садыкбеков, К. Жантошев Ж.Б./ түз. М. Адамкулов. – Фрунзе: Мектеп, 1985. - 256 – 384 бб.
17. **Кожожаш**: Энес [Текст] / Кожожаш / А. Акматалиевдин жалпы редакциясы менен. – Түз. К. Кырбашев. – 1-тому. – Бишкек: Илим, 1996. – 248 б.
18. **Кушубеков, К.** Улуу того чыккан барбы [Текст] / К. Кушубеков. – Роман, повесть жана аңгемелер – Бишкек: Бийиктик, 2009 – 512 б.
19. **Култаева, Ү. Б.** Турмуш чындыгы жана көркөм образ [Текст] / Ү. Б. Култаева. – Макалалар, документалдык материалдар. - Бишкек: И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекттик университети, 2008. – 88 б.
20. **Мансуров, И.** Ак бугу [Текст] / И. Мансуров // Повесттер / Түз. К. Асаналиев. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 214 б.
21. **Мансуров, И.** Ак бугу [Текст] / И. Мансуров // Повесттер / Түз. К. Асаналиев. – Фрунзе: Мектеп, 1984. – 338-418 бб.
22. **Медетов, Ж.** Сый. [Текст] / Ж. Медетов – Повесттер жана аңгемелер – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 214 б.

23. **Мияшев, Т.** Бүгүнкү дайкадар жөнүндө сөз [Текст] / Т. Мияшев // Ырыс алды ынтымак (очерктер, аңгемелер). – Фрунзе, Кыргызстан, 1974 – 19-35 б.
24. **Мураталиев, М.** Жаңы коңуш [Текст] / М. Мураталиев // Повесттер / Түз. К. Асанилиев – Фрунзе: Мектеп, 1984 – 219-283 б.
25. **Оморов, А.** Ажыбек датка [Текст] / А. Оморов. – Бишкек: «Эркин Тоо», 1996. – 80 б.
26. **Ормонбеков, М.** Асман жолунда [Текст] / М. Ормонбеков // Ырыс алды ынтымак (очерктер, аңгемелер). – Фрунзе, Кыргызстан, 1974 – 107-117 б.
27. **Осмонов, А.** Тандалган чыгармалар [Текст] / А. Осмонов. – II том. – Бишкек: Салам, 2014 – 596 б.
28. **Осмонов А.** Тандалган чыгармалар. [Текст] / А. Осмонов. – I том. - Бишкек: Салам, 2014 – 596 б.
29. **Осмонов, Ө.** Манап Бий деген ким болгон? «Манасчылык» деген эмне? (Тарыхый очерк) [Текст] / Ө. Осмонов. – Бишкек: б.у.и., 2007. – 70 б.
30. **Өмүркулов, К.** Жер касиети [Текст] / К. Өмүркулов // Повесттер / Түз. К. Асаналиев. - Фрунзе: Мектеп, 1984. – 284-337 б.
31. **Паустовский, К.** Далёкие годы. Беспокойная юность [Текст] / К. Паустовский. – Повести. – Киев: Дніпро, 1987 – 509 с.
32. **Саатов, Ж.** Эрдик элестери [Текст] / Ж. Саатов // Ырыс алды ынтымак (очерктер, аңгемелер). – Фрунзе: Кыргызстан, 1974. – 60-69 б.
33. **Садык, Алахан** (Тиллебаев С.А.) Беш молдо (Молдо Нияз, Нурмолдо, Молдо Кылыч, Алдаш Молдо, Молдо Багыш) [Текст] / Алахан Садык. – Бишкек; 2004. – 160 б.
34. **Сариев, Ж.** Сагынып кетем тоолорду [Текст] / Ж. Сариев. – Турмуштук баян, аңгемелер, эсселлер. - Бишкек: Турар, 2012 – 308 б.
35. **Сариев, Ж.** Сагынын кетем тоолорду [Текст] / Ж. Сариев. –Ырлар жана поэмалар. – 2 - акымча-кошумчаланын бас. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – 240 б.
36. **Сарногоев, Б.** Ашуудан берге отчётум [Текст] / Б. Сарногоев. – Ырлар жана поэиплар. – 2-алымча-кошумчаланын бас. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – 240 б.
37. **Сасыкбаев, С.** Бир үйдүн кыздары [Текст] / С. Сасыкбаев // Ырыс алды ынтымак (очеркер, ангекелер) – Фрунзе: Кыргызстан, 1974. – 5-18 бб.
38. **Султаналиев, С.** Жол түгөнбөйт [Текст] / С. Султаналиев // Ырыс алды ынтымак (очерктер, аңгемелер). – Фрунзе, Кыргызстан, 1974 – 92-106 б.
39. **Сыдыкбеков, Т.** Пайдага чечилген чатак (аңгеме) [Текст] / Т. Сыдыкбеков // Повесттер жана аңгемелер (Өспүрүмдөр үчүн) Ч. Айтматов, Т. Садыкбеков, К. Жантөшев ж.б. / Түз. М. Адамкулов. - Фрунзе: Мектеп, 1985. – 385-409 бб.
40. **Токомбаев, А.** (Балка) Токтобойт толкун түбөлүк. Тандалмалар [Текст] / А. Токомбаев. – Бишкек: КЭ Башкы ред., 1995. – 224 б.
41. **Токтогонов, С.** Ынтымак элдин байлыгы [Текст] / С. Токтогонов. – Бишкек, 1999. – 35 б.
42. **Тойбаев, К.** Чоң үй-бүлө [Текст] / К. Тойбаев // Ырыс алды ынтымак (очеркер, ангекелер) – Фрунзе: Кыргызстан, 1974. – 70-85 бб.

43. **Усубалиев, Б.** Түтүн. [Текст] / Б. Усубалиев. – Повесть жана аңгемелер. – Бишкек: Адабият, 1991 – 240 б.
44. **Чукулдуков, К.** Чаалыкпас чалгынчы [Текст] / К. Чукулдуков // Ырыс алды ынтымак очерктер, аңгемелер). – Фрунзе, Кыргызстан, 1974 – 86-91 б.

Список использованных источников анализа на английском языке

1. **Armstrong, Ch.** The Case of the Weirs Sisters [Текст] / Ch. Armstrong. – New York: Zebra Books, 1992. – 254 p.
2. **Brown, C. B.** The Scribbler [Текст] / C. B. Brown // Американская романтическая проза. сборник / Сост. А.Н. Николюкин (на англ. и рус. яз.) – М.: Радуга, 1984. – 523 с.
3. **Bowen, R.** Evans Above. [Текст] / R. Bowen. – New York: Berkley Prime Crime, 1998. – 214 p.
4. **Conan, Doyle A.** The Lost World [Текст] / Doyle A. Conan. – М.: Эксмо, 2014 – 288 с.
5. **Dickens, Ch.** The ghost of Art [Текст] / Ch. Dickens// Best Britis Short Stories. – Moscow: EKSMO, 2013. – P. 4-25.
6. **Fitzgerald, F. S.** The Great Gatsby [Текст] / F. S. Fitzgerald. – М.: Эксмо, 2014. – 304 с.
7. **Freneau, Philip.** The Splenetic Indian [Текст] / Philip Freneau// Американская романтическая проза. сборник / Сост. А.Н. Николюкин (на англ. и рус. яз.) – М.: – Радуга, 1984. – 523 с.
8. **Harte, B.** The Outcasts of Poker Flat [Текст] / B. Harte // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина. – М.: Эксмо, 2013. – С. 42-69.
9. **Hawthorne, N.** Dr. Heidegger's Experiment [Текст] / N. Hawthorne // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина. – М.: Эксмо, 2013. – С. 16-41.
10. **Hawthorne, N.** The Maypole of Merry Mount [Текст] / N. Hawthorne // Американская романтическая проза. – Сборник. / Сост. А.Н. Николюкин (на англ. и рус. яз.) – М.: Радуга, 1984 – С. 198-225.
11. **Irving, W.** Legend of the Rose of the Alhambra [Текст] / W. Irving // Американская романтическая проза. – Сборник / Сост. А.Н. Николюкин (на англ. и рус. яз.) – М.: Радуга, 1984 – С. 122-149.
12. **Irving, W.** Rip Van Winkle [Текст] / W. Irving // Американская романтическая проза. Сборник / Сост. А.Н. Николюкин (на англ. и рус. яз.) – М.: Радуга, 1989 – С. 66-105.
13. **Jerome, K. J.** Favorite Short Stories [Текст] / K. J. Jerome. – М.: Эксмо, 2012 – 256 с.
14. **Lawrence, D.H.** The Rocking – horse Winner [Текст] / D. H. Lawrence // Best British Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев В. Ильенко. – М.: Эксмо, 2013. – С. 26-73.
15. **Leacock, St.** 15 Best Humorous Stories [Текст] / St. Leacock. – М.: Эксмо, 2014 – 288 с.
16. **London, J.** A Daughter of the Aurora [Текст] / J. London // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина. – М.: Эксмо, 2013. – С. 70-95.
17. **Longstreet, A.B.** The Horse Swap [Текст] / A. B. Longstreet // Американская романтическая проза. сборник / Сост. А.Н. Николюкин (на англ. и рус. яз.) - М.: – Радуга, 1984. – 523 с.

18. **Henry, O.** Next to Reading Matter [Текст] / O. Henry // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина. – М.: Эксмо, 2013. – С. 124-163.
19. **Poe, E.A.** Tales of Mystery [Текст] / E. A. Poe. – М.: Эксмо, 2013 – 192 с.
20. **Shakhanov, M.** Errors of Civilization (Saga about the morals of the epoch) [Текст] / M. Shakhanov / translated into English by Walter May / – Almaty: Өлке, 1999. – 276 p.
21. **Simms** Grayling or, "Murder Will Out" [Текст] / Simms // Американская романтическая проза. сборник / Сост. А.Н. Николюкин (на англ. и рус. яз.) – М.: Радуга, 1984. – 523 с.
22. **Stevenson, R.L.** The Bottle Imp [Текст] / R. L. Stevenson // Best British Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев В. Ильенко. – М.: Эксмо, 2013. – 224 с.
23. **Steinbeck, G.** The Pearl [Текст] / G. Steinbeck. – New York: Penguin Books, 1973. – 98 p.
24. **Steinbeck, G.** Of Mice and Men [Текст] / G. Steinbeck. – New York: Penguin Books, 1994. – 106 p.
25. **Stevenson, R.L.** The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde [Текст] / R. L. Stevenson. – М.: Эксмо, 2010 – 224 с.
26. **Twain, M.** Complaint about Correspondents, dated in San Francisco [Текст] / M. Twain // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина. – М.: Эксмо, 2013, – С. 4 -15.
27. **Twain, M.** The Adventures of Tom Sawyer [Текст] / M. Twain. – М.:Эксмо, 2012 – 288 p.
28. **Welch, K.** Autumn Promises [Текст] / K. Welch. – New York: Steple Hill Books, 2004 – 252 p.
29. **Wilde, O.** Fairy Tales [Текст] / O. Wilde. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – 210 p.
30. **Wilde, O.** The Canterville ghost, LordArthur Savile's Crime [Текст] / O. Wilde. – М.: Эксмо, 2014 – 208 с.
31. **Wilkins, W.V.** The City of Frozen Fire [Текст] / W. V. Wilkins. – New York, Macmillan, 1951 – 250 p.